

С О В Е Т С К А Я Э Т Н О Г Р А Ф И Я

ISSN 0038-5050

3

1991

• НАУКА •

С О В Е Т С К А Я Э Т Н О Г Р А Ф И Я

3
Май—Июнь
1991

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1926 ГОДА ● ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

Национальные процессы сегодня

- В. А. Тишков (Москва). Этничность и власть в СССР (этнополитический анализ
республиканских органов власти) 3
В. И. Козлов (Москва). Этнос и хозрасчет (к проблеме национализма в СССР) 18

Статьи

- С. В. Соколовский (Новокузнецк). К концептуальной модели городского дема 34
А. Е. Тер-Саркисянц (Москва). Донские армяне: этнокультурная характеристика 44
Б. П. Полевой (Ленинград). Первый русский поход на Тихий океан в 1639—1641 гг.
в свете этнографических данных 56
Ю. М. Кобищанов (Москва). Полюдь в Океании 69

Из истории науки

- А. А. Сирина (Иркутск). Б. Э. Петри как этнограф 83

Сообщения

- С. В. Кузнецов (Москва). Стабильность и динамика в земледельческих традициях 93
М. И. Ищенко (Южно-Сахалинск). Формирование постоянного русского населения
Сахалина (конец XIX — начало XX в.) 102
А. Р. Артемьев (Владивосток). Об ушкунничестве в Псковской земле (XIV—XV вв.) 112
Г. В. Цулая (Москва). Из истории грузинской антропонимии 116
Ю. Ю. Карпов (Ленинград). «Каменные головы» из дагестанского селения Сагада 123

Поиски, факты, гипотезы

- И. М. Шкляж, А. В. Поздняков (Луганск). Зулусский вождь свидетельствует 126

Наши юбиляры

- Список основных трудов д. и. н. И. С. Гурвича (к 70-летию со дня рождения) 135
Список основных трудов д. и. н. М. Г. Рабиновича (к 75-летию со дня рождения) 140

Научная жизнь

- Н. Ц. Биткеев (Элиста). Международная научная конференция «„Джангар“ и проблемы эпического творчества» 141

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

- П. Скальник (Кейптаун). Понятие «политическая система» в западной социальной антропологии 144
М. В. Золотухина (Москва). Современная семья в США в исследованиях американских ученых 146

Общая этнография

- Обсуждение книги С. А. Арутюнова «Народы и культуры. Развитие и взаимодействие»: В. П. Алексеев (Москва), М. В. Крюков (Москва), А. С. Мыльников (Ленинград), С. А. Арутюнов (Москва). Ответ М. В. Крюкову 152
В. Я. Петрухин (Москва). Славяне: этногенез и этническая история. Межвузовский сборник 164

Народы СССР

- Я. В. Чеснов (Москва). Абазины. Историко-этнографический очерк 167
К. П. Калиновская, Г. Е. Марков (Москва). Г. Д. Джавадов. Народная земельческая техника Азербайджана 169

Народы Зафужбной Европы

- Т. Г. Иванова (Ленинград). Narodopisna literatura na Slovensky za roky 1901—1959 172

Письма в редакцию

- А. В. Козенко (Москва). Письмо в редакцию
Комментарий этнографа

Редакционная коллегия:

- К. В. Чистов — член-корр. АН СССР (главный редактор),
В. П. Алексеев — акад. АН СССР; С. А. Арутюнов — член-корр. АН СССР, С. И. Брук,
Н. Г. Волкова (зам. главн. редактора), Л. М. Дробижева, Т. А. Жданко,
Р. Н. Исмагилова, А. Н. Кожановский (зам. главн. редактора),
Г. Е. Марков, Р. М. Мунчаев, А. И. Першиц,
Н. С. Полищук (зам. главн. редактора), П. И. Пучков, Ю. И. Семенов,
В. А. Тишков, Д. Д. Тумаркин

Ответственный секретарь редакции Н. С. Соболев

Адрес редакции: 117334, Москва, Ленинский пр., 32 а
телефон: 938-67-42, 938-18-67

Зав. редакцией Е. А. Эшлиман

©1991 г., СЭ, № 3

В. А. Тишков

ЭТНИЧНОСТЬ И ВЛАСТЬ В СССР

(этнополитический анализ республиканских органов власти)

Данная статья продолжает нашу работу в области политической антропологии современной советской действительности, которая была начата публикацией о Съезде народных депутатов и Верховном Совете СССР, избранных в марте 1989 г. В настоящий момент мы ставим перед собой цель проанализировать с точки зрения этнонационального фактора новые структуры государственной власти, которые сложились в союзных республиках и автономных образованиях после выборов 1990 г., когда были избраны Верховные Советы республик, а также местные Советы и сформированы исполнительные органы власти.

Эта статья написана на основе главным образом первичных материалов, полученных нами из Центральной и республиканских избирательных комиссий и других источников. К сожалению, к моменту написания статьи мы не располагали данными по республикам Закавказья и намерены проанализировать их позднее.

1. Российский парламент

Выборы народных депутатов РСФСР прошли в марте 1990 г. одновременно с выборами Советов всех других уровней (автономных республик, областей и округов, областей, городов и районов). Закон о выборах, принятый старым составом Верховного Совета РСФСР, отличался от общесоюзного только тем, что не предусматривал выборы от общественных организаций, но сохранял двухступенчатую структуру высшего законодательного органа — Съезд народных депутатов и Верховный Совет, а также двойные избирательные округа — национально-территориальные и территориальные. Избирательная кампания отличалась некоторым снижением политической активности избирателей по сравнению с выборами в марте 1989 г., слабой поляризацией политических сил, приоритетом в программах кандидатов социально-экономических и общедемократических вопросов над национально-этническими, а самое главное — попыткой возникшего в ряде крупных городов леворадикального объединения «Демократическая Россия» провести на выборах своих кандидатов.

Этнический аспект в избирательной кампании отчетливо проявился только в двух случаях. Он присутствовал в программах ряда кандидатов, представлявших «российско-патриотическое» направление. Эти кандидаты (писатель С. Куныев, философ Э. Володин и другие), которые в итоге почти все потерпели поражение на выборах, обещали отстаивать интересы «русской нации», возродить величие (прежде всего историческое и духовное!) России и даже добиваться «пропорционального представительства каждой национальности во всех сферах физического и умственного труда» (из предвыборной платформы кандидата в Моссовет Т. Жижилевой), что безусловно воспринималось москвичами как заявление против нерусского населения столицы. Кроме того, во многих автономиях России остро встал вопрос об обеспечении максимально возможного представительства титульных национальностей, поскольку движение за самоуправление и суверенитет пошло в них в русле все той же парадигмы национализма, т. е. как движение «коренных наций» за самоопределение. Мощный

Этнический состав народных депутатов РСФСР

Национальность	Число депутатов	%	% в населении республики
Русские	830	78.1	81.5
Украинцы	46	4.3	2.97
Белорусы	8	0.8	0.82
Казахи	1	0.1	0.43
Татары	28	2.6	3.75
Армяне	4	0.4	0.36
Грузины	2	0.2	0.1
Немцы	8	0.8	0.57
Евреи	17	1.6	0.37
Чуваши	10	0.9	1.2
Народности Дагестана:	9	0.9	
Аварцы	3	0.3	0.37
Лезгины	1	0.1	0.17
Даргинцы	2	0.2	0.24
Кумыки	1	0.1	0.2
Лакцы	1	0.1	0.07
Ногайцы	1	0.1	0.05
Башкиры	6	0.6	0.9
Мордва	11	1.0	0.73
Поляки	2	0.2	0.06
Чеченцы	8	0.8	0.61
Удмурты	1	0.1	0.5
Марийцы	3	0.3	0.44
Осетины	6	0.6	0.27
Корейцы	3	0.3	0.07
Буряты	8	0.8	0.28
Якуты	5	0.5	0.26
Коми	7	0.7	0.23
Коми-пермяки	2	0.2	0.1
Кабардинцы	7	0.7	0.26
Ингуши	2	0.2	0.15
Тувинцы	5	0.5	0.14
Народности Севера:	8	0.8	0.13
Ненцы	1	0.1	
Эвенки	1	0.1	
Ханты	1	0.1	
Чукчи	1	0.1	
Эвены	1	0.1	
Коряки	2	0.2	
Долганы	1	0.1	
Калмыки	5	0.5	0.11
Карелы	2	0.2	0.08
Карачаевцы	2	0.2	0.1
Адыгейцы	2	0.2	0.08
Хакасы	1	0.1	0.05
Алтайцы	1	0.1	0.05
Черкесы	1	0.1	0.03
Вепсы	1	0.1	0.01

1063

100

импульс этому движению придала деятельность представителей автономий в Верховном Совете СССР и принятие закона, по которому автономные образования признавались субъектами федерации. Вопрос о представительстве малых народов на всех уровнях Советов дополнительно обострился в результате попыток некоторых крупных чиновников Центра, в том числе и прежних руководителей РСФСР, обеспечить себе избрание по национально-территориальным округам в автономиях, где легче было манипулировать мнением избирателей и контролировать исход выборов. В итоге в новом парламенте появились «адыгеец Воротников» и «якут Власов» и еще ряд аналогичных избранников.

Всего народными депутатами РСФСР (мы имеем данные на 1063 делегата, 5 вакансий к моменту обработки материалов не были заполнены) были избраны представители 47 национальностей (см. табл. 1). Это безусловно хороший показатель для многоэтнического населения России, поскольку законом не были предусмотрены какие-либо особые права и преимущества по национальному признаку. Однако нас интересует, как это представительство соотносится с этническим составом населения и в чью пользу наблюдаются те или иные диспропорции.

Этнический состав народных депутатов РСФСР отличается одной важной характеристикой при дальнейшем его сравнении с парламентами других союзных республик: основная национальность — русские, имея большинство депутатских мест, однако составляют долю (78,1%), которая меньше доли этой группы в населении РСФСР (81,5%). Аналогичная ситуация и со вторым по численности народом в РСФСР — татарами (2,6% депутатов и 3,75% населения). Однако причины этого могут быть различными.

Тот факт, что русские «не перебрали» мест в парламенте, объясним, на наш взгляд, а) низким уровнем национализма среди доминирующего народа страны, б) существующей традицией и негласной конвенцией о необходимости представительства в государственных структурах РСФСР автономий прежде всего лиц титульной национальности, что требует отступления от принципа строгого пропорционального представительства, в) более активной избирательной кампанией нерусских кандидатов и более дружной их поддержкой со стороны избирателей в автономных республиках, где степень политической мобилизации русского населения, его возможности влиять на общественную жизнь были к весне 1990 г. ниже по сравнению с титульной национальностью.

Что же касается татар, то этот дисперсно расселенный народ (только $\frac{1}{5}$ советских татар живет на территории Татарской АССР), не будучи доминирующей группой в социально-политическом плане, имеет за пределами татарской автономии ограниченные возможности для обеспечения своего представительства. Но дело здесь не просто в факте проживания большинства татар вне Татарской АССР. Украинцев в РСФСР живет меньше, чем татар, и они не имеют автономии, а избрано их народными депутатами почти в два раза больше, чем татар (46 и 28 соответственно). Видимо, необходим более глубокий анализ социального статуса различных групп, образовательного уровня и восприятия представителей этих групп остальным населением, включая этнические стереотипы. По крайней мере сделанное нами сравнение социально-профессионального и этнического состава избранных депутатов (табл. 2) не дает достаточных оснований для каких-либо существенных выводов.

Фактически все группы делегировали в парламент прежде всего партийных и советских работников, директоров промышленных предприятий и совхозов, председателей колхозов, а также представителей интеллигенции. Рабочие и колхозники попали в парламент только от крупных национальностей (русских, украинцев, татар и чувашей). Причем, в крупных промышленных городах, где одновременно высокая концентрация административных работников и интеллигенции, кандидаты из рабочих не смогли выдержать конкуренцию избирательной кампании (от Москвы был избран только один рабочий). Среди малочисленных групп, где шансы на избрание были совсем низкими, первыми в списках вероятных кандидатов оказались руководители Советов и партийные работники. Именно из этой категории сейчас рекрутируется новый слой профессиональных политиков умеренного и консервативного направления, а радикальных политиков составляет главным образом интеллигенция.

Избранный на первом съезде Верховный Совет РСФСР, куда не попали представители нескольких этнических групп (см. табл. 1), не сможет в полной мере удовлетворить ожидаемые устремления нерусского населения быть пред-

**Социально-профессиональный состав народных депутатов РСФСР
(по национальностям)**

Националь- ность	Социально-профессиональная категория							
	работн. пар- тийного и со- ветского ап- парата	директора заводов, ру- ководители ведомств	рабо- чие	кре- стьяне	работн. ум- ств. труда, производ- ств. сферы	работн. правоохр. органов	работн. общ. организаций, служители церкви	дру- гие
Русские	211	220	51	12	242	81	10	3
Украинцы	9	12	4	2	13	5	1	
Белорусы	2	4			1	1		
Казахи	1							
Татары	8	10	3		6	1		1
Армяне					3			
Грузины	1	1						
Немцы		6	1		1			
Евреи	4	5			6	2		
Чуваши	4		1	1	3	1		
Аварцы	2				1			
Лезгины								
Даргинцы	2							
Кумыки		1						
Лакцы					1			
Ногайцы								1
Башкиры	2	2	1		1			
Мордва	2	3		1	3	1		1
Поляки					2			
Чеченцы	4				3	1		
Удмурты		1						
Марийцы	2	1						
Осетины	4	1					1	
Корейцы		3		1				
Буряты	3	3		1		1		
Якуты	3			2				
Коми	1	2		2	2			
Коми-пермяки	2			1				
Кабардинцы	2	4		1				
Ингуши	1	1						
Тувинцы	2	1		2				
Ненцы	1							
Эвенки	1							
Ханты	1							
Чукчи				1				
Эвены	1							
Коряки	1					1		
Долганы	1							
Калмыки	3			2				
Карелы	2							
Карачаевцы	1						1	
Адыгейцы		2						
Хакасы	1							
Балкарцы		1						
Алтайцы	1							
Черкесы	1							
Вепсы				1				

ставленным в республиканских органах власти. Численность и характер рас-
селения целого ряда национальностей при нынешней системе выборов, когда
дополнительное число мест в парламенте предусмотрено не от народа, а от авто-
номной территории, и в будущем не позволят им иметь гарантированные места
в парламенте. Их устремления вполне естественно становятся еще сильнее, ког-
да речь идет о политических структурах на уровне автономных образований.
В ходе децентрализации роль этого звена в политических структурах будет
неизбежно возрастать и борьба за власть и представительство в них будет

только усиливаться. В настоящий момент этот процесс в сложной стадии, но его направленность, как показывает выборочный анализ данных по трем автономным республикам — Башкирии, Татарии и Якутии, становится все более определенной.

Как известно, демографическая ситуация складывалась в российских автономиях не в пользу титульных национальностей: более высокая рождаемость не смогла компенсировать быстрый рост остального населения за счет иммиграции (табл. 3).

В этой ситуации выборы 1990 г. приобрели особо драматический характер. Исходя из демографических данных представительство титульных национальностей в новых органах власти автономных республик, областей и округов должно было бы сократиться по сравнению с предыдущими составами Советов. Однако в двух из трех автономных республик, где наиболее сильно проявилось национальное движение, политическая активность татар и якутов позволила им преодолеть эту тенденцию (табл. 4). Причем, в Татарии это удалось сделать наиболее успешно на выборах в районные и городские Советы (+14,5%) и Верховный Совет республики (+8,4%), а в Якутии — в поселковые, сельские Советы (+13,7%) и районные, городские (+7,4%). В обеих республиках титульные национальности обеспечили хотя и небольшое, но все же большинство в Верховных Советах. Особенно поразителен итог выборов в Якутии, где при доле якутов в населении 33,4%, они составили 50,9% среди депутатов. Решающим фактором здесь, возможно, была не только более высокая политическая активность и солидарность якутов во время выборов, но и система формирования избирательных округов в пользу сельских районов, где проживает большинство якутов. У башкиров же в их республике несколько снизилось представительство в новых Советах по сравнению с предыдущим составом (в Верховном Совете — на 5,3%), но их доля в Советах остается более высокой, чем в населении республики.

Еще более поразительный сдвиг в пользу титульных национальностей произошел на уровне руководящего состава Советов и правительств республик. Так, в Татарии и Якутии на всех уровнях татары и якуты составляют не менее $\frac{3}{4}$ председателей Советов, а в правительстве Якутии — 70% министров — якуты. В Башкирии только на уровне сельских Советов доля башкир среди руководителей не снизилась (табл. 5). Выборы 1990 г. безусловно укрепили политическую власть титульных национальностей в автономиях РСФСР и создали мощную основу на уровне государственных структур для этнонациональных движений в этих республиках. На нынешней стадии развития этот процесс не противоречит тенденции укрепления леворадикальных политических сил, которые в итоге выборов также добились крупных успехов и создали опорные базы демократии в ряде крупных промышленных центров, особенно в Москве, Ленинграде, Рязани, Свердловске. Но по мере того как эти два важнейших направления в общественно-политической жизни России (общедемократическое и этнонациональное) расширяют свое влияние, а также географическое пространство, базовые принципы и интересы общегражданской демократизации и этнонациональная политическая парадигма неизбежно должны придти в противоречие. Через диалог, сотрудничество и взаимные уступки сосуществование этих двух центров политической силы в многонациональной России не только возможно, но и необходимо.

2. Верховные Советы республик

Выборы в Верховные Советы союзных республик (кроме Азербайджана и Грузии, где они состоялись в сентябре и октябре 1990 г.) прошли весной 1990 г. Весной же, одновременно (кроме прибалтийских республик) прошли выборы в местные Советы всех уровней (городские, районные, поселковые и сельские). Эти выборы, безусловно, имеют историческое значение, ибо они стали решающим моментом в укреплении суверенитета республик, этнонациональных движений среди крупнейших народов страны, а также некоммунистических сил

Титульная группа в составе населения автономных республик РСФСР

Автономные республики	Численность в тыс. чел. и в %				
	тыс. чел.		% в общей численности населения		1989 г. в % к 1979 г.
	1979 г.	1989 г.	1979 г.	1989 г.	
Башкирская АССР					
Башкиры	935.9	863.8	24.3	21.9	92.3
Другие	2908.4	3079.3	75.7	78.1	105.9
Татарская АССР					
Татары	1641.6	1765.4	49.1	48.5	107.5
Другие	1803.8	1876.3	50.9	51.5	104.0
Якутская АССР					
Якуты	313.9	365.2	43.0	33.4	116.3
Другие	537.9	728.9	57.0	66.6	135.5

Таблица 4

Представительство титульной национальности в Советах народных депутатов автономных республик (в %)

Советы всех уровней	Татарская АССР		Башкирская АССР		Якутская АССР	
	1990 г.	предыдущий состав	1990 г.	предыдущий состав	1990 г.	предыдущий состав
Верховный Совет автономной республики	57.6	49.2	34.0	39.3	50.9	48.5
Районные, городские Советы	64.7	50.2	26.4	26.9	65.1	57.7
Поселковые, сельские Советы	65.7	64.5	34.5	37.5	75.3	61.6

Таблица 5

Представительство титульной национальности в руководстве Советов (в %)

Исполнительные органы власти	Татарская АССР		Башкирская АССР		Якутская АССР	
	1990 г.	предыдущий состав	1990 г.	предыдущий состав	1990 г.	предыдущий состав
Совет Министров АССР	69	50	39.4	42	70	57.1
Председатели райисполкомов, горисполкомов	64.4	59.3	27	34	65.1	57.7
Председатели исполкомов, сельских и поселковых Советов	70.5	67.6	35	35	75.3	61.6

в политическом спектре ряда республик. Избранные на пятилетний срок республиканские парламенты стали действительно новыми органами власти, лишив КПСС монополии почти во всех регионах, кроме Азербайджана, Средней Азии и Казахстана. В большинстве республик Верховные Советы стали основными выразителями мощных движений титульных национальностей за суверенитет в разных его формах, вплоть до полной независимости. Хотя следует отметить, что дальнейшая политическая радикализация и рост национализма в ряде республик уже после весны 1990 г. поставили под сомнение жизнеспособность новых высших законодательных органов. В Армении и на Украине развернулось

Этнический состав Верховных Советов союзных республик, 1990 г., чел.

Национальность депутатов	Украина	Белорус- сия	Узбекис- тан	Казах- стан	Литва	Латвия	Кыргыз- стан	Таджи- кистан	Туркме- нистан	Эсто- ния	Молдо- ва
Всего	450	339	497	358	140	199	350	230	175	104	366
Русские	100	66	43	103	7	42	66	18	26	21	57
Украинцы	338	11	7	24		8	11	2	4	1	35
Белорусы	5	249		5		3	3		2		
Узбеки			386	3			28	35	12		
Казахи			13	194			3		1		
Грузины										1	
Азербайджанцы				1							
Литовцы					122						
Молдаване											254
Латыши						139					
Киргизы			2				225	2			
Таджики			13				2	173			
Армяне	1		2							1	
Туркмены			3						130		
Эстонцы										80	
Кабардинцы				1							
Балкарцы				1							
Каракалпаки			13								
Осетины			1	1			1				
Татары			6	3							
Крымские татары			3								
Евреи	4	1	2		1	3	1				
Карачаевцы							1				
Болгары	1										8
Греки				1		1					
Корейцы			1	2							
Поляки		12		1	10	1	1				
Немцы	1			14		1	5				
Дунгане							2				
Курды				2							
Турки							1				
Уйгуры			1	2				1			
Ливы						1					
Арабы			1								
Гагаузы											12

**Представительство основных этнических групп в Верховных Советах союзных республик,
1990 г., %**

Национальность	Население республики	В парла- менте	Национальность	Население республики	В парла- менте
РСФСР			Кыргызстан		
Русские	81,5	78,1	Киргизы	52,3	64,3
Украинцы	3,0	4,3	Русские	21,5	18,8
Татары	3,7	2,6	Украинцы	2,5	3,1
Евреи	0,4	1,6	Узбеки	12,9	8,0
Белоруссия			Немцы	2,4	1,4
Белорусы	77,8	73,5	Туркменистан		
Русские	13,2	19,5	Туркмены	71,9	74,3
Поляки	4,1	3,5	Русские	9,8	14,8
Украинцы	2,9	3,2	Узбеки	9,0	6,8
Казахстан			Украинцы	1,0	2,3
Казахи	39,7	54,2	Литва		
Русские	37,8	28,8	Литовцы	79,6	87,1
Украинцы	5,4	6,7	Русские	9,4	5,0
Немцы	5,8	3,9	Поляки	7,0	7,1
Таджикистан			Эстония		
Таджики	62,2	75,2	Эстонцы	61,5	76,9
Узбеки	23,5	15,2	Русские	30,3	20,2
Русские	7,6	7,8	Латвия		
Украинцы	0,8	0,9	Латыши	52,0	69,8
Киргизы	1,3	0,9	Русские	33,9	21,1
Украина			Украинцы	3,4	4,0
Украинцы	72,6	75,1	Белорусы	4,5	1,5
Русские	22,0	22,2	Евреи	0,9	1,5
Белорусы	0,8	1,1	Молдова		
Узбекистан			Молдаване	63,9	69,2
Узбеки	71,3	77,7	Украинцы	14,2	9,6
Русские	8,3	8,6	Русские	12,8	15,5
Таджики	4,7	2,6	Гагаузы	3,5	3,3
Казахи	4,1	2,6	Болгары	2,0	2,8
Каракалпаки	2,1	2,6			

активное движение за роспуск Верховных Советов и за проведение новых выборов.

Наши данные об этническом составе Верховных Советов союзных республик (табл. 6) дают возможность проанализировать некоторые итоги выборов 1990 г. Во-первых, вполне естественно, что в отличие от союзного и российского парламентов, Верховные Советы в остальных союзных республиках не столь многоэтничны по составу, хотя в них представлены основные группы проживающего в республиках населения.

Однако нас прежде всего интересует вопрос о представительстве в республиканских Верховных Советах основных этнических групп, определяющих политику и расстановку сил, а также сравнение этого представительства с этническим составом всего населения. Из табл. 7 достаточно наглядно видно, что тенденция к росту представительства в новых структурах власти титульных народов союзных республик, проявившаяся еще на общесоюзных выборах в марте 1989 г., нашла полное подтверждение на выборах год спустя. В ряде республик она была продемонстрирована в достаточно агрессивной форме по отношению к другим группам. Борьба за республиканские парламенты имела особое значение для представителей титульных народов, национальных фронтов и движений, ибо только через завоевание большинства мест эти движения обретали необходимую власть и конституционную основу.

Во всех республиках представители титульных национальностей имеют большинство мест в Верховных Советах и, кроме РСФСР и Белоруссии, их доля среди депутатов выше доли в составе населения. Наиболее заметно сверхпредставительство этих групп в Латвии (+17,8), Эстонии (+15,4), Казахстане

Этнический состав депутатов Верховного Совета Казахской ССР

Национальность	XI созыв		XII созыв	
	число	%	число	%
Всего депутатов	510		358	
Казахи	238	46,7	194	54,2
Русские	209	41,0	103	28,8
Украинцы	29	5,7	24	6,7
Белорусы	5	1,0	5	1,4
Узбеки	2	0,4	3	0,8
Татары	3	0,6	3	0,8
Немцы	10	2,0	14	3,9
Корейцы	2	0,4	2	0,6
Уйгуры	2	0,4	2	0,6
Поляки	3	0,6	1	0,3
Курды	—	—	2	0,6
Азербайджанцы	1	0,2	1	0,3
Армяне	2	0,4	—	—
Дунгане	1	0,2	—	—
Осетины	1	0,2	1	0,3
Греки	1	0,2	1	0,3
Молдаване	1	0,2	—	—
Кабардинцы	—	—	1	0,3
Балкарцы	—	—	1	0,3
Всего национальностей	16		16	

(+14,5), Таджикистане (+13), Кыргызстане (+12). Аналогичная ситуация сложилась в Азербайджане и Грузии. В Армении, которая после отъезда азербайджанцев стала почти полностью моноэтничной, вопрос о представительстве других групп уже не имеет какого-либо значения.

Русские, будучи в большинстве республик второй по численности группой, получили несколько большее представительство в Белоруссии (+6,3) и в Туркменистане (+5); они пропорционально представлены в украинском, молдовском, таджикском, узбекском и киргизском парламентах, заметно меньше представлены в Латвии (—12,8), Эстонии (—10,1), Казахстане (—9) и незначительно в Литве (—4,4). Зато украинцы везде, где они входят в число основных групп, увеличили, по сравнению с долей в населении, свое представительство (в 7 из 11 республик, не считая УССР). Заметный «урон» они понесли только на выборах в Верховный Совет Молдовы (—4,6). На наш взгляд, это свидетельствует о некотором росте антирусских настроений в республиках, а также о политической апатии и даже бойкоте выборов (как это имело место в Латвии и Эстонии) со стороны части русскоязычного населения. В отличие от выборов в марте 1989 г. (когда титульные группы усилили свое представительство главным образом за счет остальных групп, кроме русских) на выборах 1990 г. потери понесли в равной, и даже в большей степени, русские. Стимул делегировать в высший орган власти «своего национального государства» (а именно так читается в республиках новый закон СССР «О правах граждан, проживающих на территориях не своей государственности») представителей русской национальности был гораздо ниже, чем когда речь шла о делегировании депутатов в общесоюзный парламент. Главной задачей национальных движений на сей раз было обеспечение представительства титульной национальности.

Попробуем проанализировать ситуацию на примере Казахстана. Прошедшие здесь в мае 1990 г. выборы дали очень интересные результаты. В Верховный Совет XII созыва (358 депутатов, 2 места не были заполнены) были избраны представители 16 национальностей. Столько же, кстати, их было и в предыдущем составе Совета, состоявшем из 510 депутатов (табл. 8). Главный результат этих выборов — получение казахами большинства мест и резкое снижение представительства русских (вместо 209 депутатов в прошлом Совете избрано 103 депу-

Ход выборов в Верховный Совет Казахстана

Националь- ность	Выдвинуто по округам		Зарегистрировано				Избрано					
			по ок- ругам	от об- ществ. орган.	Всего		по ок- ругам		от обществ. орган.		Всего	
	число	%	число	число	число	%	число	%	число	%	число	%
Казахи	566	46,1	488	115	603	48,6	133	49,3	61	69,73	194	54,72
Русские	445	36,2	394	25	419	33,7	89	33	14	15,9	103	28,8
Украинцы	78	6,3	71	10	81	6,5	16	5,9	8	9,1	24	6,7
Немцы	40	3,3	35	6	41	3,3	12	4,4	2	2,3	14	3,9
Корейцы	15	1,2	10	—	10	0,8	2	0,7	—	—	2	0,6
Татары	12	1,0	11	3	14	1,1	2	0,7	—	—	2	0,6
Узбеки	11	0,9	8	1	9	0,7	3	1,1	—	—	3	0,8
Белорусы	10	0,8	11	1	12	1,0	4	1,5	1	1,1	5	1,4
Евреи	10	0,8	9	—	9	0,7	—	—	—	—	—	—
Азербайджанцы	9	0,8	9	—	9	0,7	1	0,4	—	—	1	0,3
Другие	33	2,7	31	4	35	2,8	8	3,0	2	2,3	10	2,8
Всего	1229		1077	165	1242		270		88		358	

тата). Но этот результат требует специального комментария. Дело в том, что КазССР была единственной республикой, которая последовала общесоюзному примеру и проводила выборы и от общественных организаций.

Если выборы по территориальным округам дали казахам 49,3% (133 депутата), то на выборах от общественных организаций казахи получили 69,3% мест (61 из 88), что и стало решающим фактором в завоевании ими большинства мест в Верховном Совете. От общественных организаций было избрано также 14 русских (15,9%), 8 украинцев (9,1%), 2 немца, 1 татарин и 1 белорус. Такой исход выборов был фактически запланирован и, видимо, не случайно в республике были сохранены выборы от общественных организаций. Партийная верхушка, руководство профсоюзов, творческих союзов, других общественных организаций, члены Академии наук КазССР традиционно состояли преимущественно из казахов и для них обеспечить желаемый исход выборов было очень просто. Помимо этого, как показывает анализ предвыборных материалов, на основных стадиях избирательной кампании уменьшалось число кандидатов от нетитульных национальностей, а представители некоторых групп (евреи) так и не попали в Верховный Совет (табл. 9).

В то же время было бы неправильно преувеличивать значение «русского фактора» в политической жизни всех республик. В Таджикистане, например, гораздо большее значение, чем вопрос о соотношении «коренного» и «некоренного населения», имеет вопрос о соотношении сил и представительстве различных регионально-клановых группировок среди представителей таджиков. В этой республике долгие годы государственно-партийная власть была сконцентрирована в руках ходжентцев (выходцев из Ленинабада, ныне — Худжанд), и социальная база верхнего эшелона власти была достаточно узкой. В то же время в последние годы в Душанбе, Кулябе, Хореге возникла достаточно многочисленная творческая интеллигенция и мобильные торговые слои, сконцентрировавшие в своих руках посреднические функции между частным сельскохозяйственным производителем и рынком. Борьба за оттеснение от власти старой номенклатуры и более справедливое региональное и социальное представительство в этой республике в 1990 г. приобрела приоритетное значение.

3. Этнический профиль депутатского корпуса

Мы имеем возможность проанализировать этнический состав депутатов Советов всех уровней, избранных в девяти из 15 республик. Выборы в местные

Этнический состав депутатского корпуса *

Национальность	Республики								
	Украина	Белоруссия	Узбекистан	Казахстан	Молдова	Латвия	Кыргызстан	Таджикистан	Туркменистан
Всего	304279	48208	73379	79003	27276	14589	13093	16359	13693
Русские	30533	3439	2598	19714	1329	1659	1952	628	692
Украинцы	262249	1033	254	5180	3243	173	286	59	91
Белорусы	1416	41453	39	994	51	315	12	9	11
Узбеки	31	2	57626	679	—	—	890	3780	1030
Казахи	22	5	3994	42904	1	—	113	23	372
Грузины	64	4	11	22	6	—	3	3	4
Азербайджанцы	67	8	114	276	75	2	51	2	47
Литовцы	19	16	5	35	3	121	1	—	3
Молдаване	2040	13	9	160	20834	4	1	1	7
Латыши	15	4	3	8	3	12045	—	—	1
Киргизы	—	1	877	45	2	—	9039	251	—
Таджики	11	—	3149	80	—	—	71	11321	2
Армяне	123	11	94	48	5	3	1	63	29
Туркмены	11	1	636	9	—	1	1	71	11112
Эстонцы	11	6	1	17	—	17	—	—	—
Абхазы	5	—	—	1	—	—	—	—	1
Башкиры	11	2	37	94	—	1	7	6	10
Буряты	3	1	4	2	—	—	1	—	1
Народы Дагестана:									
Аварцы	5	2	—	6	—	—	2	—	—
Агулы	—	—	—	—	—	—	1	—	—
Даргинцы	—	7	1	4	4	—	—	2	—
Кумыки	1	2	—	4	—	—	1	—	—
Лакцы	1	—	1	2	—	—	1	1	1
Лезгины	12	7	9	18	—	—	17	1	—
Ногайцы	1	—	—	—	—	—	—	—	—
Рутульцы	2	—	—	—	—	—	—	—	—
Табасараны	6	2	—	2	—	—	1	—	—
Цахуры	1	—	—	—	—	—	—	—	—
Кабардинцы	4	1	3	9	—	1	1	—	1
Балкарцы	4	—	1	20	—	—	19	—	—
Калмыки	1	—	2	5	—	—	21	—	—
Каракалпаки	—	—	2033	3	—	—	3	—	6
Карелы	4	1	1	2	—	—	2	1	—
Коми	15	1	—	8	1	1	1	—	1
Коми-пермяки	1	—	—	—	—	—	—	—	—
Марийцы	14	3	4	26	—	1	5	—	—
Мордвинны	41	8	13	92	7	—	6	2	1
Осетины	25	1	13	17	4	—	1	4	5
Татары	398	24	893	838	5	6	111	79	75
Крымские татары	—	—	117	—	—	—	—	—	—
Тувинцы	—	—	—	2	—	—	—	1	—
Удмурты	11	8	5	55	3	—	1	1	—
Чеченцы	6	2	1	161	—	—	8	—	—
Ингуши	3	—	1	38	—	—	—	—	—
Чуваши	52	4	19	51	1	2	9	1	6
Якуты	1	—	—	3	—	—	—	—	—
Адыгейцы	7	—	1	—	—	—	—	—	—
Алтайцы	4	2	1	5	—	—	—	—	2
Евреи	588	128	82	67	51	20	14	8	8
Карачаевцы	5	1	3	18	—	—	17	1	—
Черкесы	1	—	—	4	—	—	1	—	—
Хакасы	—	—	—	4	—	—	1	—	4
Ассирийцы	2	1	—	3	—	—	—	—	—
Гагаузы	272	6	1	4	881	—	—	—	—
Болгары	2068	4	7	51	681	—	1	2	2
Греки	666	5	10	75	1	1	8	—	—
Корейцы	20	3	389	335	—	—	30	10	8
Китайцы	—	1	2	10	—	—	—	—	—

Национальность	Республики								
	Украи-на	Бело-руссия	Узбеки-стан	Ка-зах-стан	Мол-дова	Лат-вия	Кыр-гыз-стан	Таджики-стан	Туркме-нистан
Финны	—	1	—	3	—	1	—	—	—
Чехи	—	1	2	8	10	—	—	—	—
Поляки	945	1973	5	501	19	208	5	1	1
Немцы	186	16	81	5380	19	6	200	23	16
Венгры	1257	—	—	3	11	—	—	—	—
Дунганы	—	—	2	128	—	—	104	—	—
Иранцы	1	—	—	12	—	—	—	2	—
Кумандинцы	—	—	—	1	—	—	—	—	—
Курды	—	—	2	88	—	—	25	—	7
Румыны	907	—	—	8	22	—	—	—	—
Турки	—	—	9	127	—	—	38	—	2
Турки-месхетинцы	—	—	89	—	—	—	—	—	—
Уйгуры	—	—	80	531	—	—	—	1	7
Хемшинцы	—	—	—	1	—	—	5	—	—
Цыганы	—	—	—	1	7	2	—	—	—
Шведы	—	—	—	1	—	—	—	—	—
Тюрки	—	—	—	—	—	—	1	—	—
Ливы	—	—	—	—	—	1	—	—	—
Сербы	2	—	—	—	1	—	—	—	—
Афганцы	—	—	—	—	—	—	—	1	7
Белуджи	—	—	—	—	—	—	—	—	90
Берберы	—	—	—	—	—	—	—	—	2
Ироны	—	—	—	—	—	—	—	—	28
Арабы	—	—	14	—	—	—	—	—	—
Индусы	—	—	1	—	—	—	—	—	—
Персы	—	—	27	—	—	—	—	1	—
Абазинцы	1	—	—	—	—	—	—	—	—
Албанцы	41	—	—	—	—	—	—	—	—
Испанцы	2	—	—	—	—	—	—	—	—
Итальянцы	2	—	—	—	—	—	—	—	—
Қараимы	3	—	—	—	—	—	—	—	—
Крымчаки	2	—	—	—	—	—	—	—	—
Латгалцы	1	—	—	—	—	—	—	—	—
Македонцы	22	—	—	—	—	—	—	—	—
Монголы	1	—	—	—	—	—	—	—	—
Словаки	5	—	—	—	—	—	—	—	—
Таты	1	—	—	—	—	—	—	—	—

* Список народов, полученный из центризбиркома не совпадает с принятой их классификацией.

советы для участников политической драмы, начиная от главных стратегов и кончая рядовым избирателем, не имели столь большого значения и престижной притягательности. Пожалуй, только в прибалтийских республиках, где выборы в местные органы власти прошли раньше (и до выборов в Верховные Советы), вопрос о формировании Советов из сторонников народных фронтов был частью большой стратегии. Выдвижение кандидатов и избирательная кампания не сопровождались очень резким столкновением политических стратегий и высоким уровнем состязательности. Во многих местных сельских и поселковых Советах организаторам выборов трудно было обеспечить даже минимальное число кандидатов, т. е. заполнить имеющиеся места. Только, пожалуй, в двух случаях выборы в районные Советы привлекли особое внимание. Во-первых, в некоторых союзных республиках, где этнические меньшинства стремились обеспечить свое представительство в местах компактного проживания, и, во-вторых, в автономных областях и округах, особенно на Севере. Малочисленные народы были очень активны и стремились провести на выборах как можно больше своих представителей. Благоприятный исход выборов позволил бы реализовать идею восстановления национальных Советов, более 5 тыс. которых когда-то существовали в стране и были ликвидированы во второй

Этническая структура депутатского корпуса (в %)

Национальность	Население республики	Депутаты	Национальность	Население республики	Депутаты
Украина			Белоруссия		
Украинцы	72.6	86.2	Белорусы	77.8	85.9
Русские	22.0	10.0	Русские	13.2	7.1
Болгары	0.4	0.7	Поляки	4.1	4.1
Молдоване	0.6	0.7	Украинцы	2.9	2.1
Белорусы	0.8	0.5	Узбекистан		
Казахстан			Узбеки	71.3	78.5
Казахи	39.7	54.3	Русские	8.3	3.5
Русские	37.8	24.9	Казахи	4.1	5.4
Немцы	5.8	6.8	Таджики	4.3	4.3
Украинцы	5.4	6.5	Каракалпаки	2.1	2.8
Латвия			Молдова		
Латыши	52.0	82.6	Молдаване	64.4	77.4
Русские	33.9	11.4	Украинцы	13.8	11.9
Белорусы	4.5	2.1	Русские	12.9	4.9
Украинцы	3.4	1.2	Гагаузы	3.5	3.2
Кыргызстан			Болгары	2.0	2.5
Киргизы	52.3	68.8	Таджикистан		
Русские	21.5	14.9	Таджики	62.2	69.2
Узбеки	12.9	6.8	Узбеки	23.5	23.1
Украинцы	2.5	2.2	Русские	7.6	3.8
Туркменистан			Киргизы	1.3	1.5
Туркмены	71.9	81.1			
Русские	9.8	5.0			
Узбеки	9.0	7.5			

половине 30-х годов. В ряде случаев местные выборы могли создать легальную основу для конституирования более крупных национально-территориальных образований (например, в районах проживания гагаузов и русских в Молдове, или малочисленных народов на Дальнем Востоке).

Для этнополитического анализа выборы в областные, городские, районные и сельские Советы, однако, имеют не меньшее значение, ибо их исход определялся не столько сильным внешним воздействием, в том числе со стороны средств массовой информации, сколько внутренними факторами (этническим составом населения данной местности, ситуацией в сфере межэтнических отношений, внутренними установками избирателей, непосредственным знакомством с кандидатами). Имеющиеся у нас данные по этническому составу всего депутатского корпуса в девяти республиках (табл. 10) могут быть предметом более детального анализа. Мы только рассмотрим вопрос о представительстве основных групп в местных органах власти. Именно эти власти имеют каждодневные контакты с населением, претворяя в жизнь или наоборот, саботируя указы президента, гася или, напротив, разжигая межэтнические конфликты.

Характер представительства основных групп среди депутатов всех избранных Советов (а это только по девяти республикам без РСФСР составляет свыше 590 тыс. депутатов) принципиально не отличается от характера этнического представительства в Верховных Советах. По всем республикам, по которым у нас имеются данные, мы наблюдали ту же тенденцию увеличения представительства титульных национальностей в органах власти по сравнению с их долей в населении (табл. 11).

Однако различия имеются и они довольно интересны. Если по составу республиканских парламентов можно судить о степени развития этнонационализма среди титульной элиты и о соотношении сил между основными группами населения на уровне общереспубликанских политических структур и лидеров, то по составу местных Советов легче сделать выводы о массовых настроениях и

межэтнических установках населения, степени его политизации и вовлеченности в общественные движения.

Разумеется, избиратель был во всех случаях один и тот же и даже одновременно получал на руки бюллетени для голосования в Верховный Совет и в Советы других уровней, но калибр кандидатов в депутаты, масштабы агитации и информации, а также возможности выбора во время голосования были различными. Поэтому и общая картина по выборам всех Советов отличается от результатов выборов в Верховные Советы.

Например, казахи, молдаване и таджики, добившись максимально возможного на выборах в парламент, смогли или подтвердить примерно такой же результат по всем Советам (в Казахстане), или же получить менее благоприятные результаты (в Молдове и Таджикистане). Это означает, что, например, в Молдове титульная национальность в массе своей настроена менее националистически, чем ее элита, гораздо больше влиявшая на выборы в Верховный Совет, или же нетитульные группы населения (украинцы, русские, гагаузы, болгары), настроенные в массе достаточно националистически, но, будучи ограничены в своих возможностях провести депутатов в Верховный Совет, на выборах в местные Советы не позволили отобрать «свои» места. Действительно, болгары, гагаузы и украинцы (о русских речь пойдет отдельно) в Молдове представлены в депутатском корпусе вполне пропорционально.

Несколько иная ситуация наблюдается в республиках, где в парламентах титульная национальность представлена более или менее пропорционально (Украина и Туркменистан) или даже недопредставлена (Белоруссия), а в общем депутатском корпусе ее представительство оказалось значительно выше доли населения (украинцы +13,6%, туркмены +9,2, белорусы +8,1%). Для этого феномена возможно несколько объяснений.

Одно из них состоит в том, что верхний слой политических активистов и организованные общественные движения настроены менее националистически, чем основная масса населения. Для Украины и Белоруссии это допущение (на момент выборов в марте 1990 г.) вполне корректно, но для Туркменистана — весьма проблематично и нам не совсем ясно, почему у этой республики ситуация отличается от Таджикистана.

Здесь, возможно, действовал другой фактор — более высокая концентрация моноэтнического титульного населения в сельской местности, где избирательные округа меньше, а депутатов «на душу населения» приходится больше. Пожалуй, только на Украине титульная национальность не уступает по уровню урбанизации остальному населению, но и здесь украинцы как численно доминирующий народ естественно использовали подавляющее большинство сельских и поселковых Советов для укрепления собственного представительства. Возможно, что этот факт (чисто демографический) является главным для объяснения итогов выборов на местах.

И, наконец, есть республики, где и без того «национальный» (естественно, речь здесь идет только о составе) парламент республики был решительно подкреплен еще более благоприятным для титульной группы результатом на выборах местных органов власти. Под эту категорию попадают прежде всего Латвия и Кыргызстан: доля латышей в депутатском корпусе на 30,6%, а доля киргизов — на 14,5% выше, чем доля в населении.

Но одна тенденция является общей для всех республик — это дальнейшее снижение в местных органах по сравнению с Верховным Советом и с долей в населении представительства русских (табл. 12). Именно эта группа (а не группы этнических меньшинств) понесла самые большие потери и именно за ее счет было получено дополнительное представительство титульными народами. Этот феномен невозможно объяснить только ростом антирусских настроений на массовом уровне в республиках или же слабой организованностью русских и их гражданской пассивностью в иноэтничной среде, но факт сам по себе бесспорен и он может иметь крупные политические последствия в масштабах

Сравнение представительства титульных национальностей и русского населения в парламентах и депутатском корпусе в целом

Республика и национальность	% населения республики	% депутатов Верх. Совета	% всех депутатов
Украина			
Украинцы	72.6	75.1	86.2
Русские	22.0	22.2	10.0
Белоруссия			
Белорусы	77.8	73.5	85.9
Русские	13.2	19.5	7.1
Узбекистан			
Узбеки	71.3	77.7	78.5
Русские	8.3	8.6	3.5
Казахстан			
Казахи	39.7	54.2	54.3
Русские	37.8	28.8	24.9
Латвия			
Латыши	52.0	69.8	82.6
Русские	33.9	21.1	11.4
Молдова			
Молдаване	64.4	87.1	77.4
Русские	12.9	5.0	4.9
Кыргызстан			
Киргизы	52.3	64.3	68.8
Русские	21.5	18.8	14.9
Таджикистан			
Таджики	62.2	75.2	69.2
Русские	7.6	7.8	2.8
Туркменистан			
туркмены	71.9	74.3	81.1
Русские	9.8	14.8	5.0

всей страны. По крайней мере, закономерно ожидать политической мобилизации и выступлений русскоязычного населения за изменение сложившегося баланса сил в органах власти, что может привести к новому раунду межэтнических конфликтов.

Выводы

В полном соответствии с общей логикой начатой сверху перестройки процесс обновления структур власти также пошел в целом от Центра к периферии. Однако темпы и специфика формирования новых политических структур в разных регионах и республиках оказались различными. В большинстве случаев радикализация на уровне столиц союзных республик и крупных городов опередила исходившие из Кремля первоначальные импульсы. М. С. Горбачев и его окружение не смогли по ряду объективных и субъективных причин признать, что инициированный ими процесс демократизации не может одновременно не быть процессом децентрализации, ослабления личной власти, разгосударствления общественной жизни, развития гражданского самоуправления всех уровней, личностной и групповой автономии. Образовавшийся вакуум плюралистических структур и других институтов свободного гражданского общества, через которые индивиды и группы, в том числе этнические, реализуют свои права и жизненные интересы, был заполнен другими силами и чувствами. Этими силами стали политическая практика и идеология национализма, трактующие этнические общности, называемые нациями (в отличие от общемирового понимания наций как согражданств), как легитимизирующую основу для государственности и функционирования общественных структур.

Объективной основой для взрыва этнонациональных движений в разных их формах стало наличие в стране большого числа культурно-языковых общностей, сохраняющих компактные территории проживания, хозяйственную и куль-

турную отличительность, высокий уровень самосознания и социальной мобилизации, межпоколенную память об исторических несправедливостях, включая преступления этноцида и лишения государственности. В отличие от Центра, где на уровне высшего руководства и в политической риторике парламентариев основной целью перестройки признается коренная демократизация общества и улучшение социальных условий существования его граждан, на уровне республик и автономий этот процесс приобрел другой приоритет — борьба за суверенитет, государственную независимость, экономическую самостоятельность, сохранение языка и культурной самобытности и т. н. «коренных наций».

Этот процесс оказался далеко не тождественен процессу общегосударственной демократизации, ибо его определяющим моментом стал национализм в форме идеи самоопределения и создания «собственного» государства одной из этнических групп (пусть даже численно и культурно доминирующей), проживающей в многонациональных территориально-административных образованиях СССР. Сначала по лицемерию, а затем по близорукости и невежеству архитекторы старых и новых конституционных устройств называли и продолжают называть эти образования «национальными государствами».

Поборники этнического национализма, как наиболее понятной и близкой для слабо модернизованных масс основы коллективного действия, в конечном итоге перехватили инициативу общественных преобразований. Выборы 1990 г. не только покончили с монополией одной партии на власть и подорвали безграничные полномочия Центра, но привели к власти новые силы — этническую элиту титульных национальностей, провозгласивших свои собственные программы и лозунги. Эти программы находят широкую поддержку у населения республик и обладают огромной мобилизующей силой, в том числе и для процессов социального переустройства и демократизации. Но, как часто бывало в истории, национализм заключает в себе и деструктивные начала, порождает конфликты и насилие, ведет гражданское общество в трагические тупики. Это происходит, когда элита доминирующей группы ограничивает понятие «нации» и государственности исключительной прерогативой этой группы, когда для реализации мифотворческой «национальной идеи» сотни тысяч людей втягиваются в неразрешимые конфликты, когда право на гражданство собираются толковать не как право свободного выбора личности, а как дар за патриотизм и «служение нации». Все это уже есть на политической арене СССР и грозит сменить один гигантский трагический эксперимент пятнадцатью новыми далеко не мини-трагедиями.

© 1991 г. СЭ, № 3

В. И. Козлов

ЭТНОС И ХОЗРАСЧЕТ

(к проблеме национализма в СССР)

Три группы проблем — экономических, национальных, экологических, — обострившихся в годы перестройки и не только осложнивших ее предполагаемое ранее развитие, но и угрожающих самому существованию советского общества, в околonaучной публицистической литературе, да и в научных работах, обычно рассматриваются независимо друг от друга, хотя между ними имеется

много явных и скрытых связей и «перекрытий». Это относится как к национальным и экологическим проблемам, связи между которыми целесообразно рассмотреть в специальной статье, так и к национальным и экономическим проблемам, связи между которыми стали предметом дискуссии на страницах «Советской этнографии»¹. Напомню, что вначале эта дискуссия развернулась в журнале «Коммунист», где была опубликована статья В. Коротеевой, Л. Перепелкина и О. Шкаратана «От бюрократического централизма к экономической интеграции суверенных республик» (1988, № 15), в которой проводилась мысль о закономерности и экономической потребности развития суверенно-сепаратистских движений в союзных республиках и их полезности для нормального воспроизводства этносов. В последовавших за нею статьях В. Тишкова «Народы и государства» (1989, № 1) и особенно С. Чешко «Экономический суверенитет и национальный вопрос» (1989, № 2) эта отнюдь не бесспорная идея подверглась критическому анализу. Л. С. Перепелкин и О. И. Шкаратан продолжили начавшуюся дискуссию в более пространной статье «Экономический суверенитет республик и пути развития народов (теоретическая дискуссия вокруг вопросов практической жизни)» (Сов. этнография. 1989, № 4), за которой последовали обстоятельная статья С. В. Чешко «Антитезисы к тезисам» и сравнительно короткий ответ на нее Л. С. Перепелкина «Возвращаясь к напечатанному» (Сов. этнография. 1990, № 4). Отмечу также статью С. А. Арутюнова «Об этнокультурном воспроизводстве в республиках» (Сов. этнография. 1990, № 5), автор которой, насколько можно понять², разделяет основные выводы Л. С. Перепелкина и О. И. Шкаратана.

Проблематика, поднятая в названных статьях, чрезвычайно актуальна и важна как в теоретическом, так и в практическо-политическом отношении. Эта оценка не может быть нарушена даже медлительностью дискуссии, обусловленной длительными перерывами между очередными публикациями: можно утверждать, что актуальность и важность обсуждаемых вопросов сохранится еще в течение длительного времени. Это обстоятельство, а также тот факт, что данная проблематика уже разрабатывалась мною в прошлом³, побудили меня к участию в развернувшейся дискуссии. Мои воззрения на соотношение этноса и экономики, этнической и экономической общности, изложенные около 20 лет назад, не претерпели существенных изменений, а потому скажу сразу же, что намерен уделить основное внимание, как и С. В. Чешко, критическому анализу идеи о существовании якобы органической связи между этими общностями, число сторонников которой в дискуссии странным образом сократилось с трех до одного Л. С. Перепелкина. Меня настораживает резкий тон «ответа» Л. С. Перепелкина, вроде того, например, что «в рассуждениях С. В. Чешко, касающихся форм государственного устройства, я также (!) не нашел ничего, кроме словесной эквилибристики (!) и набора трюизмов (!)» (с. 29). Но надеюсь, что в будущем Л. С. Перепелкин не станет допускать таких «неакадемических» выражений.

Важность и актуальность развернувшейся дискуссии обусловлены тем, что за ней стоит почти никем не предвиденный еще 5 лет назад, а ныне представляющийся многим уже неотвратимым развал Советского Союза, как изначально противоречивого по своей унитарно-федеративной сути государства. В условиях пока неудавшейся экономической перестройки, которую философ и писатель А. Зиновьев метко назвал «катастрофкой», союзные республики, официально считающиеся «суверенными государствами в составе суверенного государства», стали реализовывать свой суверенитет, очевидно, надеясь таким образом не только спасти свои хозяйства от окончательного хаоса и упадка, но и укрепить жизнеспособность «титulyных» наций. В настоящее время уже отчетливо видна тенденция некоторых республик к полному государственному суверенитету с введением не только своего гражданства, своей валюты и таможенно-государственной границы, но и своих воинских частей для охраны этой границы, а также полицейских частей для поддержания внутреннего порядка; другие

республики выступают за фактический суверенитет с созданием конфедерации, но ее сущность и контуры пока неясны. Вот именно этим тенденциям Л. С. Перепелкин с соавторами (в дальнейшем речь пойдет главным образом о его статье с О. И. Шкаратаном) и пытаются дать теоретическое обоснование. Самим себе они явно представляются «радикалами», а своих оппонентов мыслят «консерваторами», «сторонниками жесткого централизма», восходящего к сталинизму. Суть проблемы от этого не проясняется, потому перехожу к фактам.

Вначале тенденции сепаратизма проявились в полную силу в республиках Прибалтики, включенных в Советский Союз в 1940 г. недемократическим путем, в том числе в Эстонии, которую авторы наиболее часто используют в своей аргументации как пример негативных последствий «унитаризма». Сравнив Эстонию с Финляндией, которая когда-то по уровню своего социально-экономического развития даже несколько уступала буржуазной Эстонии, а затем благодаря сохранению своего политического и экономического суверенитета по многим показателям «серьезно опередила» Эстонию, Л. С. Перепелкин и О. И. Шкаратан пишут, что «в сознании жителей Эстонии закономерно возникло и существует представление о том, что не все потенциальные возможности этой маленькой республики реализовались, что, сложись судьба этой земли в до- и послевоенное время иначе, итог был бы другим» (с. 43). Из этих рассуждений напрашивается и делается вывод о неэффективности унитаристской экономической системы, о том, что стремление к экономической автаркии «субъектов хозяйствования (т. е. республик. — В. К.) — неизбежное следствие унитаризма, расплата (!) за отсутствие самостоятельности» (с. 43—44), а, следовательно, регионально-республиканская экономическая самостоятельность и сепарация должны всячески поддерживаться.

Факты — упрямая вещь, и я не собираюсь оспаривать приводимые авторами в специальной табл. 3 сведения о том, что по некоторым важным показателям Эстония отстает от Финляндии. Впрочем, из той же таблицы следует, что некоторые показатели оказались в Эстонии выше, чем средние по СССР, а по урожайности зерновых и бобовых — важнейшему показателю сельскохозяйственного развития — Эстония в 1,5 раза превзошла Финляндию; можно было бы привести и другие данные, свидетельствующие о том, что в составе большого унитарно-федеративного Советского государства жителям Эстонии было не так уж плохо. Конечно, людям свойственно мечтать о том, «как хорошо было бы, если бы...», но специалистам следовало бы учесть, что в столкновении таких титанов, как нацистская Германия и Советский Союз, сменившемся после войны конфронтацией Советского Союза с бывшими союзниками, у маленькой Эстонии не было никаких шансов сохранить прежний суверенитет: если бы она не была включена в СССР в 1940 г., то она была бы все равно оккупирована гитлеровцами в 1941 г., а после освобождения ее в 1944 г. была бы либо включена в состав СССР, либо превратилась бы в его сателлита с просталинским режимом, как это произошло со всеми другими освобожденными советскими войсками странами Восточной Европы. Формальное сохранение Польшей, Чехословакией, Венгрией, Болгарией, Румынией политического суверенитета с членством в ООН и более реального экономического суверенитета со своей денежной системой, таможенными границами и прочими атрибутами (чего добиваются эстонские сепаратисты) не очень способствовало их социально-экономическому развитию. А отсюда следуют два вопроса: 1) что же было основной причиной отставания Эстонии от Финляндии — присоединение ее к более мощному государству с унитарно-федеративной экономикой или социально-политический строй этого государства, влияющий на организацию хозяйственной жизни, и 2) насколько правильна установка на то, что при политической сепарации республиканской части прежде единого народнохозяйственного комплекса страны удастся легче «перестроиться» и поднять свое благосостояние, чем оставаясь в границах этого «перестраивающегося» государства? Повременю пока с ответом на эти важные вопросы, по существу

обойденные (особенно первый) вниманием участников дискуссии, и перейду к другому аспекту рассматриваемой проблемы.

Аргументация за республиканский сепаратизм со стороны его якобы очевидных экономических «выгод» дополняется и усиливается аргументацией со стороны его «выгод» для существования и развития «титulyных» республиканских наций. Последняя ведется с позиций национальной (этнической) парадигмы, сущность которой состоит в том, что жизнь человеческого общества и составляющих его людей мыслится преимущественно в национальных (этнических) формах; каждая национальная (этническая) общность с ее языково-культурными и другими особенностями представляется чем-то вроде биологического вида, исчезновение которого обедняет генофонд Земли (в данном случае культурный «генофонд» человечества), поэтому сохранение специфики такой общности должно обеспечиваться всеми возможными средствами. Лучшим из них обычно считается обособление народа в границах своей государственности при ограничении контактов с иноэтническими группами, порицание этнически смешанных браков и т. д. Применительно к Советскому Союзу решение национального вопроса в духе такой парадигмы мыслится путем превращения национальных республик и областей в своего рода этнокультурные заповедники, а национальной политики — в комплекс мер по охране и воспроизводству в них национального языка и культуры.

От национальной (этнической) парадигмы, широкое распространение которой обусловлено приобретенным в детстве этноцентризмом, идут пути к концепциям национализма — шовинизма «титulyных» республиканских наций, к утверждениям, что каждая республика создана для соответствующей нации, что эта нация является на всей ее территории хозяйкой и имеет право на различные привилегии по сравнению с иноэтническими группами, а если кому-то это не по душе, то они могут уехать в «свою» республику (если таковая имеется) и пользоваться там правами «хозяев»⁴. Такие концепции сформировались еще в доперестроечный «застойный» период, когда некоторые республики превратились в своего рода удельные княжества под властью местных владык типа Рашидова, но обрели гласность главным образом в связи с демократизацией жизни советского общества. Так, лидеры возникших в Эстонии и Латвии «народных фронтов» (а в Литве — «Саудис») открыто связывают отсутствие должной суверенности республик в составе Советского Союза с развитием миграций на их территорию иноэтнических групп, преимущественно русских, с распространением там русского языка, национально-смешанных браков, интернациональных элементов общесоветской культуры и соответственно стеснением национального языка, культуры, с ослаблением якобы жизнеспособности «титulyных» наций. Раздались открытые призывы к тому, чтобы русские «оккупанты» убралась восвояси на свою территорию, и под влиянием «народных фронтов» были приняты законы, фактически способствующие вытеснению русскоязычных групп, в частности закон о придании языку «титulyных» наций статуса «государственного» (т. е. обязательного для изучения и использования всеми жителями соответствующей республики), законы, ущемляющие избирательные права таких групп, и др.

Пытаясь отстоять свои гражданские права, русскоязычные группы и другие этнические меньшинства стали организовываться в «интерфронты», апеллировать к своим соплеменникам, живущим за пределами республик Прибалтики, устраивать забастовки, а в районах, где они составляют большинство жителей, оказывать прямое неповиновение республиканскому правительству. Среди них возникло опасение, что их положение может ухудшиться, в случае, если республики добьются полного суверенитета, отгородятся подлинно государственной границей и введут в действие свои войска и полицейские силы. Поэтому они выступили против выхода республик из Советского Союза, получили поддержку со стороны Центра, но еще больше испортили отношения с титульными нациями.

Явления республиканского национализма находят в статье Л. С. Перепелкина и О. И. Шкаратана более «аккуратную», чем экономический сепаратизм, но вполне определенную поддержку, заключающуюся в идее о прогрессивности обеспечения этнического воспроизводства этническим, так сказать, хозрасчетом. Они пишут о том, что «воспроизводство этничности» нуждается не только в наличии этнической территории, но и в ее государственном оформлении. Сравнивая Эстонскую ССР с Нижегородской областью, русским жителям которой, по справедливому замечанию их оппонентов, также необходимо воспроизводить свою национальную культуру, они заявляют: «Горьковская область — часть России, а Эстония — не часть, а этническая целостность (?)» (с. 33), и, следовательно, эстонцы в пределах этой республики имеют больше прав на сохранение и развитие их этничности, чем русские в указанной области, а тем более русские в самой Эстонии.

Очень четко такая же мысль проводится в статье С. А. Арутюнова, который пишет: «На территории Грузии живут... русские, армяне, азербайджанцы и другие национальные группы. Но если у русских уроженцев Грузии помимо их родины в Грузии есть еще и Россия, а у армян — Армения, то у грузинской нации и грузинского этника для своего этнокультурного воспроизводства есть только Грузия... И совершенно справедливо будет, если основная, преобладающая часть бюджета, предназначенного для культуры, будет направлена на развитие грузинского языка, грузинской школы, грузинской прессы, грузинского театра и т. д. И точно так же на развитие абхазской культуры в Абхазии должна расходоваться большая доля ресурсов, чем на культурное развитие проживающих в ней грузин, армян, греков, русских» (указ. раб., с. 26). Итак, Эстония — для эстонцев, Грузия — для грузин, Абхазия — для абхазов и т. д. и т. п. На первый взгляд все это кажется логичным и даже «демократическим», но опять-таки повременим с выводом.

Тенденции сепаратного развития Эстонии и некоторых других советских республик, по мнению Л. С. Перепелкина и О. И. Шкаратана, отвечают глобальным закономерностям развития всего человеческого общества. Они пишут: «Если этносы — саморазвивающиеся единицы человечества, опирающиеся в своем развитии на специфическую ресурсную базу (ресурсы этнической территории. — В. К.), то общий прогресс человечества зависит от того, как организовано взаимодействие между ними. Взаимоотношения между национальными экономическими комплексами подчиняются одной мировой тенденции — их всевозрастающей специализации и углублению международного (всемирного) разделения труда (дается ссылка на учебник политэкономии. — В. К.)... Отсюда следует, что конституирование национальных экономических комплексов, их суверенитет и опора на собственные уникальные ресурсы, их специализация — неперемнное условие экономического прогресса как в мировом масштабе, так и в рамках многонациональных государств» (с. 42). Далее следует пример Бельгии, «где основные функции управления постепенно с 1971 г. передаются национальным регионам» (с. 44).

Заканчивая свою статью, Л. С. Перепелкин и О. И. Шкаратан намекают, что «ленинские федералистские принципы хозяйственного строения Союза» учитывали якобы такую глобальную закономерность, говорят, что сталинизм их нарушил и создал «унитарное государство с бюрократически-централистской системой управления экономикой» и что теперь «появился великий шанс выйти из тупика» (с. 45). «Говоря о воссоздании союзнических принципов построения нашего государства, мы должны понимать, что речь идет о демократически-революционном, антибюрократическом варианте перестройки национальных отношений. Третьего не дано. Или — или. Или с бюрократами во всем „медленным шагом, робким зигзагом“, или с передовыми силами общества динамично и решительно к новым отношениям действительно социалистического и гуманного типа» (с. 46).

Последние слова статьи Л. С. Перепелкина и О. И. Шкаратана прямо

призывают их оппонентов открыто определиться — с кем они: с бюрократами-управленцами, связанными со сталинской унитаристской системой «казарменного социализма», или с «передовыми силами общества», стремящимися, по словам авторов, к возрождению в экономике суверенитета «национальных комплексов», к построению, так сказать, национального по форме социализма с гуманным лицом. С. В. Чешко, уделивший большое внимание критике теоретических построений названных авторов, недостаточно определился в этом отношении и был уязвлен Л. С. Перепелкиным как «сторонник жесткого централизма, опирающегося на внеэкономические средства». Поэтому сразу же обещаю читателям четко определить не только свою позицию, но и позицию моих оппонентов, рассуждения которых, как, возможно, уже стали понимать читатели, не являются вполне «прогрессивными». Отмечу пока лишь излишнюю жесткость постановки ими вопроса по принципу «третьего не дано»; мне представляется более правильной позиция известного английского социолога Т. Шанина, который, рассматривая альтернативы нашего развития, не перестает утверждать, что «иное всегда дано»⁵. В данном случае это «иное» включает, к сожалению, и возможный путь к местному полуфашизму. А теперь перехожу к теории.

Вопрос о соотношении этноса и экономики, этнической и экономической общностей имеет довольно длительную историю и впервые был поднят в советской науке в середине 1960-х годов, когда развернулась дискуссия вокруг известного сталинского определения нации на основе четырех обязательных признаков, включая признак «общности экономической жизни нации». В ходе этой дискуссии одни авторы считали его важнейшим признаком нации, качественной гранью, отделяющей нацию от «народности» с присущими той якобы лишь «территориальными», а не «экономическими» связями, другие, в том числе и автор этих строк, отвергали обязательность, да и уместность, такого признака. Не стану упрекать Л. С. Перепелкина и О. И. Шкаратана только за то, что они, возможно, сами того не подозревая, разделяют сталинское представление о нации; в конце концов, ведь и в работах Сталина было немало правильных положений. Впрочем, в их рассуждениях фигурируют не нации, а все виды этносов⁶, а это делает их позицию еще более уязвимой.

Говорить о том, что этническое воспроизводство должно опираться на материальное воспроизводство, на экономику, т. е. что люди, входящие в этнос, должны питаться, одеваться; иметь жилище и т. п., это значит действительно прибегать к трюизмам; Л. С. Перепелкину и О. И. Шкаратану следовало бы самим заметить, что то же самое относится к воспроизводству любых других группировок и общностей людей, будь то региональная, конфессиональная или государственная. Встает, однако, вопрос: какая же именно группировка или общность людей наиболее тесно сопряжена с экономикой, с экономической общностью, формирующейся, как известно, на основе классово-профессионального и территориального разделения труда? Уважаемые авторы считают, что таковой является этнос, а в действительности ею является *государство*. Некоторые черты хозяйственной общности проступают, правда, у племени, являющегося одновременно и потестарной общностью, но показательно, что Ф. Энгельс, рассмотрев с материалистических позиций ранние этапы истории человеческого общества, обратил внимание только на переход от племени к государству, а не к какому-то другому типу этнической общности (скажем, «народности»). Именно государство с его территориально-административной организацией всей социально-экономической жизни, вводя свою денежную систему, налоги и таможенные границы, формирует политико-экономическую целостность. Классическая «экономическая» общность исторически складывалась в виде единого капиталистического рынка не внутри этносов, а внутри государств.

Сказанное не следует понимать в том смысле, что между этнической и экономической общностью вообще нет никаких связей. Такие связи, конечно, есть, они проявляются, например, в отмеченной В. И. Лениным важности общего языка для сложения экономических (рыночных) связей⁷. Речь идет

о том, что эти общности могут совпадать, но могут и не совпадать, так как связь между ними имеет опосредованный характер и проявляется главным образом через государственную общность. В случае возникновения национально-однородных государств все эти общности действительно совпадают, усиливая друг друга. Более того, нельзя не признать, что на ранней стадии развития капитализма наиболее типичной была тенденция к созданию именно национальных государств, к формированию национально-государственных экономических общностей. Но, во-первых, однородных в национальном (этническом) отношении государств было немного, чаще в «национальных» государствах вроде Испании и Франции имелись значительные группы этнических меньшинств и даже более или менее самостоятельные этносы. А во-вторых, такая тенденция, как, по моему мнению правильно, установил В. И. Ленин, была исторически преходящей. «Развивающийся капитализм,— указывал он,— знает две исторические тенденции в национальном вопросе. Первая: пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнета, создание национальных государств. Вторая: развитие и учащение всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д.

Обе тенденции суть мировой закон капитализма. Первая преобладает в начале его развития, вторая характеризует зрелый и идущий к своему превращению в социалистическое общество капитализм»⁸.

В многонациональных государствах, одним из которых была Россия (а именно происходившие в ней национальные процессы заслуживают особого внимания), тенденция к созданию национальных государств, т. е. к национальной сепарации, вплоть до начала XX в. не получила повсеместного развития и, во всяком случае, явно уступала второй тенденции — к межнациональной интеграции. Этому способствовало усилившееся территориальное смещение национальностей, особенно в городах, этнический состав которых часто сильно отличался от состава окружавшего их населения, как, например, у русско-еврейской Одессы на юге Украины или польско-еврейского Вильно (Вильнюса) на юго-западе Литвы. В. И. Ленин писал: «Национальный состав населения — один из важнейших экономических факторов, но не единственный и не важнейший среди других. Города, например, играют *важнейшую* экономическую роль при капитализме, а города везде — и в Польше, и в Литве, и на Украине, и в Великобритании и т. д. — отличаются наиболее пестрым национальным составом населения»⁹. И в другом месте: «Именно экономическая и политическая жизнь капиталистической страны *заставляет* на каждом шагу ломать нелепые и устарелые национальные перегородки и предрассудки... В акционерных обществах сидят вместе, вполне сливаясь друг с другом, капиталисты разных наций. На фабрике работают вместе рабочие разных наций»¹⁰. Только полностью оторвавшись от реалий, можно говорить о том, что в России того времени существовали особые экономические общности у русских, украинцев, татар или, скажем, казахов.

Следует особо отметить мысль В. И. Ленина о том, что победа социалистической революции должна привести к дальнейшему усилению тенденции межнационального сближения и интеграции. «Вся хозяйственная, духовная и политическая жизнь человечества,— указывал он,— все более интернационализируется уже при капитализме. Социализм целиком интернационализирует ее»¹¹; «Трудящиеся массы, освобождающиеся от ига буржуазии, всеми силами потянутся к союзу и слиянию с большими и передовыми социалистическими нациями...»¹². Поэтому, признавая важность включения в программу партии тезиса о праве наций на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства и сравнивая его с демократическим правом каждого из супругов на развод (которое отнюдь не является призывом к разводам), В. И. Ленин по существу вплоть до 1917 г. был открытым против-

ником федеративного устройства России, указывал на преимущества большого централизованного государства по сравнению с множеством мелких государств.

Чем могло быть вызвано изменение этих взглядов В. И. Ленина и чем был обусловлен взятый Советской властью с 1917 г. курс на создание национальных республик, а также позитивные и некоторые негативные последствия этого курса, я изложил в предыдущих публикациях по национальному вопросу в СССР, к которым и адресую интересующихся¹³. Здесь отмечу лишь, что в ходе национального строительства, проходившего главным образом в тяжелые годы гражданской войны, да и после нее, из-за сильного территориального смещения национальностей было очень трудно, а порой и невозможно основывать размежевание республик на признаке национального состава тех или иных районов. Зачастую этот признак отступал на второй план перед экономической целесообразностью, просьбами национальностей об усилении экономического потенциала соответствующих образований или какими-то другими обстоятельствами, которые сейчас трудно даже установить.

Так или иначе, состав населения всех возникших союзных и автономных республик стал многонациональным, причем в ряде случаев (особенно в автономиях) «титულная» национальность составляла меньшинство жителей. Внутри таких республик по мере развития их инфраструктуры и административно-хозяйственного управления появились некоторые признаки экономических общностей. Но эти общности охватывали все живущие в них национальности, а по своему хозяйственному значению намного уступали общесоюзной экономической общности. Никто, кажется, не пытался отнестись, например, Донбасс только к экономической общности Украинской ССР, а Караганду — к экономической общности Казахской ССР. Трудовые ресурсы довольно свободно переливались в случае экономических потребностей из одного национального региона в другой, и территориальное смещение национальностей в СССР росло. Широилось распространение русского языка, обслуживающего централизованное народное хозяйство, особенно сферу промышленности, науки и техники. В принятой на XXII съезде КПСС Программе партии было не без оснований сказано, что «границы между союзными республиками в пределах СССР все более теряют свое былое значение...»¹⁴.

Возвращаясь к рассуждениям Л. С. Перепелкина и О. И. Шкаратана, должен сказать, что их глобальные выводы о преобладающей тенденции к развитию экономики в ее национальных (этнических) формах и о том, что специализация «национальных экономических комплексов» — «непременное условие экономического прогресса», не имеют опоры в реальности. Ссылка на учебник политэкономию вряд ли кого удовлетворит, тем более что экономисты часто отождествляют «нацию» с «государством» (например, «национальный доход», «национализация земли» и пр.). Мне трудно усмотреть прогресс в том, например, что Эстония, а тем более эстонцы, будут специализироваться, скажем, на радиоэлектронике, пошиве модной одежды и ловле балтийской кильки, а Узбекистан, а тем более узбеки, — на выращивании хлопка и разведении овец. Во-первых, «эстонская» специализация не является оригинальной и во многом повторяется, например, у латышей, а во-вторых, узбеки, хотя и не могут ловить балтийскую кильку, но могут в принципе заниматься радиоэлектроникой не хуже, чем это делают малайцы. Именно в этом, а не в консервации монокультуры хлопка и будет состоять их экономический прогресс.

Нетрудно заметить также, что глобальные выводы уважаемых авторов сильно отличаются от установленной В. И. Лениным преходящей роли тенденции к национально-государственному оформлению экономики. Сейчас уже не опасно критиковать В. И. Ленина, но в данном случае его положения не критикуются, а просто не упоминаются. Надеюсь, что авторы знают ленинскую теорию национального вопроса, достаточно отраженную, например, в работах по исследованию этнических процессов¹⁵, а потому предполагаю, что они просто не наш-

ли против нее достаточных аргументов. Пример Бельгии, где в начале 1970-х годов были административно выделены валлонская и фламандская зоны, а также округ Брюсселя, представляется, как заметил и С. В. Чешко, явно недостаточным, особенно по сравнению с внушительным процессом интеграции большинства стран Западной Европы, в том числе и Бельгии, в единую экономическую и политическую общность, как по существу и предсказывал В. И. Ленин. Происходящая на фоне этой интеграции, пусть даже временная, экономическая и политическая дезинтеграция Советского Союза выглядит не «закономерностью», а каким-то анахронизмом, чуть ли не «феодализацией».

Здесь мне приходится сделать оговорку, так как прямое сопоставление процессов, протекающих в СССР (и некоторых других странах «социалистической» в недавнем прошлом ориентации), с процессами в капиталистическом мире представляется мне не вполне корректным из-за существенной разницы в организации их хозяйства, основанной в первом случае на преобладающей государственной собственности на основные средства производства, а во втором — на частной собственности. Если при частной собственности государство может регулировать развитие экономики главным образом косвенными средствами, в основном налоговой политикой, причем промышленные и иные предприятия и концерны могут свободно интегрироваться как в границах данного государства, так и вне его, то при государственной собственности экономика подчиняется централизованному управлению. Более корректно сопоставление дореволюционной России с такими полиэтническими странами Европы, как Испания и Франция, в которых основные национальности (испанцы и французы) так же, как в России русские, занимали центральные области, а другие этносы — окраинные области. В ходе такого сопоставления можно было бы и гадать о том, как могли бы развиваться экономические и национальные процессы в России, если бы она после февральской революции 1917 г. пошла по буржуазно-демократическому пути развития. После Октябрьской революции, приведшей к обобществлению (а точнее, огосударствлению) основных средств производства, такие сравнения становятся условными, как, скажем, сравнение процессов, происходящих внутри паровоза и внутри автомобиля; здесь более важно сопоставление результатов этих процессов.

Сложение и укрепление в Советском Союзе единого народнохозяйственного комплекса с централизованным планированием и управлением, что считалось основным преимуществом социалистического производства над капиталистическим, имело, надо признать, свои позитивные стороны; это позволяло, например, быстро концентрировать силы и средства на важнейших направлениях экономического развития, особенно при создании тяжелой промышленности. Тот факт, что в Советском Союзе эти преимущества не были полностью реализованы, еще не свидетельствует о какой-то якобы изначальной порочности концепции централизованного планирования и управления производством или о чрезмерной сложности такой задачи применительно к разветвленному производству в такой огромной стране, как СССР. Конечно, только за последние десятилетия народное хозяйство Советского Союза во многом усложнилось, но ведь и возможность умного централизованного управления его основными частями благодаря развитию компьютеров и систем АСУ намного возросла.

Основная беда советской экономики заключалась не столько в самой идее централизованного планирования и управления производством, сколько в идущем еще от работ К. Маркса недоучете сложностей «человеческого фактора», принципа личной заинтересованности как производителей, так и управленцев в эффективности их труда. Недостаточная заинтересованность производителей объясняется тем, что государство изымало у них в свое распоряжение свыше $\frac{3}{4}$ произведенной стоимости, управленцев — во всех их ипостасях — тем, что оплата их труда велась главным образом на основе централизованно фиксированных и опять-таки сильно урезанных ставок, по существу не зависящих от конечных результатов труда. Рост личного благосостояния сверх какого-

то уровня считался зазорным и подозрительным. Даже высшие государственные и партийные деятели — чиновники, обеспеченные в материальном отношении намного выше среднего уровня, старались скрыть свои доходы. Призывая других к экономии, они могли буквально одним росчерком пера, в нарушение прежних планов, бросать миллиарды рублей на расточительную гонку вооружений, дорогостоящие проекты вроде БАМа и на помощь зарубежным просоветским режимам. Уже из этого краткого экскурса в проблематику «социалистической», как ее называли, экономики понятно, что ее кардинальная перестройка требовала прежде всего приватизации собственности, а не раздробления прежде единого народнохозяйственного комплекса на его национально-республиканские части. Об этом достаточно свидетельствует и тот факт, что в сравнительно небольшой и сравнительно однородной в национальном отношении Болгарии, например, обладавшей государственным суверенитетом, перестройка по аналогичной модели протекает не менее трудно, чем в СССР.

Речь в данном случае опять-таки идет о приоритетах, а не об отрицании реальной роли национальных факторов, особенно применительно к СССР, где национальный вопрос был решен во многом лишь на словах. Основные цели демократической национальной политики — достижение фактического равноправия всех народов (национальностей) и всех граждан страны, вне зависимости от их этнической (национальной) принадлежности — не были, да по сути дела и не могли быть достигнуты. В ходе национального строительства в стране возникла и затем была зафиксирована в Конституции иерархическая структура национально-территориальных образований и стоящих за ними национальностей. Высшее место в этой структуре заняли 15 ныне существующих союзных республик и 14 «титulyных» наций, кроме русских, которые не были «титulyной» нацией и не пользовались привилегиями, как, кстати сказать, в прошлом они не пользовались правами «имперской» нации. По существу, только этим нациям и было предоставлено формальное право на самоопределение вплоть до политического отделения и образования самостоятельного государства. Союзные республики получали больше (чем автономии) возможности для социально-экономического и культурного развития за счет более значительной доли отчислений в их бюджет, за счет наличия своего Верховного Совета и Совета Министров, своей Академии наук (в РСФСР таковой не было) и других учреждений с престижными и хорошо оплачиваемыми должностями. Но эти возможности предназначались прежде всего «титulyным» нациям. Автономным республикам и соответствующим им «титulyным» нациям предоставлялись меньшие права, национальностям автономных областей и округов — еще меньшие.

При такой иерархии прав и возможностей в более благоприятном положении оказывались сравнительно небольшие «титulyные» нации союзных республик, в частности эстонцы. Попытка Л. С. Перепелкина и О. И. Шкаратана показать, что эстонцы и должны иметь больше прав и возможностей для поддержания своего этнического бытия по сравнению с превосходящими их по численности русскими жителями Нижегородской области на том основании, что Эстония — это «этническая целостность», а Нижегородская область — всего лишь «часть России», полагаю, мало кого удовлетворила. В подлинно демократическом обществе возможности социально-экономического и культурного обеспечения должны равномерно распределяться между всеми гражданами. То, что уважаемые авторы считают «справедливым» по отношению к русским жителям Нижегородской области, относится ведь ко всем русским областям как «частям России», а в результате в жизни и получилось, что русский этнос в целом оказался обделенным возможностями для поддержания своего этнокультурного бытия¹⁶.

Национальное неравенство, обусловленное иерархией национально-территориальных образований, было усилено санкционированной практикой предоставления «титulyным» национальностям различных привилегий перед ино-

национальными группами, прежде всего в области «кадровой политики» при продвижении на престижные и доходные места не столько в зависимости от деловых качеств, сколько по признаку национальной принадлежности. Этой кадровой политике стала служить и введенная в начале 1930-х годов паспортная система и служебные анкеты с графой «национальность». Такая практика нарушала здоровую деловую конкуренцию и тормозила прогресс как в науке и технике, так и в экономике, а также в других сферах жизни республик, но вполне устраивала элиту «титulyных» наций. По моему мнению, именно угроза нарушения такой практики в результате развития в СССР процессов межнациональной интеграции, распространения русского языка, обслуживающего такую интеграцию, ослабления значения республиканских границ, и участвовавших призывов к ликвидации отметки о национальности в паспортах и служебных анкетах побудила эту элиту к активизации движений за национально-республиканскую сепарацию гораздо в большей степени, чем их кажущаяся забота о благе рядовых граждан. Однако принцип суверенности народов не должен сводиться к суверенности республиканской бюрократии.

В годы перестройки многие авторы, стремясь завоевать популярность, стали отождествлять массовость с демократизмом, хотя история знает множество случаев, когда громадные массы людей оказывались вовлеченными в движения, не являющиеся демократическими и прогрессивными; одним из недавних примеров служит «исламская революция» в Иране. Известно, правда, что история учит лишь тому, что она никого ничему не учит; каждое поколение учится в основном на своем опыте и своих ошибках, но, по словам Бориса Годунова у Пушкина: «...наука сокращает нам опыты быстротекущей жизни». А потому мне представляется уместным и целесообразным напомнить страшную историю гитлеровского национал-социализма (нацизма), которому за несколько лет удалось превратить подавляющее большинство немцев, многие из которых до того разделяли интернациональные установки социал-демократов и коммунистов, в базу для оголтелого воинства, стремившегося поработить или уничтожить многие народы Европы и Советского Союза. Идеология и практика национал-социализма были в прошлом в советской науке, а тем более в публицистике, сильно огрублены и отчасти искажены, так как многое в них, по крайней мере «внешне», было сходно со сталинизмом; затем эта тематика была почти совсем забыта, и даже термин «нацизм» обычно заменялся «фашизмом», хотя последний больше относится к идеям Муссолини. Должен сказать поэтому, что «бесноватый фюрер», как его было принято именовать в нашей литературе, отнюдь не был сумасшедшим и завоевал свою популярность путем сочетания некоторых привлекательных идей социализма (в частности, о «социальной справедливости») с идеями национализма и шовинизма, опирающимися на широко распространенную национальную парадигму (с лозунгом «Германия — для немцев»), на идею о естественных и «законных» преимуществах своей немецкой нации и всех людей, принадлежащих к этой нации («расе»), в том числе и проживающих за пределами Германии. Основное отличие идей гитлеризма от марксизма-ленинизма, выступавшего за «интернациональный социализм», заключалось в том, что национальное выдвигалось на приоритетное место по сравнению с социально-классовым.

На развалинах «третьего рейха» немцы стали избавляться от угара национал-социализма. Не берусь судить о сложной эволюции сознания восточных немцев, оказавшихся в сталинском «социалистическом лагере», но к подавляющему большинству западногерманских немцев явно пришло покаяние и прозрение с убежденностью в том, что национализм-шовинизм несовместим с демократией и прогрессом. Полагаю, что это прозрение проступает и в принятом в ФРГ специальном законе, запрещающем выявление национальной принадлежности граждан страны. Более бдительной в этом отношении стала и общественность других европейских стран. В Великобритании и Франции это хорошо проявилось в негативном отношении к возникшим там фашист-

ским «национальным фронтам», лидеры которых твердят, что основной причиной слабого роста благосостояния их граждан является приток в эти страны сотен тысяч мигрантов из развивающихся стран, и, выдвигая лозунги «Англия — для англичан!» или «Франция — для французов», требуют выселения этих «пришельцев». Об этом свидетельствует незначительное число голосов, подаваемых за делегатов от «национальных фронтов» при выборах в законодательные и исполнительные органы.

А теперь постараюсь определить свою позицию по возможности более четко. Начну с того, что считал и считаю установленные В. И. Лениным закономерности исторической смены тенденции к национально-государственной сепарации тенденцией к межнациональной интеграции («интернационализации») реальными, проявившимися в прошлом и в России. К сожалению, Октябрьская революция 1917 г. не привела к построению подлинного социализма, экономически превосходящего капитализм и обеспечивающего, по В. И. Ленину, дальнейшее развитие процессов межнациональной интеграции. Наша страна свернула с магистрального пути развития остального человечества, что отразилось и в национальной сфере, так как процессы интеграции вступили в противоречие с процессами сепарации, условия для которых окрепли в результате создания национальных республик. Попытка Л. С. Перепелкина и О. И. Шкаратана теоретически поддержать процессы, развернувшиеся в последние годы в Советском Союзе, доказывая преобладание до сих пор в глобальном масштабе тенденции к этнохозяйственной сепарации и ее «прогрессивность», представляется мне неудавшейся и во многом надуманной. Перестройка в СССР существенно отличается от классического перехода к раннему капитализму с присущей тому тенденцией к национально-государственной сепарации. В раздроблении Советского Союза на дюжину частных государств, в его, как говорят, «балканизации», исторически прогрессивного очень мало. И если кому-то удастся подвести под этот процесс действительно теоретическую историко-материалистическую базу, то такая теория будет, вероятно, специфически локальной, а не «глобальной».

Признавая прогрессивность межнациональной интеграции, я вместе с тем признаю и демократическое право каждого народа на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства или присоединения к другому, чем-то близкому ему государству (или к другой республике). В Советском Союзе правом полной сепарации должны обладать не только часто упоминавшиеся выше эстонцы и другие «титulyные» нации союзных республик, но и другие народы (национальности) страны, которые сравнительно компактно заселяют определенную территорию и по своей материальной базе (численность этноса, естественные ресурсы, развитие экономической инфраструктуры и пр.) действительно способны к самостоятельному существованию и развитию в современных условиях жизни. Многие советские этносы, например малочисленные народности Севера, не отвечают таким условиям; недавнее преобразование Чукотского автономного округа в более суверенную Чукотскую АССР, где чукчи составляют лишь около 10% жителей, следует рассматривать более в смысле укрепления регионального хозрасчета, чем в этнически-хозрасчетном и этнополитическом плане.

Развернувшиеся движения за достижение большей суверенности республик, в том числе и особенно за выход из Советского Союза, сильно подогреваются идеями о возможных материальных выгодах за счет предполагаемого ускорения экономической перестройки, уменьшения отчислений в союзный бюджет, установления самостоятельных связей с зарубежными странами и получения от них выручки или займов в твердой валюте и т. п. Очень популярны такие идеи в республиках с богатыми естественными ресурсами, будь то лес в Карелии, нефть в Татарии и Башкирии или алмазы в Якутии; не случайно, что именно эти республики поспешили сменить статус «автономных» на более суверенный статус «союзных». Подобные идеи экономической (хозрасчетной) самостоятель-

ности возникают и в некоторых областях, например Кемеровской, Сахалинской и др., поэтому подкреплять это стремление к выгоде какой-то «теорией» о закономерной якобы этнической сегрегации опять-таки нет смысла.

Вопрос о полном политическом отделении должен решаться демократическим путем всеобщего референдума, причем очень желательно, чтобы такое решение принималось не на основе взвинченных «антиимперских» эмоций, а на основе разума, с представлением о балансе хотя бы основных возможных приобретений и потерь в результате того или иного решения. Следует учесть возможность использования материальных выгод сепарации главным образом для повышения благосостояния республиканской номенклатурной элиты и управления бюрократии, неизбежно возрастающей в случае такой сепарации, а также в интересах дельцов теневой экономики. Основные успехи экономической перестройки видятся мне, как уже отмечалось выше, в расширении приватизации и введении рыночных отношений, а эти мероприятия, как показали трудности перестройки в бывших «социалистических» самостоятельных странах, не так уж облегчаются суверенитетом.

Основной проблемой решения национального вопроса в условиях СССР является изначальное и со временем усилившееся несовпадение этнических и республиканских границ. Представляя Эстонию как «этническую целостность», Л. С. Перепелкин и О. И. Шкаратан явно игнорировали тот факт, что эстонцы составляли по переписи 1989 г. в республике лишь немногим более 60% всех жителей, в том числе в Таллинне — около половины горожан, а в прилегающих к РСФСР Кохтла-Ярвинском и Нарвском районах — незначительное меньшинство; в таком случае Российскую Федерацию, где русские составляют свыше 80% жителей, следовало бы считать еще большей «этнической целостностью», чем она в действительности не является. Латыши, также стремящиеся к сепарации, составляют в Латвии лишь немногим более половины всех жителей; казахи в Казахстане — около 40%, причем в ряде областей, граничащих с РСФСР (Карагандинской, Кустанайской, Северо-Казахстанской и др.), — явное меньшинство; якуты в своей, теперь уже «союзной» республике — менее 35% жителей; абхазы в Абхазской АССР — около 17% (грузины — свыше 45%) жителей и т. д.

Многие катаклизмы межнациональных отношений уходят своими корнями в прошлое, но за годы перестройки они настолько расширились, что теперь большинству здравомыслящих людей должно быть ясно, что эта перестройка должна была с самого начала включить в свою программу решение национального вопроса, в том числе и перестройку национально-государственного строительства, проведенного когда-то наспех в огне гражданской войны и в пылу идей о близкой, казалось, мировой революции. В целях обстоятельного решения национального вопроса в СССР было необходимо предпринять самые решительные действия для устранения фактического национального неравноправия, и если нельзя было сразу ликвидировать иерархическую структуру национально-территориальных образований, то следовало бы привести их границы в большее соответствие с этническими. Возможные при этом споры о том, кто является «коренным» жителем, а кто — «пришлым», не имеющим права претендовать на тот или иной район, как хорошо показал спор азербайджанских и армянских ученых из-за исконно этнической принадлежности районов Нагорного Карабаха, вряд ли выявляют «истину», поэтому было бы разумно основываться на демократическом принципе большинства, выявляемом в спорных случаях путем референдума. Уместно напомнить в связи с этим пример самоопределения ирландцев, которые претендовали на всю территорию острова, но затем признали демократичность выделения его северной части (Ольстера), где ирландцы составляли меньшинство, в особую единицу, оставшуюся в составе Великобритании. Это не решило ольстерский вопрос, но существенно смягчило его.

Подлинно демократическое решение национального вопроса заключается не столько в том, чтобы определить территорию, в пределах которой та или иная

национальность может считать себя «хозяйкой», сколько в том, чтобы не допустить превращения такого чувства собственности в националистическую основу угнетения проживающих на этой территории групп этнических меньшинств. Гражданские права у национальных меньшинств должны быть равны правам «титული» нации, а их языково-культурное развитие должно быть обеспечено путем предоставления таким группам национально-культурной, а в местах компактного проживания, по их просьбе, и национально-территориальной автономии, как того хотят, например, гагаузы в Молдове. В условиях уже отмеченной выше сильной неоднородности национального состава жителей большинства республик лозунги типа «Эстония — для эстонцев!», «Грузия — для грузин!», «Молдова — для молдаван!» и «Абхазия — для абхазов!», а также призывы предоставить «титульным» национальностям львиную долю бюджетных отчислений для укрепления и развития своей языково-культурной специфики представляются неразумными и опасными как крайне националистическое и шовинистическое выражение этнической парадигмы. Размеры «титульного» этноса при этом не имеют значения. Если абхазы, составляющие менее 17% жителей Абхазии, станут действительно забирать в свою пользу хотя бы 30% всех бюджетных республиканских отчислений на развитие культуры, то при всей симпатии к ним это придется квалифицировать как эксплуатацию местных грузин и других инонациональных групп республики.

И еще одно. Этническая парадигма ведет к идее о том, что высшей ценностью является этнос, малой частицей которого (своего рода «винтиком») является человек; национализм возвышает эту идею путем превознесения «своей» нации над другими, но человек и в нем выступает не как самоценная личность, но как слуга нации. Между тем высшей ценностью (как, наконец, отмечено хотя бы в проекте Конституции РСФСР) является человек, его жизнь и свобода, его «естественные и неотчуждаемые права» (здесь следовало бы добавить: «независимо от его национальной принадлежности»). Полное решение национального вопроса заключается в достижении подлинного равноправия людей всех национальностей; в нашем случае — живущих в пределах советского государства. Важной компонентой такой политики национального равноправия должна быть отмена отметки о «национальности» в паспортах и служебных анкетах при сохранении, разумеется, учета национальной принадлежности в переписях населения и в специальных обследованиях.

К сожалению, ничего в русле такой политики сделано не было. Более того, в самых верхних эшелонах власти было заявлено, что «перестройка — не перекройка», что национальные республики суверенны и что они должны стремиться к региональному хозрасчету и экономической самостоятельности. Было допущено резкое ослабление пропаганды интернационализма, составившего основу марксистско-ленинской идеологии и удерживавшего единство Советского Союза не в меньшей степени, чем репрессии против националистов. Иногда создавалось впечатление, что верховные власти как бы потворствовали развалу Советского Союза и обострению национальных отношений. Трудно установить, было ли это просто недомыслием или расчетом на то, что, только потворствуя местному национализму и связанным с ним национальным конфликтам, Центр может сохранить свое значение хотя бы в роли своего рода пожарной команды. Республиканским же лидерам показалось выгодным поддержать пропаганду национализма для завоевания там популярности и для усиления сепаратистских тенденций, хотя реально выдвижение на первый план национальных идей, как это почти всегда бывает, сильно осложнило весь намеченный ими ход политических и социально-экономических преобразований.

До недавнего времени почти во всех республиках страны национальные отношения продолжали ухудшаться, причем страдательной стороной в них чаще всего оказываются русские (или — шире — русскоязычные) группы. Активисты различных «народных фронтов», подобно зарубежным «национальным фронтам», подменяют социально-экономическую проблематику национальной

и обвиняют почти во всех республиканских бедах русских «пришельцев»; в республиках Прибалтики и Молдове их по существу открыто называют «кокупантами», в республиках Средней Азии — «колонизаторами» и т. п., хотя основная масса их является простыми тружениками, и вытеснение их ослабит народное хозяйство республик. Получение такими республиками полного политического суверенитета может привести к усилению внутри них национального (языково-культурного) угнетения, поэтому русскоязычные группы пытаются противостоять сепаратизму и там, где они расселены компактно, создать свои автономии, которые при выходе таких республик из СССР могли бы остаться в его составе.

К чему приводит национальная политика центральных и республиканских властей, видно на примере событий в Молдове, где право на самоопределение молдаване относят только к себе и где в ответ на принятые в республике дискриминационные законы, на повседневные оскорбления, угрозы и нападения, а также на стремление молдавских националистов выйти из Советского Союза и присоединиться к Румынии русскоязычные группы, численно преобладающие в районах левобережья Днестра, решили создать свою автономию. В Верховном Совете Молдовы эти группы были объявлены «врагами молдавского народа» и против них были брошены отряды милиции, вооруженные автоматами и «черемухой», а также сформированные решением Верховного Совета отряды «добровольцев» (вроде штурмовиков). Произошла схватка, появились убитые и раненые, а после этого центральное руководство, подтвердив суверенитет Молдовы и правомочность решений ее Верховного Совета, призвало конфликтующие стороны вести переговоры, которые (как и «переговоры» по НКАО) вряд ли что дадут. Начавшийся конфликт имеет тенденцию к новому обострению.

Иные действия предпринял Центр (и в этом противоречивость его национальной политики) в республиках Прибалтики, правительства которых решительно требовали полного суверенитета: здесь он решил опереться на противящиеся сепаратизму инациональные (преимущественно русскоязычные) группы. Наиболее драматичными были события в Вильнюсе, где 13 января 1991 г. армейское подразделение с танками предприняло штурм телецентра, откуда якобы велась антирусская и антисоветская пропаганда; результатом этого была гибель 13 литовцев, в том числе одной женщины, а также еще большее национальное сплочение литовцев и еще большее обострение их отношений с русскими.

Вполне присоединяясь к тем, кто осудил использование армейского подразделения против граждан Вильнюса, должен сказать, что в принципе разум не должен отступать перед эмоциями. Полагаю, что решительное использование армии против озверевших толп во время киргизо-узбекских столкновений в Ошской области, где погибло несколько сот человек, в том числе старики, женщины и дети, было бы достаточно оправданным; в конце концов, демократия не должна быть, так сказать, беззубой. Беда состоит в том, что о защите демократии говорят и в целом законно избранные республиканские правительства (здесь я должен отметить непропорционально низкий процент русских депутатов) и в целом законно избранный Верховный Совет и правительство СССР (здесь также были некоторые избирательные манипуляции). И я не вполне уверен в том, что признание приоритета республиканских законов и особенно тех, в которых есть дискриминация национальных меньшинств, является более демократичным, чем признание союзных законов и Конституции СССР.

Мне пришлось обойти вниманием армяно-азербайджанский и грузинско-осетинский конфликты, гораздо более кровопролитные, чем в Молдове и Литве и более показательные в смысле опасности перехода национализма в геноцид. Это сделано как из-за ограниченных рамок данной статьи, так и потому, что они слабее затрагивают «русский вопрос», а между тем именно положение 145-миллионного русского народа определяло и во многом будет определять

судьбу всего Советского Союза. Очень многое при этом зависит от развития русского национализма. Конечно, широко расселенным русским намного труднее сплотиться, чем например эстонцам или молдаванам, у них нет широкой организации и признанных лидеров, а потому рост их национальных чувств идет довольно медленно. Но этот процесс в условиях повсеместного обострения межнациональных отношений идет, да и не может не идти, и притеснения русских в национальных республиках могут ускорить его. Республиканским националистам следует понять, что продолжать такую политику столь же опасно, образно говоря, как тыкать палкой полусонного медведя. Кроме того, рост русского национализма может быть использован и консервативными силами Центра, а тогда общий прогресс советского общества, вероятно, будет осложнен и нарушен.

В данной статье я старался показать сложность и противоречивость национальных процессов, происходящих в Советском Союзе, обратив внимание главным образом на их связь с экономикой, оттенив лишь основные из почти незамеченных другими авторами проблем. Поэтому мне не очень хочется завершать ее, подобно Л. С. Перепелкину и О. И. Шкартану, призывом к своим оппонентам и читателям строго определиться с кем они по принципу «или — или», например: «или с интернационалистами-демократами», «или с национал-сепаратистами и профашистами». Социальная жизнь намного сложнее, чем представляется даже тем, кто считает себя «специалистом» (социологом, этнографом или этнологом, экономистом и т. п.). И «иное» в ней действительно почти всегда дано.

Примечания

¹ Ссылки на дискуссию даются в тексте статьи.

² Мне приходится сделать эту оговорку, так как сам С. А. Арутюнов свою позицию четко не определил, а в некоторых его рассуждениях недостает логики. «Весь исторический процесс, — пишет, например, он, — начиная с распада первобытнообщинного строя, представлял собой до определенного момента нарастающее „делеги́рование“ власти снизу вверх, или, точнее, узурпирование ее верхами» (указ. раб., с. 21). Так как узурпирование или захват власти с распространением ее сверху вниз противоположно «делеги́рованию» власти снизу вверх, то понять глобальный вывод С. А. Арутюнова очень трудно.

³ См. Козлов В. И. Этнос и экономика. Этническая и экономическая общности // Сов. этнография. 1970. № 6.

⁴ Подробнее см.: Козлов В. И. Национальный вопрос: парадигмы, теория, практика // История СССР. 1990. № 1.

⁵ См., например, Шанин Т. Иное всегда дано // Знание — сила. 1990. № 9.

⁶ Отмечу, что аналогичных взглядов придерживался А. Г. Агаев, который утверждал, что «экономика является бесспорным этническим признаком всякого народа». См.: Агаев А. Г. Нация, ее сущность и самосознание // Вопросы истории. 1967. № 7.

⁷ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 258—259.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 124.

⁹ Там же. С. 149.

¹⁰ Там же. С. 134.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 319.

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 36.

¹³ См. Козлов В. И. Национальный вопрос и пути его решения // Сов. этнография. 1989. № 1; его же. Национальный вопрос: парадигмы, теория, практика.

¹⁴ Материалы XXII съезда КПСС. М., 1962. С. 405.

¹⁵ См., например: Современные этнические процессы в СССР. М., 1977. Гл. 1.

¹⁶ О культурной и духовной деградации русского народа в последнее время много говорится в публицистике, но мало в научных публикациях, хотя этот вопрос заслуживает самого пристального внимания. Здесь отмечу лишь, что широкое распространение русского языка в качестве основного языка межнационального общения и в качестве базы для русскоязычной «советской» (но не «русской») культуры, а также языковая ассимиляция некоторых ранее нерусскоязычных групп скорее усложняли этнокультурное бытие русских, нежели благоприятствовали ему. Примерно так же всемирное распространение английского языка и англоязычной американской культуры не способствует этнокультурному бытию англичан. См. также: Козлов В. И. «Имперская» нация или ущемленная национальность // Москва. 1991. № 1.

© 1991 г., СЭ, № 3

С. В. Соколовский

К КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ГОРОДСКОГО ДЕМА

Специалисты в области прикладной гносеологии выделяют в эволюции научного понятия несколько основных этапов. К ним относятся становление эмпирического смысла понятия, формирование теоретического конструкта из нечеткой содержательной идеи (этап концептуализации), установление логических связей с другими понятиями данной теоретической системы, наконец, формальное определение понятия в дедуктивном представлении теории¹. Если в рамках этой теоретической схемы рассматривать понятие «дем», то мы обнаружим, что оно находится в той части своей «траектории развития», которая выше обозначена как этап концептуализации. Учитывая, что данное понятие использовалось для обозначения внутривидовых группировок с начала XX в.², темп его эволюции нельзя признать высоким. Причины столь медленной эволюции следует усматривать в свертывании в конце 1920-х — начале 1930-х годов популяционно-генетических и краеведческих исследований, в рамках которых десятки лет спустя начались исследования микроэволюционных процессов, с одной стороны, и города как особого типа среды — с другой, способствующие возникновению интереса к исследованиям демо.

Отличительная черта нынешнего этапа развития в исследованиях этого особого уровня в иерархии человеческих сообществ — их выраженный междисциплинарный характер. Демами сегодня интересуются не только антропологи и антропогенетики, но и демографы, социологи, этнографы. Решающее обстоятельство, обусловившее подобный интерес, — это, на наш взгляд, проникновение популяционного мышления во все перечисленные дисциплины. Действительно, многие современные доминирующие стили научного мышления (системный, экологический, вероятностный) связаны сложными отношениями взаимозависимости с популяционным подходом, в значительной мере обеспечившим развитие многих биологических дисциплин.

Теоретически перед исследователями открываются несколько путей построения реалистичной модели поведения такого сложного объекта, как население региона или города. Современная ситуация (не существует ни необходимой для управления таким объектом сети достаточно мощных вычислительных центров, ни отлаженной системы сбора демографической информации) вынуждает практиков использовать метод проб и ошибок. Однако ошибки при реализации той или иной системы мер в рамках региональной демографической политики оказываются, во-первых, слишком дорогими, а во-вторых, из-за слабой обратной связи и отсутствия эталонной модели об этих просчетах становится известно слишком поздно.

Второй путь, связанный с надеждами на внедрение необходимых вычислительных мощностей по сбору и обработке информации, несомненно приведет к успеху, однако требует времени.

Наконец, еще один путь, позволяющий надеяться на успешное построение эталонной модели, связан с развитием микродемографических методов, т. е. с выделением и исследованием неких элементарных и однородных единиц в демографической структуре, общностей фундаментального уровня, в границах которых и происходит реально воспроизводство населения. Изучение закономерностей демографического воспроизводства на этом уровне не связано с обра-

боткой больших массивов информации и вместе с тем позволяет разрабатывать микромоделли, из совокупности которых, как из «кирпичиков», затем строится обобщающая модель воспроизводства населения на уровне города, региона и т. д. Для более подробной характеристики этого подхода необходимо познакомиться с некоторыми проблемами, встающими перед микродемографией.

Мозаичность регионов в отношении пространственного распределения многих демографических характеристик, выявляемая в социальной географии, этнодемографии и антропологии, свидетельствует об известной искусственности границ региона, что превращает его в крайне неудобный объект для управления — ведь управляемый объект должен быть целостным и однородным в отношении тех качеств и свойств, которыми мы хотели бы управлять. Попытки снять эту проблему простым дроблением региона на демографически однородные территории наталкиваются на заложенные в математическом аппарате «большой демографии» ограничения, налагаемые на численность изучаемых групп населения. Именно поэтому микродемографический подход (с его поиском естественных границ объектов с потенциально управляемыми демографическими параметрами) ориентирован прежде всего на использование методов популяционной генетики, антропологии и экологии человека, т. е. тех наук, математические методы которых адаптированы к анализу объектов малой численности.

В теоретической биологии элементарной единицей эволюции считается популяция. Поскольку популяция по определению является целостной системой³, а ее независимость обеспечивается различными механизмами изоляции генофонда от других популяций, то, очевидно, необходимо именно популяцию считать элементарной единицей процесса воспроизводства. Экспликация входящих в данное определение понятий приводит к обнаружению его ретроспективного характера: популяцией можно назвать лишь ту группу особей, которая самостоятельно существовала на протяжении эволюционно длительного времени, имела свою эволюционную судьбу. Иными словами, если представить всю траекторию существования популяции — от ее возникновения до исчезновения (распада, вымирания и т. д.), то исследователь вправе определить ранг этой совокупности особей как «популяцию» лишь где-то во второй половине траектории. Однако если не ориентироваться на универсальное определение популяции, а попытаться выработать более узкое, пригодное лишь для человеческих сообществ, то обнаруживается, что в практике антропогенетических и антропологических исследований разработан комплекс процедур, позволяющих с определенной вероятностью классифицировать группировки людей на соответствующие и не соответствующие понятию «популяция», причем эти процедуры вскрывают актуальную подразделенность (структуру) популяции. Указанные процедуры сформировались как приемы анализа брачности, брачной миграции и принадлежат, таким образом, целиком такой сфере научных исследований, как изучение брачной структуры.

В рамках этого направления наблюдается весьма интенсивное обогащение теории за счет широкого обобщения практического опыта, которое может привести к созданию виртуального определения⁴ популяции. Особенно удачным шагом нам представляется эвристичное отождествление круга брачных связей с демом, проведенное известным советским антропологом В. В. Бунаком⁵. От популяции, как она понимается в теоретической биологии и генетике, дем отличается наличием более эластичных изолирующих барьеров (за счет их повышенной сравнительно с популяционными барьерами проницаемости) и, следовательно, меньшей временной устойчивостью. Как правило, дем существует от одного-двух до нескольких десятков поколений. Данные исследований брачной структуры обнаруживают, что междеменные барьеры способны менять свою конфигурацию под действием различных социальноэкономических факторов, что свидетельствует о потенциальной управляемости демов⁶. Поскольку дем, как и популяция, — самовоспроизводящаяся общность с единым генофондом,

т. е. характеризуется известной степенью целостности, он может быть включен в число объектов демографического исследования. Дефиниция дема как элементарной самовоспроизводящейся общности позволяет рассматривать этот уровень в популяционной иерархии как фундаментальный, а сам дем — в качестве фундаментальной структурной единицы процесса воспроизводства.

Если включение дема в ряд объектов, которыми традиционно занимаются демографы (индивид, семья, население города, региона, этническая группа и др.), выглядит естественным, то введение его в число объектов управления сталкивается с рядом трудностей, главная из которых — проблема определения границ дема. Дело в том, что границы круга брачных связей не всегда очевидны, хотя в ряде случаев, достаточно полно исследованных генетиками, они могут быть даны в наблюдении. Примерами объектов с очевидными границами являются так называемые изоляты — человеческие сообщества, все члены которых заключают браки на протяжении ряда поколений исключительно между собой. К такого рода группам относятся, например, некоторые памирские и кавказские поселения, а также островные популяции в бассейнах Атлантического, Тихого и Индийского океанов. Кроме географических изолятов существуют изоляты конфессиональные; как правило, это группы поселений в инациональной среде, брачная изоляция которых обусловлена запретом на браки с иноверцами (у нас в стране до недавнего времени такими группами были старообрядческие поселения в Сибири, меннониты, молокане, духоборы и др.; а в США — гуттериты, амиши, меннониты, мормоны). Можно привести примеры, когда в основе изолирующего барьера лежат иные факторы — этнические, лингвистические и социокультурные. Например, в исследованиях так называемого этнического пограничья установлено, что для характеристики групп пришлого инационального населения (ситуация «этнического острова») весьма типична установка на внутригрупповые браки и закрытость для инноваций⁷. Иногда, особенно на первых этапах существования групп пришлого населения, эндогамия обусловлена лингвистическими (языковой барьер) и социокультурными различиями. В некоторых случаях изоляция поддерживается сложным комплексом взаимодействующих правовых, социально-политических, этических и религиозных норм, дифференцирующих население на ряд социальных групп: классический пример — индийская сословно-кастовая система. Во всех перечисленных случаях исследователь имеет дело с локализованной группой, обладающей четкими границами брачного круга.

В иной ситуации он оказывается при изучении брачной подразделенности в крупных группах однонационального населения, где отсутствуют сколько-нибудь значительные физико-географические, конфессиональные и иные барьеры, как, например, при рассмотрении массивов однонационального сельского населения. Здесь границы демов неочевидны и выявляются с помощью ряда процедур в ходе анализа брачной миграции⁸. Однако и в этом случае обнаруживается, что демы пространственно компактны и, как правило, охватывают группу из трех-пяти смежных сел, около 80% уроженцев которых вступают во внутридемные (изолакальные) браки.

Принципиально иная ситуация при рассмотрении городского населения. Анализ его брачной миграции не в силах выявить границы брачного круга из-за огромной сравнительно с селом доли мигрантов, представляющих не только население хинтерланда, но и экономического региона в целом, а зачастую также население других регионов. Результатом этого является неустойчивый, флуктуирующий характер брачного ареала городского населения, фиксируемого в терминах мест рождения супругов. Достаточно типична следующая картина: доля местных уроженцев составляет 20%, причем доля унилокальных браков (т. е. браков между уроженцами этого города) едва достигает 5—10%; все остальные браки заключаются либо между мигрантами и местным населением, либо между мигрантами, т. е. относятся к классу дислокальных.

«Внеареальность», «дислокальность» городских брачных структур — глав-

ное препятствие для развития демографических, популяционно-генетических и антропологических исследований городского населения, так как здесь неясны популяционные границы и, следовательно, объем популяции, а при отсутствии этой информации методы перечисленных наук корректно использоваться не могут. Предложенные генетиками и экологами паллиативные модели «панмиксной» и «проточной» городских популяций огрубляют реальную ситуацию столь существенно, что их использование на практике не приносит ощутимых результатов. Таким образом, можно констатировать, что в исследованиях брачных структур городского населения до сих пор отсутствует адекватная концептуальная модель, позволяющая описывать реальную структуру городских популяций.

Поскольку использование этих моделей мы рассматриваем как фактор, тормозящий исследования популяционных структур в городах, назовем хотя бы некоторые их существенные характеристики. По поводу модели «проточной популяции» следует сказать, что она в популяционно-генетических исследованиях не используется, а встречается лишь в экологических, медико-географических и демографических работах, где ее применение носит характер метафоры, уподобляющей население молодых городов постоянно обновляющемуся «поток». Она упомянута здесь лишь потому, что, на наш взгляд, ее содержание совпадает с моделью так называемой «глобальной панмиксии», так как постоянно обновляющийся поток мигрантов в рамках данной модели ассоциируется с глобальной бесконечной и бесструктурной (неподразделенной) популяцией — известной исходной абстракцией в математической генетике.

В отличие от модели «проточной популяции» «панмиксная модель» предполагает не глобальную, а локальную панмиксию, т. е. постулирует равновероятное скрещивание, или случайное образование родительских пар в границах рассматриваемой совокупности.

Утверждение о случайности брачного выбора находится в очевидном противоречии с реальными процессами образования брачных пар в городах. В «панмиксной модели» игнорируются не только реальная половозрастная структура населения города, существенно влияющая на подбор брачных пар, но и такие факторы, как всевозможные социальные барьеры, приводящие к известной степени брачной изоляции различных групп городского населения — расовый и этнический, конфессиональный, психологический и др.

Поиск характеристик, которые могли бы использоваться для построения новой модели, следует начать с рассмотрения результатов исследования городской среды, населения и процесса урбанизации. Спектр дисциплин, изучающих данные объекты, весьма широк, и при отсутствии сформированной синтетической дисциплины нам придется обратиться к частным наукам и их результатам с тем, чтобы, суммировав накопленную в них информацию о подразделенности городских популяций (главным образом о брачной подразделенности), попытаться построить модель, не противоречащую в своих обобщениях и посылах реально наблюдаемым структурам. Наиболее важными результатами и сведениями для нашей темы располагают следующие области исследований: городская социология и этносоциология (исследования городского образа жизни, социальной мобильности, социальной детерминации брачного выбора), экология и география города (город как особый тип среды; влияние различных типов пространства на поведение человека; типология городов), этнография города и социальная психология (исследования общностей референции, социальной иерархии, этнической гетерогенности городского населения, механизмов этнокультурного воспроизводства), социолингвистика (исследования социологических, ареальных исследований, фамильный анализ) и, наконец, делающие первые шаги городская антропология и генетика городского населения, в которых исследования популяционной структуры входят непосредственно в предмет изучения. Коль скоро обзор результатов, полученных в исследованиях перечисленных областей, касается строго определенной темы —

подразделенности городской популяции, возникающей в результате совокупности брачных предпочтений, то, несмотря на внушительный список подлежащих обзору дисциплин, сам обзор не обещает быть громоздким.

Интуитивно понимаемая подразделенность городской популяции, трудно выявляемая в рамках традиционного подхода в антропогенетике, достаточно очевидным образом обнаружилась в социологических исследованиях городских брачных структур, главным образом в исследованиях социальной мобильности (внутри- и межпоколенной) и образа жизни различных социальных групп в городах. Большой удельный вес в исследованиях этих двух направлений занимали проблемы выявления механизмов и структуры трансмиссии совокупности характеристик, формирующих образ жизни той или иной социальной группы, а также проблемы воспроизводства социальных групп. Решение этих проблем в свою очередь требовало от исследователей знания закономерностей процесса социализации и, следовательно, обращения к комплексу проблем, связанных с изучением такого важнейшего канала социализации и трансмиссии культуры, как семья. Таким образом, в сферу интересов социологов вошли закономерности формирования семей, причем в исследованиях воспроизводства социальных групп особое внимание уделялось изучению межпоколенной социальной мобильности, которая связывалась не только с выбором профессии у молодежи в разных социальных группах, но и с закономерностями формирования брачных пар в связи с их собственной социально-профессиональной принадлежностью, а также профессиями и уровнем дохода или уровнем образования их родителей. В теории социальной стратификации сформировалось представление о современном урбанизированном обществе как координированной системе дифференцированных групп, каждая из которых представляет собой коллективное единство с общими интересами и целями, сходным образом жизни входящих в группу индивидов, с определенным уровнем группового самосознания. Выделяемые «группы», «страты», «локальные общности», «микроскопы общества» различаются между собой на основе нескольких измерений. В одном из обзоров исследований социальной стратификации и мобильности названо шесть таких измерений: престиж профессий, степень власти и могущества, уровень дохода и богатство, образование и уровень знаний, религиозная или ритуальная чистота и, наконец, ранжирование по родственным и этническим группам⁹. Следует сказать, что каждый из перечисленных факторов оказывает существенное влияние на формирование брачной структуры городских популяций и, следовательно, должен учитываться в разрабатываемой модели. В силу этого краткий комментарий к особенностям влияния некоторых из перечисленных «измерений» социальной стратификации представляется здесь уместным.

С нашей точки зрения, брачная структура в традиционных и современных городах может быть достаточно успешно описана в терминах социально-профессиональной структуры. Обнаруженная в социологических исследованиях первой половины XX в. профессиональная эндогамия является ведущим механизмом брачной стратификации, а ее эмпирические исследования находятся в резком несоответствии с постулируемой панмиксией бесструктурностью городских популяций. В обществах, где женщины слабо вовлечены в общественное производство, социально-профессиональная стратификация происходит на основе профессиональной принадлежности отца невесты. Число браков, заключаемых «внутри» определенного класса профессий и со «смежными» на социально-профессиональной шкале классами, резко превосходит количество браков, заключаемых между несмежными либо различными профессиональными классами. В исследованиях брачных структур это явление получило название социальной гомогамии. Объединение профессий в эндогамные классы может производиться на основе анализа матрицы типа «профессия мужа — профессия жены» либо «профессия мужа — профессия отца жены». Априорная социально-экологическая классификация, сформировавшаяся на основе предыдущих

социологических исследований (типа обычно используемой в англоязычной социологической литературе: крупный бизнес — интеллектуалы — мелкий бизнес — белые воротнички — квалифицированные рабочие — полуквалифицированные и неквалифицированные рабочие), может существенно сократить число анализируемых классов, однако ее обоснованность всякий раз должна подвергаться специальному рассмотрению. Более надежными нам представляются процедуры формализованного выделения структуры на основе машинного анализа исходной матрицы брачных обменов между представителями всех имеющих в городе профессий (различные варианты факторного, кластерного и нематричного теоретико-графового анализов). Разумеется, в отличие от такового постоянного, не меняющегося в течение жизни признака, как «место рождения», признак «профессиональная принадлежность» может многократно меняться в течение жизни индивида, что и порождает явление социальной мобильности. Однако уже отмеченный феномен социальной гомогамии (профессиональной эндогамии) свидетельствует о том, что, хотя эндогамные барьеры между социально-профессиональными группами, по всей видимости, не столь жесткие, как локальные изолирующие барьеры в сельских популяциях, все же их проницаемость не так велика, чтобы уничтожить брачную подразделенность. Таким образом, городской дем на основе дислокальных (и в этом аспекте бесструктурных) брачных обменов предстает как общность, конституирующаяся в определенных социально-профессиональных границах, хотя более размытых, чем эндогамные границы у сельского населения.

Размытость границ, являющаяся функцией социально-профессиональной гетерогамии (брачности между представителями различных социальных слоев и групп) и социальной мобильности, возникает в результате действия ряда механизмов. Ниже в связи с изложением результатов социально-психологических исследований населения городов мы остановимся на одном из главных механизмов этого ряда — иерархии референтных общностей. В рамках социологических исследований, точнее, в рамках так называемой американской школы «академической социологии» эта иерархия интерпретируется как система социальных ролей, каждая из которых обладает той или иной степенью привлекательности (престижем), связана с той или иной степенью авторитета и власти и с различными возможностями в отношении личных привилегий, уровня свободы, уровня дохода и т. д.

В индустриальных обществах известный уровень дифференциации структуры брачных предпочтений связан с образованием. Неодинаковый доступ к образованию и знанию у различных социальных слоев и групп (в нашей стране, например, различия качества школьного образования в городах и на селе; удельный вес детей неквалифицированных и малоквалифицированных рабочих в вузах и ГПТУ) обуславливает известный уровень корреляции между социально-профессиональной и «образовательной» структурами брачных предпочтений. В литературе отмечается довольно высокий уровень брачной ассортативности у группы лиц с высшим образованием (тенденция к «образовательной гомогамии») и у группы лиц с начальным и неполным восьмилетним образованием.

На оформление границ (изолирующих междемных барьеров) брачных кругов в городах помимо перечисленных воздействует еще целый комплекс факторов. Уместно провести классификацию факторов, существенно влияющих на социально-профессиональную структуру (социальную мобильность), выделенных на основе анализа социологической и экономической литературы и эмпирических материалов, полученных в ходе исследования населения Ленинграда и городов Татарской АССР в 1974—1979 гг.¹⁰ В ней выделены 15 таких факторов, оказывающих заметное воздействие на социальные перемещения индивидов и, следовательно, определяющих динамику социально-профессиональной структуры: 1) образование и профессиональная подготовка; 2) харак-

тер труда и содержание труда; 3) условия труда; 4) профориентация (правильный выбор профессии); 5) заработная плата (включая различные доплаты, премии и пр.); 6) тип и отраслевая принадлежность предприятия, на котором работает индивид, социально-бытовые условия, связанные с этим предприятием; 7) региональные особенности места проживания; 8) территориальная мобильность индивида (участие в миграции); 9) социальное происхождение (социальный статус родителей); 10) социальный статус индивида; 11) семейное положение и тип семьи индивида; 12) пол; 13) возраст; 14) поколение, к которому относится индивид; 15) порядковый номер перемещения индивида. При этом авторы в качестве важнейших называют образовательный уровень индивида, а учебу — основным «каналом» социальной мобильности. Это эмпирическое обобщение хорошо согласуется с уже отмеченным феноменом «образовательной» гомогамии (брачной ассортативности по признаку «уровень образования»).

Развитая терминологическая система, описывающая пространственное поведение человека, в том числе и пространственную делимитацию брачного выбора, содержится в такой дисциплине, как социальная география. В числе важнейших для нашей темы категорий, развиваемых в рамках социально-географических исследований, следует выделить такие, как тип города, тип пространства и систему расселения. В примыкающих к социальной географии дисциплинах — экологии города и социальной экологии¹¹ — раскрывается еще одно важное понятие — городская среда, в последнее время дополненное понятием «региональная среда производства и жизнедеятельности»¹².

В научной литературе проблемам типологии городов посвящено огромное число работ. Появились целые группы типологий, которые в зависимости от принципов, положенных в их основу, принято называть типологиями городов по населению, экономико-функциональными, историко-генетическими, административно-иерархическими, динамическими и поликритериальными¹³. В последних исследователи пытаются учесть не только административный статус города и его функциональную специализацию, но и структуру занятости населения вместе с рядом характеристик демографической ситуации, поэтому они наиболее близки к тематике исследования подразделенности городских популяций. Разработка комплексной поликритериальной типологии, которая бы определяла тип города не только на основе его народохозяйственных функций, величины и районоорганизующей роли, но учитывала бы оценки демографического и социального воспроизводства населения, показатели экологии, архитектурно-планировочной структуры и инфраструктуры, позволит определить место и роль каждого конкретного города в данной системе расселения, а также его ранг на шкале социокультурного потенциала и место в системе социального воспроизводства. Это в свою очередь позволит решать проблему соотносительности выделенных в рамках такой системной классификации типов городов с особенностями их популяционных структур и составляющих их элементов — демографических. Необходимо отметить, что первые попытки соотношения типа поселения и популяционной структуры уже осуществляются в рамках таких дисциплин, как популяционная и медицинская генетика, демографическая генетика* (микродемография) и этносоциология.

Ряд важнейших обобщений, разработанных в социальной географии, связан с типологией пространств. Она показывает, что географическая структура человеческого общества включает также различные принципы разобщения и сближения человеческих групп и сложную систему социальных расстояний, существенно влияющих на пространственное поведение человека. Помимо географов, исследующих пространственную компоненту поведения человека, она привлекла внимание социологов, антропологов, социальных психологов и этнографов. Известный социальный антрополог Э. Эванс-Причард в своей работе

* Термин Ю. Г. Рычкова.

«Нуэры» следующим образом характеризует отличительные особенности структурного расстояния: «Характер местности определяет размещение деревень и, следовательно, расстояния между деревнями, тогда как духовные категории, ставя преграды, определяют характер расселения в структурном плане и создают свой ряд расстояний»¹⁴. Он отмечает многозначность структурного расстояния как социальной категории, каждая из реализаций которой порождает собственное пространство — политические расстояния, родственные расстояния, расстояния между возрастными группами. Обнаружение пространств подобных типов легло в основу теории групп отсчета, позволяющей измерять различные реализации социальных расстояний между классами и слоями общества. По мнению специалиста в области социальной географии П. Клавая, социальные расстояния, проявляющиеся в форме разобщений и сближений человеческих групп, различаются в сельской местности и в городах: «В сельских местностях рассеянность населения такова, что диапазон видов социальной деятельности сужается. Проблемы разъединения не столь остры. Город, наоборот, приводит к максимальному расширению взаимодействия между людьми и группами людей... География человека слишком долго изучала почти исключительно сельские проблемы и не смогла глубоко проанализировать явления разобщения. Понятий протяженности и расстояния достаточно, чтобы понять взаимоотношения сельского населения или вторичные виды деятельности промышленных стран. Урбанизированные же пространства не поддаются объяснению, если опираться только на эти факторы...»¹⁵ Эта мысль видного представителя теоретической географии лишний раз демонстрирует специфичность городской среды и порождаемых ею пространств, существенно влияющих на пространства брачных связей.

Перспективными с точки зрения пространственной детерминации систем брачного выбора (места знакомств) представляются разрабатываемые в географии пространственного поведения понятия точек тяготения внутри системы внутригородских перемещений населения, а также как арены жизни или пространства действий. В исследованиях городов СССР эти понятия были уточнены и стали применяться к группам населения, очерченным по признаку возраста, профессии, культурных запросов¹⁶. В выделяемых таким образом группах обнаружено наличие стереотипизированных контактов с точками тяготения в городе. Обнаружение социальных групп, однородных в отношении пространственного поведения, свидетельствует о подразделенности городской популяции в социокультурном плане и, по всей видимости, должно учитываться в исследованиях воспроизводства городских субкультур и социальных страт.

Тематика, связанная с изучением преемственности и воспроизводства субкультур, наиболее глубоко раскрывается в этнографических, этносоциологических и культурологических исследованиях городов. Для этносоциологии городского населения тема воспроизводства культуры, демографического и социального воспроизводства определенных общественных страт трансформируется в исследования особенностей воспроизводства этнокультурной специфики, этнических традиций этнодисперсных групп в среде многонационального города, анализ роли различных социальных институтов, процессов и явлений в социально-демографическом воспроизводстве этнических групп в городах. К наиболее важным понятиям, разрабатываемым в русле данной тематики, относятся такие, как территориальная общность, локальный этнокультурный стереотип, циркуляция этнокультурной информации, социокультурный потенциал, соционормативная культура, адаптация этнической культуры, типы референтных групп и некоторые другие¹⁷. В примыкающих к данной тематике этнолингвистических, социоллингвистических и ареалогических исследованиях городского населения также отражается подразделенность городского населения на ряд групп, однородных в социокультурном отношении, язык которых носит выраженную специфику по сравнению с литературной нормой и стандартизованным языком средств массовой информации (так называемые социолек-

ты, этнолекты, арготизмы и т. п.). Весьма точным индикатором подразделенности могут служить антропонимические системы этих социальных групп, частотный профиль антропонимикона конкретной группы, особенности функционирования личных имен в речи и т. д. Таким образом, в перечисленных научных направлениях в среде городского населения выделяются демографически воспроизводящие себя группы, обладающие относительно выравненными социофессиональными, культурными, этническими и лингвистическими параметрами; именно эти группы мы и называем демами.

С позиций популяционной генетики дем остается элементарной самовоспроизводящейся общностью с единым генофондом, относительно изолированной от окружающих общностей того же ранга. Результаты обзора смежных дисциплин дополняют это определение рядом существенных характеристик.

1. Дем как социально-профессиональная общность характеризуется наличием системы брачных предпочтений, связываемых с ориентациями той или иной социально-профессиональной группы. Эмпирически структурная подразделенность населения может быть выявлена в результате построения интеракционной классификации взаимодействующих социально-профессиональных групп на основе анализа матриц брачных обменов, где элементы строк и столбцов матрицы — это количество браков между представителями отдельных профессий у мужчин и женщин.

Конкретными реализациями такого рода анализа могут служить различные методы теории распознавания образов — многочисленные версии кластерного и факторного анализа. Возникающие трудности при анализе матриц большой размерности могут разрешаться с помощью агрегирования в ходе предварительных социологических исследований социально-профессиональной мобильности либо эвристическими методами, связанными с исследованием популяционной подразделенности в типологически сходных, но менее сложных средах (население пригородов, крупных сел и т. д.).

Специальным аспектом исследования социально-профессиональной определенности городского дема является изучение межпоколенного воспроизводства социально-профессиональной структуры населения, а также формируемой в ходе этого воспроизводства системы брачных ориентаций и предпочтений, порождающих феномен социальной гомогамии.

2. Дем как носитель определенной субкультуры выполняет функцию воспроизводства и трансмиссии культуры, в том числе этнической, через систему социального контроля (соционормативная культура) за соблюдением образцов поведения, соответствующих распространенным в данной группе стереотипам и традициям. Вместе с тем дем, отражающий уровень мезоструктуры этноса, хотя и способен относительно самостоятельно воспроизводить совокупности традиций и норм (локальную субкультуру), однако вследствие ряда демографических процессов (уровня проницаемости междемных барьеров, миграций, смертности) такое воспроизводство нередко носит суженный характер. В силу этого в качестве перспективного направления исследований следует рассматривать изучение междемного взаимодействия, механизмов социальной демаркации демов, типологии демов в аспекте их ролей в процессе социокультурного и этнокультурного воспроизводства населения.

В рамках анализа дема как социокультурной целостности возможно описание подразделенности городского населения на элементарные единицы культурного воспроизводства, определение границ демов. В основу такого рода анализа кладутся эмпирически выявленные индикаторы (маркеры) локальных субкультур — определенные, специфические для той или иной субкультуры традиции, нормы общения, элементы костюма и интерьера жилища и т. п. Разработанный таким образом социокультурный профиль населения города (местный «репертуар» субкультур) кладется в основу атрибутивной классификации демов, т. е. классификации, базирующейся не на взаимодействии и обмене, как в случае анализа брачных обменов на матрице профессиональной принад-

лежности супругов, но на распределении признаков, где классификационная общность порождается не взаимодействием, а сходством. В анализе такого рода особую роль приобретают разрабатываемые в статистике процедуры оценки информативности признаков (теория поликритериального оценивания и др.). Выявляемые в ходе этого анализа ценностные ориентации и стереотипизированные формы поведения (в том числе демографического поведения) и связанные с ними установки представляют значительную ценность для практической реализации тех или иных программ в рамках региональной демографической политики.

3. Представление о деде как материальном носителе локальной субкультуры типологически сходно с развиваемым в социалингвистике представлением о лингвокультурной общности, являющейся носителем особого социолекта, или этнолекта. Изучение вариативности языка как присущего ему свойства в рамках ингерентной социалингвистики и исследование влияния социума и его структуры в адгерентной социалингвистике позволяют утверждать, что все языки «реально существуют и функционируют не как единообразные и однородные „глобальные“ системы, а в виде огромного числа и разнообразия регистров и подрегистров»¹⁶. Отражение социальной дифференциации в сфере коммуникации, наличие социальных, этнических, территориальных форм речи признается в лингвистике фактом и позволяет на основе анализа языковой действительности выделять те же самые элементарные общности, которые обнаруживаются при анализе культурной мозаичности городского населения. Как и в исследованиях культурной дифференциации, одной из существенных проблем остается выделение и оценка информативности дифференцирующих признаков в рамках регистра бытующих на данной территории вариантов речи (списка социолектов, профессиональных жаргонов, диалектов, этнолектов, говоров и т. п.).

Примечания

¹ Джеммер М. Понятие массы в классической и современной физике. М., 1967. С. 66; Кураев В. И., Лазарев Ф. В. Точность, истина и рост знания. М., 1988. С. 187—188.

² Северцов А. С. Введение в теорию эволюции. М., 1981. С. 61; в англо-американской научной литературе считается, что термин «дем» введен в 1939 г. Дж. Джиммуром и Дж. Грегором (ср.: Майр Э. Популяции, виды и эволюция. М., 1974. С. 96).

³ Яблоков А. В. Популяционная биология. М., 1987. С. 145.

⁴ Виртуальная популяция — группировка индивидов, характеризующаяся высокой вероятностью стать популяцией; виртуальное определение противопоставляется формальному.

⁵ Бунак В. В. Род Homo, его возникновение и последующая эволюция. М., 1980. С. 250.

⁶ Devor E. J., Crawford M. H., Koertvelyessy T. Marital Structure and Genetic Heterogeneity of Ramea Island, Newfoundland // Amer. J. Phys. Anthropol. 1983. № 4. P. 401—409.

⁷ Tolkdsdorf U. Essen und Trinken in Ost- und Westpreussen. Marburg, 1975. S. 317.

⁸ Ср.: Соколовский С. В. Брачные круги и эндогамные барьеры. К методике анализа брачной миграции // Сов. этнография. 1986. № 4. С. 87—99; *его же*. Популяционная структура алтайских меннонитов по данным о брачной миграции // Вопр. антропологии. 1990. Вып. 84. С. 87—93.

⁹ Барбер Б. Структура социальной стратификации и тенденции социальной мобильности // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М., 1972. С. 235—247.

¹⁰ Лукина В. И., Нехорошков С. Б. Динамика социальной структуры населения СССР. М., 1982. С. 27.

¹¹ Марков Ю. Г. Социальная экология. Новосибирск, 1986.

¹² Крупный социалистический город: Структурный аспект развития. Л., 1987.

¹³ Урбанизация и развитие городов в СССР. Л., 1985. С. 85.

¹⁴ Эванс-Причард Э. Э. Нуэры: Описание способов жизнеобеспечения и политических институтов одного из нилотских народов. М., 1985. С. 101.

¹⁵ Клаваль П. Пространство в географии человека // Новые идеи в географии. М., 1976. Т. 1. С. 243.

¹⁶ Медведков Ю. В. Человек и городская среда. М., 1978.

¹⁷ Сорокин Ю. А., Марковина И. Ю. Культура и ее этнопсихолингвистическая ценность // Этнопсихолингвистика. М., 1988.

¹⁸ Ахманова О. С., Данчикова И. А. Социалингвистика в свете эвристики онтологии языка // Теоретические проблемы социальной лингвистики. М., 1981. С. 46. Здесь же подробное изложение понятий «адгерентная» и «ингерентная социалингвистика», различий в подходах, целях и задачах этих дисциплин. С. 46—56.

ДОНСКИЕ АРМЯНЕ:

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Настоящая статья написана главным образом по полевым материалам, собранным в июне 1990 г. армянской группой¹ экспедиции отдела народов Кавказа Института этнологии и антропологии АН СССР среди армян, проживающих в Ростовской обл. РСФСР.

На территории нынешней Ростовской обл. компактное армянское население появилось в 1779 г., когда указом Екатерины II было организовано переселение из Крымского ханства греков (18 407 человек²) и армян³ (12 598 человек⁴). Цель такой акции — не только ослабление ханства (в 1783 г. его земли были включены в состав Российской империи), но и заселение южнороссийских степей людьми, имеющими большой опыт в земледелии, торговле и ремеслах. После полуторагодового мучительного перехода, унесшего немало человеческих жизней, к концу 1779 г. армянские переселенцы дошли до низовий Дона (числом уже только 9 050 человек), где им отводилось 86 тыс. десятин земли рядом с крепостью св. Димитрия Ростовского и разрешено было основать один город и пять селений. Переселенцам предоставлялись определенные льготы и привилегии, в частности освобождение от государственных податей и служб на 10 лет, от воинской повинности на 100 лет; разрешались строительство церквей, где церковные обряды будут проводиться в соответствии с их собственными законами и традициями, свободная торговля внутри и вне государства; армяне получали право строить своими силами фабрики, заводы, купеческие мореходные суда⁵.

Из вышедших из Крыма 12,6 тыс. переселенцев подавляющее большинство — 11,4 тыс.⁶ были прежде жителями крымских городов Кафы (Феодосии), Гезлева (Евпатории), Бахчисарая, Карасубазара (Белогорска); Акмечети (Симферополя) и др. Основанный ими на Дону город получил название Нор Нахичеван, т. е. Новый Нахичеван, а позднее — Нахичевань-на-Дону. 1,2 тыс. сельскими переселенцами в окрестностях города были основаны пять селений — Чалтырь, Крым, Большие Салы, Султан Салы и Несветай.

Колония получила возможность решать свои внутренние проблемы полностью самостоятельно. Всем управлял магистрат во главе с городским головой. В селах власть принадлежала духовенству и выборным старостам, которые подчинялись магистрату. Колония получила собственный герб, а также печать, суд. Языком делопроизводства на ее территории был армянский⁷.

В городе быстро развивались промышленность и торговля, росло число школ, было открыто уездное училище. При выстроенном монастыре Сурб Хач в 1790 г. была открыта первая на юге России типография, а также основана школа-пансионат для детей неимущих армян. Позднее в городе появились женская и мужская гимназии, еще несколько школ, училище благородных девиц, приют для кавказских армян, театр, церкви, духовное училище, преобразованное потом в семинарию, общество попечительства над бедными армянами, основан музей, разбиты городские парки, проведен водопровод⁸.

Таким образом, уже вскоре после своего основания Нахичевань-на-Дону стала одним из важных культурных и экономических очагов на юге России. Позднее с экономическим усилением Ростова наиболее влиятельные армянские промышленники и купцы начали туда переселяться. Постепенно Ростов и Нахичевань, образовав крупный промышленный и культурный центр, слились, а в декабре 1928 г. постановлением Административной комиссии при президиуме ВЦИК СССР Нахичевань-на-Дону была присоединена к Ростову-на-Дону, а затем переименована в его Пролетарский р-н⁹. С тех пор историческое

Динамика численности населения армянских сел (чел.)*

Село	Годы			
	1793	1835	1850	1900
Чалтырь	405	1375	1744	5904
Крым	372	1289	1715	4766
Большие Салы	262	695	949	3155
Султан Салы	248	397	472	1163
Несветай	254	341	413	1118
Итого	1541	4097	5399	13106

* Составлено по документам краеведческого народного музея истории с. Крым (данные 1793—1850 г., более ранними данными не располагаем) и по: Шахазиз Е. Указ. раб. С. 119 (данные 1900 г.).

название города исчезло. Во время начавшихся в 1930-х годах массовых репрессий, в результате которых так пострадала местная интеллигенция, стали уничтожаться и историко-архитектурные памятники, в частности культовые сооружения. Так, наряду с православными церквями, мечетью, синагогой в городе были разрушены шесть из семи армянских храмов. Постепенно стало сокращаться число армянских учебных заведений (а их еще до войны было 15, в том числе Армянский педагогический техникум), перестал функционировать армянский театр, и город начал утрачивать свою роль, которую он прежде играл как важный очаг армянской культуры в этом регионе¹⁰.

Поскольку объектом нашего исследования было главным образом сельское население, дадим более подробно его этнокультурную характеристику. Со времени основания армянскими переселенцами пяти селений в 1779 г. и на протяжении всего XIX в. численность их многократно (более чем в 8 раз) возросла (табл. 1).

В 1920-х годах выходцами из сел Крым и Чалтырь были образованы три новые, созданные как трудовые коммуны селения — Ленинанак, Красный Крым и Ленинанав. В начале 1926 г. в соответствии с желанием населения все армянские села были выделены из состава Аксайского р-на Ростовской обл. в отдельный Армянский национальный район, получивший в 1928 г. название Мясниковский (по имени видного государственного деятеля, уроженца этих мест Александра Мясникяна) с центром в с. Крым, а позднее — в с. Чалтырь.

В то время все селения района имели школы с армянским языком обучения, в старых селениях сохранялись церкви, при которых до революции работали приходские школы. С конца 1920-х годов в районе на армянском языке начала издаваться, первое время не всегда регулярно, районная газета «Коммунар». Регулярный выпуск ее был налажен с 1931 г., когда она стала печататься дважды в неделю, но уже не целиком на армянском языке, а частично (до $\approx 30\%$) также и на русском. С начала 1950-х годов в школах были введены параллельные классы — в одних с преподаванием на армянском языке, в других — на русском. Родители отдавали своих детей в эти классы по своему желанию. Однако получившие армянское образование дети из-за слабого знания русского языка почти не имели шансов поступить в высшие учебные заведения Ростова, поэтому местные армяне стали высказывать пожелания о расширении преподавания русского языка и, соответственно, о сокращении часов преподавания армянского. Постепенно, начиная с 1956—1957 гг., все школы перешли на обучение только на русском языке, а армянский был совсем исключен из школьной программы даже как предмет обучения. Это в свою очередь вновь вызвало недовольство со стороны армян, потребовавших введения в школьный курс изучения родного языка. В связи с этим с 1965 г. в школах района было введено изучение армянского языка как предмета, начиная со 2-го и по 9-й класс 3 раза в неделю, а в 10—11-й классах — дважды в неделю. Следует

сказать, что местное население этим вполне удовлетворено и не требует возврата школ к армянскому языку обучения. Даже напротив, есть некоторые родители, особенно слабых учеников или детей из смешанных семей, которые считают, что армянский язык их детям не будет нужен «дальше порога их дома» и что это создает только дополнительную нагрузку на них, поскольку преподавание ведется на литературном армянском языке, а в быту говорят на весьма сильно отличающемся от него местном диалекте.

Чувство удовлетворения среди армян вызвало решение о введении с 1989 г. в школьную программу 8—9-х классов истории армянского народа (хотя это только факультатив и всего раз в неделю). К чести местных властей следует также отметить открытие в последнее время в Ростове воскресных армянских школ.

К сожалению, не всегда преподавание родного языка и истории армянского народа ведется достаточно квалифицированно. Не хватает подготовленных кадров учителей, учебников. Долгие годы выпускники школ района практически были лишены возможности поступать в вузы Армении, и только в последние 3 года Ереванский педагогический институт им. Х. Абовяна начал предоставлять району два внеконкурсных места.

Длительное исчезновение из школьной программы армянского языка было связано также с административно-территориальными изменениями в области, когда в 1962 г. в результате проведенного объединения ряда сельских районов Мясниковский р-н был включен в состав Неклиновского р-на с преимущественно русским населением и таким образом утратил свой прежний статус национального района. Прекратила свое существование и местная газета. Хотя позднее, в 1965 г., по ходатайству армян эти районы были вновь разделены и Мясниковский р-н стал самостоятельной территориальной единицей, статус его как национального района с компактным проживанием армянского населения был утрачен, поскольку в него были включены также 3 сельсовета в основном с русским населением. В результате доля армян в районе снизилась до 59%. В 1965 г. была восстановлена районная газета под названием «Заря коммунизма». Правда, теперь она печатается на русском языке, и только один раз в неделю (а всего она выходит трижды в неделю) одну страницу публикуют на армянском языке. Газета имеет много подписчиков, в настоящее время она стала распространяться также и в Ростове, где живет немало уроженцев района. В последнее время обсуждается также вопрос о возможности радиопередач на армянском языке по местному радио. Пока получено согласие на 20-минутную передачу один раз в месяц.

С конца 1960-х годов и особенно в 1970-х годы в районе стало увеличиваться инонациональное, в основном русское, население из других областей России. Большой приток приезжих был связан со строительством в 1977 г. на территории районного центра Чалтырь птицефабрики и жилого массива «Дон-25» из четырех девятиэтажных домов для 2 тыс. ее работников и членов их семей.

Инонациональное население в районе увеличивается также за счет довольно большого числа смешанных браков. Так, доля национально-смешанных супружеских пар, браки которых были заключены в разные годы, но преимущественно в последние два десятилетия, составили среди 5593 обследованных нами сельских семей 11,6% (от 10% в с. Крым до 22% в с. Султан Салы)¹¹. В некоторых семьях встречаются и по две такие пары. Подавляющее большинство национально-смешанных браков армяно-русские — 61,9% (от 49,5% в с. Большие Салы до 92,3% в с. Несветай) и русско-армянские — 13,9% (от 7,7% в с. Несветай до 24,8% в с. Большие Салы). Национальность детей в смешанных семьях записана, как правило, по отцу. Высокая доля национально-смешанных браков в районе в первую очередь объясняется исключительно доброжелательными и лояльными взаимоотношениями армян и русских в рассматриваемом регионе, в чем немалую положительную роль играет историческая память народов в том, что они более двух веков в согласии живут на этой

Национальный состав армянских сел Мясликовского р-на
(села объединены по сельсоветам)*

Национальность	Село							
	Чалтырь, Мокрый Чалтырь		Крым		Большие Салы, Несветай		Красный Крым, Ленинанкан, Ленинанав, Султан Салы	
	число	%	число	%	число	%	число	%
Армяне	10 507	79,6	3276	85,3	2621	84,9	2219	86,4
Русские	2 358	17,9	467	12,2	348	11,3	259	10,1
Украинцы	108	0,8	51	1,3	9	0,3	70	2,7
Белорусы	63	0,5	11	0,3	—	—	6	0,2
Коми-пермяки	55	0,4	—	—	—	—	—	—
Молдоване	25	0,19	2	0,05	37	1,2	2	0,07
Азербайджанцы	18	0,13	—	—	34	1,1	3	0,12
Узбеки	13	0,1	1	0,02	—	—	1	0,04
Прочие	50	0,38	31	0,78	37	1,19	9	0,34

* Составлено по данным текущей статистики 1990 г. соответствующих сельских советов. Процент вычислен автором.

земле рядом друг с другом, а также национальным составом Мясликовского р-на, в котором из общего числа населения 32,4 тыс. человек (1989 г.) подавляющее большинство составляют армяне (17,8 тыс., или 54,9%) и русские (12,6 тыс., или 38,9%)¹². Среди других национальностей больше всего представлены украинцы (3,1%), белорусы (0,7%), молдоване (0,15%).

Многонациональным также стал прежде почти однородный (до 1960-х годов) состав армянских сел, особенно районного центра Чалтырь (табл. 2).

Оттока армянской молодежи из сел в наше время практически не наблюдается, поскольку помимо колхозов на территории района есть немало различных промышленных предприятий и учреждений, где работают местные жители. Сказывается также близость Ростова (самое дальнее село находится в 18 км от города), регулярное автобусное сообщение.

Будучи выходцами из одних и тех же мест (Ани, позднее Крым), донские армяне составили более или менее однородную в этнографическом отношении локальную группу; сохранившую вплоть до нашего времени многие исторические традиции; некоторые из них характерны для всего армянского этноса, другие — специфичны для культурных традиций только данной группы и проявляются в частности, в диалекте их языка, местном фольклоре, ряде обычаев и обрядов. Сохранению этой культурной специфики в немалой степени способствовало проживание этой группы в условиях длительного отрыва от основного этноса среди инонационального окружения и возможность, таким образом, этнической идентификации. В то же время новая среда, традиции живущего рядом русского народа не могли не оказывать своего влияния на этнокультурное развитие данной этнографической группы. Это проявлялось в широком распространении среди местных армян русского языка, в материальной культуре, в частности в жилище, одежде и даже в пище, в более быстрой утрате патриархальных черт в семейно-бытовой сфере. Проиллюстрируем вышесказанное конкретными примерами.

Знание русского языка для донских армян с самого начала переселения их из Крыма стало насущной необходимостью для общения с окружающим населением. Поэтому армяно-русское двуязычие при устойчивом сохранении в качестве родного армянского языка (в форме диалекта западноармянского языка) уже давно получило широкое распространение у донских армян, причём

не только среди городских, но и среди сельских жителей. Впоследствии в связи с закрытием в городе армянских учебных заведений началась постепенная утрата горожанами родного языка и более активный переход на русский язык. Данные переписи 1989 г. показывают, что лишь немногим более половины (53,3%) из живущих сейчас в Ростове 31,2 тыс. армян считают язык своей национальности родным, причем за период 1979—1989 гг. доля таких лиц несколько сократилась (на 2,2%) и соответственно увеличилась доля армян с родным языком русским. Примечательно, что среди 9,5 тыс. армян, живущих в Пролетарском р-не города, т. е. по существу в старом городе Нахичеване, за этот же период произошел обратный процесс, причем доля лиц с родным армянским языком возросла здесь на 7,0% и достигла 60,4%. Что касается 17,8 тыс. сельских армян, то у них по-прежнему сохраняется высокая степень устойчивости родного армянского языка (97,4%). Одновременно следует отметить широкое распространение среди всех групп местных армян русского языка — либо в качестве родного, в основном у горожан (в Ростове — 46,5%, в том числе в Пролетарском р-не — 39,2%, в селах Мясниковского р-на — 2,6%), либо второго языка, которым владеют свободно (соответственно 48,9; 54,4; 84,3%)¹³. Если же учесть и тех, кто не совсем свободно владеет русским языком, а лишь в определенной степени, то доля таких лиц будет еще значительнее.

Переселение крымских армян на территорию России отразилось и на характере их построек, в том числе жилых. Городская застройка могла осуществляться только по составленным русскими архитекторами проектным образцам, принятым в Новороссии, в частности в стиле южного варианта русского классицизма, сменившимся с середины XIX в. так называемым «кирпичным стилем» и псевдобарокко, а в начале XX в. — модерном и псевдоклассицизмом¹⁴. О характере сельских жилищ имеются сведения у О. Х. Халпахчьяна, который, со ссылкой на проезжавшего в 1793 г. Чалтырь академика С. Палласа, сообщает, что большая часть имевшихся в селе 30 домов была построена из чисто тесаных камней и глины и по композиции приближалась к жилищам (*тун*), которые строились армянами в Крыму. В основном они состояли из трех помещений: прихожей с печью и двух жилых комнат с низкими лежанками¹⁵.

В начале XX в. строительным материалом для дома, состоявшего тогда в основном из одной жилой комнаты и прихожей, служили камыш, солома и глина. Стены возводились из соломы и глины, крыша — из камыша, а позднее из черепицы. Были и каменные дома. С середины 1950-х годов, когда повсеместно начали возводить новые дома, заработали новые кирпичные заводы, и эти дома стали строить из кирпича. Начал изменяться и самый тип дома в сторону увеличения размеров, числа комнат, этажности. Сейчас в селах распространение получил просторный полуторазтажный дом из красного кирпича под четырехскатной крышей из шифера, с большими окнами со ставнями, выкрашенными в зеленый цвет. Наверху в нем находятся гостиная (зал) и две-три небольшие спальни, а внизу подсобные помещения и погреб для хранения на зиму съестных припасов. Нередко эти подвалы и летние кухни строят отдельно от дома, во дворе, причем тоже из кирпича. Во многих домах имеются оформленные разноцветной кафельной плиткой кухни-столовые, ванные комнаты, туалеты, всюду есть газ, водопровод, нередко телефон. Интерьер дома, как правило, современный, с городской мебелью. В отличие от убранства сельских домов армян, живущих в разных регионах Закавказья, в домах местных армян нет какой-либо этнической специфики, в частности нет ни большого числа сделанных из шерсти одеял и тюфяков, ни самодельных ковров, ни традиционной утвари, ни украшений из национальной чеканки. Практически не встречаются за редким исключением традиционные печи (*пур*). Дома расположены по улицам и линиям (так же, как и в Нахичеване). Рядом с домом строят гараж, также из кирпича. Перед домами устраивают нехарактерные для армян палисадники с цветами, главным образом с выющимися крас-

ными розами. Таким образом, по своему внешнему и внутреннему виду дома донских армян имеют больше сходства с домами окружающих народов, чем с традиционным армянским жилищем. Порой дом называется здесь не армянским термином *тун*, а *хатой*. В то же время этническая специфика ощущается в архитектуре некоторых общественных зданий, в частности домов культуры, в ряде названий (например, кинотеатр «Раздан», кафе «Ануш», детский сад «Аревик»).

Традиционный костюм армянских переселенцев уже к началу XX в., по свидетельству Е. Шахазиза, «в городе совсем вывелся, уступив место европейской моде; в деревнях хотя до сих пор еще сохранился, однако начал быстро исчезать, уступив место форме одежды и обуви соседних русских крестьян»¹⁶. Если еще до Великой Отечественной войны в селах можно было видеть на замужних женщинах традиционный головной убор *поши* (небольшая круглая шапочка из материи, украшенная вышивкой, бисером), то позднее он тоже практически исчез и был заменен обычным платком, причем — повязывать его стали не вокруг головы, как это делают армянки, а под подбородком, как принято у русских. В целом современная одежда донских армян ничем не отличается от одежды русского населения. Девушки и молодые женщины в отличие от сельских жительниц Армении носят более открытые платья, сарафаны, модные брюки. Свадебной одеждой здесь стала общераспространенная в городах одежда: у невесты весь ансамбль белого цвета — платье современного покроя, фата, украшенная цветами, перчатки, туфли, у жениха — черного или серого цвета костюм и белая сорочка, в петлице большой красный бант. Специальной траурной одежды у сельских жителей, как правило, нет.

Этническая специфика сохраняется больше всего в пище, хотя и здесь ощущается влияние русской и украинской кухни. Значительное место в пищевом рационе местных армян отводится разнообразным мясным, молочным, крупяным и овощным блюдам. Мясо едят как в отварном, так и в жареном виде, причем шашлык здесь не очень распространен. По праздникам готовят толму, называемую здесь голубцами, люля-кебаб. До наших дней сохранилось приготовление из измельченной баранины, приправленной различными специями, высушенной на воздухе традиционной колбасы (*ершик*) — *суджук*. В то же время практически не сохранились такие традиционные кушанья местных армян, описанные Е. Шахазизом, как *порлиц* (начиненный рисом и испеченный в пуре ягненок), *апухт* (приправленные специями и высушенные на солнце овечьи филе, лопатки и язык)¹⁷. Из молока готовят молочный суп (*катнапур*), а также употребляемые как в повседневном быту, так и по праздникам, заимствованные от русских творог и сметану. Приготовление столь характерных для армян *мацуна* (кислого молока) и домашнего сыра здесь утрачено. Распространен плов, называемый нередко *кашей*. Плов с изюмом служит ритуальной пищей на свадьбах и поминках. Из овощей делают различные салаты. Солят главным образом огурцы. Употребление зелени ограничено укропом и петрушкой, другие виды зелени, столь распространенные среди армян, например, кинза, тархун, реган, здесь практически не знают. Среди местных армян по-прежнему широко распространены различные печеные изделия домашнего приготовления, например, слоеные пирожки с мясом (*пури самса*), с лебедой, традиционные сладкие печенья — *гата*, *хурабиа*, а в последнее время и торты, бисквиты, трубочки с кремом. В повседневном быту употребляют такие общераспространенные блюда, как борщ, котлеты, соус, сосиски, макароны, компоты. От окружающего русского населения армяне переняли куриный суп с домашней лапшой, который подается на свадьбах и поминках в день похорон; от украинцев — вареники с творогом, приготовляемые в дни религиозных праздников. Хлеб всюду покупной. Существует определенный набор блюд для свадебного и поминального столов. Отличие заключается лишь в том, что во время свадьбы не подают печеные изделия и сладости (в других регионах проживания армян свадебный стол никогда не бывает без сладкого). Обычно это

всевозможные салаты, суджук, маслины, творог со сметаной, селедка, покупные сыр и колбаса, отварное мясо, голубцы, плов с изюмом, иногда жареная печень, сосиски, практически не употребляемые в Армении маринованные грибы.

Длительное проживание среди русского населения не могло не отразиться также и на семейно-бытовой сфере местных армян. Современные семьи их по численности значительно меньше (из 1695 обследованных сельских семей 33,4% семей в 2—3 человека, 47,8% — в 4—5 человек, 18,8% — в 6 человек и более), чем у армян в Армении (соответственно 20,2; 36,5; 31,9%)¹⁸, главным образом из-за меньшего числа детей в возрасте до 16 лет включительно, на что безусловно влияет стереотип малодетной семьи окружающего населения. Так, более половины семей (55,5%) имели по одному и по двое детей; семей с тремя и более детьми всего 4,2%; 40,1% семей не имели в момент обследования детей до 16 лет. В Армении эти данные соответственно составляют: 41,3; 32,2; 26,5%. Среди местных армян несколько больше трехпоколенных семей (35,9%), чем в Армении (28,7%), причем в них с супругами живут не только один или оба родителя мужа (соответственно 14,4 и 17,2%), но и встречаются семьи, в которых имеются один или оба родителя жены (1,9 и 1,1%), что практически не фиксируется в Армении. Последнее относится к семьям с зятьями-примаками, к которым местное население относится терпимо, не считая это чем-то оскорбительным для мужчины. На деле случаев примачества еще больше, поскольку есть семьи, в которых родители жены уже умерли. По сообщениям наших информаторов, случаи примачества здесь были известны еще в начале XX в. В отличие от Армении у донских армян не всегда простая семья, состоящая из супругов с детьми (или без детей) возглавляется мужем; нередко случаи главенства жены (6,5%), в основном тогда, когда муж приезжий. В то же время сходство с армянами республики состоит в небольшом, притом равном (9,6%) распространении одиночек, что свидетельствует о сохраняющейся традиции не оставлять пожилых родителей одинокими, а также в небольшой и тоже почти равной доле (около 6%) неполных простых семей, состоящих обычно из матери с ребенком, что во многом обусловлено сравнительно низким уровнем разводимости среди армян.

Взаимоотношения членов семьи друг с другом среди донских армян свободные, практически не обремененные старыми патриархальными нормами семейно-родственного этикета. Архаический обычай избегания исчез у них еще в 1930-х годах. Несколько слабее родственные узы. Практически не соблюдается сейчас обычай родственной и соседской взаимопомощи, например, при постройке дома. Во многом утрачено традиционное гостеприимство, что еще в начале века подметил Е. Шахазиз¹⁹.

Немало традиционного отмечается в семейной обрядности донских армян. Так, современная свадьба у них, как и у армян других регионов, включает в себя три основных этапа: сговор (здесь он называется *һац похел*, что значит «обмен хлебом»), обручение (*һишандук, беһ* — поставить метку, залог) и свадебное торжество (*һарсаник*). Сохраняются такие традиционные моменты, как одновременное начало свадьбы в домах жениха и невесты; ее кульминационный момент — перевоз невесты в дом жениха; значительная роль посаженных отца и матери (*гһнкаһайр* и *гһнкамайр*); обряд одевания невесты и прощания ее с родительским домом. Примечательно, что среди сохранившихся предсвадебных обрядов некоторые из них уже утрачены в других регионах, например смотрины невесты (*джугаб*), обряд кройки ее свадебного платья (*хумаш*), обряды одевания жениха и его бритья, сопровождаемые различными веселыми шутками. Во время обязательной среди всех армян торжественной встречи новобрачных у порога дома жениха его мать осыпает молодых сладостями, зернами пшеницы или риса, мелкими монетами, а под ноги молодым кладут две принесенные из дома невесты тарелки, которые они должны разбить одним ударом. Здесь наряду с этим сохранился старинный обычай (о нем упоминает

Е. Шахазиз²⁰), прежде не встречаемый нами у армян: отец жениха в момент встречи выпускает над головами новобрачных двух белых голубей с красными лентами на шеях. Имеются и другие отличия. Например, здесь по традиции принято, чтобы невеста обходила всех присутствующих на свадьбе гостей и с каждым здоровалась за руку, а наиболее почетным целовала руку. За свадебным столом совершенно не произносятся тосты; музыканты играют почти без перерыва, причем не только армянские мелодии, но и русские, украинские, молдавские, узбекские, а участники свадьбы, в том числе и новобрачные, много танцуют, в основном армянские народные быстрые танцы. Невесту выводят под звуки старинного марша «Прощание славянки». В числе свадебных персонажей сохранились ряженные (*джамалы*); за свадебным столом сменяется несколько партий гостей (всего приглашенных до 1500 человек); срок возвращения молодой после свадьбы в родительский дом сокращен до одного вечера. Девственность невесты теперь необязательна, в связи с чем в последнее время нередки свадьбы, когда невеста уже ждет ребенка. Из дома невесты молодые едут сначала в загс на торжественную регистрацию брака, а затем уже в дом жениха (в других регионах проживания армян брак, как правило, регистрируют после рождения ребенка). В приданое (*джеһез*), как и у остальных армян, принято давать мебель, постель, ковры (покупные), одежду на несколько лет. В качестве свадебных подарков родственники преподносят золотые украшения (числом до 50—60), а остальные гости дают деньги (обычно мужчины по 10 руб., женщины по 5 руб.).

Поскольку сейчас женщины рожают в больнице, традиционные обряды, включавшие различные магические моменты, охранявшие их от злых духов, отпали. После выписки из больницы родильницу приходит поздравить (*ачкед луйс*) с подарками ее мать. Она же готовит приданое ребенку. В отличие от армян других регионов здесь полагается, чтобы 40-й день ребенку исполнился в доме матери родильницы. Поэтому за 2—3 дня до этого срока женщина с ребенком в сопровождении свекрови идет туда, а через 5—6 дней возвращается в дом мужа. После этого устраивают большое семейное торжество (*бадев*) с приглашением родственников с обеих сторон. Устойчиво сохраняется традиция давать детям имена их бабушек и дедушек. Поэтому широко распространены такие старинные армянские имена, как, например, Хачерес, Хачехпар, Луйспарон, Лусеген, Вардерес, Искуи, Србуи, Такуи, Шогакат. В то же время встречаются, главным образом среди женщин как старшего, так и последующих поколений, русские имена, например Устинья (в форме Устья), Екатерина, Елизавета (в форме Савет).

Основные традиционные моменты сохраняются в похоронно-поминальной обрядности, хотя и в ней происходят определенные изменения. Хоронят у донских армян на следующий день после смерти, а не на третий день, как принято у большинства армян. Покойника полагается одеть целиком в новую одежду. С 1930-х годов стали хоронить в гробу, который по-местному называется «сундук». Поминки устраивают в день похорон (*hogуһац*, букв.: хлеб для души), на 7-й и 40-й день со дня смерти и в годовщину. В последнее время, как и у большинства армян, здесь наблюдается тенденция к сокращению поминальных дней, поскольку иногда объединяют *hogуһац* с 40-м днем либо 7-й и 40-й дни, главным образом в случае смерти старых людей. В поминальные дни родные покойного приносят на кладбище подносы с печеными сладостями, в частности гатой, тортом, бисквитом, конфетами, яблоками, а также отварное мясо, водку, с 1970-х годов — цветы. Собравшиеся в память покойного выпивают по рюмке водки, немного закусывают. На могиле оставляют поднос со сладостями и яблоками (их должно быть нечетное число), а также рюмку водки. Затем в доме покойного устраивается поминальная трапеза. За стол садятся сначала мужчины, а женщины — во вторую очередь. У местных армян сохранился обычай (о нем упоминает Е. Шахазиз²¹), не наблюдаемый нами нигде, по завершении поминок раздавать их участникам так называемый

пай, включающий гату либо сдобную булку, а в последние два десятилетия еще яблоко и плитку шоколада. В с. Большие Салы такой пай раздают за неделю до поминок 40-го дня в качестве приглашения. Как и у всех армян, раньше в дом умершего было принято приносить продукты, в основном рис и сахар, а также печеные изделия, конфеты, а с 1970-х годов вошел в обычай широко распространенный на Кавказе сбор денег — вначале по 3, 5 руб., а сейчас по 10 руб.

Траур по покойному соблюдают обычно в течение 40 дней. К годовщине со дня смерти на могиле устанавливают надгробный памятник. По-прежнему очень распространены эпитафии. Четыре раза в году сельские жители отмечают дни поминовения умерших (*мерелоц*), когда они посещают могилы близких. В эти дни также полагается приносить на кладбище подносы со сладостями и фруктами.

Таким образом, результаты нашего исследования показали, что бытовая культура донских армян, с одной стороны, имеет много общего с культурой армянского этноса в целом, а с другой — отличается спецификой, обусловленной как принадлежностью их к локальной этнографической группе, так и влиянием традиций окружающего населения.

* * *

В заключение остановимся на некоторых особенностях современной этнической ситуации в Ростовской обл. Как явствует из табл. 3, в области проживают представители многих народов, но основное ее население (более 89%) — русские, хотя доля их в 1989 г. по сравнению с 1970 г. снизилась на 2%. Произошло также некоторое снижение доли белорусов, татар и особенно евреев. Доля остальных народов за этот период увеличилась или осталась почти на прежнем уровне. Особенно резкое увеличение численности и соответственно доли в общем национальном составе области наблюдается среди чеченцев, азербайджанцев и даргинцев.

Такой многонациональный состав области налагает большую ответственность на местные власти по созданию благоприятной межнациональной обстановки, особенно в современных условиях ее обострения во многих регионах страны. Надо сказать, что местные власти с достаточным вниманием и пониманием относятся к данной проблеме. В целом по области обстановка в настоящее время более или менее стабильная. Каких-либо серьезных очагов межнациональной напряженности практически не выявлено. Правда, в начале 1990 г. был момент, когда чуть было не разгорелся конфликт в связи с необдуманным решением Центра о призыве резервистов для отправки в Закавказье. Резервистов брали ночью, причем только русских (хотя известны случаи, когда армяне сами приходили и просили отправить их тоже), из регионов, где совместно с русскими проживают армяне — из Ростовской обл., Краснодарского и Ставропольского краёв. Хорошо еще, что возмущение русского населения в области было обращено в основном к Центру, т. е. к тем, кто принял подобное решение. Но недовольство в адрес армян и азербайджанцев все-таки иногда высказывалось. Хотя резервисты вскоре были отпущены и возвратились домой, неприятный осадок от этого случая у всех остался. В феврале в городе неожиданно появились листовки, подписанные Российским народным фронтом, содержание которых не могло не возбудить межнациональную рознь. В них звучали призывы изгнать с земли Дона представителей всех национальных меньшинств, в первую очередь армян и евреев. «Россия для русских» — таков лозунг авторов листовок, которые естественно вызвали тревогу и беспокойство людей. В подъездах некоторых домов были сняты таблички с фамилиями их жильцов. Однако следует сказать, что хотя этот факт имел место, для русских в изучаемом регионе характерно всегда терпимое и лояльное отношение к другим народам, особенно к соседям. Подобные факты, когда среди местного населения распространялись ложные слухи о якобы тысячах семей армянских беженцев из Баку, которым будут вне очереди предоставлены квартиры, и тем самым

Таблица 3*

Национальный состав Ростовской обл. по данным переписей 1970, 1979, 1989 гг.

Национальность	1970 г.		1979 г.		1989 г.		1989 г. в % к 1979 г.	1989 г. в % к 1970 г.
	тыс. чел	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%		
Все население	3831,26	100,0	4079,02	100,0	4292,29	100,0	105,2	112,0
В том числе:								
русские	3493,34	91,18	3706,64	90,87	3823,21	89,19	103,3	109,6
украинцы	149,03	3,89	156,76	3,84	184,3	4,29	117,6	123,7
армяне	53,62	1,40	56,90	1,39	65,45	1,52	115,0	122,1
белорусы	35,23	0,92	36,04	0,88	38,94	0,91	108,0	110,5
чеченцы	2,53	0,07	9,18	0,23	18,25	0,43	198,8	в 7,2 раза
татары	16,11	0,42	16,95	0,42	17,65	0,41	104,1	109,6
цыгане	7,70	0,20	9,21	0,23	11,46	0,27	124,4	148,8
азербайджанцы	1,46	0,04	3,12	0,08	10,93	0,25	350,3	в 7,5 раза
евреи	18,19	0,47	15,28	0,37	10,73	0,25	70,2	59
молдаване	5,33	0,14	7,57	0,19	10,7	0,25	141,3	в 2 раза
немцы	4,57	0,12	6,45	0,16	7,66	0,18	118,7	167,6
корейцы	4,97	0,13	5,78	0,14	7,32	0,17	126,6	147, 3
грузины	2,20	0,06	3,38	0,08	7,29	0,17	215,7	в 3,3 раза
даргинцы	0,46	0,01	5,76	0,14	6,53	0,15	113,4	в 14 раз
удмурты	4,62	0,12	4,93	0,12	5,2	0,12	105,5	112,6
прочие	31,90	0,83	35,07	0,86	61,67	1,44	175,8	193,3

* Составлено по данным Госкомстата г. Ростова.

спровоцированы многотысячные митинги и беспорядки, и имели место в ряде городов страны, в частности во Фрунзе и Душанбе²². Между тем важно отметить, что взаимоотношения русских и армян в рассматриваемой области, сложившиеся за более чем двухвековую историю, добрососедские, с устойчивыми дружественными, а нередко и родственными связями. Какой-либо национальной ущемленности армяне практически не ощущают. Этому способствует и благоприятная в целом кадровая ситуация в назначении на руководящие посты в Мясниковском р-не представителей обоих народов. Например, председатель райисполкома и все его заместители — армяне; из трех секретарей РК КПСС — двое русских, один армянин; главным редактором районной газеты после смерти армянина стала русская женщина, а все редакторы — армяне; начальники райпо, статуправления — армяне; главный врач — русский; директора всех школ — армяне. До 1960-х годов прокурор и начальник милиции района были армяне, а позднее — русские.

Вместе с тем высказывались пожелания о возвращении Мясниковскому р-ну статуса национального. Несмотря на изменившуюся с 1960-х годов демографическую ситуацию, армяне тем не менее составляют 54,9% его жителей, т. е. больше половины. Думается, что в условиях заключения нового союзного договора, когда будут полнее учитываться интересы национальных меньшинств, это станет более реальным. Чувство глубокого удовлетворения армянской общественности вызвало бы также возвращение к жизни исторического названия Нор-Нахичевань, что стало бы возможным при переименовании Пролетарского р-на г. Ростова в Нор-Нахичеванский, хотя нынешний Пролетарский р-н по охвату территории больше, чем старый г. Нор-Нахичевань. Но здесь, на наш взгляд, на первый план должны выступать не количественные показатели, а национальные интересы народа, который более двух веков тому назад построил этот город, дал ему именно это название и продолжает в нем жить (всего в Ростове, по переписи 1989 г., более 31 тыс. армян, из них около трети проживает в Пролетарском р-не). Возвращение исторического армянского названия стало бы фактом большого нравственного значения. Известно, что сейчас по всей стране идет процесс возвращения исторических названий улицам, районам, городам. Хотелось бы верить, что он коснется также и Ростова. Думается, что это могло бы произойти в русле того большого внимания, которое уделяют местные власти возросшим в последнее время потребностям проживающих в области народов в возрождении и сохранении их культурных традиций. Так, в 1985 г. в Мясниковском р-не был создан ансамбль донских армян «Ани», основная цель которого — собирание, изучение армянского фольклора, дальнейшее его развитие и пропаганда. Выступления ансамбля проводятся не только в армянских селах, но и в городе, а также за пределами области. В конце 1988 г. в Ростове было образовано армянское культурно-просветительное общество «Нор-Нахичевань» при Всероссийском фонде культуры. Оно объединило около 150 человек разного возраста и социального статуса. Были организованы различные секции — по изучению армянской истории, этнографии, литературы, народной архитектуры. Большое внимание уделяется изучению армянского языка. Обществом было проведено несколько вечеров, посвященных армянской истории, поэзии, музыке, архитектуре, организованы выставки, праздник национальной борьбы *гураш*. Особо следует отметить проводившееся по инициативе общества в сентябре 1989 г. празднование 210-летия образования местной колонии. Действенную помощь оказало общество пострадавшим во время землетрясения армянам, а также по приему и обустройству беженцев из Азербайджана.

Осенью 1989 г. была учреждена «Ассоциация содействия еврейской культуре». Не преследуя никаких политических целей, она ставит перед собой задачу национально-культурного возрождения традиций, культуры, языка народа, т. е. создание таких условий, которые приостановили бы выезд евреев за рубеж. Но несмотря на это, эмиграция евреев растет. Так, за 5 месяцев 1990 г. число эмигрировавших из области составило уже 600 человек, т. е.

столько же, сколько за весь 1989 г. За рубеж уезжают также греки и немцы. Для живущих в области немцев создано Ростовское отделение Всесоюзного общества советских немцев «Возрождение».

В последнее время наблюдается активность также среди казачества. В конце 1989 г. ими был организован «Донской военно-исторический клуб имени атамана Матвея Ивановича Платова». Клуб объединяет пока около 40 человек, поставивших перед собой цель — возрождение культурных традиций донского казачества. Те же цели провозглашаются на создаваемых в разных местах казачьих кругах. Какие-либо политические цели не преследуются. Весной 1990 г. на большом казачьем кругу, избравшем своего атамана, прозвучала мысль о необходимости проведения переписи казаков. С 1989 г. в станице Старочеркасской в последнее воскресенье каждого месяца проходят фольклорные праздники донских казаков, на одном из которых нам удалось присутствовать.

Помимо обществ, объединяющих людей по национальностям, в области создан «Народный фронт Дона» на базе бывшей организации «Защита». Его основная цель — взять под защиту всех социально обездоленных, в частности безработных, граждан, которых отвергли официальные структуры, и объединить их. Сейчас в центре внимания общественности — экологические проблемы, главным образом вокруг строящейся атомной электростанции²³.

Особую заботу местных властей вызвал поток беженцев. Всего в область прибыло около 8 тыс. беженцев, в том числе 5 тыс. турок-месхетинцев из Средней Азии. Турок-месхетинцев разместили в населенном русскими Мартыновском р-не. В целом конфликтов с местным населением у них нет, но есть проблемы, в частности возникающие в связи с их просьбой предоставить им землю, жилье, что не всегда воспринимается положительно со стороны местного населения. Кроме того, они хотят хлеб для себя выпекать сами, для чего просят выделить им муку, а в ней ощущается определенный дефицит.

Остальные беженцы — из Азербайджана. Это армяне, русские, а также азербайджанцы из смешанных семей. Возникла серьезная проблема в организации их жилья, трудоустройства. Время от времени происходили определенные всплески недовольства со стороны местного населения, подогреваемые различными слухами, но их удавалось гасить.

Все эти обстоятельства требуют пристального внимания со стороны общественности по сохранению стабильной этнической ситуации в области. В связи с этим в последнее время в Ростове стали организовываться «круглые столы» по проблемам межнациональных отношений и развития национальных культур, проводятся встречи членов бюро обкома КПСС с ответственными работниками ЦК КПСС и с представителями творческой интеллигенции. Решено создать при обкоме КПСС информационно-аналитический центр, работать в который будут приглашены девять научных сотрудников, в том числе социологи. Недавно Северо-Кавказским научным центром было проведено исследование на тему «Экономические и социокультурные механизмы сохранения национальной самобытности в условиях инонационального окружения». Стоит вопрос о необходимости введения в школьную программу изучения этнокультурных особенностей народов, живущих на Дону, что очень важно для последующего благоприятного развития межнациональных отношений в регионе.

Примечания

¹ В составе группы работали сотрудники института: Тер-Саркисянц А. Е. — руководитель, Амирянц И. А. и Аверичев Д. Л. Полевые материалы хранятся в архиве Института этнологии и антропологии АН СССР (далее АИЭ).

² 210 лет в единой семье (1779—1989). Чалтырь, 1989. С. 4.

³ В Крым армяне переселились в XVI в., главным образом из западноармянского г. Ани.

⁴ 210 лет в единой семье. С. 4.

⁵ Соответствующая грамота, написанная на русском и армянском языках, хранится в Государственном музее истории Армении г. Еревана // Там же. С. 7.

⁶ Шахазиз Е. Новый Нахичеван и новонахичеванцы. Исторический обзор // Азгарахан хандес. Тифлис, 1903 (на арм. яз.). Первод на русский язык Ш. М. Шагиняна. С. 118. Рукопись перевода хранится у его вдовы Шагинян О. М. в с. Чалтырь Мясниковского р-на Ростовской обл. (эта и последующие сноски сделаны по рукописи).

⁷ 210 лет в единой семье. С. 8.

⁸ Сармакешян Г. У самого Тихого Дона. Жизнь диаспоры // Коммунист (Ереван), 1990. 23 мая.

⁹ Халпахчян О. Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону. Ереван, 1988. С. 10.

¹⁰ Сармакешян Г. Указ. раб.

¹¹ Рассчитано по данным похозяйственных книг сельских Советов сел Чалтырь, Крым, Большие Салы, Несветай, Султан Салы, Красный Крым.

¹² Рассчитано по данным Госкомстата г. Ростова. Процент вычислен автором.

¹³ Рассчитано по тем же данным. Процент вычислен автором.

¹⁴ Халпахчян О. Х. Указ. раб. С. 13.

¹⁵ Там же. С. 79.

¹⁶ Шахазиз Е. Указ. раб. С. 122.

¹⁷ Там же. С. 125.

¹⁸ Здесь и далее данные по Армении см.: Тер-Саркисянц А. Е. Армяне // Семейный быт народов СССР. М., 1990. С. 410—413.

¹⁹ Шахазиз Е. Указ. раб. С. 123.

²⁰ Там же. С. 71.

²¹ Там же. С. 80—81.

²² См., например: Эхо Баку // Комсомольская правда. 1990. 13 февраля; Разум или безумие? // Сов. культура. 1990. 17 февраля.

²³ См., например: Новая опасность для атомных станций // Известия, 1990. 10 августа.

© 1991 г., СЭ, № 3

Б. П. Полевой

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ ПОХОД НА ТИХИЙ ОКЕАН В 1639—1641 гг. В СВЕТЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ

В 1989 г. во Владивостоке (15 сентября), в Южно-Сахалинске (17—18 октября), в пос. Кутана Алданского р-на ЯАССР (1 ноября) и в Ленинграде (20 ноября) были проведены юбилейные заседания, посвященные 350-летию первого выхода русских на Тихий океан, открытия русскими земель и малых народов Дальнего Востока, начала русского тихоокеанского мореходства. Все эти события связаны с историческим походом Ивана Юрьева Москвитина, в котором участвовало 20 томичей и 11 красноярцев. Именно во время этого похода русские в первый раз познакомились с образом жизни охотских эвенов и эвенков, и тогда же впервые стали известны нашим землепроходцам нивхи («сидячие гилыки»), нанайцы («натки», «онатырки» и т. д.) и даже сахалинские айны («бородатые»).

К сожалению, история похода И. Ю. Москвитина (1639—1641 гг.) до сих пор нередко освещается в печати с большими ошибками. Это происходит потому, что авторы статей в местных изданиях некритически повторяют то, что они смогли извлечь из книг известного популяризатора истории географических открытий А. А. Алексеева, который сам лично изучением архивных документов XVII в. не занимался и имеет довольно своеобразное представление об этнической истории отечественного Дальнего Востока. Поэтому настоящая статья ставит своей задачей, во-первых, на основе историко-этнографических данных существенно уточнить историю похода И. Ю. Москвитина, а во-вторых, опровергнуть ряд ложных версий, которые до сих пор повторяются в нашей печати.

Ранней весной 1638 г., после зимовки на Алдане в устье р. Томпо («Томки», по словам томичей), большой отряд томского атамана Дмитрия Копылова начал подниматься вверх по Алдану в надежде найти «новые неясашные народы». В низовьях р. Майи казаки наткнулись на группу эвенов, прикочевавших туда «из-за камени с Ламы»¹, т. е. из-за хребта Джугджур с Охотского моря (тунгусское *лама* означает «море»). Это была самая первая встреча русских с аборигенами Охотского побережья². Поскольку эвены, взятые русскими в *аманаты* (заложники), говорили, что они пришли с «ламы», то русские и стали их именовать «ламу́нками», «ламу́тками» и наконец просто «ламу́тами». Тогда-то от эвенов Охотского моря русские узнали о самом удобном пути «на большое море-окиян»³. Но так как в тот период казаки стремились подчинить себе тунгусов еще и ближайших районов, то Копылов предпочел продолжить свое продвижение вверх по Алдану. Вскоре казаки достигли земель эвенкийского рода *бута* (мн. число: *бутал*) и там 28 июля 1638 г. основали новое свое поселение — Бутальский острожек⁴.

В Центральном гос. архиве древних актов мне удалось найти документ, в котором указывалось, что Бутальский острожек был основан «на устье Янды реки»⁵. Поскольку на общедоступных картах такая река отсутствовала, весной 1989 г. я попросил В. Я. Сальникова (г. Орел) — руководителя туристической группы, решившей обследовать путь И. Ю. Москвитина, попытаться на месте разыскать р. Янду. Благодаря опросу аборигенов Сальникова удалось установить, что «река Янда» (на картах — «Джанда») впадает в Алдан у пос. Кутана. Так, только в 1989 г. было установлено подлинное местоположение исторического Бутальского острожка, из которого в мае 1639 г. был начат исторический поход И. Ю. Москвитина к берегам Тихого океана.

По-новому теперь трактуется и главная причина самой организации похода И. Ю. Москвитина.

В августе 1638 г. в Бутальском острожке русские впервые услышали от эвенкийского шамана Томкони (из рода лалагиров) о существовании на дальнем юге, за хребтом, большой богатой реки «Чиркол»⁶. Очевидно, здесь шла речь о р. Амур: еще Л. И. Шренк отмечал, что в старину Амур вместе с Шилкой часто называли «Ширкор, Шилкир и иногда и Силкар, Сиркал»⁷. Томкони сообщил русским: «Есть де блиско моря река Чиркол, а на той реке Чирколе гора, а в ней серебряная руда, а окол тое руды живут в орде сиделья многие люди, а живут домами своими, устроены двory, а городов у них никаких нет и иных крепостей нет же, а ис той руды плавят серебро. А у тех сидельх людей во всех деревнях устроены пашни и лошадей и всякой животины много»⁸. Это же подтвердил и эвенок Гуликан. Так до русских дошли самые первые известия об Амуре⁹. И, естественно, они живо заинтересовали Дмитрия Копылова. В те времена Россия остро нуждалась в серебре, а в Ленском крае ощущалась большая нехватка зерна. Отсутствие же военных укреплений на «Чирколе» позволяло надеяться на относительно легкое занятие этого района. Поэтому Копылов и решил от себя послать отряд во главе с бывалым томским казаком И. Ю. Москвитиным проведать серебряную руду на Чирколе. Поскольку эвенки утверждали, что гора расположена «блиско моря», Копылов был убежден, что москвитинцам следует туда идти на морских судах. Так и возникла идея посылки на «море-окиян» самой первой группы русских в составе 20 томичей и 11 беглых краснойярских казаков.

Таким образом, с самого начала выход отряда И. Ю. Москвитина на Охотское море *отнюдь был не самоцелью, а лишь способом достижения реки «Чирколы» со стороны моря.*

В мае 1639 г. казаки спустились на большом дощанике устькутской постройкой вниз по Алдану до устья Майи за 8 дней. Столь долгий переход по Алдану нас теперь не должен удивлять. Как сообщила мне географ школы в Кутане

Л. Д. Абрамова, расстояние от устья Янды до устья Майи — 265, а не 100 км, как считалось ранее. Да и Алдан тогда еще не был полностью свободен от льдов.

Уже при плавании вверх по Майе москвитинцы случайно узнали, что среди сопровождающих их «вожей» (проводников) эвенов и эвенков есть две женщины, ранее побывавшие в плену на юге у серебряной горы. Именно от них русские впервые узнали второе наименование реки «Чиркол» — «Омур», «Амур», которое благодаря москвитинцам впоследствии стало известным не только в России, но и во всем мире¹⁰. От других тунгусов москвитинцы узнали, что серебряная гора, находящаяся на Амуре «блиско моря», стояла в земле «натков» (или «анатырков»), т. е. явно нижеамурских нанайцев.

Любопытно отметить, что 3 года спустя аналогичные известия о серебряной горе в земле «наттов» русские услышали от эвенов и в верховьях Яны и Индигирки, но там приходящие с юга эвены большую реку называли «Нерогой»¹¹. Еще в 1950 г. Н. Н. Степанов справедливо идентифицировал Нерогу с Амуром¹². Скорее всего, название «Нерога» (или «Нурга», «Нургу», «Нуруга» и др.) произошло от названия «Нургань», как в XV—XVII вв. назывался район нижнего Амура¹³.

По мнению Н. Н. Степанова, рассказ о серебряной горе был фантастичным¹⁴. На самом же деле речь несомненно шла о реальной нижеамурской горе Оджал, которую в старину называли «Серебряной»¹⁵. Наименование же «Оджал» произошло от тунгусского рода *оджал* (*одзял*, или, по-арсеньевски, *узала*)¹⁶.

Главной задачей похода И. Ю. Москвитина стал сбор сведений о нижеамурской серебряной горе Оджал. Для достижения этой цели они должны были сперва выйти на Охотское море, а затем с моря проникнуть на Нижний Амур.

В литературе весьма часто утверждают, что москвитинцы будто бы с р. Майи свернули на р. Юдому (в прошлом так поступали все, кто этим путем ходил на р. Охоту). Но, как удалось установить по архивным документам, юдомский путь с р. Майи стал известен русским лишь 10 лет спустя. А в 1639 г. «вожи» — эвены и эвенки — провели москвитинцев другим путем — не на правый приток Майи Юдому, а на левый — Нудыми («Нюдми»). Замечу, что историк И. Е. Фишер, бывавший на р. Майе еще в середине XVIII в., предупреждал читателей своей книги, чтобы они не путали Нудыми («Нюдми») с Юдомой¹⁷.

Для похода вверх по мелководной Нудыми пришлось построить две мелко сидящие «бударки» (сайдарки). Их перенесли через Джугджур до речки «Волочанки», впадающей в р. Сикшу, и уже по ней смогли достичь р. Ульи, впадающей в Охотское море¹⁸. На «бударках» шли только до водопада на р. Улье, который обошли берегом, после чего для дальнейшего плавания построили большую «лодью». Этнограф В. А. Тураев, бывавший на нудымском перевале через Джугджур, отмечал: «Высота перевала здесь едва ли достигала ста метров, а пологие, удивительно ровные и гладкие подходы к нему как со стороны Нудыми, так и Ульи сводили на нет и эту высоту»¹⁹. Так выяснилось, что москвитинцы при переходе через хребет Джугджур особых трудностей не испытывали.

К сожалению, точная дата первого выхода русских на Тихий океан пока еще не установлена. Однако сопоставление различных исторических данных, и в первую очередь сведений о начале сбора ясака на Улье среди эвенов и эвенков, позволило выяснить, что москвитинцы смогли достичь берегов Охотского моря в августе 1639 г.²⁰

Вот уже более 10 лет в устье Ульи стоит памятник, посвященный этому важному событию в истории нашей родины. На памятнике — надпись: «Казаку Ивану Москвитину и его товарищам: Дорофею Трофимову, Ивану Бурлак, Прокопию Иконнику, Степану Варламову, Алферу Немчину, Ивану Онисимову, Тимофею Овдокимову, Ивану Ремез, Еремею Епифанову, Денисову „Пеньке“, Василию Иванову, Дружину Иванову, Семену Петрову — первым русским, вышедшим в 1639 году к берегам Тихого океана благодарные потомки»²¹. Данный

список был заимствован из моей публикации 1959 г.²² с необоснованным пропуском имен Афанасия Иванова и Нехорошего Иванова Колобова. Но с тех пор по документам удалось установить еще ряд имен участников похода. Это — Иван Иванов, Павел Иванов, «Пятулька» Иванов, Никита Ермолаев, Сергей Корнилов, Кирилл Осипов, Даниил Федосов, Клим Олексеев, Потап Кондратьев и умерший Петр Саламатов²³. Следовательно, теперь из 31 участника исторического похода нам известны 25 имен.

Поход к морю проходил в нелегких условиях: «До Ламы идучи, кормились деревом, травой и кореньем», — отмечал Москвитин²⁴. Поэтому, как только на Улье москвитинцы узнали о существовании богатой рыбой р. Охоты, они решили совершить туда поход. Сам Москвитин на речной лодке повел на север 19 человек. Вышли в путь «из зимовья в Покров Богородицы», т. е. 1(11) октября 1639 г. Дошли до Охоты через три дня, т. е. 4(14) октября, и на следующий день оказались на Ураке²⁵. Здесь у местных «шелганов» (эвенский род)²⁶ взяли первых аманатов, которых увезли на Улью. Версия о том, что тогда москвитинцы будто бы доходили даже до р. Тауй, опровергается документально²⁷.

Видя «малолюдство» русских, эвены с Охоты и Урака решили, «взяв с собою 600 человек», идти на Улью, чтобы освободить своих «родников»²⁸. Уже в ноябре им удалось совершить свое первое нападение на москвитинцев. Огнестрельное оружие позволило его отбить. Второе нападение последовало весной — 3(13) апреля 1640 г. Тогда пришли «горбиканской земли князец Ковыр, а с ним девятьсот человек»²⁹. На этот раз эвены выручили своих «родников». Но москвитинцам удалось захватить семь других аманатов. Среди них был тойон, который сообщил, что «от них направо в летнюю сторону на море по островам живут тынгусы ж, гиляки сидячие, а у них медведи кормленные»³⁰. Так русские впервые узнали о существовании оседлых нивхов-гиляков.

И возникает вопрос: о каких островах идет здесь речь? Некоторые историки утверждают, что о Шантарских островах. Но для этнографов очевидно: на Шантарах никогда не было *оседлых* («*сидячих*») нивхов³¹. Сюда нивхи заходили изредка — только на время зимней охоты и когда вели торговлю мехами со своими южными соседями. Однако в середине XVII в. из-за маньчжуро-китайской войны и войны с сахалинскими айнами такая торговля полностью была прекращена. В 1653 г. напротив Шантар на р. Тугуре был поставлен русский Тугурский острожек. Основатель его И. А. Нагиба справедливо указывал, что тогда острожек окружали только тугурские эвенки, а ближайшие селения «гиляков» (нивхов) находились не на Шантарах, а далеко на востоке. Исключение составлял лишь небольшой «выселок» на материке в заливе «Учалыды» (губа р. Усалгин)³². Б. О. Долгих, бесспорно лучший советский знаток этнической истории Дальнего Востока XVII в., достоверно установил, что в середине XVII в. (как и в XIX—XX вв.)³³ крайне западным «рубежным» селением *оседлых* нивхов («*сидячих* гиляк») на Охотском побережье был «Коулинский улус», т. е. селение Коль (или Куль) в Сахалинском заливе³⁴. Эти данные не оставляют сомнений в том, что в середине XVII в. островами «сидячих гиляк» назывались острова, расположенные *к югу от нивхского селения Коль*, что подтверждается в какой-то степени картой Сибири Искранта Идеса, выпущенной в Амстердаме в 1704 г. хорошим знатоком русских документов XVII в. Николасом Витсенем³⁵. На этой карте напротив Тугура изображены Шантарские острова и вдали от них — цепочка островов у самого устья Амура (на карте здесь — надпись «Populi giliaki» — «народы гиляки»). Несомненно, это москвитинские «острова Гилятцкой орды». Первый, самый малый остров «сидячих гиляк» — о. Лангр (Байдукова), а самый крупный — о. Сахалин. Все эти острова были хорошо известны охотским эвенкам, на своих *батах* часто совершавших плавание к устью Амура и на Сахалин. И неудивительно, что в этих местах, как показали исследования советских археологов (А. П. Окладникова, Р. С. Васильевского и др.), была единая охотская культура.

Таким образом, стало очевидным, что *самые ранние сведения о Сахалине*

и соседних малых островах, а также об их жителях — оседлых нивхах были получены русскими от охотских эвенов в устье Ульи еще весной 1640 г.

Поскольку острова «сидячих гиляк» (оседлых нивхов) были расположены на пути к устью Амура, москвитинцы и решили в свое южное плавание 1640 г. взять в качестве «вожей» эвенов-информаторов.

Более двух веков (до 1951 г.) историки считали, что москвитинцы далее р. Уды не плавали. Такое впечатление у них создалось благодаря использованию единственного тогда известного документа о походе москвитинцев — «Росписи рек, имена людям»³⁶. Но в 1951—1952 гг. произошло неожиданное: дважды была опубликована (к сожалению, с неоправданными купюрами) интереснейшая «скаска» участника похода И. Ю. Москвитина — казака Нехорошего Иванова Колобова, записанная на Ленском волокe в начале 1646 г.³⁷ Ко всеобщему удивлению исследователей, в ней было сказано: «...до онатырков (т. е. амурских нанайцев) не доходили, а гиляков, которые живут по островам, тех проходили... а то де амурское устье они видели через кошку»³⁸.

Одни исследователи (А. И. Андреев, М. И. Белов, С. В. Обручев и др.) поверили в достоверность этого сообщения, другие начали возражать. Так, И. М. Забелин неосторожно заявил: «Это, разумеется, ошибка»³⁹.

Иную версию выдвинул Н. Н. Степанов. В 1958 г. он предположил, что в «скаске» Н. И. Колобова речь идет о плавании охотских эвенов, а не москвитинцев⁴⁰. Версию Н. Н. Степанова в 1971 г. поддержал Д. М. Лебедев⁴¹, который в 1958 г. признавал, что именно москвитинцы видели устье Амура «через кошку»⁴². В 1984 г. мысль Н. Н. Степанова [без ссылки на ее автора] подхватил сахалинский историк М. С. Высоков⁴³. Но ни Д. М. Лебедев, ни М. С. Высоков не знали, что еще в октябре 1959 г. на заседании Географического общества СССР Н. Н. Степанов публично отказался от своей версии. Почему же?

Дело в том, что в 1958 г. впервые в печати было сообщено о замечательной находке московского историка П. Т. Яковлевой — «распросных речах» И. Ю. Москвитина, записанных в Томске 28 сентября 1645 г.⁴⁴ При знакомстве с текстом этого ценнейшего документа стало очевидным, что до района устья Амура и до «островов Гилятцкой орды» ходили безусловно *сами москвитинцы*⁴⁵. Следовательно, рассказ Н. И. Колобова был вполне достоверным. Именно после публикации полного текста «распросных речей» И. Ю. Москвитина многие сомневающиеся изменили свое мнение. Так, 8 марта 1964 г. Б. О. Долгих писал автору этих строк: «Это прекрасный документ, и я теперь верю, что Москвитин доходил до устья Амура».

Но оставалось неясным, почему же существует явное противоречие между тремя итоговыми документами похода И. Ю. Москвитина: почему в «Росписи рек, имена людям» ничего не говорится о плавании москвитинцев к району устья Амура и даже не упоминаются гиляки, а в двух других документах об этом рассказывается подробно?

Только недавно найдено простое объяснение этому. Оказалось, что во всем повинно острое соперничество между ленскими и якутскими казаками. Якутские власти очень холодно встретили прибывших в 1637 г. в Якутск незваных томичей. Они даже не хотели им выделять «тунгусского толмача». Его пришлось брать насильно⁴⁶. В Сибирский приказ были отправлены многочисленные жалобы якутских властей на томских казаков⁴⁷. А когда москвитинцы вернулись в Якутск, то только что прибывший туда первый якутский воевода П. П. Головин отобрал у них всю пушнину, собранную в ясак (11 или 12 сороков соболей)⁴⁸ и потребовал от Москвитина представить «роспись всему его ходу»⁴⁹.

Поскольку москвитинцы рассчитывали еще раз вернуться в район устья Амура, то они в представленной ими в Якутске «росписи» явно сознательно умалчали и о гиляках, и об устье Амура, но упомянули о крайне трудном пути с Уды к «Чии» (Зее)⁵⁰. О том, что «Роспись рек, имена людям» была сделана

в Якутске, свидетельствует ее вводная фраза: «Куда ходят на Ламу из Якутцко-острогу»⁵¹ (здесь и далее курсив в цитатах мой. — Б. П.)

А в Томске Москвитин уделил особое внимание именно морскому пути к устью Амура и предложил этим путем отправить около тысячи человек⁵².

Так стало понятным, почему И. Ю. Москвитин в июле 1641 г. в Якутске явно сознательно умолчал о морском пути к устью Амура, и о живущих там гиляках.

Естественно, возник вопрос: до какого конкретного места в районе устья Амура смогли дойти сами москвитинцы? Найти правильный ответ помогают три подробности, сообщенные самими москвитинцами. 1. Они дошли до такого места, где видели устье Амура через какую-то «кошку». 2. На подходе к этому месту им пришлось пройти мимо островов «сидячих гиляк», т. е. оседлых нивхов. 3. Они дошли на своих кочах на пути к устью Амура до места столь большого скопления гиляков-нивхов, что из-за своего «безлюдства» (или, точнее, «малолюдства») вынуждены были повернуть назад, отказавшись от намерения пройти в устье Амура к серебряной горе в земле «наттов», или «онатырков».

В прошлом я допускал, что под «кошкой» москвитинцы могли иметь в виду Петровскую косу, и что они приняли северный вход в Амурский лиман за устье Амура. Однако *острова оседлых нивхов находились несомненно южнее Петровской косы*. Непреодолимой преградой для москвитинцев тогда могли стать скорее всего нивхи, находившиеся непосредственно в районе устья Амура. Как свидетельствовал И. А. Нагиба, именно там в середине XVII в. было особенно много нивхских лодок⁵³. Поэтому мне кажется, что москвитинцы, вероятнее всего, смогли побывать действительно у реального устья Амура, тем более что именно в этом районе в прошлом имелась «кошка». Д. Афанасьев, описывая в 1864 г. Николаевск-на-Амуре и характеризуя Константиновский полуостров в устье Амура и прилегающий к нему залив, писал: «Низ залива к востоку ограничивается намывной из дресвы (мелкий булыжник) косою, по-местному — *кошка*»⁵⁴.

Бесспорно, во время плавания к этому месту москвитинцы видели сахалинский берег. Геодезист И. Ф. Панфилов, неоднократно работавший в Сахалинском заливе, утверждает, что в ясную погоду уже на пути к Амурскому лиману видна гористая часть сахалинского полуострова Шмидта. Еще яснее виден сахалинский берег при входе в Амурский лиман. Наконец, при плавании по Амурскому лиману тоже вдали часто «миражит» о. Сахалин⁵⁵.

Допускаю, что москвитинцы даже сами могли высаживаться на берег Сахалина. За это говорит внимательный анализ следующего важного сообщения Н. И. Колобова: после того, как эвен (информатор) в устье Ульи сообщил москвитинцам о гиляках, живущих по островам, он же рассказал и о побоище, которое устроили «бородатые люди» гилякам якобы на устье Уды. Колобов утверждал, что сами москвитинцы «на том побоище, где гиляков те бородатые люди побили, были и суды их в чем они приходили, струги однодеревные жгли, да тут же нашли дно цининного сосуда»⁵⁶.

«Струги однодеревные» весьма типичны для айнов. Были у них и «цынинные сосуды» (фарфоровые или фаянсовые), и упоминавшиеся в том же сообщении Колобова «азямы» (халаты) и топорики. Все это не оставляет сомнения в том, что здесь шла речь о сахалинских айнах. Но скажем прямо, *на р. Уде таксе событие никак не могло произойти, так как ни нивхи, ни тем более южносахалинские «бородатые» айны до столь далекой реки не могли дойти*. Данные айнского и нивхского фольклора полностью подтверждают, что в XVII в. неоднократно велись айнско-нивхские войны, главным образом на территории Сахалина. Известно, что самое большое сражение произошло в XVII в. в сахалинском заливе Уанды, название которого в переводе и означает «битва»⁵⁷. Не исключено, что лицо, записавшее рассказ Колобова на Ленском волоке, могло принять название «Уанды» за «Уды».

Таким образом, нет никаких сомнений в том, что именно москвитинцы были русскими первооткрывателями «островов Гилятцкой орды». Но весьма показат-

тельно, что в дальнейшем, в XVII в., название «*Гиляцкий остров*» закрепилось лишь за одним, самым большим островом «сидячих гиляк» — за *Сахалином*. Так, участники похода В. Д. Пояркова 9 ноября 1645 г. сообщали в Якутске: «...а от устья Амура до острова Гиляцкого мерзнет лед, ставает вовсе»⁵⁸. И то, что русские называли нивхов «гиляками» (от «гилэко» охотских эвенов, а не от этнонимов «гилэми» или «цзилими», употреблявшихся на Амуре), со всей очевидностью свидетельствует, что само название «*Гилятцкой остров*» явно возникло еще на Охотском побережье и своим появлением в лексиконе русских обязано москвитинцам. Поярковцам же оно стало известно потому, что в походе В. Д. Пояркова принял участие (как выяснилось только в 1977 г.!) толмач И. Ю. Москвитина Семен Петров Чистой⁵⁹. Сведения москвитинцев о Сахалине, большом острове, населенном гиляками, дошли и до участников посольства Н. Г. Спафария (1675—1678 гг.). В его характеристике Сахалина есть сведения о гиляках, которые «медведей кормленных держат»⁶⁰; несомненно, они исходили от москвитинцев. Очень характерно и другое сообщение Н. Г. Спафария: «А когда казаки были на усть Амура, гиляки, народ, который живет на море, сказали казакам, что от устья Амура по берегу морскому можно ехать в *седьмой день* в каменный город... А казаки для малолюдства не смели ехать»⁶¹. Это известие тоже явно исходит от москвитинцев: ведь когда они действительно «были на усть Амура», то слышали от одного тунгуса (но не гиляка!), что от устья Амура на *седьмой день* можно доехать до серебряной горы и находящейся около нее крепости⁶². И как мы уже знаем, сами москвитинцы не решились туда ехать из-за своего «безлюдства».

От Н. Г. Спафария первое русское название Сахалина — «*Гиляцкий остров*» дошло до голландского ученого Н. Витсена, назвавшего его в одном случае «островом Гилят (Giliat)»⁶³. «Гилят» — это родительный падеж от этнонима гиляки, впервые введенного в оборот москвитинцами.

Все эти факты лишний раз подтверждают правильность вывода, что именно москвитинцы были русскими первооткрывателями Сахалина. И это открытие было сделано за три года до голландца М. Г. де-Фриса, побывавшего в 1643 г. в сахалинских заливах Анива и Терпения и принявшего Сахалин за северную оконечность о. Иедзо (Хоккайдо)⁶⁴.

Отметим, что желание москвитинцев прийти в район устья Амура и к «островам Гилятцкой орды», а затем оттуда дойти до нижнеамурской серебряной горы, еще более окрепло во время обратного плавания 1640 г. по Охотскому морю.

Где-то около р. Тугур москвитинцам удалось захватить какого-то эвенка, от которого толмач Семен Петров Чистой смог собрать новые, весьма богатые сведения о Приуралье и Сахалине. По словам Ивана Москвитина, этот эвенк утверждал, что в устье Амура «живут сиделыя люди деревнями, в трех деревнях триста человек, а имя им натки, а хоромы у них, сказывает, избы и дворы, как у русских людей, а хлеб к ним привозят сверху Омуром рекою, а крепости у них около тех деревень никакой нет, а бой лушной да копейной, а железа на них куяки и пансыри, а делают те куяки и пансыри сами»⁶⁵.

Очевидно здесь смешались воедино реальные сведения об амурских гиляках-нивках и нанайцах («имя им натки»). Далее тот же эвенк подтвердил, что в Приамурье есть серебряная гора, которую охраняют «караульщики... с луками да с копьями»⁶⁶.

Тогда же, по словам Н. И. Колобова, москвитинцы получили от тунгусов новые сведения и о «бородатых людях»: «А сказывали те тунгусы, что от них морем до тех бородатых людей недалече»⁶⁷. Вне всякого сомнения, это сообщение могло относиться *только* к южносахалинским бородатым айнам, *живущим на берегу моря*.

Примечательно, что четверть века спустя именно в районе Тугура, русские услышали от местных эвенов рассказ о «кувах», а не о тех сахалинских айнах⁶⁸. Весьма показательно и то, что в далеком прошлом на юго-западе

Охотского побережья Сахалин был известен и под названием явно айнского происхождения — «Янкур»⁶⁹, что в переводе с айнского означает «дальний народ» (в словаре Бэчелера: «ya-un-gu»⁷⁰). Наконец, тот же, захваченный у р. Тугур эвенк еще раз подтвердил москвитинцам, что во время своего плавания в районе устья Амура они видели «острова Гилятцкой орды». Иван Москвитин сообщал: «И тот тунгус им говорил, что были де они тут, где гилятцкая орда, от коих островов воротилась»⁷¹. Уже по этой фразе видно, что под «островами Гилятцкой орды» подразумевались острова, находившиеся где-то на востоке от Тугура, недалеко от устья Амура.

Очевидно, при обратном плавании москвитинцы вторично прошли мимо Шантарских островов, об открытии которых не стали сообщать, так как они не были заселены.

Возвращаясь назад, москвитинцы зазимовали в устье Алдомы. Там они получили от одного эвенка «три круга серебряных, а носят их на платьях набив»⁷². Естественно, Москвитин стал расспрашивать, откуда они вывезены. «И тот тунгус сказал, что то серебро той горы, где плавают плавильщики»⁷³ и добавил, что в этот район «ходят де с моря в Омур реку торговые суды, а которово государства и с какими товарами, того тот тунгус не ведает»⁷⁴.

Считая все эти сведения весьма важными, Москвитин решил после зимовки на Улью не возвращаться, а спешно идти уже весной вверх по Алдоме на перевал через Джугджур. Оттуда он вышел к верховьям Северного Уя, по которому спустился на р. Майю. С устья Майи, где к тому времени возникло новое русское зимовье, он, не заходя в Бутальский острог, прямо пошел в Якутск, куда и прибыл в 20-х числах июля 1641 г.⁷⁵ Тогда-то Якутский воевода П. П. Головин и отобрал у москвитинцев всю собранную ими «соболиную казну» и оставил часть вернувшихся казаков у себя на службе. Так, томичи Иван Онисимов, Алфер Немчин и Дорофей Трофимов были отправлены в Жиганы для дальнейшего следования с Максимом Телициным в Арктику⁷⁶. Сам же Иван Москвитин с небольшой группой томичей отправился из Якутска в Томск. Уже 6 августа 1641 г. группа участников похода Москвитина прошла через таможенную Ленского волока.

Таким образом, используя *новые* архивные документы и данные этнографии, удалось весьма существенно уточнить подлинную историю похода И. Ю. Москвитина, которая с 1970 г. и вплоть до наших дней (1990 г.) искажается в различных сочинениях А. И. Алексеева. Чтобы такой упрек не был воспринят как голословный, напомним краткую историю весьма вольных рассказов А. И. Алексеева о походе И. Ю. Москвитина, начиная с его магаданской книги «Отважные сыны России».

Уже тогда, в 1970 г., А. И. Алексеев так описывал поход Москвитина: «Через горы и дремучие леса, по рекам и озерам вышел на Охотское море в 1639 году Иван Юрьев Москвитин с группой томских казаков. Путь Москвитина лежал по рекам Алдану, Мае и Юдоме, затем через высокий прибрежный хребет Джугджур и оттуда по реке Улье вниз к морю. Основав в устье этой реки новое зимовье, Москвитин и его товарищи в том же году совершили походы и плавания вдоль берегов Охотского моря как к северу — до Тауйской губы, так и к югу — до реки Уды, а по некоторым сведениям и южнее.

Здесь спутника Москвитина местные жители — нивхи, ульчи, гольды, дучеры, натки и другие — рассказали о большой реке, на которой живут богатые люди. Живут эти люди оседло, держат скот, пашут землю, меняют хлеб на соболей, имеют много золота, серебра, дорогих тканей. Называют этих людей даурами»⁷⁷.

После всего нами изложенного нетрудно убедиться, как много ошибок оказалось в этих двух абзацах. Мы уже знаем, что Москвитин не ходил по Юдоме и не плывал «до Тауйской губы». В походе участвовали не одни томские казаки, но и беглые красоярские, которые составили более трети участников похода. Добавлю: ни по каким озерам москвитинцы не ходили вообще, а Джугджур

в месте их перехода не был высоким. Южнее устья Уды москвитинцы не ходили, а ходили *на восток*. И было это уже не в 1639 г., а *летом 1640 года*.

«Нивхи, ульчи, гольды, дучеры, натки» ничего москвитинцам не рассказывали, так как они вообще с ними не беседовали. Войти в контакт с нивхами москвитинцы просто побоялись, а остальные упомянутые А. И. Алексеевым народы никак не могли встретиться с москвитинцами, поскольку на Охотском побережье никогда не жили. К тому же Алексеев явно не знал, что «дучерами» (дючерами) называли и гольдов, и наток⁷⁸, и поэтому «дучеров» никак нельзя отнести к особому народу, — все эти три этнонима относились к предкам современных нанайцев. Что касается упомянутых Алексеевым ульчей, то получение сведений о них москвитинцами явилось бы поистине научной сенсацией, так как в сообщениях и москвитинцев, и пояркоцев пока не удалось обнаружить каких-либо сведений, относящихся к ульчам. Кое-кто полагает, что ульчи сформировались как особая народность лишь в конце XVII в., когда в обезлюдевший из-за военных действий в середине XVII в. район на Амуре, неподалеку от устья Амгуни, переселились ушедшие с Охотского побережья тунгусские группы, быстро сблизившиеся с нивхами и частично с нанайцами. Что касается дауров, то об их существовании москвитинцам было известно еще на Алдане. А вот о главных информаторах москвитинцев — эвенах и эвенках — Алексеев вообще не упомянул.

И вот при столь странном представлении о походе И. Ю. Москвитина А. И. Алексеев в 1971 г. решил выступить в Южно-Сахалинске на исторических чтениях с утверждением, что москвитинский казак Н. И. Колобов вообще не был у устья Амуре и у берегов Сахалина и будто бы у москвитинцев никаких 17-метровых кочей не было.

Нетрудно понять, как возникло это ошибочное утверждение Алексеева. Во-первых, он был явно в плену старых представлений о том, что москвитинцы доходили только до р. Уды. Во-вторых, он не знал о произвольных купюрах в публикации «скаски» Н. И. Колобова в 1951 и 1952 гг., из-за чего из текста документа выпала очень важная фраза о том, что во время нападения эвенов в апреле 1640 г. «в те поры в острожке были не все, только половина, а другая половина, пятнадцать человек *делали два коча*». Впервые эта фраза была восстановлена Н. Н. Степановым в 1958 г.⁷⁹ Не знал А. И. Алексеев и о моей публикации в Томске «распросных речей» И. Ю. Москвитина, где достаточно ясно сказано: «А на весну пошли на море на святой неделе, а *суда делали зимой по осьми сажень*. А морем шли с вожами подле берег к гилытцкой орде к островам»⁸⁰. Восемь сажень — около 17 метров. Очевидно, что на столь больших кочах можно было действительно совершить достаточно далекое плавание.

Неудивительно, что никто из серьезных исследователей это выступление А. И. Алексеева не поддержал.

Тем не менее он продолжал упорствовать. В 1973 г. в Южно-Сахалинске вышла его статья о сахалинском агрономе М. С. Мицуле, которая начиналась со следующего абзаца: «История открытия, исследования изучения и в конечном счете освоения русскими людьми края земли и дальневосточной жемчужины — Сахалина начинается с XVII в. с посещения Сахалина участниками похода В. Д. Пояркова (1644—1645 гг.), участниками плавания И. А. Нагибы во времена Е. П. Хабарова и О. Степанова»⁸¹.

Абзац этот также по-своему характерен. В нем опять искажается истина. Во-первых, умышленно замалчивается роль москвитинцев в истории открытия Сахалина. Во-вторых, совершенно произвольно объявляется о посещении Сахалина В. Д. Поярковым и И. А. Нагибой.

Еще в 1955 г., изучая подлинные «распросные речи» первых пояркоцев, вернувшихся в Якутск, я обнаружил на обороте одного листа следующую запись, сделанную 9 ноября 1645 г.: «...гилыки сказывали: есть де на усть Амуре реки в губе остров, а на том же острову дватцать четыре улуса, а живут де те гилыки ж, а в улусе де юрт есть по сту и по пятидесяти...»⁸². Вполне очевидно, что здесь идет речь о Сахалине. Если бы поярковцы сами побывали на Сахалине, им не потребовалось бы ссылаться на сведения амурских гилыков (нивхов).

Из текста того же документа ясно, что зимой поярковцы не делали попытки добраться до Сахалина, а весной им уже было не до Сахалина, да у них и не было соответствующих судов для такого плавания. Для похода вдоль берега к р. Улье они приспособили свои речные дощаники — нашили на них «нашвы» (дополнительные борты). А на таких ненадежных судах они могли плавать только вдоль берега. Они так и говорили: «А с усть Амура реки шли морем до Ульи реки двенадцать недель. Потому де долго шли что де всякую губу обходили. А на прямь де будет с усть Амура до Ульи реки парусным погодием дней с десять»⁸³. Последний же важный вывод поярковцы сделали из опыта москвитинцев, плававших по Охотскому морю на морских кочах. Таким образом, вопреки утверждениям А. И. Алексеева, самим поярковцам, к сожалению, так и не удалось посетить Сахалин.

Ошибочно утверждение Алексеева и в отношении группы И. А. Нагибы. Сам Нагиба сообщал: «... а на усть де Амура реки стоят гилытские улусы юрт по 200 и больше, а из губы де с камени и за губою видят острова и на тех островах видят многие юрты, *только Ивашко с товарищами на тех островах сами не бывали*»⁸⁴. Сказано достаточно четко!

Продолжая весьма упорно изыскивать новые аргументы в пользу своей точки зрения, Алексеев и в последующие годы пытался доказать, что москвитинцы в 1640 г. будто бы не располагали достаточным временем, чтобы успеть дойти до устья Амура.

Ради этого он стал утверждать, что москвитинцы в 1640 г. плавали на север к р. Охоте⁸⁵. Как мы уже показали, такое плавание на самом деле было совершено еще в *октябре 1639 г.* Далее Алексеев сообщил, что москвитинцы в 1640 г. успели построить на р. Уде Удский острог⁸⁶. Но документы ясно показывают, что никакого Удского острога москвитинцы не создавали. Впервые Удский острожек был поставлен почти 40 лет спустя — не ранее 1679 г.⁸⁷

Но, пожалуй, наиболее произвольно изложил А. И. Алексеев историю похода И. Ю. Москвитина в книге «Береговая черта», изданной в Магадане в 1987 г. Уже на первых страницах этой книги Алексеев пытается доказать, что русские еще задолго до похода Москвитина имели некоторое представление о районе отечественного Дальнего Востока и его «береговой черте». Он пишет: «Важно, что русским людям *еще до похода И. Ю. Москвитина*, не говоря уже о походах В. Д. Пояркова и Я. П. Хабарова, а также плаваниях С. Дежнева и Ф. Алексеева, речная сеть Восточной Сибири и Дальнего Востока, а также общие контуры береговой черты северо-востока Азии были настолько известны, что эти сведения даже проникли в печать»⁸⁸.

Но никаких «домосквитинских» сведений «в печати» XVII в. никогда не было. Алексеев просто вводит читателя в заблуждение. Он цитирует «Книгу Большому чертежу», в которой сказано: «От Лены и по реке Олекмы до Тугирского острогу 7 недель, а от Тугирского через волок по Урке реке вниз до Асмугу реки и до Даурского Лапкаева города 10 дней, а с усть реки Шингалу вниз проход в Никанское царство». Комментируя этот текст, Алексеев принял «Шингал» за Амур, хотя очевидно, что речь идет о р. Сунгари. Не понял он и того, что «Асмуг» — это искаженное «Амур». Упустив из вида, что русский Тугирский острог был основан только во второй половине 40-х годов XVII в., Алексеев объявил, что все это было написано еще... в 1627 г.! Но каждый серьезный исследователь без труда может убедиться, что цитированный абзац заимствован из дополнения к «Книге Большому чертежу», написанного *только в 1673 г.*⁸⁹ И можно совершенно твердо сказать, что *первые представления о береговой черте Дальнего Востока были получены лишь в результате похода И. Ю. Москвитина.*

Причины организации самого похода И. Ю. Москвитина в книге А. И. Алексеева 1987 г. подаются также совершенно произвольно. Алексеев утверждает, что Москвитин был послан с Алдана «для отыскания Ламы-реки, которая представлялась текущей параллельно Лене и впадающей в море к востоку от нее... Мыслилось, что, добравшись до Ламы-реки (считалось, что истоки ее на китайской территории), можно, поднявшись по ней, дойти и до Китая»⁹⁰.

Но мы уже знаем, что эта версия ничего общего с действительностью не

имеет. Ни о какой р. Ламе, будто бы текущей параллельно Лене, ни Москвитин, ни его начальник Копылов никогда не писали. Никогда в их планы не входило проникновение в Китай. Это явно импровизация самого А. И. Алексеева. Если у них возник интерес к «Ламе», то только к «морю-окияну» — к Охотскому морю.

В книге 1987 г. Алексеев решил еще раз подвергнуть критике мои взгляды. На этот раз он начал с заявления, что в москвитинских документах будто бы нет никаких сведений о сахалинских айнах⁹¹. Известия о «бородатых даурах», до которых «морем не далече», уверял он, никакого отношения к айнам не имеют. Но Алексеев упускает из вида следующее: еще в 1958 г. Н. Н. Степанов совершенно справедливо писал, что в сообщении казака Н. И. Колобова о «бородатых даурах» были «слиты воедино рассказы тунгусов о даурах и айнах», ибо настоящих дауров никак нельзя было называть «боролатыми», так как монголоиды дауры «не отличались развитым волосяным покровом»⁹². Да и сведения о них были частично получены в том районе, где сахалинских айнов знали и называли «кувами». Дауры же никогда не жили на морском побережье и не были морскими охотниками-рыболовами.

В работе 1987 г. А. И. Алексеев впервые признал, что москвитинцы могли за «кошку» принять Петровскую косу на подступах к северному входу в Амурский лиман. Тем самым он вынужден был принять мое прежнее основное положение, что *москвитинцы в 1640 г. смогли побывать в районе устья Амура*. Но если за устье Амура был принят северный вход в Амурский лиман, то это означает, что москвитинцы видели не только материковый берег, *но и берег Сахалина*. Однако признать подобное Алексеев не хочет: ведь тогда станет очевидной несостоятельность его попытки доказать, что москвитинцы не были первооткрывателями Сахалина. Оказавшись в столь щекотливом положении, Алексеев пошел на новую уловку: он объявил, что москвитинцы спокойный залив Счастья приняли ... за устье Амура!⁹³

Столь же рьяно Алексеев пытается доказать, что в районе устья Амура в XVII в. не было никакой «кошки» и что «заметить... и определить» устье Амура «было тогда просто невозможно»!⁹⁴ Сообщение же Афанасьева о том, что в прошлом именно в устье Амура «была коса из дресвы... по-местному „кошка“», он просто игнорирует.

Весьма курьезна попытка А. И. Алексеева переселить «онатырков» на Охотское море. Казак Колобов справедливо указывал, что на Амуре *ниже* дауров жили «анатарки сидячие, недошед до усть Муры». Поскольку москвитинцам не удалось войти с моря в устье Амура, Колобов отметил, что «тех онатырков не доходили». Алексеев же в эти вполне ясные сообщения попытался вложить иной смысл. Он пишет: «...если понимать под „усть Муры“ устье Амура, выходит, что эти люди жили недалеко от гиляков на побережье Сахалинского залива на его материковой части».⁹⁵ Но там никогда нанайцы не жили, а только «гиляки» (нивхи). Эта фантазия ему потребовалась, чтобы сразу выдвинуть две новые «гипотезы». «А почему бы не предположить, — пишет А. И. Алексеев, — что в приведенном рассказе несколько сдвинуто место действий и не принять анатарков (анатарок или онатырок сидячих) за жителей долины реки Нангтары (Нантары или Лантары), впадающей в Охотское море южнее залива Аян — как раз на пути москвитинцев? Вполне вероятно, что так оно и есть. А почему бы не предположить, что Шантарские острова (Шантары) имеют отношение к названию анатырков.»⁹⁶ Конечно, все можно предположить. Но имеют ли подобные гипотезы что-либо общее с наукой?

Меня спрашивают: почему я только теперь критикую А. И. Алексеева? В публичных своих выступлениях, начиная с 1971 г., я уже неоднократно критиковал многие произвольные суждения А. И. Алексеева. Но в печати мои статьи пропущены до сих пор не были: мне заявляли, что подобная критика «может подорвать авторитет *дипломированного* автора». Подобное «непротивление злу» привело лишь к негативным результатам. В октябре 1989 г. на конференции в Южно-Сахалинске был зачитан доклад А. И. Алексеева, в котором он опять повторял свои старые домыслы и даже попытался их «развить». Так, он смело утверждал, что «Ламское море» получило свое название от *реки Ламы* (явно не ведая, что слово «лама» означает «море»!) и что нивхи будто бы жили... «от

Уды до залива Счастья». Столь же уверенно он причислил к своим единомышленникам покойных Е. П. Орлову и М. И. Белова. Алексеев писал, что они приняли «сначала за правду „скаску“ Н. И. Колобова», а затем якобы упомянули, что «согласно новейшим исследованиям Москвитин дошел до реки Уды». Но Орлова в печати вообще никогда не касалась этого вопроса, а М. И. Белов писал прямо противоположное: «Свидетельство Колобова о том, что вместе с Москвитиным они были вблизи устья Амура и даже видели его из-за прибрежной полосы (кошки), существенно дополняют наши сведения об этом историческом походе». И тут же Белов упрекнул «нового исследователя» Н. Н. Степанова за то, что в 1943 г. тот ошибочно утверждал: «Москвитин дошел лишь до устья Уды».⁹⁷ Не очевидно ли, что подобная манипуляция в истолковании ясного текста в науке совершенно недопустима. Вот почему и возникла необходимость показать в данной статье несостоятельность многих произвольных утверждений А. И. Алексеева. Восстанавливая историческую правду о походе И. Ю. Москвитина, я в то же время стремился показать, насколько полезны данные этнографии для историков географических открытий. Не сомневаюсь, что при разумном их использовании они помогут исследователям решить и другие вопросы, волнующие историков.

Примечания

- ¹ Центральный гос. архив древних актов (далее — ЦГАДА). Сибирский приказ (далее — СП). Стб. 261. Л. 62.
- ² В. А. Туголуков ошибочно считал, что русские впервые встретились с эвенками в верховьях Индигирки (см.: Вопр. истории. 1971. № 3. С. 214).
- ³ Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII в. на северо-востоке Азии (далее — ОРЗПМ). М., 1951. С. 139.
- ⁴ ЦГАДА. СП. Стб. 368. Л. 183—184.
- ⁵ Там же. См. также: Стб. 261. Л. 62.
- ⁶ Полевой Б. П. Новый документ о первом русском походе на Тихий океан («Распросные речи» И. Ю. Москвитина и Д. Е. Копылова, записанные в Томске 28 сентября 1645 г.) // Тр. Томск. обл. краевед. музея, Т. VI. Вып. 2. (1963). С. 27.
- ⁷ Шренк Л. Об иногородцах Амурского края. СПб., 1883. Т. 1. С. 150.
- ⁸ Полевой Б. П. Указ. раб. С. 30—31.
- ⁹ Распространено мнение, что еще в 20-х годах XVII в. Амур стал известен русским под названием «Каратал». Но это ошибка: «Караталом» тогда назывался Тэлгир-Мурэнь — приток р. Селенги. Максим Перфильев же первые сведения об Амуре («Шилке») собрал на Витиме лишь летом 1639 г.
- ¹⁰ Подробнее см.: Полевой Б. П. Амур — «слово московское». Древнейшие русские известия о великой реке // Амур — река подвигов. 2-е изд. Хабаровск, 1971. С. 178—192.
- ¹¹ Дополнения к Актам историческим (далее — ДАИ). СПб., 1846. Т. 2. С. 262.
- ¹² Степанов Н. Н. Первые сведения об Амуре и гольдах // Сов. этнография. 1950. № 1. С. 178—182.
- ¹³ Попов П. О Тырском памятнике // Зап. Вост. отд. археографического о-ва. 1906. С. 15—17; Shiratori K. The Santan in Totatsukiko (Travels in East Tartary) // Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko (The Oriental Library, Tokio). 1951. № 13. Р. 30—31.
- ¹⁴ Степанов Н. Н. Указ. раб. С. 179.
- ¹⁵ См.: Сов. археология. 1960. № 3. С. 331; Эдельштейн Я. С. Коренное месторождение золота и серебра в горе Серебряная на р. Амуре (близ с. Малмыж) // Золотопромышленность и горное дело вообще. Томск, 1905. Т. XIV. № 8. С. 264—265.
- ¹⁶ Василевич Г. М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVII — начало XX в.). М., 1969. С. 286—287.
- ¹⁷ Фишер И. Е. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1774. С. 379.
- ¹⁸ ОРЗПМ. С. 139. Сведения о р. «Сикше» (Секчи) см.: ЦГАДА. Якутская приказная изба (далее ЯПИ). Оп. 1. Стб. 48. Л. 82; Стб. 102. Л. 15.
- ¹⁹ Тураев В. Хожение встреч солнца // Дальневосточные путешествия и приключения. Вып. 5. Хабаровск, 1974. С. 362—363.
- ²⁰ Подробнее см.: Полевой Б. П. Об уточнении даты первого выхода русских на Тихий океан // Страны и народы Востока (далее — СНВ). Вып. XX (1979). С. 93—96.
- ²¹ См. фотографию в журн. «Вокруг света». 1983. № 10. С. 52.
- ²² Полевой Б. П. Первооткрыватели Сахалина. Южно-Сахалинск, 1959. С. 21.
- ²³ ЦГАДА. ЯПИ. Оп. 3. 1641. Стб. 39. Л. 1—2; Оп. 4. Кн. 25. Л. 68—72.
- ²⁴ Степанов Н. Н. Первая русская экспедиция на Охотском побережье в XVII веке // Изв. Всесоюз. геогр. о-ва (далее — Изв. ВГО). 1958. № 5. С. 44. Иван Бурлак добавлял: «... всякую поганую гадину ел» (ЦГАДА. ЯПИ. Оп. 3. 1650. Стб. 55. Л. 101).
- ²⁵ Полевой Б. П. Новый документ... С. 226.

- ²⁶ Подробнее см.: *Василевич Г. М.* Указ. раб. С. 285.
- ²⁷ «Тоуе» москвитинцы сообщали лишь со слов эвенгов. См.: *Степанов Н. Н.* Первая русская экспедиция... С. 441.
- ²⁸ *Полевой Б. П.* Новый документ... С. 28.
- ²⁹ Там же. С. 29.
- ³⁰ ОРЗПМ. С. 140.
- ³¹ *Манизер Г.* Антропологические данные о гиляках // Ежегодник русского антропологического общества при Петроградском университете. 1916. Т. VI. С. 3.
- ³² Ленинградское отделение Архива Академии наук СССР (далее — ЛО ААН СССР) Ф. 21. Оп. 4. Кн. 31. Л. 23.
- ³³ *Манизер Г.* Указ. раб. С. 3.
- ³⁴ *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. // Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Т. LV. М., 1960. С. 600—601.
- ³⁵ *Bagrow L.* A History of Russian Cartography up to 1800. Wolfe Island (Canada, Ont). 1975.
- Р. 75.
- ³⁶ *Степанов Н. Н.* Первая русская экспедиция... С. 440—441.
- ³⁷ ОРЗПМ. С. 139—141; Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. Л.: М., 1952. С. 50—55.
- ³⁸ ОРЗПМ. С. 140.
- ³⁹ *Забелин И. М.* Встречи, которых не было. 2-е изд. М., 1966. С. 36.
- ⁴⁰ *Степанов Н. Н.* Первая русская экспедиция... С. 448—449.
- ⁴¹ *Лебедев Д. М., Исаков В. А.* Русские географические открытия и исследования с древних времен до 1917 г. М., 1971. С. 106.
- ⁴² *Лебедев Д. М.* Землепроходцы на берегах Тихого океана // Земля и люди. Географический календарь на 1959 г. М., 1958. С. 239.
- ⁴³ *Высоков М. С.* Советская историография открытия и исследования Сахалина и Курильских островов. Южно-Сахалинск, 1984. С. 8—9.
- ⁴⁴ *Яковлева П. Т.* Первый русско-китайский договор 1689 г. М., 1958. С. 17—20; *Полевой Б. П.* Новый документ... С. 21—37.
- ⁴⁵ *Полевой Б. П.* Новый документ... С. 29.
- ⁴⁶ В одном из документов Якутского острога сказано: «... из Ленского острожка толмача он Дмитрий (Копылов), Семейку взял сильно и ныне он, Семейка (Петров Чистой), у него, Дмитрея в толмачах». См.: Архив Ленингр. отд. Ин-та истории СССР. АН СССР. Якутские акты. Картон 1. Стб. 1. Л. 996.
- ⁴⁷ *Забелин И. М.* Указ. раб. С. 26—27; ДАИ. Т. 2. С. 232—233.
- ⁴⁸ ОРЗПМ. С. 141; *Полевой Б. П.* Новый документ... С. 28.
- ⁴⁹ *Полевой Б. П.* Новый документ... С. 30.
- ⁵⁰ *Степанов Н. Н.* Первая русская экспедиция... С. 440; подробнее см.: *Полевой Б. П.* К истории первого выхода русских на Тихий океан. Новое о «Росписи рек» И. Ю. Москвитина // Изв. ВГО. 1988. № 3. С. 274—278.
- ⁵¹ *Степанов Н. Н.* Первая русская экспедиция... С. 441.
- ⁵² *Полевой Б. П.* Новый документ... С. 35.
- ⁵³ ЛО ААН СССР. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 31. Л. 22.
- ⁵⁴ *Афанасьев Д.* Николаевск-на-Амуре // Морской сборник. 1864. № 12. Неф. отд. С. 91.
- ⁵⁵ *Сажошикова Г.* В Лимане Амура // Приамурская жизнь. 23 февраля 1917 г. Беглый Гурий Васильев в 1826 г. сообщал: «В продолжении плавания по губе Амура большой остров всегда виден был в 60 верстах от материка на восток». (См.: *Тихменев П. А.* Историческое обозрение образования Российско-Американской компании. Ч. II. СПб., 1863. С. 43).
- ⁵⁶ ОРЗПМ. С. 140; *Степанов Н. Н.* Первая русская экспедиция... С. 447.
- ⁵⁷ *Браславец Ю. М.* История в названиях на карте Сахалинской области. Южно-Сахалинск, 1983. С. 113.
- ⁵⁸ *Полевой Б. П.* Забытые сведения... С. 548.
- ⁵⁹ *Полевой Б. П.* К истории первого выхода русских на Тихий океан. С. 277.
- ⁶⁰ *Титов А. А.* Сибирь в XVII в. М., 1890. С. 110—111; *Полевой Б. П.* Первооткрыватели Сахалина. С. 35.
- ⁶¹ *Арсеньев Ю. В.* О происхождении Сказания о великой реке Амура // Изв. РГО. 1882. № 4. С. 252.
- ⁶² *Полевой Б. П.* Новый документ... С. 29.
- ⁶³ *Witsen N.* Noord en Oost Tartarye. Amsterdam, 1962. Blz. 36.
- ⁶⁴ *Полевой Б. П.* Первооткрыватели Сахалина... С. 20.
- ⁶⁵ *Полевой Б. П.* Новый документ... С. 29.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ ОРЗПМ. С. 140.
- ⁶⁸ Колониальная политика Московского государства в Якутии в XVII в. Сб. арх. док. Л., 1936. С. 148.
- ⁶⁹ *Миддендорф А. Ф.* Путешествие на Север и Восток Сибири. СПб., 1860. Ч. 1. С. 102.
- ⁷⁰ *Batchelor J.* An Ainu-English-Japanese Dictionary. Tokyo, 1926. P. 552.
- ⁷¹ *Полевой Б. П.* Новый документ... С. 29.
- ⁷² Там же. С. 30.
- ⁷³ Там же.

- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ Там же. С. 32.
- ⁷⁶ Полевой Б. П. Курбат Иванов — первый картограф Лены, Байкала и Охотского побережья (1640—1645 гг.) // Изв. ВГО. 1960. № 1. С. 50.
- ⁷⁷ Алексеев А. И. Отважные сыны России, Магадан, 1970. С. 15.
- ⁷⁸ Полевой Б. П. Дючерская проблема (По данным русских документов XVII в.) // Сов. этнография. 1979. № 3. С. 47—59.
- ⁷⁹ Степанов Н. Н. Первая русская экспедиция... С. 447.
- ⁸⁰ Полевой Б. П. Новый документ... С. 29.
- ⁸¹ Алексеев А. И. О зарождении сельского хозяйства на Сахалине // История и культура народов Дальнего Востока. Южно-Сахалинск, 1973. С. 218.
- ⁸² Полевой Б. П. Забытые сведения... С. 550—551.
- ⁸³ Там же. С. 551.
- ⁸⁴ ЛО ААН СССР. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 31. Л. 22.
- ⁸⁵ См. Вступительную статью к сб.: Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. М., 1984. С. 8.
- ⁸⁶ Алексеев А. И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки до конца XIX в. М., 1982. С. 36.
- ⁸⁷ Сафронов Ф. Г. Тихоокеанские окна России. Хабаровск, 1988. С. 122.
- ⁸⁸ Алексеев А. И. Береговая черта. Магадан, 1987. С. 19.
- ⁸⁹ Книга Большому чертежу. М.; Л., 1950. С. 188.
- ⁹⁰ Алексеев А. И. Береговая черта. С. 21.
- ⁹¹ Там же. С. 22.
- ⁹² Степанов Н. Н. Первая русская экспедиция... С. 450.
- ⁹³ Алексеев А. И. Береговая черта. С. 24.
- ⁹⁴ Там же.
- ⁹⁵ Там же. С. 23.
- ⁹⁶ Там же.
- ⁹⁷ Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. Сб. док. / Сост. Белов М. И. Л.; М., 1952. С. 54 (именно на этот текст и ссылался А. И. Алексеев).

© 1991 г., СЭ, № 3

Ю. М. Кобищанов

ПОЛЮДЬЕ В ОКЕАНИИ

Древнерусское слово «полюдье» обозначает характерный для раннефеодального общества и государства обход территории государства (вассальных владений либо отдельных общин) его правителем (или наследником престола) в сопровождении двора и дружины.

Полюдье — характерный пример многофункционального социального комплекса¹, исследованный нами на материале более чем 150 обществ разных регионов мира².

Более половины таких обществ (от Египта эпохи первых династий до Марокко начала XX в.) были письменными. Главным источником наших знаний о комплексах типа полюдья в таких случаях служат надписи, летописи, законодательные акты, жития святых, а также описания путешествий и пр. Но в

бесписьменных обществах круг источников сужается до записок иноземных путешественников и местных преданий, «устных династийных хроник» и т. п. Так было в большей части Тропической Африки, в Сибири и Океании до колонизации их европейцами. Недостаток источников — лишь одна из трудностей изучения комплексов типа полюдья в Океании.

Другая трудность состоит в недостаточном развитии самого комплекса полюдья и прежде всего его функций: экономических, социальных, политических, религиозно-ритуальных и др.

Из обычных для полюдья экономических функций в Океании была наиболее распространена древнейшая и вместе с тем наиболее живучая, состоявшая в том, что правитель или его представитель со своей свитой кормился за счет посещаемых им общин или подчиненных ему местных князей, причем происходило это, как правило, на пирах. Другой экономической функцией были изъятие и перевозка в одну из главных резиденций правителя части продовольствия и другой дани или даров-подношений. Экономические функции полюдья, связанные с торговлей, в Океании были почти неизвестны. Нельзя забывать, что данничество имело не только экономическое значение. Иногда экономические функции сбора дани отступали на второй и третий планы перед политическими и религиозно-символическими функциями.

Политическая функция полюдья заключалась в том, что правитель, обходя владения во главе своей дружины, укреплял свою власть на местах, принимая знаки верности, усмиря непокорных и отражая набеги врагов. Посылая в полюдь других лиц вместо себя, правитель тем самым внедрял элементы государственного аппарата в систему общин. Можно говорить о том, что именно неразвитость государственного аппарата является одной из причин существования полюдья.

Социальное содержание полюдья состояло в том, что правитель укреплял свои личные связи как с сопровождавшими его людьми, так и с населением тех общин, которые посещал. Кроме того, в полюдь происходила социализация молодежи, прежде всего молодых воинов, поскольку в свиту правителя входили и отряды юных воинов, и группы подростков («молодая дружина»).

С социальной и политической функциями переплеталась и судебная — в полюдь правитель творил суд и расправу над участниками полюдья и местным населением. К нему обращались как к третьей инстанции с просьбой «рассудить», «восстановить справедливость» и т. п., не только отдельные лица, но и целые общины, часто враждовавшие между собой из-за пограничных земель, угона скота, похищения или бегства женщин и пр. «Рассудить» межобщинные споры — значило внести примирение в общество, т. е. осуществить очень важную функцию правителя, который при этом брал штрафы, что возвращает нас к экономическим функциям полюдья.

Особое значение имели религиозно-ритуальные функции, состоявшие в том, что правитель (в условиях полюдья это был, как правило, священный царь), обходя свои владения, уже своим присутствием, а также жертвоприношениями (которые обычно соединялись с пирами), различными магическими действиями и молитвами богам и духам сообщал плодородие земле, животным и людям, вносил гармонию в общественное мироздание. С комплексом полюдья в большинстве случаев связана сакрализация власти и особы правителя — эта, по нашему мнению, древнейшая классовая по своему существу форма религиозного культа³.

Комплексы типа полюдья в Океании и отдельные их функции уже обращали на себя внимание исследователей. В 1964 г. появилась статья Х. Г. Пайера о всемирно-историческом распространении полюдья⁴, в которой он сослался на труд П. Хамбруха и А. Айлерса об о-ве Понапе. Я в свою очередь приводил другие описания полюдья на различных архипелагах Океании⁵. И все же в настоящей статье впервые анализируются данные о полюдь в Полинезии и Микронезии как социальном комплексе, характерном для раннефеодальных

обществ, понимаемых в контексте моей теории большой феодальной формации⁶. Здесь нет возможности ее изложить. Отмечу только, что внутри феодальной формации развиваются социальные комплексы, такие, как общинно-кастовый, домашнее рабство, полюдь и др.; степень развития этих комплексов бывает неодинаковой. Кроме того, одни комплексы, например самодержавно-бюрократический, характерны для позднего феодализма, другие, как полюдь, — для раннего. Раннефеодальное общество — такое, в котором преобладают вторые при неразвитости или слаборазвитости первых, притом если характерные для раннего феодализма комплексы еще сами слаборазвиты и много элементов первобытной общинности, то соответствующее общество по преимуществу раннефеодальное; развитый феодализм — это высшая стадия раннего феодализма и вместе с тем начальная стадия позднефеодального общества.

Большинство обществ Океании в XIX в., оказавшись под воздействием европейско-американского капитализма, вошло в состав его феодально-колониальной периферии. Здесь бурно развивались феодальные отношения (прежде достигшие значительного прогресса лишь в немногих странах, таких, как Тонга или Понапе), создавались довольно обширные раннефеодальные государства, скоро превратившиеся под воздействием европейско-американских торговцев и миссионеров в позднефеодальные (в специфической форме «миссионерских королевств»), а затем в колониальные владения. В связи со столь стремительным ростом феодализма развились — часто из прежде зачаточных форм и всегда на краткий исторический срок — различные социальные комплексы, в том числе комплекс полюдь. В других случаях, как на Гавайях, он принял более широкие масштабы, соответственно масштабам объединившего весь архипелаг государства.

На разных архипелагах Полинезии в XVIII—XIX вв. наблюдались неодновременные и неодинаковые по формам и стадиям процессы — сначала развития, а затем быстрой дезинтеграции комплексов типа полюдь.

Самые ранние стадии мы находим на Маркизских островах, где государство в доколониальное время не сложилось. Местное общество делилось на более чем 30 ремесленных групп, несколько категорий жрецов; в каждом из племен были верховный жрец и обожествленный вождь, а также воины, слуги вождей и пр. Среди земледельцев высшую категорию составляли *рангатира* — главы домохозяйств. Каждый вождь получал дань, которую ему приносили сами рангатира, приходя торжественной процессией по 200—300 человек⁷. Согласно Ю. Ф. Лисянскому, вождю принадлежала четвертая часть урожая плодов хлебного дерева⁸; или первый из четырех ежегодных урожаев этих плодов. Вождь подавал сигнал для сбора каждого из урожаев и таким образом регулировал поступление дани. Верховные жрецы также получали приношения, среди которых важное место принадлежало человеческим жертвам⁹.

Путешествия или обходы общин совершали в основном не вожди и верховные жрецы, а, как и в других регионах мира, члены половозрастной группы юношей (*каикои*). «Наибольшую активность они проявляли после сбора урожая. Часто группами человек по сорок они отправлялись в соседние долины, на соседние острова, подходили к домам знатных людей и пели в их честь песни. Иногда вся песня состояла из одних имен. За каждое произнесенное имя полагалось по подарку». Став взрослыми, *каикои* превращались в *каокао* — лиц, сопровождавших вождя¹⁰.

Полюдь совершал сын — наследник племенного вождя после достижения совершеннолетия, вступления в брак и окончания обучения у жрецов. Престо-
наследник в сопровождении *каокао* и слуг обходил общины для сбора дани и разрешения споров между отдельными общинами и домохозяйствами¹¹.

Обходы общин молодыми воинами, предводители которых наследники вождей или князей, — обычай, распространенный и в других обществах мира, находившихся примерно на той же или более высокой ступени развития, что и на Маркизских островах, например, у кайтагов Дагестана, у некоторых из на-

родов Африки, в частности у южных оромо Кении и Эфиопии, масаев Кении и Танзании и др. Сравнение с некоторыми соседними обществами (в Африканском Межозерье, в тех частях Эфиопии, где у оромо появились государства и др.) показывает, что такой обычай является одним из прототипов полюдья. Вероятно, так же обстояло дело и у древних славян, где существовали группы молодых воинов, колядовавших наподобие юношей оромо или маркизских каикаи. В отличие от средневековых славян у жителей Маркизских островов комплекс полюдья не сложился окончательно и вождь у них не совершал обход общин в сопровождении каокао.

Этот элемент в генезисе комплекса появился на о-ве Пасхи (Рапа-Нуи). Здесь, как и повсюду в Полинезии, имелись племена, линиджи вождей (*арики*), правивших племенами, но также и общие для всего острова наследственный верховный вождь-жрец (*арики-хенуа*, или «вождь земли») и второй великий жрец (*тангата-ману*, букв. «человек-птица», или «богочеловек»), сан которого не был наследственным, а определялся случаем (он доставался тому воину из племени — победителя на войне, слуга которого первым находил яйцо перелетной птицы манутары на островке Моту-Нуи). До того в июле (самый прохладный месяц Южного полушария) воины племени-победителя со своими женами и детьми направлялись в д. Матевери, затем «дорогой победы» в д. Оронго, где не было постоянного населения; прибывшие сюда паломники исполняли обряды в честь богов Хауа и Макемаке. Из Оронго слуги воинов вплавь переправлялись мимо скалистых островков Моту-Каокао и Моту-Ити на Моту-Нуи, где, живя в пещерах, ждали прилета птиц манутара, которые здесь гнездились. Добыв яйца манутары, слуги возвращались проливом, отделявшим Моту-Нуи от главного острова, и доставляли добычу своим господам.

Это была опасная задача, выполнить которую мог лишь мужественный и физически хорошо подготовленный человек. Чаще всего такой молодец служил военному вождю — *мотато'а*.

Согласно А. Метро, титул тангата-ману мог достаться лишь тому, кто уже обладал известной политической властью. Но одного этого было недостаточно, требовалась еще особая милость сильнейшего из богов — Макемаке, благодаря которой военный вождь становился первым в данном сезоне обладателем яйца манутары.

Теперь он, обрив голову, раскрасив лицо красной и белой краской и держа в руках яйцо манутары (из которого он удалял содержимое), в сопровождении остальных воинов, слуги которых также добыли для них яйца манутары (отныне эти воины становились членами свиты вождя), танцуя, направлялся к расположенному неподалеку вулкану Рано-Као, или Рано-Рараку. Дно его кратера заполняло красивое зеленое озеро. Над ним находилась главная резиденция тангата-ману, в ней новый носитель этого титула поселялся, а старого удаляли. Это озеро А. Метро сравнивает с оз. Неми, а тангата-ману — с царями-богами, описанными в «Золотой Ветви» Дж. Фрэзера; в обрядах культа тангата-ману А. Метро отмечает такие характерные черты, как их связь с весной (в Южном полушарии), важное значение подношения избраннику высокого титула первых плодов урожая, обязательное затворничество на известный срок, краткость правления. Один из источников А. Метро описывает «непристойные танцы обнаженных женщин» под руководством особой жрицы в Оронго, которые ученый связывает с культом плодородия. (Это можно сопоставить с эротическим элементом комплекса полюдья у других народов, например славянских, банту и др.) Особый интерес для нас представляют подношения тангата-ману первинков урожая, а также то обстоятельство, что кроме главной резиденции на Рано-Рараку в каждой из деревень Пасхи он владел домом, в котором останавливался, прибывая со своей свитой в эту деревню¹².

Можно предположить, что тангата-ману периодически обходил эти деревни

полюдьем, совершая ритуалы, устраивая пиры и принимая подношения от домохозяев (всего на о-ве Пасхи насчитывалось лишь около 300 домохозяйств¹³).

По-видимому, аналогичные привилегии имел и арики-хенуа, которому тоже подносили первые плоды, строили для него дом и старались угодить всем желаниям¹⁴. В предколониальное время кроме вождей-жрецов на острове периодически появлялась и фигура военного вождя *арики-мау*, завоевавшего власть силой, опираясь на личных друзей и сородичей, составлявших подобие его дружины. Однако органы государства, такие, как институт советников и посланцев военного вождя, его постоянная дружина и пр., только зарождались. Среди празднеств острова А. Метро выделяет *хареаити*, устраивавшийся весной и осенью тем из домохозяев, кто хотел таким образом поднять свой престиж. На хареаити созывалось много гостей и непременно аристократы-арики. Вождь самим своим присутствием освящал пиршество и танцы, составлявшие ядро праздника. Особенно важным было присутствие арики-хенуа¹⁵ (многочисленные аналогии дает материал о пирах при полюдьё в разных регионах мира).

Существовали и другие обрядовые обходы о-ва Пасхи. Так, в случае смерти важного человека его близкий родственник должен был обождать остров, держа в зубах крысу. Некогда там бывало множество обрядов паломничества в те или иные святые места и пр.¹⁶ В истории обществ различных регионов мира всякого рода круговые обходы территорий и циклы паломничества нередко (хотя и далеко не всегда) становились элементами складывавшегося полюдьё, во всяком случае, их можно рассматривать в качестве его прототипов (недаром в средневековой Европе полюдьё, циклы паломничества и всякого рода круговое движение обозначались на латыни одним и тем же словом *circuitum*).

Таким образом, мы можем считать, что здесь существовали элементы складывавшегося комплекса полюдьё.

Более высокую ступень развития полюдьё дает Таити. Здесь в конце XVIII — начале XIX в. появилось королевство, возглавлявшееся Помаре I и Помаре II, объединившими острова Таити и западную часть архипелага Туамоту. В этом королевстве существовало несколько разновидностей полюдьё. Во-первых, с отдаленных времен был распространен обычай путешествия членов касты аристократов или вождей (арии) по своим владениям и владениям своих братьев по касте. Когда арии со своими приближенными прибывали пешком или на лодках, хозяин встречал гостей согласно строгому ритуалу, центральную часть которого составлял пир. Гости привозили кокосовые орехи, ткани из тапы, людей для человеческих жертв. В свою очередь арии-хозяин требовал от своих подданных поставки кокосовых орехов, лучших свиней, тканей и прочего для устройства пира и отдаривания гостей¹⁷. Такой обычай существовал и на других островах Полинезии. Всегда в честь прибытия гостя устраивался пир. По его требованию свиньи и другое продовольствие должны были доставляться на его лодку¹⁸.

Приношение гостю устраивалось лишь один или два раза, но обычно хозяева давали столько продовольствия, «чтобы его в случае необходимости хватило на три-четыре дня»¹⁹. В принципе же полинезиец должен был аналогичным образом встречать каждого прибывающего к нему друга²⁰.

Среди праздников таитян Морену упоминает «пиры, устраиваемые для вождей во всех округах, куда они прибывают во время своего путешествия, праздники первинков и другие специальные религиозные праздники... наконец, таури́и или огаа, всеобщие праздники, на которых население всего острова или нескольких островов собирается в общем месте»²¹. Такие пиры, как отмечала Н. П. Равва, являлись формой полюдьё²².

Если вождь или князек племени желал получить продовольствие для какой-либо экстраординарной цели (строительство дома, лодки и пр., для чего требовалось кормить приглашенных ремесленников и жрецов), то он посылал отряд своих слуг, которые отбирали у земледельцев свиней, овощи с их огородов,

лодки и пр. и все это доставляли вождю²³. В других случаях вождь посылал своего представителя по общинам, и общинники доставляли ему на своих лодках строительные материалы, продовольствие и пр. Тех, кто пытался припрятать продовольствие при «набеге» слуг вождя, приносили в жертву²⁴.

Таким образом, личного присутствия князька не требовалось для сбора дани, особенно с ближайших к его резиденции общин. Тем не менее комплекс типа полюдья на Таити складывался еще с отдаленных времен и был связан с деятельностью общества ареоев.

Ареои устраивали обходы островов в стиле «ритуальной анархии»; их сопровождали аристократы и местные правители²⁵.

Сохранилось множество описаний передвижения ареоев. Одно из первых принадлежит Г. Форстеру, наблюдавшему выступления ареоев и беседовавшему с ними на Таити и островах Общества в 1773 г. Он узнал, что ареои «время от времени собираются из разных мест и посещают по очереди один остров за другим, всюду предаваясь необузданному чревоугодию и наслаждениям. Когда мы стояли в Хуахейне (о-в Хуахина.— Ю. К.), там как раз остановился „караван“ из более чем семи сотен эрриоев (ареоев.— Ю. К.). Именно их мы встретили теперь здесь (в бухте Хаманено, на западе о-ва Раиатеа.— Ю. К.). Однажды утром они на семидесяти каноэ переправились с Хуахейне на Раиатеа (Раиатеа.— Ю. К.) и, проведя несколько дней на восточном побережье этого острова, обосновались на западном берегу. Все это люди почтенные, явно принадлежавшие к высшему сословию»²⁶. Г. Форстер получил некоторые сведения об устройстве общества ареоев, видел их театральные представления и пляски²⁷. Он отмечал, что ареои охотно делились полученными от населения продуктами с мореплавателями, приглашая их принять участие в пиршестве²⁸.

Ж. Морену подробно описывает общество ареоев, его праздники и представления: «Жизнь членов общества ареоев проходит в сущности в удовольствиях и празднествах. Будучи чем-то вроде бардов, трубадуров или скорее бродячих комедиантов, они странствуют, давая представления и исполняя песни и танцы. Их песни представляют собой ряд речитативов, но ритмизированных (*cadencès*), обычно в сопровождении тамбура или музыки. Они воспевают сотворение мира, чудеса природы, великие (исторические.— Ю. К.) события и подвиги низших богов и героев. Они исполняют речитативом поэмы о (богах.— Ю. К.) Мани, Хиро, воспевая их путешествия, их битвы, их победы и сопровождая слова жестами и телодвижениями, столь же грациозными, сколь и одухотворенными. Более того, у них, как у древних греков и римлян, есть гладиаторские бои. Их праздники... возбуждая веселье, энтузиазм и исступление, привлекают толпы народа, и, можно сказать, всегда на всех островах являются душой увеселений и пиров»²⁹. Морену подробно описал выступления ареоев³⁰, причем отметил, что все мифологические, военно-зрелищные и эротические сцены представляются ареоями низшего ранга (молодыми простолюдными), тогда как члены высших рангов, среди которых выходцы и из аристократии, «лишь присутствуют на больших праздниках, сидя в церемониальных костюмах, разрисованные (татуировкой), с украшенными перьями головами. Они окружены многочисленной челядью, спешащей им услужить; между тем как сами они живут в изобилии, без забот и без тревог, не думая ни о чем, кроме удовольствий, проводя свои дни среди всех наслаждений, которые эти восхитительные острова предлагают своим уроженцам»³¹.

Ареои были хранителями высокой и своеобразной культурной традиции и, несмотря на то, что их содержание слишком дорого обходилось обществу, пользовались высоким престижем. По словам Морену, «почитаемые народом, главным же образом приглашаемые вождями, они всюду желанные гости, всюду к ним прекрасно относятся, всюду осыпают подарками... Они находятся под покровительством богов»³². Собственно ареои считали своим покровителем бога Оро, культ которого они распространяли, высмеивая жречество других богов³³. Но главное, ареоям покровительствовали короли Помаре I и Помаре II

(до принятия им христианства); с помощью ареоев и культа Оро они подчиняли племена и местное жречество племенных богов³⁴.

До распространения на Таити христианства, когда с ареоями начали бороться миссионеры, ареои были многочисленны и странствовали большими «труппами», до тысячи и более человек, размещавшихся во многих десятках лодок. По свидетельству Морену, в начале XIX в. численность ареоев была «весьма значительной, по-видимому, была еще большей до открытия [Таити европейцами]. Предания свидетельствуют о состязаниях 150 пирога, прибывших одновременно с Раиатеа, Ухаине и других островов, причем каждая из них несла не менее тридцати или сорока, иногда же до ста человек. Жители [Таити] вспоминают о пирах, на которых закалывали до тысячи или тысячи двухсот свиней»³⁵.

Не удивительно, что «когда появлялась банда ареоев в несколько сот человек, она уничтожала все, как саранча»³⁶.

Как уже говорилось выше, к ареоям нередко присоединялись арии — правители отдельных княжеств и даже верховные правители. Вместе со своим двором они следовали за ареоями, превращая их странствования в полюдь. Морену так описывает прибытие ареоев на один из островов: «Ареои прибывают всегда первыми. Им предшествует священная пирога, нагруженная дарами богам и вождо округа, где дается праздник. По их прибытии и прежде, чем они сойдут на берег, вождь, глава ареоев и жрецы дистрикта приносят свинью и дорогие перья в мараи (святилище.— Ю. К.) изображению бога Оро... Затем один из ареоев произносит ответную речь на приветствие хозяев и ареои сходят на берег с марота'и (даром богам.— Ю. К.), состоящим из свиньи, которую они приносят в жертву в мараи, а также красных, белых и зеленых перьев...» Боги или жрецы получали свою пиршественную долю свинины раньше всех, затем ареои, после них вожди, за ними их подданные. Пиршество длилось день или два. Поэтому представление, устраиваемое ареоями, начиналось лишь на третий день по их прибытии³⁷.

Приведенные выше свидетельства ранних европейских путешественников имеют особую ценность для воссоздания атмосферы таитянского полюдя. Во-первых, благодаря ареоям намного увеличивались состав его участников и, следовательно, ложившаяся на плечи земледельцев, рыбаков, ремесленников тяжесть, поскольку они должны были их кормить и снабжать другим необходимым для жизни. Полюдь превращалось в главную форму изъятия прибавочного продукта сельских тружеников. Во-вторых, ареои — «люди бога Оро», сопровождая сакрализованного правителя при обходе им общин, усиливали религиозно-ритуальный элемент полюдя, а вместе с тем театрально-зрелищный и эротический элементы. Полюдь превращалось в сплошной праздник.

Труднее представить атмосферу полюдя на Тонга, где государственность развивалась в течение более продолжительного времени, чем на Таити.

На архипелаге Тонга (как и на некоторых островах Меланезии, населенных малочисленными полинезийскими этносами) социальная система сочетала в себе кастовые или прокастовые градации с линидной и внутрисемейной иерархией рангов и отношениями личной зависимости (клиенты, рабства и пр.). Верхушку общества составляла аристократическая каста арики (соответствует таитянской касте арии), во главе с несколькими правителями: священный царь *туи-тонга* и его царствующая жена, обладавшие в основном ритуальной властью, и царь-военачальник и управитель государства *туи-канокуполу*, власть которого была более реальной (хотя туи-тонга и некоторые другие особы считались людьми более высокого ранга, чем туи-канокуполу). Сын-наследник, дочь и племянница туи-тонга (они носили титул *тамаха*) считались самыми высокопоставленными особами на Тонга³⁸.

До XV в. только туи-тонга (муж и жена) были царствующими особами на архипелаге Тонга. В XV в., после убийства подданными нескольких царей,

появился «буферный правитель» *туи-хаа-такалауа*, которому туи-тонга передал часть своих функций. Еще в XIII в. тонганцы начали во главе с царями военную экспансию на другие острова и архипелаги, но именно при туи-хаа-такалауа в XV—XVII вв. царство Тонга достигло вершины военно-морского могущества, став гегемоном всей Западной Полинезии. В начале XVII в. туи-хаа-такалауа назначил одного из своих сыновей Нгата соправителем с титулом *туи-канокуполу*. Нгату обязывался надзирать за землями правителя в Хихифо, доставлять ему продукты земледелия и рыболовства. Отныне эти, а также другие хозяйственные, военные и даже некоторые ритуальные функции правителя перешли к туи-канокуполу. С течением времени носители этого титула благодаря бракам с принцессами-тамахами, как мы уже знаем, особами самого высокого ранга в стране, оттеснили от реальной власти сначала туи-хаа-такалауа, а позднее и самих туи-тонга. С 1865 г. туи-канокуполу стали королями Тонга³⁹.

Аналогии мы видим в различных обществах, находившихся примерно на той же раннефеодальной ступени развития, что и тонганское XV—XVIII вв., например в микенской Элладе и в Спарте классического периода (*лавагет* и *ванакт*), в Тибете (*цэнпо* и *царь-военачальник*), Хазарии (*каган* и *царь*), в Конго XV в. (*китеме* и *мани-конго*) и пр.

Относительно комплекса полюбдя на Тонга многое остается пока неясным. Анализ обычного права королевства Тонга, составленного европейскими миссионерами по свидетельствам придворных и вельмож, показывает, что правители всех княжеств — арики посылали туи-канокуполу первинки урожая и дань продовольствием и ремесленными изделиями. В резиденции туи-канокуполу, расположенной близ резиденций туи-тонга, туи-хаа-такалауа и тамахи, эта дань принималась, а затем поступала к высшим в стране персонам. Сам туи-канакуполу ежедневно доставлял пищу и другие дары туи-тонга, а тот, ничего не давая взамен (по принципу отдаривания), передавал часть подношений другим царствующим особам, вельможам и придворным⁴⁰.

Все основные ритуалы священного царства совершались в главной резиденции туи-тонга. Центральной из церемоний было ежегодное подношение первинок урожая богам и божественным царским предкам в святилище Фанакава и Лапаху близ главной царской резиденции на о-ве Тонгатабу. При этом должны были присутствовать, как фигурально выражались, «все люди Тонга», в том числе жители тонганских владений на Самоа, Вавау, Эуа и других архипелагах⁴¹.

Другие важные, но далеко не столь массовые церемонии — обряды распития ритуального напитка кава, совершаемые в главной резиденции туи-тонга.

На деле святилища в Тонга были расположены в трех или четырех разных местностях о-ва Тонгатабу. Это могилы туи-тонга. Самые ранние (X—XII вв.) находятся в центральной части острова, а также в юго-восточной его части. При десятом туи-тонга Момо или, может быть, при его предшественнике главная резиденция туи-тонга, находившаяся где-то вблизи их могил, была перенесена в северную часть Тонгатабу, в Хекета. Здесь сын Момо, одиннадцатый туи-тонга Тунгатуи, воздвиг две царские гробницы — для своего отца и для себя. Но уже двенадцатый туи-тонга Талатама перенес свою главную резиденцию в Лапаху, и отныне она оставалась здесь, пока во второй половине XIX в. не исчез сам институт туи-тонга. С царствования Талатамы (первая половина XIII в.) в Лапаху соорудились гробницы туи-тонга и их жен⁴².

Со второй половины XIII в. тонганские войска совершали походы на Самоа, позднее на Увеа и другие острова Западной Полинезии, а также на архипелаг Фиджи. Известно, что в эти походы туи-тонга часто посылал своих военачальников. Так поступал 25-й туи-тонга Кауулуфонуа I⁴³. Кроме того, в XVII—XVIII вв. туи-канокуполу и другие арики посылались на различные острова архипелага Тонга и на более далекие острова и архипелаги — Самоа, Футуна, Ротума, Увеа, Ниуэ для сбора дани. Голландские мореплаватели Схоутен и Лемер в 1616 г. застали на о-ве Футуна важную особу, носившую

титул лату, и еще одну персону, арики, который, возможно, по их словам, являлся сувереном всех островов Дружбы. Э. У. Джиффорд считал, что речь шла о наместнике туи-тонга или его сборщике дани. В 1824 г. миссионер Диллон на Ротуме слышал от верховного жреца и вождя Маланги, что тремя годами ранее он послал своего сына с тремя большими каноэ собирать дань, но они так и не вернулись, может быть, их унесло бурей в океан ⁴⁴.

Вместе с тем известно, что туи-тонга имел домениальные владения в разных частях своего государства. Время от времени он их посещал. Об этом рассказывают устные хроники Тонга и Самоа. По словам Э. У. Джиффорда, на Тонга существовали местности, называемые *холева*, где были расположены второстепенные резиденции туи-тонга. Когда туи-тонга путешествовал по суше, обходя свои владения, он останавливался лагерем, причем для него сооружалось временно переносное жилище из специальных шестов, циновки и пр. ⁴⁵

Устные хроники Тонга, а также устные хроники Самоа и местные предания различных островов сообщают, что туи-тонга посещал свои владения и за пределами столичного о-ва Тонгатабу. Одной из целей таких морских походов, совершаемых туи-тонга во главе целой флотилии каноэ, было пополнение его гарема, где порой насчитывалось до трехсот представительниц прекрасного пола. Разумеется, как и в других странах, браки правителей в Полинезии имели помимо прочего и политическое значение, укрепляя связи правителя с вассальными князьями и влиятельными группами населения. Другой целью походов были поиски и доставка в Лапаху огромных каменных плит весом иногда до 30 т, которые устанавливались на могилах царей. Переправить их из каменоломен по суше, затем на лодках по океану было повинностью простонародья. Исследователи поражаются, как при примитивной технике, существовавшей в средневековой Полинезии, на Тонга и других архипелагах удавалось производить такие грандиозные работы ⁴⁶. Вместе с тем сакральная цель трудовой повинности заставляет вспомнить о религиозно-ритуальных функциях полюды.

Как ни странно, меньше всего сохранилось сведений об экономических функциях. Тем не менее простейшая из них — «кормление» правителя и его свиты, по моему мнению, наверняка имела место.

Согласно устным хроникам, первым туи-тонга, покинувшим о-в Тонгатабу, был Момо, посетивший о-в Эуэки, ближайший к Тонгатабу. Его сын Туитатуи тоже плывал на этот остров, умер же он на о-ве Эуа, юго-восточнее Тонгатабу. Туи-тонга Талакаифаики часть времени проводил на архипелаге Самоа, где на островах Уполу и Саваии у него были резиденции. Его предшественники тоже имели резиденции и домениальные владения на Самоа. Как и они, Талакаифаики женился на самоанках. Но при нем тонганское владычество на Самоа окончилось; туи-тонга был навсегда изгнан с этого архипелага ⁴⁷.

Вероятно, к этому времени тонганцы уже покорили архипелаг Вавау, находящийся между Тонга и Самоа и до сих пор принадлежащий королевству Тонга. 29-й туи-тонга Улуатимата I, известный также под своим детским именем Телеа, имел одну из временных, по выражению Э. У. Джиффорда, резиденций на о-ве Эуафа и ряд резиденций на других островах Вавау, однако он был похоронен в Лапаху ⁴⁸. Согласно устным хроникам, к тому времени тонганцы покорили острова Ниуэ, Тувалу, Ротума, Футуна, Токелау. В 1781 г. испанский путешественник А. Маурелья получил прием у туи-тонга Пау, когда тот находился на Вавау. Во время пребывания на Тонга шотландского моряка У. Маринера (начало XIX в.) туи-тонга Фуануиава также подолгу жил на Вавау ⁴⁹.

Подобно туи-тонга, тамахи — юноши и девушки — имели помногу резиденций, которые они поочередно посещали. Считалось, что особа столь высокого ранга должна путешествовать только в паланкине, но иногда тамаха ходил пешком. При его появлении народ оказывал принцу или принцессе величайшие почести, подносил дары; больные прибывали для исцеления — все, как

при появлении священного царя или престолонаследника в других регионах мира. Одна из главных резиденций тамахи находилась в Лапахе, другая, чрезвычайно почитаемая — в Хаапаи, на о-ве Тунгуа; когда здесь пребывал тамаха, то гребцы проплывавшей мимо лодки должны были прыгать за борт и плыть рядом с лодкой⁵⁰. Европейские путешественники и миссионеры заставляли тамаху на разных островах и в разных местностях о-ва Тонгатабу⁵¹.

Сохранившиеся сведения позволяют лишь предположить, что в священном царстве Тонга XV—XIX вв., до превращения его в «миссионерское королевство» во второй половине XIX в., складывался комплекс полюдья, причем в полюдые ходили все царственные особы: туй-тонга, туй-хаа-такалауа, туй-канокуполу, тамаха. Это все, что можно извлечь из источников.

Лучше исследован комплекс полюдья на архипелаге Гавайи, где находилось крупнейшее в Полинезии государство доколониального времени.

Европейские путешественники, посещавшие Гавайи в правление Камеа-меа I (ок. 1786—1819 гг.) нередко находили его в пути. В ноябре 1816 г. О. Е. Коцебу встретил Камеамеа, когда тот двигался «к северу вдоль берега; целью этого путешествия была ловля тунцов»⁵². О. Е. Коцебу узнал также, что этот «король часто пребывает на о-ве Вагу» (Оаху)⁵³.

На Гавайях центральным событием года был праздник плодородия макахики. В начале праздника великий князь, или царь, считавшийся воплощением бога Лоно, совершал обряд, имитировавший «ритуальное восстание», игру в убийство царя и как бы наступление нового царствования. Затем он обходил свои владения, собирая дары и перераспределяя их среди сопровождавших его жрецов, придворных и воинов. Этот обход царства включал в себя обязательное посещение храмов и святилищ. Согласно поверьям гавайцев, приношение царю в праздник макахики должны были обеспечить обильный урожай⁵⁴.

Ценные описания макахики мы находим в сообщениях русских путешественников начала XIX в.

Так, руководитель русской кругосветной экспедиции 1803—1806 гг. на кораблях «Надежда» и «Нева» Ю. Ф. Лисянский писал о празднике макахики: «Целый месяц народ проводит в разных увеселениях, как то: в песнях, в игрищах и примерных сражениях. Король, где бы он ни находился, должен сам открыть сей праздник. Перед восхождением солнца надевает он на себя богатый плащ (сшитый из красных и желтых птичьих перьев, подобный цвету восходящего солнца.— Ю. К.) и... отъезжает от берега, принаравливаясь так, чтобы вместе с восхождением солнечным опять пристать к оному. Для встречи короля назначается один из сильнейших и искуснейших ратников. Во все время плаванья следует он по берегу за королевской лодкой, которая как пристанет и король, вышед из оной, сбросит с себя плащ, то ратник сей, находясь не далее 30-ти шагов, из всей силы бросает в него копье, которое король должен был или поймать, или быть убитым, ибо в сем случае, говорят, нет ни малейшего притворства. Изловя копье, король оборачивает оное тупым концом кверху и, держа под мышкою, продолжает свой путь в ... главный храм богов»⁵⁵.

Дж. Фрэнсер дал объяснение центральному обряду праздника макахики как разновидности древнего обычая ритуального царевбийства, связанного с культом плодородия⁵⁶.

Рассказ Ю. Ф. Лисянского значительно дополняет сообщение его спутника, иеромонаха Гедеоны, автора до сих пор не опубликованного «Донесения о плавании на корабле Неве». Описав обряд копьеметания в короля Гавайев Камеа-меа, Гедеоны пишет: «После сего (короля) встречает первенствующий над духовенством, принимает у короля копье и при звуке торжественных всего народа восклицаний относит в ... марай (храм.— Ю. К.). При выходе оттуда и окончании всей церемонии начинаются воинские потехи»⁵⁷. Лейтенант Р. П. Бойль, один из офицеров шлюпа «Открытие», который вместе со шлюпом «Благонмеренный» в марте-апреле и декабре 1821 г. посетил Гавайи, в своей неопуб-

ликованной записке также описал макахики, причем в отличие от Ю. Ф. Лисянского отметил, что таким путем происходил сбор податей в пользу короля ⁵⁸.

Анализ макахики как эколого-экономического и религиозно-политического комплекса дан С. Л. Ситонем ⁵⁹. Четырехмесячный сезон макахики был, по традиции, единственным установленным обычаем периодом мира во время почти постоянных войн между отдельными великими князьями (*алии-нуи*). В сезон макахики правитель, как церемониальный представитель бога Лоно, получал дань продуктами ремесла и продовольствием, особенно свининой. Сопровождавшие его жрецы посещали все святилища ахупуа и «освобождали» землю от *капу*. В последнее понятие входили сакрализованные ремесла и занятия, урожай и потребление его плодов, а также *мана* — опасная магическая сила. Макахики был праздником плодородия и обновления в природе и обществе. Он совпадал с концом сезона бурного роста растений и началом прохладного времени года и отмечал начало года по гавайскому календарю.

Этот праздник включал ряд религиозных церемоний, в том числе обход вожества, или княжества жрецами с изображением бога Лоно в сопровождении сборщиков дани в пользу верховного вождя. Если они собирали достаточное количество дани, то жрец *кахуна* освобождал землю от *капу* и разрешал земледельческие работы. В конце макахики сооружалось новое святилище (*хеиау*), земледельческое или рыболовецкое ⁶⁰.

Быстрое развитие в основных странах Полинезии полуколониальных обществ и буржуазных отношений, депопуляция многих стран Полинезии и заселение их колонистами из-за океана неминуемо вело к исчезновению комплекса полюдья. Тот же процесс, возможно, еще в самом начале нового времени произошел на Марианских островах, которые первыми из архипелагов Океании стали жертвой колониального порабощения. В других частях Микронезии комплексы типа полюдья описаны в XIX — начале XX в.

По свидетельству О. Е. Коцебу, около 1810 г. острова Ратак (восточная часть Маршалловых островов) были объединены царем Ламари, который собрал дружину на своем родном о-ве Арно и затем последовательно завоевал остальные острова архипелага, истребляя их прежних правителей и включая все боеспособное население в свой «экспедиционный корпус». Свои владения Ламари обходил с военным отрядом на лодках, подолгу (на два месяца в одном случае) останавливаясь на каждом острове, везде собирая с народа дань продовольствием (плоды хлебного дерева, кокосовые орехи, сок пандануса и пр.) и другими вещами, такими, как высокоценные железные орудия. В полюдье Ламари собирал ополчение на войну с соседями ⁶¹.

Однако обычай полюдья, по-видимому, был известен на Маршалловых островах еще до Ламари.

По традиции, каждый из Маршалловых островов был разбит на множество участков, обрабатываемых отдельными семьями сервильных земледельцев-*каюров* или привилегированных простолюдинов (*матокток*, *джиб*), получивших участки от вождей за услуги. Эти участки, даже соседние, расположенные на одном и том же острове, принадлежали разным представителям правящей касты вождей. Некоторые вожди имели по 20—30 и даже 40 отдельных участков, разбросанных по разным островам. На этих участках выращивали в основном плодовые деревья: банан, хлебное дерево, кокосовую пальму, панданус. Считалось, что вождю принадлежит урожай за первую половину года, а за вторую — его *каюрам*. Кроме того, *каюр* поставлял своему вождю рыбу и циновки. Каждый вождь объезжал на лодке свои островные владения, собирая дань продовольствием, часть которой вожди низшего ранга передавали своим сюзеренам — вождям высшего ранга ⁶².

На о-ве Понапе (Каролинские острова) в начале XX в. правитель кормился сам и кормил свою дружину и приближенных, обходя с ними «предводителей» (*Hauptling*) отдельных местностей. Правитель переносил свою резиденцию из одной области в другую, чтобы не разорять их население тяжелыми по-

дателями и повинностями, идущими на содержание его двора. На протяжении ряда лет он одну за другой посещал и основательно обирал все области своего государства. При этом правитель останавливался в особых домах. Немецкие этнографы, впервые описавшие этот обычай на Понапе, справедливо сравнивали его с полюдьем (*Recht mit den Reisen*) императора средневековой Германии⁶³.

Насколько можно судить на основании скудных источников, полюдье существовало на всех основных архипелагах Полинезии и Микронезии, оно не было известно на Новой Зеландии, где государство сложилось лишь в его «миссионерской» форме⁶⁴. При этом на некоторых архипелагах и островах полюдье появилось лишь в результате их завоевания правителями других архипелагов.

В течение всего 100 лет (конец XVIII — конец XIX в.) в истории обществ Океании произошли такие перемены, какие в других регионах мира назревали и осуществлялись на протяжении тысячелетий. За этот отрезок времени многие общества Полинезии, Микронезии (без Марианских островов), Фиджи и Новой Каледонии прошли столь различные состояния, или ступени развития, как:

позднее племенное общество, с относительно далеко зашедшим разделением труда в его общинно-кастовой форме, с зачатками классов в виде каст, или протокаст, элементами феодальной эксплуатации, публичной государственной власти, классовой по существу религии (обожествление власти вождей, или князьков, иерархия богов и жреческая иерархия);

раннефеодальное королевство на многих островах с развивающейся системой государственного принуждения и государственной политеистической религией;

«миссионерское государство» на феодально-колониальной периферии европейско-американского капитализма; быстрое развитие феодальных отношений одновременно с подчинением страны иностранному торговому капиталу, депопуляцией и колонизацией;

колониально-капиталистическое общество.

В начале этого процесса, в XVIII в., не все общества Океании (не говоря уже о Новой Гвинее) были в равной мере развиты (или неразвиты). В одних черты начальной (нулевой ступени) были выражены ярче, в других слабее, но почти одновременное установление контакта с европейцами придало ускорение социально-экономическому, политическому и культурному развитию этих обществ. Вместе с тем не все они равномерно и в полной мере прошли указанные выше ступени эволюции от поздних племенных к колониально-капиталистическим. Однако общее направление и темпы исторического развития были именно такими, как сказано выше. За пределами Океании есть страна, развитие которой в XVIII—XIX вв. имело те же закономерности, но в более широких масштабах, — это Мадагаскар.

По мере развития раннефеодального общества и его перерастания в «феодально-миссионерское» в некоторых обществах Океании развился и исчез комплекс типа полюдья. На нулевой ступени мы находим различные элементы (данничество, ритуальные путешествия вождей и неженатой молодежи, обожествление вождей и существование касты вождей, или князей и пр.), из которых, как показывает исторический опыт других регионов мира, мог возникнуть комплекс полюдья. На следующей ступени такой комплекс действительно возникает и даже достигает фазы развития (Таити, Тонга, Гавайи, Маршалловы острова, Понапе, Яп и др.), а затем в «миссионерских» государствах или в колониях он дезинтегрируется и отмирает.

Кратковременность исторического жизненного цикла полюдья в Океании в целом соответствует кратковременности раннефеодального этапа истории этого региона.

- ¹ В сущности «Исследование о даре» М. Мосса (*Mausse M. Etude du don*) было одним из первых в мировой науке опытов изучения социальных комплексов. О месте таких комплексов в системе общественно-исторических формаций см.: Африканская деревня вчера и сегодня. Традиционные и современные формы хозяйства. М., 1987. С. 52 сл.
- ² Кобищанов Ю. М. Полудье и его трансформация при переходе от раннего к развитому феодальному государству // От доклассовых обществ к раннеклассовым. М., 1986. С. 136 сл.; *Kobishchanow Yu. M. The Phenomenon of Gafol and Its Transformation // The Early State Dynamics / Eds Claessen H. J. M., Velde P. van der. Leiden; N. Y.; København; Köln, 1987. P. 108—123; idem. The Gafol Complex in Ethiopian History // Proceedings of the Ninth International Congress for Ethiopian Studies. Moscow, 26—29 August 1986. M., 1988. V. 6. P. 99—110.*
- ³ Религии в XX веке. Традиционные и синкретические религии Африки. М., 1986. С. 55 сл.
- ⁴ *Peyer H. G. Das Reisekönigtum des Mittelalters // Vierteljahrsheft für Social- und Wirtschaftsgeschichte. 1964. B. 51. Hl. 1.*
- ⁵ Кобищанов Ю. М. Полудье в Тропической Африке (К вопросу о формах отчуждения прибавочного продукта в раннефеодальных обществах) // Народы Азии и Африки. 1970. № 4. С. 65; *его же*. Полудье и его трансформация...
- ⁶ Кобищанов Ю. М. Феодализм, рабство и азиатский способ производства? // Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. Материалы дискуссии об общественных формированиях на Востоке (азиатский способ производства). М., 1966. С. 42—48; *его же*. Африканские феодальные общества: воспроизводство и неравномерность развития // Африка: возникновение отсталости и пути развития. М., 1974. С. 110 сл.; *его же*. Мелконатуральное производство в общинно-кастовых системах Африки. М., 1982; *его же*. Проблема переходного периода в свете большой феодальной формации // Проблемы переходного периода и переходных общественных отношений (Проблемы неравномерности общественного развития). М., 1986. С. 48—58.
- ⁷ *Williamson R. W. The Social and Political Systems of Central Polynesia. V. 3. Cambridge, 1933. P. 358.*
- ⁸ *Лисянский Ю. Ф. Путешествие вокруг света на корабле «Нева» в 1803—1806 гг. М., 1947. С. 96.*
- ⁹ *Бутинов Н. А. Социальная организация полинезийцев. М., 1985. С. 54—55, 57.*
- ¹⁰ Там же. С. 56.
- ¹¹ Там же: С. 65.
- ¹² *Metraux A. Ethnology of Easter Island. Honolulu, 1940; Idem. Easter Island, a Stone Age Civilization of the Pacific. L., 1957. P. 127, 131, 133—134, 139; Бутинов Н. А. Указ. раб. С. / 158 сл., 164.*
- ¹³ *McCall G. Kinship and Environment on Easter Island // Mankind. 1979. V. 12. № 2. P. 127; Бутинов Н. А. Указ. раб. С. 162.*
- ¹⁴ *Metraux A. Ethnology...; idem. Easter Island... P. 135; Williamson R. W., Op. cit. P. 362; Бутинов Н. А. Указ. раб. С. 164.*
- ¹⁵ *Metraux A. Ethnology...; idem. Easter Island... P. 171—175.*
- ¹⁶ *Metraux A. Ethnology...*
- ¹⁷ *Moerenhout J. Voyage aux Iles du Grand Océan contenant des documents. T. 2. P. 1837. P. 138, 153—154.*
- ¹⁸ *Те Ранги Хироа (Бак П.). Мореплаватели солнечного восхода. М., 1960. С. 61.*
- ¹⁹ *Moerenhout J. Op. cit. P. 153.*
- ²⁰ *Ibid. P. 154.*
- ²¹ *Ibid. P. 136.*
- ²² *Равва Н. П. Полинезия. Очерк истории французских колоний (конец XVIII—XIX в.). М., 1972. С. 30.*
- ²³ *Ellis W. Polynesian Researches. V. 3. L., 1831. P. 95.*
- ²⁴ *Бутинов Н. А. Указ. раб. С. 184.*
- ²⁵ *Mühlmann W. E. Die geheime Gesellschaft der Areoi, eine Studie über polynesische Geheimbünde. Leiden, 1932; Idem. Ati und Mataeinaa // Anthropos. 1934. P. 739.*
- ²⁶ *Форстер Г. Путешествие вокруг света. М., 1986. С. 316.*
- ²⁷ Там же. С. 316—322.
- ²⁸ Там же. С. 319.
- ²⁹ *Moerenhout J. Op. cit. P. 130—131.*
- ³⁰ *Ibid. P. 131—135, 140—143.*
- ³¹ *Ibid. P. 135.*
- ³² *Ibid. 132.*
- ³³ *Ellis W. Op. cit. V. I. P. 317.*
- ³⁴ *Бутинов Н. А. Указ. раб. С. 193—195.*
- ³⁵ *Moerenhout J. Op. cit. T. 2. P. 133.*
- ³⁶ Народы Австралии и Океании // Под ред. Токарева С. А., Толстова С. И. М., 1956. С. 620.
- ³⁷ *Moerenhout J. Op. cit. P. 137, 140.*
- ³⁸ *Gifford W. Tongan Society. Honolulu, 1929. P. 19, 82.*
- ³⁹ *Ibid. P. 48, 98—99.*
- ⁴⁰ *Ibid. P. 102.*
- ⁴¹ *Ibid. P. 76.*
- ⁴² *Ibid. P. 52—53, 71, 78.*

- ⁴³ Ibid. P. 54, 68.
- ⁴⁴ Ibid. P. 14.
- ⁴⁵ Ibid. P. 71.
- ⁴⁶ Ibid. P. 72—73.
- ⁴⁷ Ibid. P. 14, 72.
- ⁴⁸ Ibid. P. 56, 72.
- ⁴⁹ Ibid. P. 72.
- ⁵⁰ Ibid. P. 80 е. а.
- ⁵¹ Форстер. Указ. раб. С. 209.
- ⁵² Коцебу О. Е. Путешествие вокруг света. М., 1948. С. 117.
- ⁵³ Там же. С. 116.
- ⁵⁴ Malo D. Hawaiian Antiquities (Moolelo Hawaii). Honolulu, 1951. P. 47, 141—146.
- ⁵⁵ Лисянский Ю. Ф. Указ. раб. С. 194—195.
- ⁵⁶ Frazer J. The Golden Bough. V. I, II. L., 1890.
- ⁵⁷ Тумаркин Д. Д. Материалы первой русской кругосветной экспедиции как источник по истории и этнографии Гавайских островов // Сов. этнография. 1978. № 5. С. 76—77.
- ⁵⁸ Тумаркин Д. Д. Материалы экспедиции М. Н. Васильева — ценный источник по истории и этнографии Гавайских островов // Сов. этнография. 1983. № 6. С. 54.
- ⁵⁹ Seaton S. L. The Early State in Hawaii // The Early State / Eds Claessen H. J., Skalnik P. The Hague; Paris; New York, 1979. P. 275, 278—279, 282—285.
- ⁶⁰ Malo D. Op. cit. P. 47, 141—146, 151.
- ⁶¹ Коцебу О. Е. Указ. раб. С. 191, 195, 198, 200, 219, 287.
- ⁶² Wedgwood C. H. Notes on the Marshall Islands // Oceania. 1942. V. XIII. № 1.
- ⁶³ Hambruch P., Eilers A. Ponape (Ergebnisse der Südsee-Expedition 1908 bis 1910). II. B. 7. Teilband. 2. Hamburg, 1936. S. 9.
- ⁶⁴ Согласно определению финского историка А. Коскинена, миссионерскими государствами являются такие политические объединения Океании XIX в., в жизни которых европейские христианские миссионеры являлись решающим фактором (Koskinen A. Missionary Influence as a Political Factor in Pacific Islands. Helsinki, 1953).

© 1991 г., СЭ, № 3

А. А. С и р и н а

БЕРНГАРД ЭДУАРДОВИЧ ПЕТРИ КАК ЭТНОГРАФ

Дискуссия 1987 г. на страницах журнала «Советская этнография» о месте этнографии в системе наук, ее школах и методах, о предмете и объекте ее исследования констатировала, в частности, факт недостаточной разработки истории отечественной этнографии¹. Она напомнила известную в истории науки дискуссию начала XX в., которая явилась отражением многообразия взглядов на предмет, задачи этнографий, ее методы, что внешне выразилось в разном отношении мнений о самом названии науки². «Введение термина этнология вместо этнография, если бы доказаны были преимущества первого, могло бы быть делом соглашения», — утверждал более 70 лет назад Н. Могилянский³. В 30-е годы на известных всесоюзных съездах и конференциях это многообразие формирующихся научных школ и направлений в рамках единой науки о человеке было искусственно прервано⁴.

Сегодня во многих науках наблюдается возвращение к идеям начала — первой четверти XX в., их критическое, творческое осмысление. Это время достаточно плодотворное по своим конкретным результатам и объективно далеко идущим последствиям, явно недостаточно изучено в истории этнографии. Вот одна из основных причин, заставивших взяться за данное исследование. Внушительный список забытых в истории науки имен⁵ хотелось бы дополнить еще одним — профессора Иркутского университета этнолога Бернгарда Эдуардовича Петри.

Б. Э. Петри родился в 1884 г. в Берне (Швейцария). Можно сказать, что интерес его к этнографии был наследственным. Его отец, Э. Ю. Петри, известный русский антрополог, доктор медицины, вице-председатель Русского антропологического общества, в 1883 г. был приглашен Бернским университетом занять кафедру географии и антропологии. В 1887 г. семья возвращается в Петербург, где Э. Ю. Петри преподает в университете. Мать, Е. Л. Петри, всю жизнь отдала работе в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого как этнограф Академии наук.

В жизни Бернгарда Эдуардовича Петри ясно выделяются два основных периода: петербургско-петроградский (1884—1917) и иркутский (1918—1937). Последний, на наш взгляд, был наиболее плодотворным, но закончился трагически. По необоснованному обвинению в 1937 г. Б. Э. Петри был арестован и расстрелян (реабилитирован в 1956 г.). Архив ученого не сохранился, что крайне затруднило нашу работу. Возможно, именно по этой причине в историографической литературе нет практически ни одного исследования, посвященного анализу этнографических работ Б. Э. Петри, его методологическим принципам и научным методам. В своей статье мы вынуждены основываться на крайне разнородном архивном материале, а также на работах Б. Э. Петри, давно ставших библиографической редкостью.

Исследовательский интерес к фигуре этого забытого ученого определили следующие обстоятельства. Во-первых, феномен так называемой «иркутской

школы» народоведов, у истоков которой стоял Б. Э. Петри. Именно в Иркутске в 20-е годы определился круг научных интересов студентов Г. Ф. Дебеца, М. М. Герасимова, А. П. Окладникова. Из этой же школы вышли и «рядовые», не снискавшие высоких званий и мировой известности, но, судя по работам, не менее интересные ученые — Е. И. Титов, А. В. Попов, П. Г. Полтараднев и др. Во-вторых, как полевой этнограф, Б. Э. Петри изучал многие народы Прибайкалья. Библиография его работ по археологии и этнографии региона насчитывает более 40, причем диапазон научных интересов очень широк. Каков реальный вклад Б. Э. Петри в этнографию коренных народов Сибири?... Наконец, наше внимание привлекло сотрудничество ученого с Комитетом Севра.

Первый вопрос, который встал перед нами, это вопрос о мировоззренческой позиции и методологической концепции во взглядах ученого, формирование и эволюция которых происходили в сложный и интересный период в истории общества и науки. Научные взгляды Б. Э. Петри в основном сформировались в петербургский период его деятельности, главным образом в стенах Петербургского университета, который он окончил по отделению географии естественного факультета в первое десятилетие нового века. «Я... натуралист по образованию и дарвинист по методам исследования», — подчеркивал он в 1921⁶.

К началу XX в. в русской этнографии (в рамках научных обществ и музеев, где первоначально развивались этнографические научные исследования; в университетских центрах, где преподавание этнографии велось в контексте естественнонаучных дисциплин) господствовало эволюционистское направление. Особенностью русской этнографии, что, возможно, дает ключ к пониманию необычайной популярности эволюционистского направления в ее научных разработках, явилось то, что она зародилась и долгое время развивалась в рамках географической науки, в теснейшей связи с естествознанием*. Географическая наука в России прошла самостоятельный путь развития. Уже в XVIII в. ее характерной чертой был историзм. «Русская география в центр своего внимания поставила человека и стала изучать жизнь и деятельность населения при опоре на достижения естествознания»⁷. Этнография, выделившись в самостоятельную науку, не могла не испытывать тесной связи с географией, что выразилось в потребности создания смежной дисциплины — этногеографии, и первые попытки ее создания относятся именно к первой четверти XX в.⁸ Последовавшая в конце 20-х — начале 30-х годов критика преподавания этнографии в системе географических вузов, естественноисторических дисциплин, «пережитков географизма»⁹ привела к боязни исследователей «впасть в географический детерминизм»¹⁰.

Тесная связь этнографии с географией, другими естественными науками, успехи которых в конце XIX — начале XX в. казались грандиозными, и в частности дарвиновская теория эволюции, заставила представителей общественных дисциплин начать поиск естественнонаучных закономерностей в своих областях знания. Идея прогресса, постепенного и закономерного развития сочеталась с прямолинейностью схемы развития, метафизичностью, что не могло не произойти при механическом переносе теории эволюции о биологических процессах на социальные¹¹.

В Петербургском университете, где учился Б. Э. Петри, лекции по этнографии и антропологии в разное время читали профессора Э. Ю. Петри, Д. А. Коропчевский, Ф. К. Волков, которые считали этнографию входящей в цикл антропологических наук, «следуя за школой Брока во Франции, Вайца в Германии и Тайлора в Англии»¹². Сторонниками эволюционизма были также В. В. Радлов, В. И. Иохельсон, Д. Н. Анучин, Л. Я. Штернберг, другие

* К сожалению, феномен естественнонаучного направления конца XIX — начала XX в. в науках о человеке до сих пор не получил должного освещения.

ученые. Наибольшее влияние на формирование взглядов Б. Э. Петри оказал, по-видимому, Л. Я. Штернберг, талантливый ученый и педагог¹³. Эволюция в понимании Л. Я. Штернберга — это закономерность изменчивости явлений, а этнография — наука «о человечестве, как о едином»¹⁴. Предмет этнографии он видел в культуре народов «первобытных», отставших в своем развитии, а различия в культуре объяснял различными историческими и географическими.

С 1910 г. Б. Э. Петри работает в Музее антропологии и этнографии Академии наук в качестве нештатного, а затем младшего этнографа¹⁵. В это время укрепилась эволюционистская методология ученого. Фонды МАЭ являлись одним из богатейших собраний мира, и это давало широкую возможность сравнения, анализа, проведения каких-то обобщений на основе изучения материальных предметов, «памятников культуры» разных народов. Работая в МАЭ, он занимается проблемами, интерес к которым был характерен для классической эволюционистской этнографии, — историй брака и семьи и происхождением и развитием религиозных верований. Углубленные исследования в этих направлениях велись ученым среди бурят Западного Прибайкалья, к которым он выезжал по заданию Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в комплексные экспедиции 1912, 1913, 1916 гг.

Этнографические наблюдения в области социального строя и верований, антропологические измерения проводились среди кудинской, верхоленской, балаганской и аларской групп. Ученый отмечал обилие «необычайно интересного этнографического материала»¹⁶, на основе которого была написана работа «Семья и род у северных бурят», вышедшая отдельными главами в Иркутске¹⁷. Используя предания, легенды, родословные, собранные здесь, автор описал территориальное родство, внутривидовые отношения, брачные нормы бурят, сознательно уделяя основное внимание отысканию наиболее древних пережиточных явлений.

Предметом изучения для Б. Э. Петри вслед за эволюционистами старших поколений был человек и его культура (в частности, культура сибирских коренных народов). Причем, как и Л. Я. Штернберг, он исследовал преимущественно пережиточные явления в культуре, проявляя, таким образом, наибольший интерес к исторической этнографии. Б. Э. Петри постоянно придерживался взгляда на антропологию, археологию, этнографию как на тесно и неразрывно взаимосвязанные дисциплины, которые в совокупности могут помочь восстановлению ранних периодов человеческой истории, выявить историческое прошлое ныне живущих народов**, реконструировать их внешний облик, материальную и духовную культуру. Для Б. Э. Петри, как и для С. М. Широкого, археология была, по-видимому, необходимейшим методом, при помощи которого восстанавливалось прошлое современных этносов, т. е. решалась проблема этногенеза.

Метод работы, который ученый практиковал в экспедициях начала века, состоял в длительном стационарном наблюдении и опросе. Материал собирался в возможно более полном объеме: ученым проводились антропологические измерения, археологические раскопки, сбор этнографических экспонатов, делались записи легенд, преданий, родословных и т. д. Вначале он выезжает в экспедицию с В. А. Михайловым, бурятом по национальности, учившимся в Петербургском университете; затем понимает «все преимущества путешествия без спутников»¹⁸. Этнографам, когда-либо работавшим в поле, известно состояние, которое хорошо описал Б. Э. Петри в письме Л. Я. Штернбергу в 1913 г. из Западного Прибайкалья: «... должен однако признаться, что меня сильно тянет в Петербург. Надоел дым в юртах, грязь кругом, на теле и в пище..., переезды в тряских телегах, дождь, мелкие неудачи в пути... Но стоит только получить

** Работа «Доисторические кузнецы в Прибайкалье (к вопросу о доисторическом прошлом якутов)». Чита, 1923.

новые данные или узнать что-либо замечательное, как от минутного уныния не остается и следа»¹⁹.

В. В. Радлов, с 1894 г. директор МАЭ²⁰, сумел сформировать в музее сильный научный коллектив: В. И. Лемешевский, А. М. Мерварт, Э. К. Пекарский, С. М. Широкогоров, Л. Я. Штернберг, другие неординарные ученые²¹. Заседания в Центральном отделе Русского географического общества, где присутствовали и выступали крупные ученые, работавшие и вне стен МАЭ, дискуссии о предмете этнографии и ее задачах, обсуждение научных докладов и сообщений — вся эта творческая атмосфера не могла не оказать влияния на становление ученого и вообще на всю его дальнейшую судьбу.

С 1918 г. жизнь и научная деятельность Б. Э. Петри связана с Иркутском, городом, где существовали давние научные традиции. В 1782 г. известным естествоиспытателем Э. Лаксманом в Иркутске был основан музей естественно-исторического и этнографического направлений, а с 1851 г. деятельно работал Сибирский (позже — Восточно-Сибирский отдел) Русского географического общества, снискавший себе уважение среди всех слоев населения изучением Сибири и Дальнего Востока, Монголии и Китая. Научная база отдела комплектовалась в основном за счет политических ссыльных, людей для своего времени прогрессивных и образованных, с разными научными взглядами, установками, интересами. Многие для развития науки также сделали нештатные сотрудники отдела.

Революционные события оказали огромное влияние на развитие этнографической науки в Сибири и на Дальнем Востоке. Не понимая, «куда несет нас рок событий», многие ученые стремились переждать их, не останавливая при этом своих научных занятий.

С 1918 г. Б. Э. Петри с женой, уроженкой Иркутска, «застревает» здесь и оседает, как позже оказалось, навсегда. В это время в Сибири и на Дальнем Востоке в области этнографии работали многие известные ученые из Петрограда, Москвы, Казани и других городов. Во Владивостоке работали В. К. Арсеньев, А. М. Мерварт, С. М. Широкогоров, в Чите — М. К. Азадовский, В. Огородников, в Томске — С. И. Руденко, в Иркутске — Б. Э. Петри, Г. С. Виноградов. Этот период был чрезвычайно плодотворным для развития этнографии и может быть охарактеризован как период вливания новых научных сил, идей, методов в повседневную работу сибирских научных обществ.

В первое послереволюционное время этнографические исследования в Иркутске развиваются по двум основным направлениям. Первое — этнография русского старожильского населения Восточной Сибири (в области народного быта, духовной культуры, фольклора). Оно связано с именами Г. С. Виноградова и М. К. Азадовского, причем заслугой Г. С. Виноградова была разработка нового направления в этнографической науке в Сибири — этнографии детства. Второе направление имело классические эволюционистские истоки и понимало этнографию как науку, занимающуюся вместе с археологией, антропологией и другими смежными дисциплинами первобытной культурой отставших в своем развитии народов. Представителями данного направления были Б. Э. Петри и его ученики.

В течение первых 5 лет Б. Э. Петри не оставляет надежды вернуться в академию, как и А. М. Мерварт и С. М. Широкогоров, с которыми Б. Э. Петри поддерживал переписку. Наконец, в 1923 г. ученый пишет Л. Я. Штернбергу о своих летних работах (4 месяца в поле): «план плотно сомкнут личными связями и тем интересом и сочувствием, с которым местные люди относятся к моим исследованиям... Бросить все это и ехать в Музей, как Вы настаиваете, я не решаюсь... Прошу сохранить за мной высокое звание этнографа А. Н., которое я носил до сих пор и которым горжусь...»²²

В это время в Иркутске Б. Э. Петри развивает бурную деятельность по восстановлению прерванных революцией и войной научных занятий. В 1918 г. в Иркутске открывается первый в Восточной Сибири университет, где сразу

же учреждается кафедра первобытной культуры, и Б. Э. Петри читает курс лекций по истории первобытной культуры, иными словами, по этнографии коренных сибирских народов. При кафедре им был основан кабинет археологии и этнографии с библиотекой и музеем («мой милый кабинет археологии и этнографии, мое детище...»), при котором с 1919 г. работает студенческий научный кружок «Народоведение» (позже переименован в «Краеведение», — «то, что я в шутку называю „моя школа“»²³). Первым председателем кружка был этнограф Е. И. Титов, затем П. П. Хороших, позже А. П. Окладников. Здесь идет интенсивная подготовка молодых специалистов: «Рефераты компилятивного характера не допускаются. Заслушиваются исключительно доклады о собственных исследованиях»²⁴. Студенты выезжают в самостоятельные экспедиции. Статья и заметки, написанные на основе полевых материалов, публикуются в журнале «Краеведение». Другие издания этнографического направления в Иркутске — «Этнографический бюллетень ВСОРГО», «Сибирская живая старина».

Работа по этнографии велась в рамках созданного при Иркутском университете в 1923 г. Биолого-географического института, имевшего в своем составе этнологическую подсекцию²⁵.

В 1922 г. археологическая и этнографическая секции ВСОРГО сливаются в одну, этнологическую, где ведутся работы в области народоведения — по археологии, географии, антропологии, экономике, истории, этнографии²⁶. В 1924 г. на ее базе возникает палеоэтнологическая секция²⁷.

Краеведческие кружки и музеи возникают в это время при Педтехникуме, Доме работников просвещения не только в Иркутске, но в целом по губернии. На «местах» существовала целая «сеть корреспондентов»: С. В. Шарыпов, О. А. Монастырева, П. Н. Мочульский, М. Степанов и многие другие.

«Принципиальные установки советской этнографии в первые годы после Октябрьской революции представляли собой довольно пестрое смешение самых различных взглядов. Большинство их вело начало от дореволюционных лет»²⁸. Эволюция методологических принципов Б. Э. Петри в течение его научной и общественной карьеры была связана с влиянием марксистско-ленинской идеологии, национальным строительством. Этнография в послереволюционное время, с одной стороны, по-прежнему рассматривается Б. Э. Петри как наука, занимающаяся изучением первобытной культуры ныне живущих народов²⁹, а с другой — практическая деятельность по обследованию народов, получивших статус «малых» и нуждавшихся в практической помощи государства (их устройством занимался Комитет Севера, с которым Б. Э. Петри сотрудничал с 1925 г.), заставила ученого обратить пристальное внимание на этнографию современности и, в первую очередь, на область материальной культуры, хозяйства: «если раньше каждый новый добытый факт был тем ценнее и интереснее, чем больше следов давности таил он в себе, то теперь нас интересуют преимущественно те факты, которые дают ключ к правильному пониманию основных пружин,двигающих хозяйство туземцев»³⁰. В рассматриваемое время изменяется объект этнографического исследования: внимание переключается на отдельный этнос, этнографическую группу и в особенности на их материальную культуру. В единичных теоретических разработках ученого хорошо видна эволюция его взглядов на предмет и задачи этнографии. От сознания того, что его работы «лишены практического значения»³¹, до следующего высказывания: «... не пора ли закончить период исследований и приступить к реальному содействию»³².

Практические задачи этнографических исследований заставили разработать новую, отвечающую требованиям момента методику полевых этнографических исследований. Метод обследования целых народностей был найден опытным путем, апробирован в экспедициях, снаряжаемых и финансируемых Комитетом Севера, и в 1928 г. представлен для обсуждения на I Всесибирском краеведческом съезде³³. Это был метод обследования практически определенной обо-

собленной этнографической группы, какой были, например, тутуро-очеульские эвенки, окинские сойоты. Б. Э. Петри предлагал ввести плановость в этнографические исследования: «разбить» Сибирь на этнографические ячейки по географическому и национальному признакам и планомерно их изучать в соответствии с приемами статистико-экономических обследований: «в статистической оправе этнографические данные оживают и становятся реальными»³⁴. Обследование в экономическом отношении велось по выработанной ученым совместно с проф. М. К. Миротворцевым программе, рассчитанной «применительно к хозяйству малых народностей тайги»³⁵. Составление ее было продиктовано необходимостью получить однородный материал для лучшей возможности сравнения и анализа. Медико-санитарное обследование велось по программе проф. Н. М. Анастасиева; программа для охотоведа была разработана проф. В. Ч. Дорогостайским.

В соответствии с новым методом обследования в состав экспедиции входили помимо необходимого технического персонала, набравшегося на месте, этнолог-экономист, его помощник (этнограф), врач и его помощник, охотовед. Это давало возможность в сложных таежных условиях проводить так называемые кустовые экспедиции, захватывая обследованием и наиболее удаленные, труднодоступные районы. Б. Э. Петри по-прежнему оставался сторонником длительных экспедиций (3—4 мес.) с последующими выездами туда же, но в другое время и на более короткий срок для пополнения и уточнения собранных сведений.

Давая оценку новому методу обследования, нужно отметить, что он не расходился с эволюционистскими взглядами ученого. В конкретных сложных условиях, когда не хватало ни специально подготовленных кадров, ни средств, он имел положительное значение. Заключая в себе методологические слабости, не учитывая культурных взаимовлияний и заимствований, рассматривая этнографическую группу как нечто замкнутое, он не мог не привести и к некоторым ошибочным выводам. По-видимому, как ученый-этнограф, он понимал, как далеко зашел процесс ассимиляции, например, у окинских сойот, но как общественный деятель и просто как человек не мог с этим примириться.

Географический ареал, который изучал Б. Э. Петри, охватывал Восточную Сибирь, Прибайкалье. «Все те народы, которые я изучал, расположены по склонам Саянского и Байкальского хребтов. Карагасы расположены по верховьям рек Уды, Ии, Бирюсы и Гутары. Дальше на восток по склонам Саян и в верховьях реки Оки живут сойоты. Дальше на восток идут буряты. Еще дальше по западному берегу Байкала и в верховьях р. Лены и Киренги живут тунгусы»***.

В первые послереволюционные годы проф. Петри выезжает в экспедиции к западным бурятам для сбора материалов по шаманству. «Мы последние свидетели этого уходящего в вечность момента народной жизни. На нашей ответственности лежит его изучить и зафиксировать»³⁶. К изучению шаманства он подходил как этнограф-наблюдатель, добросовестно описывающий и фиксирующий явление. Б. Э. Петри занимали вопросы, связанные с процессом становления шаманов как служителей культа, степенями их посвящения. Его работы, вышедшие в Иркутске, дополняют и уточняют материалы М. Н. Хангалова³⁷. Ученому удалось зафиксировать процесс постепенного исчезновения шаманства у западных бурят. Очень интересные краткие записи о культовых сооружениях бурят (описание шаманской юрты «саган гыр»). Т. М. Михайлов, современный исследователь бурятского шаманизма, отмечал, что Б. Э. Петри «первым из этнографов попытался реконструировать религиозные представления древних неолитических жителей Прибайкалья, удачно увязав свои археологические изыскания с материалами этнографии»³⁸. Интересно отметить, что в дальней-

*** Ученый не упомянул здесь о своих археолого-этнографических исследованиях в Северо-Западной Монголии, на берегах оз. Хубсугул (см. работу «Древности озера Косогол». Иркутск, 1924). См. также ГАИО. Ф. 1468. Оп. I. Д. 7.

шем небезуспешные попытки в этом направлении предпринял один из учеников Б. Э. Петри А. П. Окладников.

Ученый предполагал изучить шаманство с медицинской точки зрения с помощью психологов и психиатров: «как ни странно, — отмечал он, — сибирские врачи ни разу не попытались проникнуть в сущность шаманства и изучить с медицинской стороны то явление, которое этнографов интересует только с точки зрения религиозных переживаний первобытных народов»³⁹. Именно в этой цели он уговаривает приехать на лекцию о шаманстве бурятского шамана М. Степанова и выступить перед аудиторией. Б. Э. Петри всегда стремился пробудить интерес у самого информатора к изучаемой проблеме, привлечь его к ее разрешению. Путем «длительной обработки» ученый заставил шамана «самостоятельно захотеть» записать бурятскую древнюю историю⁴⁰.

Если буряты постоянно привлекали внимание исследователя, то другие народности Б. Э. Петри изучал как полевой этнограф по заданию Комитета Севера после 1924. Он собирал данные по материальной культуре, землепользованию, хозяйственно-бытовым особенностям, проблемам современной этнографии и прогнозированию.

В 1925 г. ученый выезжает в Восточные Саяны к карагасам (тофаларам), горнотаежным охотникам-оленеводам. Об этой маленькой народности в литературе имелись крайне фрагментарные сведения (работы Н. Ф. Катанова, В. Н. Васильева, К. Н. Миротворцева, др.).

Вопросы экономического состояния хозяйства малых народов: «закуп-сбыт», бюджет, другие — разрабатывались исключительно по заданию Комитета Севера. По мнению Б. Э. Петри, они были очень скучными, и при других обстоятельствах ни один этнограф не стал бы такой материал собирать. Именно поэтому он явился «очень полным и единственным в своем роде»⁴¹. Вслед за Н. Ф. Катановым был дан состав тофов по родам, описан характер землепользования (Б. Э. Петри первым из этнографов заметил, что промысловые угодья разделялись между патронимиями. Позже С. И. Вайнштейн установил, что в патронимии могли входить представители разных фамилий)⁴², составлены сравнительные таблицы численности тофов (в сравнении с данными проф. Миротворцева), подробно описаны охота и оленеводство⁴³.

Еще одна обследованная Б. Э. Петри по заданию Комитета Севера этнографическая группа — окинские сойоты, также горнотаежные охотники-оленеводы, переживавшие процесс ассимиляции окинскими бурятами. Около полугода провел в общей сложности среди окинских сойотов ученый. Используя свой метод обследования, он изучил практически все хозяйственные группы сойот, обобщив собранные сведения в статистических таблицах. Фактически он зафиксировал процесс смены хозяйственно-культурных типов у этой этнографической группы, и то, в каких направлениях он развивался⁴⁴.

В 1928 г. ученый выезжает в экспедицию к тутуро-очеульским эвенкам, небольшой этнографической группе, населяющей верховья р. Лены и ее притоков. Издавна эта группа эвенков испытывала тесные иноэтнические контакты (с бурятами, русскими) и ко времени первой четверти XX в. также частично начала переходить на оседлость. Собранный среди этой группы материал практически однороден материалам из предыдущих экспедиций и обобщен в работе «Охота и оленеводство у тутурских тунгусов в связи с организацией охотхозяйства». Работа проливает свет на малоисследованную группу эвенков.

Подводя итоги научной и практической деятельности Б. Э. Петри в эти годы, следует отметить, что сотрудничество с Комитетом Севера позволило ввести в научный оборот новые данные по хозяйству и материальной культуре прежде малоисследованных народностей тайги. Кроме того, оно повлияло на взгляды ученого. Если раньше он подходил к изучаемым народам только как ученый-наблюдатель, то теперь он мог давать практические рекомендации, однако в уже заданных рамках. В этом, по-видимому, и состояла его научная трагедия. Он обостренно чувствовал свою личную ответственность за дальней-

шую судьбу изучаемых им народов: «Эта своеобразная индустриализация наших туземцев — опыт, крайне опасный. Он требует большой осторожности... От наших изучений вправе ожидать точных данных...»⁴⁵. Опасения ученого не были напрасными, как показало будущее. С. М. Широкогоров еще в 1922 г. говорил о законе равновесия культуры, который заключался в том, что если нарушить связь между различными элементами этнографических комплексов, благодаря которой, собственно, и существует культура как таковая, то разрушается и вся культура. По мнению С. М. Широкогорова, культура может изменяться лишь с сохранением равновесия, «плавучести»⁴⁶.

Пытаясь в рамках социального заказа сохранить это равновесие, Б. Э. Петри пришел к выводу, что малые народы тайги в своем культурном развитии при переходе к оседлости должны остаться охотниками. Второй основой «туземного хозяйства», по его мнению, должно было стать коллективное оленеводство, по примеру окинских сойот. Увидев в эволюции хозяйства сойотов этап, который, по мнению ученого, рано или поздно должен был быть пройден и другими малыми народами тайги при переходе их на оседлость и полuosедлость, Б. Э. Петри решает рекомендовать взять за основу сойотский опыт для переустройства (читай — перевода на оседлость) других исследуемых народов. Подобное решение не расходилось с эволюционистскими взглядами ученого⁴⁷. Культбаза мыслилась им как центр охотхозяйства, хозяйственное предприятие, поставленное на принципы хозрасчета и самоокупаемости⁴⁸.

Вместе с тем у Б. Э. Петри имелось множество противоречивых высказываний, а то и просто неверных положений. Он не видел и не хотел видеть положительных моментов в культурном и хозяйственном обмене местного населения с другими народами, и прежде всего с русским. В определенной степени он идеализировал изучаемые народы. Это был человек с увлекающейся, горячей натурой. «В Тофаларии до сих пор поминают добрым словом этого умного, чуткого и энергичного человека»⁴⁹.

Еще со времени работы в Музее антропологии и этнографии Б. Э. Петри придавал большое значение собирательской работе. В письме к Л. Я. Штернбергу из своей первой экспедиции в Прибайкалье он писал: «хотелось бы... пойти в Музей и приняться за работу, которую я так люблю: регистрировать коллекции, определять вещи, писать каталог...»⁵⁰. Практически во всех экспедициях ученый собирал этнографические коллекции, хранящиеся сейчас в МАЭ в Ленинграде и в фондах Иркутского краеведческого музея. Собранные им коллекции уникальны. Они характеризуют те этнографические группы, которые в настоящее время сильно ассимилированы и практически утратили свою традиционную культуру. В работе «Народное искусство в Сибири» Б. Э. Петри писал: «нельзя... однако вещи просто брать с места и присылать в музей. Отрывая их навсегда от родной им среды, о них следует дать все сведения, которые только можно собрать»⁵¹. Ученый сам регистрировал свои сборы в описях иркутского музея, всегда торопливым летящим почерком, но также всегда с научной тщательностью и точностью: указывая название вещи на языке того народа, которому она принадлежала; место, где была приобретена, куплена или найдена (подарена); если покупка, то указывалась цена; делались зарисовки — одним словом, в музейных условиях воспроизводилась подробная полевая легенда.

Экспонаты оформлялись ученым как источники будущих научных обобщений. Необходимо отметить принцип комплексности в формировании коллекций. Состав их, собранный у разных этносов, фактически идентичен по набору экспонатов, что позволяет предположить неслучайный характер этого явления. По-видимому, ученый так стремился подобрать материал, чтобы впоследствии была возможность сравнить развитие культур соседних народов, провести, быть может, определенные аналогии с археологическими материалами.

Музей для Б. Э. Петри не был хранилищем мертвых экспонатов, он рассматривался им как живой организм, в котором сочеталась научная, собиратель-

ская, просветительская и педагогическая деятельность. Ученый считал, что рост музеев напрямую связан с кадрами, которые рассматривал как большую культурную ценность⁵².

Главное, что было сделано Б. Э. Петри в Сибири, — это создание на фоне активизации научных работ в области этнографии и археологии местной школы этнологов, народоведов. В Иркутске ученому удалось собрать заинтересованную молодежь и привить ей глубокий, устойчивый интерес к этнологии. Объективно для этого в Иркутске была подготовлена почва прежними исследователями. Получив мощный творческий потенциал в столице, выходец из петербургско-петроградской этнографической школы Б. Э. Петри был носителем новых мыслей, идей, методов, наконец, энергии, необходимой для организационных работ. Он перенес на сибирскую землю то, что было наиболее жизнеспособным в местных условиях. Характерной чертой этой школы был широкий диапазон научных интересов, работа на границах смежных дисциплин. Среди учеников Б. Э. Петри — археологи, антропологи, экономисты, этнографы, геологи... Работы его учеников в 40—50-е годы посвящены таким сложным проблемам, как этногенез современных нам этносов (узбеки, туркмены) по данным археологии, палеоантропологии, антропологии; проблемам заселения отдельных регионов; реконструкции социального строя, этнической истории современных народов. Ученики Б. Э. Петри в свою очередь дали начало новым научным направлениям, методам и оказали большое влияние на развитие науки в целом.

Настоящая работа является первой попыткой рассмотреть и дать оценку многогранной деятельности проф. Б. Э. Петри в области сибирской этнографии и как таковая не претендует на всю полноту и окончательность выводов. Будем надеяться, что сложные вопросы истории науки еще найдут внимательных исследователей.

Примечания

¹ Бромлей Ю. В., Крюков М. В. Этнография: место в системе общественных наук, школы, методы // Сов. этнография (далее — СЭ). 1987. № 3. С. 45—60; Вайнштейн С. И. Историческая этнография в структуре этнографической науки // СЭ. 1987. № 4. С. 77—82; Решетов А. М. О совершенствовании методов этнографической науки // СЭ. 1987. № 5. С. 61—66.

² Бартольд В. Хроника. XII съезд русских естествоиспытателей и врачей в Москве // Живая старина. 1910. Вып. 1—2. С. 176—179; Живая старина. 1916. Вып. 2—3. С. 1—11; Могилян-ский И. М. Предмет и задачи этнографии // Живая старина 1916. Вып. 1.

³ Могилянский И. М. Указ. раб. С. 9.

⁴ Кагаров Е. Г. Пределы этнографии // Этнография. 1928. № 1.

⁵ Решетов А. М. О совершенствовании методов этнографической науки // СЭ. 1987. № 5. С. 61.

⁶ Петри Б. Э. К вопросу об изучении шаманства (по поводу приезда шамана Степанова в Иркутск) // Власть труда. 1922. № 299.

⁷ Саушкин Ю. Г. Географическая наука в прошлом, настоящем, будущем. М., 1980. С. 41.

⁸ Богораз-Тан В. Г. Распространение культуры на Земле. Основы этногеографии. М., Л.; 1928.

⁹ Маторин Н. М. Современный этап и задачи советской этнографии // СЭ. 1932. № 1—2.

¹⁰ Бусыгин Е. П., Зорин Н. В. К 100-летию кафедры этнографии в Казанском университете // СЭ. 1989. № 4.

¹¹ Токарев С. А. История русской этнографии (до 1917 г.). М., 1966.

¹² Могилянский И. М., Указ. раб. С. 13.

¹³ Архив Ленинградского отделения Акад. Наук (далее — АЛОАН). Ф. 282. Оп. 2. Д. 227. Л. 2.

¹⁴ Гаген-Торн Н. И. Ленинградская этнографическая школа // СЭ. 1971. № 2. С. 137.

¹⁵ АЛОАН. Ф. 282. Оп. 2. Д. 227. Л. 204.

¹⁶ Отчет о командировке Б. Э. Петри и В. А. Михайлова // Изв. Рус. Комитета для изучения Средней и Восточной Азии. 1913. Сер. II. № 2. С. 102.

¹⁷ Петри Б. Э. Территориальное родство у северных бурят // Изв. БГНИИ при Иркут. гос. ун-те. 1924. Т. I. Вып. 2; *его же*. Элементы родовой связи у северных бурят // Сибирская живая старина. 1923. Вып. 2; *его же*. Братские нормы у северных бурят. Иркутск, 1924; *его же*. Внутри-родовые отношения у северных бурят. Иркутск, 1925.

¹⁸ АЛОАН. Ф. 142. Оп. I. (до 1918 г.). Д. 65. Л. 377.

¹⁹ Там же. Л. 378.

²⁰ Вайнштейн С. И., В. В. Радлов и его труд «Из Сибири» // Радлов В. Из Сибири. М., 1989.

- ²¹ Станюкович Т. В. Этнографическая наука и музеи. Л., 1978.
- ²² АЛОАН. Л. 15. Ф. 282. Оп. 2. Д. 227.
- ²³ Там же. Л. 14.
- ²⁴ Петри Б. Э. Этнография и современность // Наука и труд. 1927. С. 7, 11.
- ²⁵ Деятельность биолого-геогр. НИИ в 1923//24 гг. // Изв. БГНИИ. 1926. Т. 2. Вып. 3.
- ²⁶ Гос. архив Иркут. обл. (далее — ГАИО). Ф. 565. Оп. 1. Д. 15.
- ²⁷ ГАИО. Ф. 565. Оп. 1. Д. 18. Л. 1.
- ²⁸ Токарев С. А. Ранние этапы развития советской этнографической науки (1917 — середина 1930-х годов) // Очерки по истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. 1971. Вып. V. С. 115.
- ²⁹ Петри Б. Э. Этнография и современность. С. 7, 11, Иркутск, 1927.
- ³⁰ Там же. С. 11.
- ³¹ АЛОАН. Л. 15. Ф. 282. Оп. 2. Д. 227.
- ³² Петри Б. Э. Карагасский суглан. Иркутск, 1927. С. 38.
- ³³ Петри Б. Э. Задачи дальнейшего обследования туземцев Сибири и метод обследования целых народностей // Тр. Первого Сиб. краев. н.-и. съезда: Новосибирск, 1928. Т. 5.
- ³⁴ Петри Б. Э. Бюджет карагасского хозяйства. Иркутск, 1928.
- ³⁵ Петри Б. Э. Программа для составления подворных описей и бюджетов применительно к малым народностям тайги. Иркутск, 1926.
- ³⁶ Петри Б. Э. К вопросу об изучении шаманства (по поводу приезда шамана Степанова в Иркутск) // Власть труда. Иркутск, 1922. № 2.
- ³⁷ Петри Б. Э. Школа шаманов у северных бурят // Сб. тр. проф. и преп. Иркут. ун-та. 1923. Вып. 5.
- ³⁸ Михайлов Т. М. Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен по XVIII в.). Новосибирск, 1980. С. 31.
- ³⁹ Петри Б. Э. К вопросу об изучении шаманства.
- ⁴⁰ АЛОАН. Л. 13. Ф. 282. Оп. 2. Д. 227.
- ⁴¹ Петри Б. Э. Бюджет карагасского хозяйства.
- ⁴² Общественный строй у народов Северной Сибири (XVII—начало XX в.). М., 1970. С. 311.
- ⁴³ Петри Б. Э. Карагасский суглан; его же. Оленеводство у карагас. Иркутск, 1927; его же. Охотугоды и расселение карагас // Сб. тр. проф. и преп. Иркут. ун-та. 1927. Вып. 13; его же. Этнографические исследования среди малых народностей в Восточных Саянах (предварительные данные). Иркутск, 1927; его же. Промыслы карагас. Иркутск, 1928.
- ⁴⁴ Петри Б. Э. Этнографические исследования...
- ⁴⁵ Петри Б. Э. Карагасский суглан. С. 2.
- ⁴⁶ Широкогоров С. М. Место этнографии среди наук и классификация этносов. Владивосток, 1922.
- ⁴⁷ Петри Б. Э. Этнографические исследования...
- ⁴⁸ Петри Б. Э. Проект культбазы для малых народов в Сибири. Томск, 1928.
- ⁴⁹ Красник В. В краю оленьих троп. Иркутск, 1985. С. 32.
- ⁵⁰ АЛОАН. Л. 378. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 65.
- ⁵¹ Петри Б. Э. Народное искусство в Сибири (вопросы собирания и изучения). Иркутск, 1923. С. 8.
- ⁵² Петри Б. Э. Областной музей и его организация на демократических началах. Иркутск, 1921.

© 1991 г., СЭ, № 3

С. В. Кузнецов

**СТАБИЛЬНОСТЬ И ДИНАМИКА
В ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ ТРАДИЦИЯХ**

Теоретические проблемы исследования путей и форм эволюции культурных традиций получили достаточное освещение в последнее время в специальной литературе. Утвердился взгляд на традицию как на специфическую форму развития культуры, в рамках которой культура этноса и этническая культура конкретизируются как различные исследовательские объекты. Были выработаны различные подходы к пониманию принципов развития этнокультурных процессов. Большая часть исследователей склонна рассматривать эти процессы как результат диалектического взаимодействия традиций и новаций¹.

Настоящая статья является попыткой продолжить разработку проблемы эволюции традиций путем перенесения центра тяжести на внутренние процессы, обеспечивающие в конечном счете это развитие. Речь идет о соотношении таких составляющих традиции как стабильность и динамика.

Автор не ставит перед собой задачу анализа всего многообразия развития культурных традиций, а ограничивается только сферой сельскохозяйственного производства, и еще уже — хозяйственными традициями в земледелии русских крестьян Центрального нечерноземного района Европейской России второй половины XIX в., точно так же и выводы, которые предлагаются читателям, не выходят за рамки означенной темы.

Земледельческие традиции русских крестьян — это сложившиеся устойчивые приемы обработки земли, ухода за посевами, жатвы и т. д., включающие как собственно агротехнику, так и соответствующие ей формы организации крестьянского труда, и эволюционирующие по мере изменения природно-климатических и социально-экономических условий, в которых велось в прошлом крестьянское хозяйство.

В более широком, универсальном значении хозяйственные традиции есть условие и форма существования земледельческой культуры. Поэтому анализ только агротехнических приемов, систем земледелия или классификация пахотных орудий, а равно изолированное изучение социально-экономических процессов русской деревни не отвечает нынешнему уровню понимания исследовательских задач, поскольку игнорируется самое важное и принципиальное: хозяйственные традиции — это форма существования земледельческой культуры как целостной системы и подходить к ней надо комплексно, т. е. используя все многообразие связей составляющих ее и взаимодействующих между собой факторов, тенденций.

Эмпирический характер знаний крестьянина, относительная примитивность сельскохозяйственных орудий требовали фиксации агротехнических приемов в общественном сознании и поиска способов передачи их от поколения к поколению, что достигалось благодаря закреплению и передаче опыта традицией². Природная среда — климатические и микроклиматические условия, ландшафтная структура и пр. оказывали определяющее воздействие на формирование хозяйственных традиций, которые в хозяйственной деятельности крестьян

яинства проявлялись как совокупность устойчивых приемов. Ввиду относительной стабильности естественных условий хозяйствования сельскохозяйственные традиции, выражая высокий уровень адаптивности крестьянского хозяйства, характеризовались устойчивостью.

Если принять предложенное Э. С. Маркаряном понимание традиции как системы социально значимых стереотипов группового опыта³, то устойчивость следует определить как сущностную характеристику традиции, её универсальное свойство независимо от содержания традиции и границ ее распространения. Устойчивость хозяйственных традиций можно понимать как общий принцип адаптации крестьянского хозяйства к специфическим условиям хозяйствования. Это не только результат обобщения хозяйственного опыта, но и условие его передачи и, следовательно, воспроизводства.

Вместе с тем, например, мозаичная ландшафтная и почвенная структура центра и части северо-востока Европейской России придавали устойчивости хозяйственных традиций своеобразный характер. Для понимания его необходимо выявить степень единства основных приемов в земледелии, которая характеризовала бы устойчивость хозяйственных традиций со стороны конкретно содержательной. Единство приемов предполагает наличие рамок в определении конкретного содержания традиций пространственных границ. Степень единства хозяйственных приемов для данной культурной традиции выявляется на локальном и микролокальном уровнях.

В пределах исследуемого района (локальный уровень) помимо общих генетических черт традиций (система земледелия, сельскохозяйственные орудия, способы землепользования и пр.) существовало великое многообразие сочетаний различных способов обработки земли, сева, унавоживания, приемов ухода за посевами, т. е. всего того, что составляло содержание хозяйственных традиций. Если выделить из их системы один из этапов сельскохозяйственных работ — унавоживание и рассмотреть его в интересующем нас аспекте, мы увидим, что при мозаичной почвенной и ландшафтной структуре выявить единство в определении крестьянами удобряемых участков и полос, а также норм вывоза навоза на единицу удобряемой площади, что отражает все возникающие в этом цикле хозяйственных работ взаимосвязи, не всегда представляется возможным. Как общую закономерность можно рассматривать стремление крестьян удобрять как можно большую площадь менее плодородных земель и меньшую — лучших по естественному плодородию почв.

В микролокальном варианте хозяйственные традиции отличались большим единством в силу того, что все стадии сельскохозяйственного производства, сроки, способы и порядок его были обусловлены сходными природно-климатическими и социально-экономическими микроусловиями, в каждом же отдельном случае (в каждой общине, а то и хозяйстве) выбор удобряемого участка, определение размеров удобряемой площади диктовались конкретными условиями хозяйствования и системой их взаимосвязей, прямых и опосредованных.

Нормы удобрения тоже не были постоянными и зависели от большого числа различного рода факторов. Во-первых, соотношение сенокосов, пастбищ и пахотной земли, а следовательно, обеспеченность скота кормами определяли количество и качество навоза, кроме того, нормы вывоза удобрения на десятину зависели от качества почв, ландшафта, микроклимата и пр., о чем уже приходилось говорить выше. Все было существенным, и в определенных хозяйственных ситуациях тот или иной фактор мог играть решающую роль. В одном только Нерехтском уезде источники фиксируют различное отношение крестьян к удобрению посевов. По официальным данным Губернского статистического комитета удобрение яровых полей — обычное явление⁴, а из неопубликованных документов губернского земства, можно сделать вывод, что местные крестьяне удобряют землю только под озимые посевы⁵. Причина разногласий не в недостоверности источников, а в реально сложившихся хозяйственных связях, особенностях структуры посевов, колебания внутри которой по уезду были довольно сущест-

венны. В селениях, где значительное место отводилось посевам льна, хмеля, ячменя, вывоз навоза широко практиковался крестьянами. В случаях же нехватки навоза увеличивалась норма вывоза его на пар с пятисот до семисот пудов на десятину⁶.

В ходе полевой экспедиции в Костромской обл. летом 1989 г. автору довелось услышать рассказ о том, как в начале 1930-х годов его собеседницу командировали от одного из колхозов Судиславского р-на Костромской обл. в Нагорьевский р-н Ярославской обл. с целью научить местных колхозников ставить сжатую рожь в суслоны. В Судиславском р-не, где выпадает обычно довольно много осадков, этот способ вязания и складывания снопов сжатой ржи был традиционным. В суслонах в сухую погоду зерно дозревало, а во время обильных дождей меньше мокло, чем в крестцах, в которые составляли сжатую рожь в Ярославской обл. Сам по себе интересен факт использования традиционных агротехнических приемов в колхозах в начале коллективизации, что может послужить темой отдельной статьи. Нас же в данном случае привлекает возможность сопоставления и выявления различий в традиционных хозяйственных приемах, детерминированных микролокальными природно-климатическими условиями.

Единство приемов в земледелии русских крестьян как показатель уровня стереотипизации группового опыта лучше всего прослеживается, таким образом, на микролокальном уровне. На локальном уровне степень единства несколько ниже, что подтверждает идею о вариативности, как способе бытования традиции⁷ и вывод, сделанный М. М. Громыко, о существовании различий «не столько по этнографическим зонам, сколько внутри районов в виде многочисленных вариантов»⁸. Таким образом, различия в отдельных приемах, смещение в сроках, последовательности выполнения различных сельскохозяйственных работ свидетельствуют об устойчивости традиций как одного из важнейших условий существования земледельческой культуры.

Как мне уже приходилось упоминать, в современной науке утвердилось точка зрения на традицию как механизм аккумуляции, передачи и актуализации человеческого опыта, т. е. культуры⁹. Но особенно плодотворным представляется взгляд на традицию как на бесконечный процесс движения и развития, в результате чего достигается качественно новый уровень культуры. Если воспроизводство земледельческой культуры происходило в результате обобщения хозяйственного опыта, его межпоколенной передачи и закрепления в соответствующих социально организованных стереотипах, то достижение качественно нового уровня культуры во многом обеспечивалось за счет присущей хозяйственным традициям динамики.

Динамичность традиции, способность ее к саморазвитию подтверждаются всем ходом развития систем земледелия. Сама по себе система земледелия не является показателем отсталости или прогрессивности сельского хозяйства. Она служит только индикатором и лишь в той мере, в какой она способствует развитию производительных сил земледелия или вступает в противоречие с ним. Думается, что к концу 70-х — началу 80-х годов XIX в. трехполье исчерпало свои внутренние потенции и вступило в противоречие с потребностями развития земледелия. Выходом из этого кризиса был переход к многополью.

В Ярославской губ. (Пошехонский уезд) исстари существовал у крестьян обычай оставлять *пуцаж*. Полосу в паровом поле, преимущественно ту, на которой хлеб родился особенно плохо, «запускали» под траву года на два, после чего она распахивалась снова и засеивалась рожью. За это время полоса, по выражению крестьян, достаточно «отдыхала» и давала затем удовлетворительный урожай¹⁰. Данный пример, несомненно, свидетельствует о том, что крестьяне осознавали ограниченность трехполья и пытались преодолеть его за счет заложенного внутри традиции потенциала самосовершенствования. Поэтому распространение *плодосмен* следует рассматривать не только как следствие влияния и механического заимствования, но и как результат эволюции

хозяйственных традиций — концентрированного опыта не одного поколения земледельцев.

Распространению и утверждению плодосмена в крестьянских хозяйствах способствовали два обстоятельства: «выход картофеля с огородов на поля» и введение полевого травосеяния, преимущественно клеверосеяния, которое, как отмечал Д. Н. Прянишников, сыграло важную историческую роль в повышении урожайности¹¹. Не одно поколение исследователей подвергало критике трехполье как заскорузлую, дедовскую систему земледелия, а между тем она была достаточно гибкой и обеспечивала безболезненный переход к более прогрессивным системам¹², так как допускала изменение привычного севооборота — введение клеверного поля одногодичного пользования.

Выделение четвертого поля — переломный момент в процессе перехода к плодосмену, а первым шагом к нему были посевы отдельными крестьянами клевера на огуменниках, приусадебной, арендуемой и купленной земле. В условиях общинного землепользования, когда пионеры травосеяния не встречали поддержки со стороны общины, использование для посева клевера этих участков не требовало согласия всех общинников.

Следующий этап становления плодосмена, который отразил сдвиг общественного сознания в сторону признания пользы клеверосеяния, — появление посевов клевера в паровом, озимом и яровом наделах полей. Судя по «Общинным описаниям крестьянских хозяйств», составленным на рубеже веков Ярославским губернским земством, наибольшее количество крестьянских посевов клевера при трехпольном севообороте приходилось на паровое поле. Посев клевера в пару после вывоза навоза позволял косить его дважды — первый раз в озимом поле (на следующий год) и второй раз в яровом. Таким образом, на одном месте клевер оставался два года подряд, не нарушая при этом трехпольного севооборота. Хотя с агротехнической точки зрения такие посевы клевера нельзя считать правильными, в условиях трехпольного хозяйства они представлялись наиболее удобными. По признанию Л. А. Пиотрошко, этот прием, выработанный крестьянами самостоятельно без указаний агрономов, заслуживал полного внимания последних¹³.

Убедившись в выгодах травосеяния, общество стало выделять четвертое поле (без определенного севооборота) — так называемое *пестрополье* — или же специальное многолетнее клеверное поле. В пестрополье наряду с клевером, викой и тимopheевкой высевались различные яровые культуры, отсюда и само название — пестрополье. Данный этап развития травосеяния способствовал активизации хозяйственной деятельности крестьянского общинного хозяйства, поскольку потребность выделения по решению общины четвертого поля диктовала столь же настоятельную необходимость распашки пустоши и переверстки пахотных земель. Окончательный переход к четырехполью закреплялся приговором сельского схода и приглашением земского агронома для организации правильного плодосмена.

Параллельно развитию травосеяния происходили обратные процессы, связанные с земельным утеснением. В с. Козьмодемьяновское (Ярославский уезд, Ярославская губ.) крестьяне к моменту составления в 1901 г. пообщинных балансов отказались от травосеяния, распахав одно специальное (вне севооборота) клеверное поле и засеяв его весной овсом, а бывшее четвертое поле, занятое клевером, частично оставили паровать, а часть его превратили в пестрополье и посеяли «кому что угодно»¹⁴.

Становление плодосмена осуществлялось в русле хозяйственных традиций русского крестьянства и несло на себе их отпечаток. Хозяйственный опыт позволил создать в рамках существующего хозяйства наиболее оптимальные и безболезненные формы перехода к плодосмену. И, что особенно хочется подчеркнуть, переход к плодосмену осуществлялся в соответствии с традициями общинного землепользования. В связи с этим необходимо отметить, что известный тезис об отрицательном воздействии общинных традиций на эволюцию

систем земледелия и крестьянского хозяйства в целом, о жесткой взаимосвязи и взаимообусловленности порядков общинного землепользования и трехполья решительно вступает в противоречие с данными этнографических и исторических источников. Распространению многополья в центрально-нечерноземных губерниях, например, во многом способствовало увеличение общественных запашек. Так, в Рузском уезде Московской губ. в 1885 и 1886 гг. было организовано по шесть общественных запашек, в 1887 г. — 27, в 1888 г. — 21, в 1889 г. — 29. Часть общественных запашек многие «общества» отводили для опытов под посевы трав. А на рубеже веков от опытов перешли к четырехполью с общественной запашкой четвертого поля клевером. В 1899 г. крестьяне д. Новая Жиздринского уезда Калужской губ. купили у кн. Водбельского 100 и у мещанина Волотова 70 десятин земли в общинное пользование. Эти 170 десятин не были разбиты на поля и на них сеялись яровые и травы¹⁵.

Функция общины как хранителя коллективного опыта, обеспечивающая его межпоколенную передачу, уже становилась предметом научного анализа. Менее исследована другая, не менее важная хозяйственная функция общины, точнее один из ее аспектов — регулирование процессов хозяйственного развития. Будучи социальным регулятором, община обеспечивала необходимое для развития традиций сочетание динамики и устойчивости. По свидетельству члена Московского общества сельского хозяйства Студенова в селениях с общинной формой землевладения многопольная система земледелия распространялась быстрее, чем при подворном землевладении: «Отдельный крестьянин-общинник, придя к убеждению выгоды для хозяйства перехода от одного севооборота к другому, или о полезности введения в севооборот клевера и прочее, при всяком случае будет толковать о необходимости принять эти меры, и его проповедь впоследствии увенчается успехом большим или меньшим. Крестьянин-общинник признающий пользу удобрения и начавший применять его на своей полосе (речь идет о фосфоритах. — С. К.), всем будет указывать на разницу в урожае хлеба в зависимости от новой меры, вследствие этого мало-помалу в общественном мнении явится вопрос о необходимости приговора об уничтожении частных переделов¹⁶.

Динамика традиций изначально поддерживалась поиском и складывавшимся на его основе индивидуальным хозяйственным опытом. Община, концентрируя и затем преобразовывая индивидуальный опыт в коллективный, создавала благоприятные условия для пропаганды агрономических знаний и распространения в крестьянских хозяйствах плодосмена, усовершенствованных сельскохозяйственных орудий, нетрадиционных агротехнических приемов.

Уполномоченные департамента земледелия Министерства земледелия и государственных имуществ отмечали, что мысль о посеве трав первоначально возникла только у нескольких крестьян, решавших следовать примеру тех, кто занимался выращиванием семенного клевера. Эта, по словам уполномоченного, малочисленная часть населения всеми силами старалась склонить остальных приступить к посеву и, между прочим, пыталась заручиться поддержкой уполномоченного на сходе, который собирался для решения вопроса о четвертом поле с посевом клевера¹⁷.

Для хозяйственных традиций русских крестьян центрально-нечерноземных губерний Европейской России начиная с 80-х годов XIX в. в силу известных причин характерно смещение внутренних акцентов со стабильности на динамику, что стимулировало развитие культурных процессов в целом и обеспечивало дальнейшую эволюцию хозяйственных традиций за счет внутренних потенций, создавая одновременно условия для усвоения новаций и сокращения периода включения их в традиции.

Новации, возникающие вне культурных традиций, будучи усвоенными, изменяют облик последних. Включение новаций, детерминированных происходящими в обществе культурными, экономическими и социальными процессами в хо-

зайственные традиции в земледелии русских крестьян происходило, во-первых, стихийно и, во-вторых, в результате целенаправленного воздействия.

Процесс изменения традиций путем стихийного включения новаций был опосредован влиянием социально-экономических факторов — потребности рынка и втягивание крестьянского хозяйства в систему товарно-рыночных связей сказывались на содержании традиционных приемов земледелия. В одних случаях воздействие этих факторов очевидно, в других прослеживается с трудом, к тому же на разных этапах существования традиций оно было неоднозначным.

Субъектом прямого воздействия на крестьянское хозяйство были правительственные организации, земства, отдельные помещичьи хозяйства, а результатом его — элементы хозяйствования, которые не вытекали непосредственно из опыта, составляющего содержание традиции. Степень усвоения новации и темпы включения ее в традицию были различны и зависели от целого ряда причин.

Одной из сторон деятельности Министерства государственных имуществ (далее — МГИ) в лице его Департамента сельского хозяйства являлось распространение и внедрение в хозяйственную практику государственных крестьян различных улучшений. В 1857 г. Департамент издал распоряжение о безденежной раздаче с учебных ферм семян кормовых трав крестьянам и священникам в «казенных» селениях. После объявления Костромской губернской палатой этого распоряжения Министерства 20 крестьян и 6 священников выразили желание заняться травосеянием¹⁸. В тех же видах в 1865 г. чиновникам МГИ по особым поручениям вменено было при разъездах по волостям в разговорах с крестьянами объяснять пользу вводимых в употребление местными землевладельцами улучшенных сельскохозяйственных орудий и указывать место приобретения как этих орудий, так и семян лучших сортов ржи, овса, гречи, проса и т. п. Сверх того, для ознакомления крестьян «с улучшенными приемами обработки земли, в особенности огородной» губернскими палатами приобретались в единичных экземплярах одноконные плуги и углубители, и во «время действия этими орудиями» приглашались соседские крестьяне. «За всем тем,— говорится в отчете одного из уполномоченных,— крестьяне по неразвитости своей придерживались обычаю, освещенному временем, не очень охотно принимают за улучшения, а в большей части придерживаются прежнему порядку»¹⁹.

Обвинения крестьян в консерватизме, нежелании отходить от дедовских обычаев, по-видимому, несправедливы. Они основаны на непонимании практического склада ума крестьянина. Критическое отношение к новым сельскохозяйственным орудиям и машинам объяснялось не косностью крестьянства, а конкретными условиями его хозяйственной деятельности. Если для обслуживания молотилки требуется семь человек («от молотилки никакого толку, при ней ведь надо 7 человек народу»)²⁰, если веялка дорога («веялка еще туда-сюда, да, поди, дорога очень»)²¹, а жнейка путает солому и убирает не очень чисто («машина жнет, нашему брату совсем не годится: мы каждым колоском дорожим, а она и солому путает и колосьев при ней много даром валится... наши серпы куда как лучше»)²² — крестьянин при незначительном наделе, нехватке рабочих рук в страду, потребности в соломе и заботе о каждом колоске останется к этим машинам равнодушен. Но, как только он почувствует выгоду от их использования, то без сомнения, будет искать способы их приобретения.

По этому поводу один из руководителей Московского общества сельского хозяйства И. Н. Шатилов писал: «Не смотря на практическое знакомство их (крестьян.— С. К.), с преимуществом машинной молотбы перед цеповой, не держались ли они упорно сей последней до тех пор, пока не появились лет 5 тому назад дешевые сторублевые молотилки. Теперь же эти машины приобрели в значительной части хлебобородных губерний полное право гражданственности, несмотря на недостатки своей конструкции. По имеющимся сведениям, в истекшем году их было построено и продано только в Сапожковском и соседних уездах Рязанской губернии более 2 000 штук»²³.

Заметное воздействие на хозяйственные традиции путем распространения научных агрономических знаний и внедрения в хозяйственную земледельческую практику крестьян нетрадиционных приемов оказывали земства. В 1890-х годах при земских управах стали создаваться хозяйственные склады, где можно было приобретать сельскохозяйственные машины и орудия, различные сорта семян и пр. Заведовали ими земские агрономы, которые обязаны были рекомендовать управе выписку семян и орудий, разъяснять крестьянам употребление плугов, молотилок, сортировок и, если в этом возникала необходимость, показывать на практике их применение; помимо этого агрономы по поручению управы выезжали в селения для оказания помощи в обработке полей и лучшей организации сельскохозяйственного производства в целом²⁴.

Согласно сведениям, опубликованным «Костромскими губернскими ведомостями» в 1892 г., — втором году существования сельскохозяйственного склада при Костромской губернской управе, наибольший интерес крестьяне проявили к закупке «хлебных семян», которых было приобретено на сумму 1877 руб. Семян клевера, тимopheевки и др. трав закупили на 521 руб., машин и орудий — на 215 руб, а всего — на сумму 2613 руб. Но уже в 1893 г. эта сумма увеличилась более чем вдвое. К сожалению, мы не располагаем данными о структуре крестьянских закупок и их динамике в 1893 и в последующие годы.

Земства же выступили инициаторами распространения и применения фосфоритов в качестве удобрения. Через сельскохозяйственные склады они предлагали крестьянам наряду с семенами, сельскохозяйственными орудиями и т. п. и фосфориты. Первые случаи использования крестьянскими хозяйствами фосфоритов в Калужской, Ярославской, Костромской, Владимирской и Московской губерниях относятся к 80-м годам прошлого века, а к концу столетия опыты по их применению становятся достаточно распространенным явлением, однако, еще не вошедшим прочно в сельскохозяйственную практику. Использование фосфоритов в качестве удобрения сдерживалось ограниченными финансовыми возможностями крестьянского двора и отсутствием у крестьян необходимых знаний. Последнее обстоятельство неблагоприятно сказывалось на результатах опытов и нередко вело к отказу от употребления фосфоритов. Согласно «Своду сообщений добровольных корреспондентов о переменах в технике крестьянского хозяйства» во Владимирской губ., было зафиксировано немало попыток со стороны крестьян использовать фосфориты вместо навоза или в дополнение к нему. Благоприятные результаты отмечались только в трех корреспонденциях и то в одном случае крестьяне объясняли и не без оснований урожай ржи сам-пять тем, что этот участок прежде хорошо удобрялся навозом, а «потому, — заключает составитель свода, — в силу фосфорита не верят»²⁵.

Другим источником распространения новаций были помещичьи хозяйства, организованные на основе последних достижений науки и передового практического опыта с применением новейших сельскохозяйственных машин и приспособлений. Крестьяне, жившие поблизости от таких хозяйств и имевшие возможность наблюдать организацию в них сельскохозяйственного производства, мало-помалу начинали перенимать отдельные приемы, их последовательность и пр., преимущественно те, которые в меньшей степени, нежели другие, расходились с обычной практикой ведения крестьянского хозяйства. Носителями новаций становились также наемные рабочие помещичьих хозяйств²⁶.

Часть помещиков, особенно те, кто стремился вести свое хозяйство в соответствии с агрономической наукой, способствовали распространению среди крестьян нового для них удобрения путем проведения открытых опытов по внесению фосфоритной муки под посевы ржи. К участию в опытах приглашались крестьяне. Они присутствовали в момент внесения фосфоритов в почву и могли сравнивать урожайность ржи на различных опытных участках: удобренных навозом, навозом с примесью фосфоритов, одними фосфоритами и не удобренных вовсе.

И наконец, еще один источник распространения фосфоритного удобрения.

Предприниматели, занятые производством и продажей фосфоритной муки, руководствуясь потребностями сбыта своей продукции, предоставляли крестьянам возможность удобрять свои поля на льготных условиях. Они давали фосфориты в долг — до осени (до уборки урожая).

Попытки введения новаций и улучшения способов ведения хозяйства путем включения в программу церковно-приходских училищ начал научных агрономических знаний и усиления ее практической ориентации исходили от православной церкви. В 1892 г. Костромское Александровское православное братство обратилось к департаменту земледелия и сельской промышленности Министерства земледелия с прошением о пособии на учреждение при Хриплевском училище сельскохозяйственной фермы с преподаванием уроков сельского хозяйства²⁷.

Независимо от того, каким путем шло распространение новаций, способы усвоения нового и последующего включения его в традицию имели ряд общих принципиальных черт.

Во всех зафиксированных случаях введению новации в хозяйственную практику предшествовал этап, за которым следовали попытки практической реализации нетрадиционных агротехнических приемов, использования новых сельскохозяйственных машин и орудий. Инициаторами введения новаций в хозяйственную практику выступали крестьяне-экспериментаторы — люди более склонные к восприятию нового, носители прогресса в земледелии. По свидетельству корреспондента «Земледельческой газеты» Н. Владимирова после его весьма успешных экспериментов, рожь, посеянная по фосфориту, несколько не уступала «навозной». У него перебивало до тысячи крестьян. После этого некоторые стали приобретать по два-три пуда фосфоритов для опытов на своих полосах²⁸.

Прежде чем войти в традицию, новация как результат заимствования проходит проверку индивидуальным опытом. Отдельные крестьяне-экспериментаторы были носителями прогресса в земледелии, людьми более склонными к восприятию нового. Если результаты нововведений оказывались обнадеживающими, то со временем они становились достоянием коллективного опыта. Индивидуальный опыт служил своего рода передаточным механизмом от появления новации, не усвоенной культурной традицией, до включения ее в традицию.

Способность крестьян к восприятию нового и стремление использовать его в своей хозяйственной практике не раз отмечались наблюдателями крестьянского быта: «... встречи и разговоры производят... заметное воздействие на жизнь крестьян. Лет 15 тому назад моя мать где-то добыла себе и развела на огороде исполинский сахарный горох Маренгейма. Горох пришелся и по климату и по почве и удался великолепно. Крестьянки, заходя в огород, любовались на исполинские стручья гороха и многие из них просили у матушки семян. Та дала им и в конце концов в настоящее время у многих крестьян разводится исполинский горох и, мало того, горох этот все более вытесняет ростовский мелко-стручный горох, росший прежде на огородах»²⁹. Слова эти принадлежат корреспонденту этнографического Бюро Тенишева по Пошехонскому уезду Ярославской губ. А. В. Балову. «Идут ли крестьянам на пользу уроки, которые дают им жизнь, наблюдения и встречи?» — задается вопросом А. В. Балов. По его мнению, на этот вопрос нельзя ответить однозначно. Все зависело от личных качеств каждого крестьянина: одному жизненные уроки идут на пользу, для других, напротив, уроки этих проходят бесследно³⁰.

Крестьянская земледельческая культура — явление более динамичное, чем некоторые другие сферы традиционно-бытовой культуры, и стабильность крестьянского быта нередко сочеталась с хозяйственной предприимчивостью. Подобная ситуация в ряде случаев была зафиксирована корреспондентами Этнографического Бюро Тенишева. Упомянувшийся выше А. В. Балов сообщал, что крестьянин д. Кочкино Пошехонского уезд. Ярославской губ. Руф Яковлевич, придерживающийся старины в домашнем быту, первым устроил в своей дерев-

не нечто вроде водопровода на скотный двор (вода текла по желобам), он же первым ввел в употребление ранний картофель³¹.

Проводником нового в крестьянское хозяйство часто выступала крестьянская молодежь, как правило, побывавшая на стороне и желавшая испробовать дома увиденное и подмеченное. Однако, не будучи еще независима в принятии хозяйственных решений, она не всегда в состоянии была осуществить свои замыслы. Если же это удавалось, то дальнейшая судьба нововведений — последуют им остальные крестьяне или нет — зависела от их результатов.

Изменения, происходящие за счет процессов внутренней динамики хозяйственных традиций, только в широком философском понимании могут рассматриваться как новации; в конкретном историко-этнографическом смысле такие изменения представляют собой результат внутренней эволюции данной культурной традиции.

Собственно новации — это другой, внешний, потенциально возможный путь изменения содержания хозяйственных традиций. Взаимодействие двух тенденций выводит хозяйственные традиции и сельскохозяйственную культуру в целом на качественно новую ступень, что говорит в пользу понимания традиции как процесса непрерывного развития и обновления.

Примечания

- ¹ Чистов К. В. Традиционные и вторичные формы культуры // Расы и народы. 5. М., 1975; Козлов В. И. Этнос и культура // Сов. этнография. 1979. № 3; Маркарян Э. С. Узловые проблемы теории культурной традиции // Сов. этнография. 1981. № 2; Громыко М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986; Чистов К. В. Народные традиции и фольклор. Очерк теории. Л., 1986; Арутюнов С. А. Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. М., 1989.
- ² Громыко М. М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири. (XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск. 1975. С. 3.
- ³ Маркарян Э. С. Указ. раб.
- ⁴ Сборник статистических сведений по Костромской губернии. Т. 1. Вып. 1. Кострома, 1901. С. 28.
- ⁵ Государственный архив Костромской области. Ф. 161. Оп. 1. Д. 706. Л. 9.
- ⁶ Сборник статистических сведений по Костромской губернии. С. 28.
- ⁷ Чистов К. В. Народные традиции и фольклор. С. 119.
- ⁸ Громыко М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986. С. 270.
- ⁹ Чистов К. В. Народные традиции и фольклор. С. 108.
- ¹⁰ Государственный музей этнографии народов СССР (далее — ГМЭ). Ф. 7. Оп. 1. Д. 1756. Л. 15.
- ¹¹ Прянишников Д. Н. Избранные сочинения. Т. 3. М., 1953. С. 166—167.
- ¹² Суринов В. М. Вопросы истории систем земледелия в творчестве Д. Н. Прянишникова // Материалы по истории сельского хозяйства СССР. М., 1968. С. 327.
- ¹³ Пиотрошко Л. А. Травосеяние на крестьянских землях Ярославской губернии до 1904 г. Ярославль, 1904. С. 30.
- ¹⁴ Государственный архив Ярославской области. Ф. 642. Оп. 5. Т. 3. Д. 72. Л. 172.
- ¹⁵ ГМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 485. Л. 7—8.
- ¹⁶ Центральный государственный исторический архив г. Москвы. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2146. Л. 5.
- ¹⁷ Центральный государственный исторический архив СССР (далее — ЦГИА). Ф. 398. Оп. 67. Разр. 2. Д. 171. Л. 288 об. — 289.
- ¹⁸ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Костромская губерния. СПб., 1861. С. 236.
- ¹⁹ ЦГИА. Ф. 389. Оп. 30. Д. 11288. Л. 189—190.
- ²⁰ ГМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1813. Л. 18.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же. Л. 18—19.
- ²³ Шатилов И. Н. О мерах к развитию русского сельскохозяйственного машиностроения // Тр. нмп. Московского о-ва сельского хозяйства. М., 1881. С. 65.
- ²⁴ Костромские губернские ведомости. 1893. № 35.
- ²⁵ Свод сообщений добровольных корреспондентов о переменах в технике крестьянского хозяйства во Владимирской губ. Владимир, 1897. С. 7.
- ²⁶ Костромские губернские ведомости. 1893. № 22.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ ГМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1787. Л. 24 об.
- ³⁰ Там же. Л. 26.
- ³¹ Там же.

ФОРМИРОВАНИЕ ПОСТОЯННОГО РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ САХАЛИНА (конец XIX — начало XX в.)

Колонизационная судьба Сахалина была определена в апреле 1869 г., когда остров официально был объявлен местом каторги и ссылки. С 1879 г. морским путем из Одессы туда начинают перевозить крупные партии осужденных. За один рейс перевозились около 500 ссыльнокаторжных мужчин, а с 1884 г. суда «Добровольного флота» осуществляли два рейса — весенний и осенний. Кроме того, еще одним рейсом перевозились ссыльнокаторжные женщины с детьми и добровольно следующие за осужденными жены и дети. В 1880—1890-е годы за один год таким путем попадало на остров до 1,5 тыс. человек и более¹. Апрель 1869 г. был формальным началом колонизации. Фактически же вольная крестьянская колонизация началась ранее.

В 1850-х годах на далеком острове были открыты месторождения каменного угля, и практически сразу же началась его добыча для нужд морского флота экипажами судов, с 1857 г. — присланной в пост Дуэ военной командой, а в 1861 г. — прибывшей для этих целей небольшой партией каторжан. Ссыльнокаторжные строили Дуэ, а также добывали уголь на Дуйских коях (так называемая «урочная выработка»). Отработав 1—2 года, осужденные возвращались на материк, однако некоторые из них не покидали остров, оставаясь там на добровольное жительство.

Приезжали на Сахалин и оседали там купцы, промышленники, которых привлекали разнообразные природные богатства, а также торговые связи с местным населением.

Еще одним источником формирования пришлого населения стали выходившие в запас солдаты 4-го Восточно-Сибирского линейного батальона, две роты которого дислоцировались на острове.

В самом конце 1860-х годов правительство предприняло попытку переселения на остров вольных крестьян. Переехать на Сахалин вызвалось восемь семейств, следующих в Амурскую область. В литературных и архивных источниках они именуются «тобольскими крестьянами». Другая группа переселенцев — выходцы из пяти селений Черемховской волости Балаганского округа Иркутской губернии. Всего на остров в 1869 г. приехал 101 человек² из Сибири. В 1860—1870-е годы население острова было немногочисленным, трудно говорить о преобладании какой-то одной его категории, но военного населения было явно больше, чем гражданского. Переселение на остров в тот период не приняло широких масштабов из-за политического статуса Сахалина как места ссылки и его географических особенностей.

В 1860—1870-е годы продолжалась крестьянская колонизация Сахалина, которая была искусственно прервана в самом начале. Принудительная же колонизация острова привела к тому, что в 1880-е годы основной по численности категорией его населения стало неполноправное, делившееся на три разряда: ссыльнокаторжные, ссыльнопоселенцы, крестьяне из ссыльных.

Ссыльнокаторжные разрядов «испытываемых» и «исправляющихся» содержались, как правило, в тюрьмах. По окончании срока каторжных работ они переводились в разряд ссыльнопоселенцев и получали право жить в селениях, где должны были вести хозяйство. Через несколько лет ссыльнопоселенцы причислялись к «крестьянам из ссыльных» и имели право покинуть остров, поселиться на Дальнем Востоке или в Восточной Сибири.

Как свидетельствуют данные табл. 1, общее число каторжан в 1880—1890-е годы неуклонно росло. К середине 1890-х годов их численность достиг-

Состав населения острова в конце XIX — начале XX в.*

Структура населения **	1882 г.		1892 г.		1907 г.		1912 г.	
	тыс. человек	%	тыс. человек	%	тыс. человек	%	тыс. человек	%
Ссыльнокаторжные	3,500	62,5	5,511	27,4	5,822	16,2	—	—
Ссыльнопоселенцы	200	3,5	6,593	32,8	9,380	27,3	159	2,1
Крестьяне из ссыльных	—	—	1,050	5,2	8,025	23,7	1,502	19,8
Семейства ссыльных, а также крестьяне из детей ссыльных	670	12,0	4,300	21,4	8,386	24,7	5,196	68,7
Служащие по гражданскому и военному управлению	1120	20,0	2,123	10,6	1,992	5,8	710	9,4
Остальное свободное население	110	2,0	509	2,6	759	2,3	***	—
Всего	5600	100	20,086	100	34,364	100	7,567	100

* Источники: ЦГАОР. Ф. 122. Оп. 5. Д. 1191. Л. 19; ЦГА ДВ. Ф. 1133. Оп. 1. Д. 1152. Л. 3, 19, 20; Д. 2126. Л. 168—170, 335—337, 532—533; Обзор Сахалинской области за 1912 г. (Приложение 2) П. Александровский, 1913. С. 4, 5.

** Численность аборигенного населения не учитывается.

*** Эта категория населения особо не выделена.

ла 6,5 тыс. человек³. При этом доля их в общей численности населения менялась, и весьма существенно. Если в 1882 г. каторжане составляли более 62,5% населения Сахалина, через 10 лет — 27,4%, то к началу XX в. их было всего лишь 17% (5822 человека)⁴.

Если процент каторжан постоянно снижался, то поселенцев увеличивался или снижался. За 10 лет — с 1882 по 1892 г. — их доля возросла с 3,6 до 33%. К началу XX в. на долю ссыльнопоселенцев приходилось 27% населения (более 9 тыс. человек)⁵.

Среди неполноправного населения более всего нас интересуют крестьяне из ссыльных. Вся дореволюционная литература по Сахалину пронизана теорией «всеобщего бегства». Суть ее — тезис о единственном, безудержном стремлении сахалинцев вырваться на материк. Если согласиться с тем, что «нет, кажется, на Сахалине человека, который бы не тяготился этой жизнью, не смотрел бы на нее как на что-то временное и не надеялся рано или поздно уехать с Сахалина⁶», то крестьян из ссыльных там должно быть минимальное число. В действительности же их было не так мало.

В 1880-е годы в крестьянство переводилась незначительная часть поселенцев. Судя по рапортам Александровского окружного начальника, в июне 1885 г. в округе «было перечислено» в крестьяне 5 поселенцев, в июле — 1, в августе — 3, в сентябре — 6, а в октябре и декабре — по 7 человек. Всего за вторую половину 1885 г. — 29 человек⁷.

В начале 1890-х годов крестьянами становятся осужденные, прибывшие на остров в 1870-е и 1880-е годы. Это уже не десятки, а сотни человек. К началу 1892 г. численность рассматриваемой категории населения впервые превысила 1 тыс. человек⁸, а в 1890 г. на острове было более 8 тыс. крестьян из ссыльных.

Среди свободного населения самая многочисленная группа — семьи ссыльных, которые сыграли важнейшую роль в формировании постоянного населения. Если в 1882 г. на острове было 670 жен и детей ссыльных, то в начале XX в. — более 8 тыс. человек.

Говоря о семьях ссыльных, мы имеем в виду прежде всего женщин, поскольку мужья за осужденными женами на Сахалин следовали очень редко. К 1890 г. во всех трех округах таких мужчин было всего 4 человека, женщин же — более 1,5 тыс.⁹ Женщины и дети, добровольно прибывшие на остров, явились самым прочным элементом колонизации, составили ядро населения, сформировавшегося к началу XX в. Сам факт прибытия семьи с материка уже служил

стимулом к обузванию хозяйством. На острове с основания каторги все ссыльнокаторжные, вне зависимости от срока осуждения и характера преступления, по прибытии семьи немедленно освобождались от содержания в тюрьмах и отправлялись на места основания новых селений. Самыми прочными хозяйствами в начале XX в. являлись те, которые велись семьями и были основаны в конце 1870-х годов. Ко времени русско-японской войны многие из них основательно окрепли, разрослись, война оказала на эти хозяйства наименьшее влияние.

Семейства, прибывшие на остров вслед за осужденными, подразделялись на три группы: семьи ссыльнокаторжных, ссыльнопоселенцев и крестьян из ссыльных. Данные табл. 1 показывают, что в развитии семей у свободного населения наблюдаются аналогичные процессы. В 1880-е годы наиболее многочисленной группой были, как и следовало ожидать, жены и дети каторжных. В первой половине 1890-х годов на первое место по численности выходят семьи поселенцев, а со второй половины 1890-х годов — члены семей крестьян из ссыльных.

С семьями, добровольно следовавшими за преступниками, самым тесным образом связана еще одна группа свободного населения. Она появилась не сразу. В период первоначального заселения эта группа жителей по источникам не прослеживается. В конце 1880-х годов подрастают и становятся полноправными гражданами дети первых поселенцев, тогда в источниках и выделяется особая категория свободного населения — «крестьяне свободного состояния из числа детей ссыльных». Эту группу мы рассматриваем как одну из наиважнейших в формировании постоянного населения. В начале XX в. во всех трех округах острова насчитывалось 844 крестьянина данной категории¹⁰. Эта цифра показалась знатоку Сахалина А. А. Панову очень маленькой, он использовал ее в качестве важного доказательства, подтверждающего нестабильность населения. По мнению А. А. Панова, эта группа населения должна численно преобладать над остальными. Немногочисленна же она потому, что дети осужденных спешат при первой же возможности оставить остров.

На наш взгляд, дело тут не в нелюбви к Сахалину, а во временном факторе. Четверть века — это миг для истории, мал этот срок и для человеческой жизни. К началу XX в. еще незначительная часть детей каторжан стала полноправными хозяевами.

Природно-климатические условия Сахалина сложны. Крестьяне различных районов России, попавшие на остров, имели различный сельскохозяйственный опыт. На острове поселенцы нередко терпели неудачу, пытались вести хозяйство в соответствии с навыками, приобретенными на родине. Трансформация культурных навыков происходила медленно, дети поселенцев находились в весьма выгодном положении по отношению к своим же родителям. И коренные сахалинцы, и родившиеся на материке, но привезенные на остров в детском возрасте, имели к совершеннолетию опору в отцовских хозяйствах. Они с детства привыкали к своеобразным природно-климатическим условиям.

Детям ссыльных легче, чем их родителям, было адаптироваться к местным условиям и чисто психологически. Они воспринимали остров как свою родину, не рассматривали жизнь на нем как наказание, не сравнивали с другими местами. Архивные источники свидетельствуют, что взрослые дети ссыльных нередко оставались жить на Сахалине, когда их родители, имея налаженное хозяйство, покидали остров, так как стремились в конце жизни вернуться на родину¹¹.

Полевой материал также подтверждает эти наблюдения. Родители внушки каторжан А. Н. Самариной были родом из Рязанской губернии, отец приехал на Сахалин в 14, мать — в 12 лет. Через шесть лет семьи получили право выехать на родину. Семья отца осталась, а матери — разделилась, выехали только представители старшего поколения. Сама информатор говорит об острове: «Я привыкла на своем Сахалине. Никуда не бежала. Родилась и хочу

умереть здесь. И родители прожили, в Кировском похоронены, здесь и родители отца»¹².

Примеров, когда дети ссыльных прочно оседали на острове, много и по другим селениям. Скрупулезный анализ именного списка крестьян свободного состояния по селению Корсаковскому за 1891 г. показал, что все свободные крестьяне селения были из детей ссыльных¹³.

По статистической отчетности конца XIX — начала XX в. в особую группу населения выделяется «остальное (или прочее) свободное население». Исследование вопроса о происхождении этой категории жителей представляется делом непростым оттого, что в разных официальных документах эта группа иногда разбивается на более мелкие подгруппы. Подчас неясно, кто именно стоит за теми или иными цифрами.

Проведя сравнительный анализ месячных ведомостей начальников округов о переменах в списочном составе крестьян свободного состояния и их семейств за 1891, 1893, 1895, 1896 гг., а также годовых отчетов и ведомостей за те же годы, мы выявили, что это особая группа свободного полноправного крестьянского населения. В официальных источниках периода каторги их нередко рассматривают как вольных переселенцев с материка. Очевидно, и они могли быть в этой группе. Но более точно их следует называть вольными поселенцами, в этих названиях есть существенная смысловая разница.

Выявленные материалы свидетельствуют, что значительную долю среди вольных поселенцев составляли бывшие сахалинские ссыльные. Уловить процесс формирования этой группы населения возможно только при полном учете селений, скрупулезном поименном сравнении состава их жителей за ряд лет. Например, в списке свободных жителей слободы Александровской за 1884 г. указано 14 мужчин, 12 женщин и 18 детей. Анализируя список, мы видим, что 10 человек из 14, т. е. 71,4% домохозяев — старожилы. В. Вертулис, А. Булгаков, П. Кучма, Р. Путра, В. Скородумов, Д. Сысак были ссыльно-каторжными Дуйской команды или поселенцами Дуйской сельскохозяйственной фермы еще в начале 1870-х годов¹⁴. Парфентий Козуленко был прислан на работы в угольные копи в начале 1860-х годов¹⁵. Цифра (более 71%) является минимальной, поскольку именными списками жителей различных селений мы располагаем начиная с 1884 г. О более раннем периоде имеются лишь отрывочные сведения. Подсчет сделан, исходя из абсолютно точных данных. По другим селениям Александровского и Тымовского округов процент бывших ссыльных среди вольных крестьян несколько меньший, чем в Александровской слободе, но нигде не падает ниже 50.

Одним из источников пополнения числа вольных поселенцев были низшие чины местной военной команды, которые после службы оставались жить на острове. В Александровском посту семейные нижние чины селились в так называемой «солдатской слободке»¹⁶.

В целом в рассматриваемый период число вольных поселенцев на острове росло (табл. 1). Этот рост мы относим за счет внутренних, а не внешних ресурсов. В архивах и публикациях нами не найдено материалов о прибытии на остров каких-либо значительных партий вольных переселенцев в тот период, хотя нельзя отрицать возможность переселения мужчин-одиночек для работы на угольных копях, морских промыслах или занятий торговлей.

О существовании вольных переселенцев говорят и полевые наблюдения и материалы. Таковыми были бабка и мать старожила пос. Тымовское М. И. Ариндарчук. Она рассказала, что ее мать приехала на остров 17-летней девушкой с матерью и сестрой в конце 1880-х годов из Харьковской губернии. В семье хранится воспоминание, что приехали они «по путевке», т. е. были вербованные. На острове они пробыли меньше года. Старшая дочь вышла замуж и осталась, а мать с младшей не смогли привыкнуть, уехали, слишком не-

привычной оказалась для них обстановка¹⁷. Мы полагаем, что подобные случаи неорганизованного переселения были единичными.

Рассматривая вопрос о вольном переселении, необходимо принимать во внимание и психологические факторы. Трудно себе представить, что у свободных людей было большое стремление переселиться на остров. С одной стороны, никаких льгот и правительственной помощи, с другой — дурная слава каторги. Об острове распространялись самые страшные слухи.

Второй период (1879—1905 гг.) заселения острова был временем принудительной колонизации. Образование постоянного населения происходило при неблагоприятных обстоятельствах. В документальных и литературных источниках утвердилось мнение о стремлении сахалинцев покинуть остров. Так, начальник Тымовского округа в 1896 г. утверждал, что как только поселенцы становятся крестьянами из ссыльных, они «без долгих размышлений... поголовно останавливаются на Приамурском крае и покидают Сахалин»¹⁸. Все попытки вольной колонизации отрицались полностью и характеризовались не иначе как «больная мысль».

Несмотря на то, что на организацию каторжной колонизации были затрачены огромные суммы, а результаты были мизерными, правительство продолжало рассматривать остров только как место каторги. Работавшая на острове в 1899 г. правительственная комиссия еще раз подчеркнула: «Весь Сахалин служит пенитенциарным целям, местными центрами являются тюрьма, и все здесь существующее имеется ради тюрем и вследствие нахождения их здесь...»¹⁹.

К началу XX века среди населения острова произошли существенные изменения. Постоянное русское население в основном сложилось к началу XX в. Общая численность полноправного населения с учетом крестьян из ссыльных на несколько тысяч превышала число ссыльнокаторжных и ссыльнопоселенцев. Семьи осужденных стали постоянными жителями острова. Уже не единицы и не десятки, а сотни семей жили в одних и тех же селениях десятилетиями, там же оседали семьи их детей, это стало массовым явлением.

На процесс дальнейшего формирования населения Сахалина большое влияние оказали события русско-японской войны 1904—1905 гг., положившие конец сахалинской каторге. Нормальное течение жизни было прервано, военные действия принесли жителям большие материальные убытки. Населению юга острова, отошедшего к Японии, пришлось спешно бросать обжитые места, имущество и эвакуироваться на материк.

В тот сложный период появляются планы дальнейшей колонизации острова. Делались попытки зачеркнуть прошлое Сахалина, а чтобы ничто не напоминало о пережитом, изменить и название русской части острова на область Невельского. В большинстве проектов основная ставка делалась, как и прежде, на развитие сельского хозяйства. Эти программы не отличались новизной. Разница заключалась лишь в том, что раньше упор делали на озимую пшеницу, а теперь на скотоводство и яровую пшеницу. В более разумных проектах развивалась идея промысловой колонизации²⁰.

Если судить о Сахалине по источникам и литературе конца XIX в., то после окончания военных действий остров должен был остаться пустым. Однако этого не произошло. Численность населения упала, но все-таки в декабре 1905 г. там находилось около 5,5 тыс. человек²¹. В 1905—1907 гг. шел процесс внутренней стабилизации населения. Часть его еще выезжала, но немало и вернулось. Этот процесс в количественном выражении был незначителен, он был скорее качественного порядка. На остров стремились старожилы, имевшие там хозяйственный интерес. Основанием для подобного предположения служат материалы Переселенческого управления МВД, занимавшегося устройством населения, покинувшего Сахалин в период военных действий. В журналах заседаний губернских присутствий по различным районам России содержатся многочисленные прошения крестьян, возвращенных на родину, о переселении их вновь на Сахалин.

Характерно прошение крестьянина А. Хейзы, поданное в мае 1906 г. черниговскому губернатору. А. Хейза, отбыв наказание в 1885 г., поселился в с. Хомутовка Корсаковского округа. Имел хозяйство — дом, сарай, баню, скот. В 1885 г. женился на крестьянке из ссыльных Матрене Драчевой, имел сына. Позже он просил его переселить на казенные земли в северной части Сахалина. Стоимость описанного при отъезде имущества — 1200 рублей. Л. Сепура находился на острове с 1894 г., в 1900 г. был перечислен в крестьяне. Его имущество оценивалось в 1500 рублей, сахалинца И. Рублева — в 800 рублей и т. д. Эти и другие бывшие сахалинцы, дела которых рассматривались в мае 1906 г., прожили на острове не менее 10 лет. На родине они жаловались на отсутствие заработков, земли, крайнюю нужду²². Известный знаток Дальнего Востока П. Ф. Унтербергер писал, что во время военных действий «масса получила право вернуться в Европейскую Россию и этим широко воспользовалась. Но уже через несколько месяцев бывшие сахалинцы начали возвращаться в Приамурскую область, и значительная часть их стремилась обратно на Сахалин»²³.

Данные табл. 1 показывают соотношение различных категорий населения острова²⁴ в 1907 г., когда свободные жители являлись численно доминирующей группой.

Что же в тот период представляло собой старожильческое население, сильно ли изменилось оно по сравнению с довоенным периодом? Мы провели поименное сравнение состава жителей двух старейших селений Александровского округа, опираясь на данные статистических карточек А. П. Чехова 1890 г., переписных листов Всеобщей переписи 1897 г. и именных списков жителей за 1909 г.

В селении Новомихайловском после русско-японской войны население количественно сократилось. В 1897 г. там проживало 472 человека, в 1909 г. — 277. Но было бы грубой ошибкой трактовать уменьшение абсолютных арифметических цифр как отсутствие постоянного населения. Подобные выводы делали многие очевидцы, посетившие остров после русско-японской войны. Увидев опустевшие селения, заброшенные дома, они приходили к заключению, что за весь предыдущий период не было сделано ничего полезного, колонизация не дала результатов, все предстоит начинать сначала. Если же обратиться к качественным показателям, картина будет иной.

Анализ именных списков показывает, что 73% жителей с. Новомихайловского в 1909 г. — это люди, которые там осели и начали вести хозяйство до 1896 г. Эта цифра минимальная, в действительности она могла быть и большей, если учесть, что в карточках А. П. Чехова имеются пропуски и мы не располагаем всеми без исключения переписными листами за 1896 г. В 1909 г. среди жителей селения было немало тех, кто здесь жил с 1870-х годов, т. е. практически со времени основания селения. К ним относятся семьи Н. Алфимова, С. Варфоломеева, И. Жигулина, М. Клещовой, Н. Матвеева, С. Потемкина, Е. Прохорова, И. Сыровой, Н. Трошина, М. Щербининой и др. Значительную группу жителей составляют те, кто поселился там в 1880—1883 гг.²⁵

В селении Корсаковском к 1909 г. численность населения упала не так значительно. В 1898 г. там было 56 хозяйств и 273 жителя. В 1909 г. — 40 хозяйств (71,8%) и 207 жителей (75,8%). Там также было прочное старожильское ядро. Семьи А. Живаго и А. Синельникова поселились в Корсаковском в 1870-х, а П. Жарского — в конце 1860-х годов. В 1880-е годы основали хозяйства Я. Дубель, М. Ломоносов, А. Васильева, М. Пальков, М. Бажинская²⁶.

В отчете сахалинского губернатора за 1909 г. отмечалось, что «население хотя медленно, но прирастает, занимается преимущественно земледелием, собирает урожай и вообще живет лучше, чем крестьяне средней России...»²⁷.

После окончания русско-японской войны начались работы по подготовке

к новой волне колонизации. В 1907 г. выяснилось, что, несмотря на многочисленные экспедиции по изучению острова в XIX в., земельный фонд учтен не был. Администрация острова смогла дать весьма приблизительную, почти «гадательную» цифру — 1500 кв. верст. Земельный фонд острова был признан Комитетом по заселению Дальнего Востока незначительным, были отвергнуты просьбы местной администрации о субсидиях на организацию переселенческого дела²⁸.

В марте 1908 г. остров был открыт для вольного (неорганизованного) заселения, но на процесс складывания населения это событие не оказало сильного влияния. В 1906—1909 гг. туда переселились шесть семей и одна одиночка, всего 30 душ²⁹. Сохранилось прошение крестьянина Полтавской губернии П. Тимченко на имя начальника Тымовского округа: «Прибыв сюда 23 июля 1909 г. в селение Усково... и купив дом с землею, намерен здесь на Сахалине поселиться навсегда... прошу выдать пособие на приобретение домашнего скота». С П. Тимченко приехали жена, трое сыновей в возрасте от 8 до 14 лет и две дочери 6 и 18 лет³⁰.

Одним из путей переселения был вызов родственников с материка. Две семьи из шести приехавших в 1908/1909 гг. были вызваны сахалинцами. В сентябре 1909 г. в Харьковскую губернскую землеустроительную комиссию обратились крестьянин с. Адо-Тымово Тымовского округа В. Усатый с ходатайством о разрешении его брату Павлу крестьянину с. Синявского Синявской волости Богодуховского уезда отправиться ходоком для осмотра переселенческих участков в Сахалинской области. Павлу Усатому было выдано «ходаческое» свидетельство³¹.

В те же годы начинается и промысловое переселение на морское побережье. Рыбные богатства западного побережья привлекли внимание рыбаков из России. Поступали прошения о переселении на залив Байкал, в район мыса Тымлово. Рыбаки Кубани просили переселить их на р. Виахту для артельного лова кеты, горбуши, осетра³².

Интересен состав жителей промысловых селений. В литературе их называют переселенцами-рыбаками, прибывшими с материка. Но анализ протоколов о водворении на рыболовные участки показывает, что там немало было и сахалинцев, особенно из южного округа.

Ценные сведения по заселению Сахалина начала XX в. содержатся в материалах Всероссийской сельскохозяйственной, поземельной и городской переписи 1917 г. (табл. 2). Подсчет производился по трем сельским волостям — Михайловской, Рыбновской, Тымовской.

Самое большое количество старожилов (ими считались уроженцы селений) зарегистрировала перепись в Тымовской волости. Наибольшее их число проживало в крупнейшем селении округа — Рыковском, а также в других старейших селениях — Дербинском, Малотымовском, Андрее-Ивановском. Анализируя данные табл. 2 по различным периодам заселения волости, еще раз можно убедиться в правильности предположения, что основной костяк жителей сформировался там до русско-японской войны и отмены каторги. Старожильческие семьи и семьи, жившие в волости до 1896 г., составили 53% от всего населения в 1917 г. Если сравнивать количество населения, проживавшего там до 1905 г., с количеством на момент переписи, окажется, что на долю послевоенных переселенцев приходится только 26% населения. Необходимо учесть, что среди переселенцев были не только выходцы с материка, как их чаще всего воспринимают, но и сахалинцы, мигрировавшие с оккупированного юга.

В Михайловской волости к группе старожилов отнесено немного семей — всего девять. Необходимо отметить, что для Сахалина вообще характерны внутриостровные миграции. Собирая во время шести полевых сезонов сведения о населении острова конца XIX — начала XX в., мы практически не сталкивались с фактами совпадения места рождения и современного проживания

Состав сельского населения острова в 1917 г.*

Волость	Число хозяйств								Население		
	всего	поселенцев ранее 1896 г.	поселенцев с 1896 по 1900 г.	поселенцев с 1901 по 1905 г.	поселенцев с 1906 по 1910 г.	поселенцев с 1911 по 1915 г.	поселенцев с 1916 по 1917 г.	местных уроженцев	мужчины	женщины	итого
Михайловская	167	55	17	21	29	21	15	9	454	371	825
Тымовская	541	246	68	42	62	61	22	40	1594	1308	2902
Рыбновская	338	—	3	—	52	251	32	—	1284	515	1799
Всего	1046	301	88	63	143	333	69	49	3332	2194	5526

* Источник: Всероссийская сельскохозяйственная, поземельная и городская перепись 1917 г. Вып. 1. Крестьянские хозяйства Приморской и Сахалинской областей. Владивосток, 1919. С. 147, 159.

информатора. В отношении Сахалина информация была бы гораздо интереснее, если бы понятие «старожил» трактовалось как уроженец острова, а не отдельного селения. Малое количество старожилов в Михайловской волости объясняется также тем, что при переписи в списки не были включены жители двух старейших поселений — Малая Александровка и пост Дуэ. Первое было, очевидно, отнесено к посту Александровскому, который, как и пост Дуэ, проходил по городской переписи.

Если же обратиться к истории появления в регионе семей, то выяснится, что в Михайловской волости, как и в Тымовской, значительное их число осело до 1896 г. В последние годы XIX в. прирост населения был незначительным. С начала XX в. и до русско-японской войны здесь появилась 21 новая семья. Если принять во внимание естественный прирост населения, то на долю возможных переселенцев остается совсем немного. В целом и старожилов, и население, осевшее до 1905 г., составляли в 1917 г. более 61% жителей волости. Наибольшее число послевоенных переселенцев относится к 1906—1910 гг. Здесь, вероятно, велики были миграции с юга острова.

Таким образом, по старейшим волостям острова — Михайловской и Тымовской — материалы переписи подтверждают стабильность населения на начало XX в. В послевоенный период переселенцы дополнили население, но в целом оно осталось старожильческим.

Несколько иная картина сложилась в Рыбновской волости. Судя по переписи, основное заселение ее происходило с 1911 по 1915 г. Первые несколько семей переселенцев отмечены в селении Рыбном в самом конце XIX в. 1910—1920-е годы были временем расцвета молодой Рыбновской волости. На северо-западном побережье образовались селения Северо-Астраханское, Луполово, Верещагино, Наумовка, Суворовка и др., ежегодно увеличивалась их численность, росло число хозяйств.

Большинство жителей Рыбновской волости действительно были вольными переселенцами с материка, что отличало данную «молодую» волость от «старых» — Тымовской и Михайловской. И тем не менее мы все-таки не склонны переоценивать роль вольного переселения на остров после отмены каторги и русско-японской войны. Во-первых, среди жителей Рыбновской волости было немало и коренных сахалинцев. Например, судя по протоколу о водворении домохозяев с семьями на участке Рыбном Рыбновского сельского общества от 6 апреля 1913 г., 48% домохозяев были сахалинцами³³. Во-вторых, рост населения Рыбновской волости в тот период объяснялся в основном развитием

рыбной промышленности; скачок произошел благодаря притоку наемной рабочей силы, что и зафиксировано в переписи. Многие промысловые селения существовали недолго, поэтому их жители интересуют нас гораздо меньше, чем стабильное сельскохозяйственное население Тымовской и Михайловской волостей.

Материалы переписи 1917 г., таким образом, подтверждают наше положение о стабильности русского населения в начале XX в. Неверно утверждение, что жители смотрели на свое пребывание на острове как на временное, а когда «им всем благодаря нашей войне с Японией представилась возможность сразу покинуть остров, они его покинули»³⁴. Сахалин покинули преступники и та часть осужденных, которые прибыли в самом конце XIX в., а не старожилы. Неблагоприятно сложившиеся обстоятельства не привели к запустению острова. Период с 1906 по 1917 г. был важным этапом в складывании населения, поскольку оно стабилизировалось и даже несколько выросло за счет внутренних источников, а не принудительных мер, как прежде.

Долговременное положение Сахалина как крупнейшей в России каторги привело к тому, что в колонизации острова господствовало административное начало. Тюремная администрация имела безграничную власть как над ссыльными, так и над лицами свободного состояния. Источники складывания населения здесь были весьма специфическими. Поэтому, исследуя процесс его формирования, мы обращали внимание не на абсолютные цифры роста населения, а на соотношение различных его категорий. Скрупулезный поименный анализ состава жителей старейших селений позволил уловить динамику перехода значительной части населения во все более и более свободное состояние, а также установить, что значительная часть жителей проживала в этих селениях на протяжении нескольких десятилетий, сформировав «родовые гнезда». В рамках компактной, географически обособленной территории за исторически короткий срок возникла определенная территориальная общность — русское население Сахалина. Исследуемая общность сформировалась в силу однородности объективных условий жизнедеятельности, социально-экономической обстановки, единства территории.

Основным источником формирования постоянного населения стали прежде всего семьи осужденных, к которым затем присоединялись те, кто отбыл наказание. Об этом свидетельствует появление в конце XIX в. новой категории жителей — крестьян свободного состояния (из детей ссыльных). Точный учет поселений, данных об их жителях за довоенный и послевоенный периоды, позволили установить, что костяк постоянного населения, сформировавшегося к началу XX в., несмотря на события 1904—1905 гг., в целом сохранился.

Формирование постоянного русского населения Сахалина — один из кардинальных и наиболее сложных вопросов сахалинской истории. Результаты этого процесса напрямую связаны с освоением богатств острова, которое началось в середине XIX в. и продолжается в наши дни.

Примечания

¹ Например, в 1893 г. всего было перевезено на остров судами «Добровольного флота» 2233 человека. (О формировании партий ссыльнокаторжных для высылки их в 1893 г. на о. Сахалин.) // Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР. Ф. 122. Оп. 5. Д. 2329. Л. 129—142, 357—384 (подсчет наш).

² Государственный архив Иркутской области (далее — ГАИО). Ф. 24. Оп. 10. Карт. 2108. Л. 210—213.

³ Центральный государственный исторический архив (далее — ЦГИА): Ф. 1290. Оп. 10. Д. 230. Л. 110б.—12.

⁴ Центральный государственный архив РСФСР Дальнего Востока (далее — ЦГА ДВ). Ф. 1133. Оп. 1. Д. 2126. Л. 160—161, 320—321. 521.

⁵ Там же.

- ⁶ Панов А. А. Сахалин как колония. Очерки колонизации и современного положения Сахалина. М., 1905. С. 216.
- ⁷ ЦГА ДВ. Ф. 1133. Оп. 1. Д. 44. Л. 58, 61, 140, 142, 110, 117.
- ⁸ Там же. Д. 1152. Л. 106.— 3, 19, 20.
- ⁹ Там же. Д. 2126. Л. 160—161, 320—321, 521.
- ¹⁰ Там же. Оп. 1. Д. 2126. Л. 160—161, 320—321, 521.
- ¹¹ Там же. Д. 24. Л. 27—28.
- ¹² Там же. Ф. 1133. Оп. 3. Д. 591. Л. 406., 15 об.
- ¹³ Научный архив Сахалинского областного краеведческого музея (далее — НА СОКМ). Оп. 3. Д. 59. Л. 14.
- ¹⁴ ЦГА ДВ. Ф. 1133. Оп. 1. Д. 591. Л. 406., 150б.
- ¹⁵ ГАИО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 73. Карт. 2611. Л. 143, 151, 152.
- ¹⁶ Центральный государственный архив Военно-Морского флота. Ф. 909. Оп. 2. Д. 23. Л. 125 об.
- ¹⁷ ЦГА ДВ. Ф. 1133. Оп. 1. Д. 37. Л. 10—22, 29.
- ¹⁸ НА СОКМ. Оп. 3. Д. 185. Л. 2.
- ¹⁹ ЦГА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 663. Л. 40.
- ²⁰ ЦГА ДВ. Ф. 1133. Оп. 1. Д. 1230. Л. 3.
- ²¹ ЦГИА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 701. Л. 2—3; Ф. 1276. Оп. 17. Д. 29. Л. 194 об.
- ²² Там же. Ф. 391. Оп. 3. Д. 1148. Л. 19.
- ²³ Унтербергер П. Ф. Приамурский край в 1906—1910 гг. СПб., 1912. С. 209.
- ²⁴ Здесь и далее мы имеем в виду часть острова, принадлежавшую России.
- ²⁵ ЦГА ДВ. Ф. 1190. Оп. 1. Д. 1. Лл. 2—6. Ф. 702. Оп. 5. Д. 908. Лл. 1—4, 121—192; Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Ф. 331. Картон х. Лл. 3098—3414.
- ²⁶ Сведения о селениях на Сахалине // Сахалинский календарь на 1898 г. Б. М., 1898. С. 61; ЦГА ДВ. Ф. 1190. Оп. 1. Д. 1. Л. 8, 11 об.
- ²⁷ ЦГИА. Ф. 1276. Оп. 17. Д. 153. Л. 244 об.
- ²⁸ ЦГА ДВ. Ф. 1193. Оп. 2. Д. 213. Л. 13; см. также: ЦГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 513. Л. 18.
- ²⁹ ЦГА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 50. Л. 100.
- ³⁰ Там же. Ф. 1190. Оп. 1. Д. 1. Л. 257, 260.
- ³¹ Там же. Ф. 1190. Оп. 1. Д. 1. Л. 310.
- ³² Там же. Ф. 1190. Оп. 1. Д. 213. Л. 22 об.
- ³³ Там же. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 9. Л. 39 об.— 40.
- ³⁴ Мельников В. Е. Дальний Восток. Амурская область и о. Сахалин. М., 1909. С. 26.

© 1991 г., СЭ, № 3

А. Р. Артемьев

ОБ УШКУЙНИЧЕСТВЕ В ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛЕ (XIV—XV вв.)

Вопрос о социальном составе средневекового войска в Древней Руси не затрагивался в трудах ведущих отечественных историков¹. Однако наиболее интенсивно эта тематика разрабатывалась на богатейших материалах средневекового Новгорода², первая работа о военном быте которого вышла более столетия назад³.

Значительно меньше внимания (вплоть до последнего времени) уделялось, несмотря на имеющиеся в руках исследователей замечательные по своей подробности псковские летописи, изучению войсковой организации ближайшего соседа Новгорода — Псковской воевой республики. Именно эти материалы не

позволяют согласиться с мнением Б. А. Рыбакова о том, что псковское войско состояло из тяжелой кавалерии и неопределенного по составу ополчения сельских людей или «нерубленных охочих людей», в число которых попадало и духовенство»⁴.

Специфической формой военной экспансии столицы феодально-вечевого государства было движение новгородских ушкунников. Отдельную главу посвятил ему в своей монографии В. Н. Бернадский, который пришел к заключению, что «ушкунничество — это кратковременная, но втянувшая широкие круги новгородских феодалов и плебейства попытка выйти на волжские просторы, завладеть богатствами средневолжских городов и „бесерменских купцов“»⁵. Десятилетием позже и, судя по отсутствию ссылок на предшественника, независимым путем к очень сходным выводам пришел и Б. А. Рыбаков, отметивший, что хотя ушкунники и «не шадилы московских городов на Волге..., но они в какой-то мере ослабляли военную мощь Золотой Орды и расчищали путь на Волгу... новгородским купеческим кораблям»⁶.

Вопрос о псковских ушкунниках в литературе пока не обсуждался. Более того, существовало мнение, что стратегия псковичей носила оборонительный характер и даже небольшие экспедиции в глубь немецкой территории были местию за нарушение ливонцами мирных договоров⁷. Между тем, согласно летописи, в период с 1262 по 1502 г. псковичи совершили против своих соседей более 40 походов⁸, что, конечно, трудно считать только оборонительной стратегией. Сам термин «ушкунники» на страницах псковских летописей отсутствует. Тем не менее он вполне применим к определенной категории городского населения республики, социальный характер и образ действий которой позволяет говорить о наличии такого движения. Впервые на это обстоятельство еще в прошлом веке обратил внимание крупнейший и поныне специалист по истории средневекового Пскова, профессор Варшавского университета А. А. Никитский⁹.

В Псковской земле существовал строго определенный для различной степени опасности способ распределения воинской повинности среди населения — «разруб», отсюда — «рубленные люди», которым противопоставлялись «охочие», т. е. пошедшие воевать по своей охоте. Впервые летописи зафиксировали косвенное указание на существование такого способа мобилизации от 2 августа 1341 г., когда служилый псковский князь Юрий Витовтович поднял с собой «охочих людей пскович и изборян» и отправился добывать языка на порубежье. Неожиданная встреча и схватка закончилась поражением псковичей, потерявших 60 человек¹⁰. Годом раньше, по-видимому, также охочие люди, зная, что немецкие войска находятся на значительном удалении у южного берега Псковского озера, «в мале дружине» взяли посад у г. Нарва¹¹. Весной 1341 г. псковичи во главе с посадником Ильей «повоевали немецкие села» по берегам р. Эмайыги. В начале июня того же года во главе с Филиппом Ледовичем и Олферием Селковичем они договорились с жителями г. Острова идти воевать в Латгалию. В указанный срок 60 псковичей прибыли на место встречи, но столкнулись с немецкой ратью из 200 человек, двигавшейся с аналогичными целями в Псковскую землю. В неравной схватке псковичи чуть было не потерпели поражение, но положение исправили подоспевшие островичи во главе со своим посадником Василием Онисмовичем¹². Чуть позже 50 псковичей, «пешцы молодые люди», во главе с посадником Карпом Даниловичем Каликой отправились «воевать немецкие земли» за р. Нарву, но узнав, что немцы уже «воюют псковские села» на берегу, ударили по ним, убили 20 человек и захватили «...добытокъ их самых оружие и порты...». Зимой все того же 1341 г. посадник Володша Строилович поднял псковичей «воевать немецкие села» за озером¹³. В 1368 г. в то время, когда псковичи осаждали недавно отстроенный орденский замок Нейгаузен (вблизи совр. пос. Вастселийна ЭССР), Селило Скертовский «...с дружиной в мале охочих людей...» поехал к ливонскому г. Киремпе, но неожиданно столкнулся с немцами и был разбит¹⁴.

В феврале 1406 г. посадник Юрий Филиппович Казачкович поднял «... мало дружины псковичь охочих людей», а также жителей псковских пригородов Изборска, Острова, Воронача, Велья и «повоевал» литовских города Ржев и Великие Луки, откуда «полоноу много приведоша»¹⁵. В мае 1408 г., по-видимому, «охочие изборяне», ходили в Немецкую землю. Немецкие рати в это время осаждали псковский пригород Велья, но против ожидания их встретил еще один отряд, в схватке с которым изборяне, потеряв 11 человек, были опрокинуты¹⁶. Потом в деятельности псковских охочих людей наступает длительный перерыв. Правда, они упоминаются под 1409 г., когда во время набега немцев на Псков жители последнего вышли против них «охочим человеком»¹⁷, но это случай особый. Можно, конечно, предположить, что именно «охочие люди» ходили в 1414 и 1444 гг. «потрошить жито под Новым городком» (нем. Нейгаузен), но уверенности в этом нет. По-видимому, затишье в их действиях связано с общим временным затуханием активных военных акций псковичей, вызванных страшным поражением, которое они потерпели 21 августа 1407 г. в битве у погоста Камно неподалеку от Пскова. Тогда в течение четырех дней, не сумев овладеть переправой через р. Великую, чтобы осадить город, ливонские рати отошли и решили дать бой («за Камном на Лозговичском поли... погании бяхуть ополчилися»). Псковичи ударили на них, но неудачно: «... показаша плеша свои, и побегаша, и оубиша на сступе Панкрата посадника, Леонтина посадника, Ефрема посадника и иных бояр много, и сельских людей много, а всех избиша числом 700». Большие потери понесли и ливонцы: «... а Немец князей и бояр много избиша не только колко пскович и коней великих немецких много приведоша по Псков». В заключение повествования летописец восклицает: «Сие бысть побоище сильно, яко же бысть Ледовое побоище, оу Раковора» (нем. Везенберг, совр. г. Раквере ЭССР)¹⁸. В марте 1463 г. псковичи («нерубленные люди») ходили за Изборск в Немецкую землю во главе с Ивашкой дьяком и «приведоша бесчисленно полона и живота», а основное войско псковичей сражалось в это время с немцами под д. Колпино на севере Земли¹⁹. Это первый случай, когда во главе «охочих» людей, по-видимому, стоял представитель великокняжеской администрации. В июле того же года псковичи с москвичами под руководством воеводы-князя ходили осаждать Нейгаузен. Одновременно псковичи на вече дали воеводство посаднику Дорофею Олферьевичу ехать с «охочими» псковичами в Немецкую землю. Часть рати отправилась на конях, другая погрузилась на 20 ушкуев и 80 людей, причем в составе ее были воины и из других земель²⁰. Последний поход псковских ушкуйников состоялся в июле 1471 г., когда псковичи по приказу великого князя «начаша по всем концам рубитися искрепка, а посадников и бояр великих начаша обрубати доспехи и с конми», а затем вступили в войну с Новгородом и осадили Вышгород. Более полутора тысяч добровольцев собрались тогда под руководством воеводы Маноухна Сиюгина и дьяка Ивана и пошли «воевать» Новгородскую волость самостоятельно, но были неожиданно атакованы во время отдыха новгородцами и разбиты²¹. По числу участников этот поход псковичей был наиболее значителен и сопоставим только с походом новгородских ушкуйников в 1375 г., когда те в количестве 1500—2000 человек на 70 кораблях прошли по Волге, грабя и убивая от Костромы до Сарая²².

Таким образом, за период с 1340 до 1471 г. источники зафиксировали не менее 12 походов охочих людей, количество участников которых колебалось от 50 до 1500 и более человек. Десять из этих походов были в земли Ливонского ордена: в 1340 г. — один; в 1341 г. — пять; в 1368 г. — один; в 1408 г. — два; в 1463 г. — один и по одному в Литву, на города Луки и Ржев (1406 г.), и в Новгородскую землю (1471 г.). Во главе всех походов стояли князь, посадники, бояре или великокняжеские дьяки, и совершались они безусловно с благословения Пскова.

Происхождение этого движения в Псковской земле, так же как и в Новгороде, по-видимому, следует связывать с появлением там в первой половине

XIV в. значительного количества малоимущих «молодых людей», готовых по первому зову отправиться на грабеж. Сам термин «молодые люди», несомненно, возник у восточных славян еще в дофеодальный период и, по-видимому, обозначал половозрастную группу, обязанную доказать свои качества мужчины и воина для перехода в категорию «мужей». Сходные обряды, имевшие целью подготовку молодежи к производственной, общественной и брачной жизни, свойственные родовому строю, были широко распространены у самых различных народов. В рассматриваемый нами период молодые люди представляют собой уже социальную категорию населения. Совокупность всех имеющихся данных позволяет утверждать, что происходили они из среды лично свободных и не платящих никаких налогов членов привилегированных городских общин Пскова и его пригородов. Источники раскрывают и основные движущие причины походов ушкуйников, поскольку прямая связь молодых людей с беднейшей категорией городского населения — «черными людьми» очевидна как в Пскове, так и в Новгороде, о чем справедливо писал Ю. Г. Алексеев²³.

О принадлежности молодых людей к наименее обеспеченным слоям городского населения свидетельствует также их боевая экипировка. Так, во время упоминавшихся событий июня 1341 г. молодые люди названы пешцами, т. е. легковооруженными пехотинцами. Под 1501 г. летопись сообщает о том, что вооружение молодых людей состояло только из щита и сулицы²⁴, в отличие от снаряжения состоятельных мужей-псковичей, воевавших конными, в доспехах, с мечом, копьем и щитом. Подтверждение такого различия в боевом снаряжении молодых людей и мужей могут служить события 1471 г., когда после поражения на новгородской территории ушкуйники бежали, бросив погибших, и только на девятый день в том же составе отправились хоронить товарищей. По-видимому, не надеясь на боеспособность этого отряда в случае нового столкновения с новгородцами, «Господин Псков» послал с ними 120 человек «кованой рати»²⁵, что, несомненно, свидетельствует о плохом вооружении самих ушкуйников.

Податной иммунитет членов городской общины — специфическая особенность социально-политического устройства вечевых городов-земель²⁶, и поэтому не случайно, что и движение ушкуйников характерно исключительно для них²⁷. Во времени эти институты отчасти совпадают. Первый поход новгородских ушкуйников состоялся в 1320 г., а последний — в 1409 г.²⁸, псковских охочих людей — соответственно в 1340 и 1471 гг. Более длительное существование ушкуйничества в Псковской земле было обусловлено тем, что большинство походов псковичей было направлено против наиболее агрессивного противника феодально-вечевой республики — Ливонского ордена.

В отличие от псковичей походы новгородских ушкуйников на Волгу и Каму, где они наряду с «бесерменскими» городами грабили и русские, естественно, вступили в противоречие с объединительной политикой Москвы и были пресечены. Следует также отметить, что часть пограничных с Псковской землей территорий, куда ходили охочие, раньше платила дань Пскову и незадолго до того была отторгнута немцами²⁹.

Конец ушкуйничества в Псковской земле, по-видимому, следует связывать с усилением влияния здесь великокняжеской администрации, которое исследователи относят к 1460 г.³⁰, сначала (в 1463 г.) она поставила ушкуйников под свой контроль, а после их поражения (в 1471 г.) ликвидировала движение, сделав упор на мобилизацию по разубу. Известно несколько разных по количеству мобилизованных норм «разубу». В 1480 г., после взятия немцами псковского пригорода Вышгород, была проведена чрезвычайная мобилизация — «с четырех сох конь и человек»³¹. В 1495 г. по велению великого князя «псковичи срубились с десяти сох конь и человек», пытались «разрубить» и священников, но неудачно³². В 1500 г. опять же по распоряжению великого князя они «пороубившись з десяти сох конь, а с сорока рублей конь и человек в доспехе, а бобыли пеши люди»³³. На следующий год, защищая Псков

от немцев, «молодые люди два третьего покрутили щитом да с соулицею»³⁴. Очевидно, что в число рубленых людей входили все категории населения Псковской земли, включая смердов, на что уже указывал М. Г. Рабинович³⁵.

Все вышесказанное позволяет заключить, что ушкуйничество в Псковской земле являлось орудием внешней и внутренней политики правящего класса, а для большей части его участников — своеобразным видом отхожего промысла. Псковское боярство возглавляло и направляло это движение, выплескивая избыток молодых людей под немецкие мечи. Возможность легкой наживы отвлекала беднейшие слои населения Пскова и пригородов от социальной борьбы и смягчала внутренние противоречия феодально-вечевой республики.

Примечания

- ¹ Рабинович М. Г. Из истории русского оружия IX—XV вв. // Тр. Ин-та этнографии. 1947. Т. I. С. 66, 67; *его же*. Военное дело на Руси эпохи Куликовской битвы // Вопр. истории. 1980. № 7. С. 104—107; Рыбаков Б. А. Военное искусство // Очерки русской культуры XIII—XV веков. Ч. I. Материальная культура. М., 1970. С. 353, 366—368.
- ² Рабинович М. Г. О социальном составе новгородского войска X—XV вв. // Науч. докл. высш. шк. Ист. науки. 1960. № 3.
- ³ Никитский А. И. Военный быт в Великом Новгороде XI—XV ст. (Исторический очерк) // Русская старина. 1870. № 1.
- ⁴ Рыбаков В. Н. Указ. раб. С. 372.
- ⁵ Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М., 1961. С. 36—51.
- ⁶ Рыбаков Б. А. Указ. раб. С. 372.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Артемьев А. Р. Некоторые итоги изучения военного дела псковичей в XIII—начале XVI в. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тез. докл. науч. конф. Псков, 1987. С. 23.
- ⁹ Никитский А. И. Указ. раб. С. 178, 179.
- ¹⁰ Псковские летописи. Вып. I. М.; Л., 1941. С. 18; Вып. II. М., 1955. С. 94, 95.
- ¹¹ Там же. Вып. II. С. 93.
- ¹² Там же. С. 93, 94.
- ¹³ Там же. С. 94, 95.
- ¹⁴ Там же. Вып. I. С. 23; Вып. II. С. 28, 104.
- ¹⁵ Там же. Вып. I. С. 28; Вып. II. С. 32, 112.
- ¹⁶ Там же. Вып. I. С. 35; Вып. II. С. 117.
- ¹⁷ Там же. Вып. I. С. 32.
- ¹⁸ Там же. Вып. I. С. 31; Вып. II. С. 115, 116.
- ¹⁹ Там же. Вып. I. С. 65; Вып. II. С. 153.
- ²⁰ Там же. Вып. I. С. 66, 67; Вып. II. С. 153—155.
- ²¹ Там же. Вып. II. С. 183.
- ²² Бернадский В. Н. Указ. раб. С. 43.
- ²³ Алексеев Ю. Г. «Черные люди» Новгорода и Пскова (к вопросу о социальной эволюции древнерусской городской общины) // Исторические записки. 1979. Т. 103. С. 248.
- ²⁴ Псковские летописи. Вып. I. С. 86. Сулица — легкое, преимущественно метательное копьё.
- ²⁵ Там же. Вып. II. С. 184.
- ²⁶ Алексеев Ю. Г. Указ. раб. С. 269; *его же*. Псковская Судная грамота и ее время // Развитие феодальных отношений на Руси XIV—XV вв. Л., 1980. С. 217, 218, 220; Янин В. Л. «Черный бор» в Новгороде XIV—XV вв. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983. С. 107; Артемьев А. Р. Градостроительная политика Псковской феодально-вечевой республики // Краткие сообщ. Ин-та археологии. 1987. Вып. 190. С. 103, 104; *его же*. О некоторых особенностях социально-экономического устройства Псковской феодально-вечевой республики // Социально-экономическое развитие древних обществ и археология. М., 1988. С. 15—17; *его же*. Малые города Псковской земли в XIII—XV вв. // Становление европейского средневекового города. М., 1989. С. 137—139.
- ²⁷ В. Т. Пашуто считал, правда, ушкуйниками также галицких «выгонцев», населявших накануне татаро-монгольского нашествия междуречье Днестра и Дуная // Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 250. Однако, на наш взгляд, эти явления разного порядка, поскольку «выгонцы» по своему социальному статусу скорее напоминают более позднее казачество.
- ²⁸ Б. А. Рыбаков относит начало действий новгородских ушкуйников к 1360 г., когда они захватили и разрушили город волжских болгар Жукотин. (Рыбаков Б. А. Указ. раб. С. 370, 371).

Однако он не оговаривает, почему не причисляет к ним походы ушкуйников на Мурман в 1320 и 1348 гг., на Кареллу в 1339 г., на Устюжну и Белозерье в 1340 г., Двинскую землю в 1342 г. (см.: *Бернадский В. Н.* Указ. раб. С. 39).

²⁹ Об этом свидетельствует сообщение летописей об избиении немцами в 1284 г. 40 псковичей, приехавших собирать дань с латгалов, неподалеку от ливонского замка Мариенбург и запись в 1403 г. о том, что псковичи потрошили жито возле замка Нейгаузен на своей земле. См.: Псковские летописи. Вып. I. С. 13, 14, 27; Вып. II. С. 22, 88, 110.

³⁰ *Алексеев Ю. Г.* Москва и Псков накануне включения Пскова в состав русского государства (60—70-е годы XV в.) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тез. докл. науч. конф. Псков, 1986. С. 7.

³¹ Псковские летописи. Вып. I. С. 76; Вып. II. С. 219. Соха — единица податного обложения на Руси в XIII—XVII вв. В конце XV в. новгородская соха равнялась трем *обжам*. (Обжа — поземельная мера, равная 5—10 десятинам, которая обрабатывалась одним работником с лошадей.) К сохе могла быть приравнена и любая другая производящая единица: чан кожевенника, кузница, невод, соляная варница или лавка.

³² Там же. Вып. I. С. 81, 82; Вып. II. С. 251.

³³ Там же. С. 84. *Бобыли* — феодально-зависимые малоземельные или безземельные люди.

³⁴ Там же. С. 86.

³⁵ *Рабинович М. Г.* Военное дело на Руси... С. 107.

© 1991 г., СЭ, № 3

• Г. В. Ц у л а я

ИЗ ИСТОРИИ ГРУЗИНСКОЙ АНТРОПОНИМИИ

*Слово и имя — наиболее напряженный и наиболее
показательный результат мышления*

А. Ф. Лосев. Философия имени

Историческая антропонимика в последние годы все более заявляет о себе как важная вспомогательная дисциплина в системе гуманитарных наук. Исследователи все чаще пользуются данными антропонимии в качестве определенных свидетельств о социальном и культурном развитии того или иного народа, его политических и этнических связях и контактах.

Вполне очевидно, что историческая антропонимика развивается на стыке таких наук, как этнолингвистика, история, этнография, источниковедение, и не только пользуется методами названных дисциплин, но часто сталкивается со стоящими перед каждой из них трудностями. Исследовательский опыт свидетельствует, что всякий раз, когда антропонимическими сюжетами монопольно «овладевают» представители какой-либо из упомянутых дисциплин, результат может получиться обратный желаемому. Еще А. Мейе заметил, что «язы-

коведы, которые интересуются преимущественно этимологией собственных имен, часто становятся авантюристами от лингвистики и лишь немногие из них строго соблюдают требование метода»¹. Ныне уже вполне доказано, что хотя антропоним и является прежде всего элементом языка, лингвистике в науке об именах не может принадлежать монопольное место. «Даже наиболее „чистое“ лингвистическое изучение имен,— замечает А. В. Суперанская,— не может не выходить за пределы одних лишь языковых возможностей, и лингвисту все время необходимо иметь в виду внеязыковые ассоциации собственных имен, из них первое место по справедливости принадлежит социальным факторам, которые в свою очередь находятся в неразрывной связи с историей, политикой, экономикой»².

Безусловно связанная с этимологическими разысканиями, антропонимика в силу собственных внутренних особенностей вносит в них свою специфику³. Лексикологические экскурсы в антропонимических исследованиях не самоцель, они подчиняются нуждам собственно науки об именах и способствуют выявлению истории возникновения того или иного имени в контексте определенных социальных и этнокультурных условий.

В свете этого общезвестного положения мы и предлагаем анализ нескольких имен, взятых нами преимущественно из средневековых грузинских письменных источников.

Этер-и, ж. и. — лексически восходит к греческому *ἑτήρ*, но сам антропоним — продукт исключительно грузинского имятворчества. В силу этого имя *Этер-и* получило распространение среди грузин и частично также в среде традиционно с ними связанных народов (армян, абхазцев). Хронологически оно может восходить к периоду адаптации его греческого корня в грузинском языке, которая указывает не на процесс возникновения анализируемого имени в грузинской среде, а на историю культурных и языковых контактов грузин с греками-византийцами⁴.

Имя *Этер-и* в средневековой грузинской литературе не получило широкого распространения. Нынешней популярностью оно обязано опере грузинского композитора З. П. Палиашвили «Абесалом и Этери» (1919), в основу которой автор положил народную лирико-эпическую балладу «Этериани»⁵. Судя по ее содержанию — история несчастливой любви царевича Абесалом и пастушки Этери — имя героини могло появиться в демократических слоях населения. Вероятно, этим следует объяснять, что оно не встречается в памятниках средневековой грузинской литературы, авторы которых, озабоченные прежде всего судьбами господствующих классов, оставили нам имена, распространенные преимущественно среди феодальной элиты. Существующее мнение о связи имени *Этер-и* с библейским *Эстер* — «Звезда»⁶ ничем не обосновано ни фонетически, ни с точки зрения исторических реалий.

Нател, ж. и. — «светлая». Под этим именем известна одна из жен грузинского царя Димитрия Самопожертвенного (1270—1289)⁷. *Нател*, единственное упоминание о которой принадлежит анонимному автору «Хронографа» (XIV в.)⁸, была активной деятельницей описываемого в источнике времени; об этом свидетельствует также и то, что хотя она не была «старшей» женой христианина-многоженца Димитрия, ее единородный сын Георгий стал одним из самых замечательных правителей средневековой Грузии. В историю он вошел под прозвищем Блистательный (1314—1346)⁹. В позднем средневековье имя *Нател* было распространено с номинативным окончанием *-и* — *Натели*. Ныне принята народная форма *Натела*, она восходит к книжной традиции (письменная литература любого жанра — основной источник грузинской антропонимии¹⁰) и связана с одноименной фольклорной песней на слова поэта Акакия Церетели. Имя *Натела* получило широкое распространение не только среди грузин, но и традиционно связанных с ними народов, не исключая, между прочим, и русских, имеющих собственный богатый антропонимический репертуар.

В смысловом отношении имя Нател примыкает непосредственно к византийской эстетической традиции, представлениям ромеев об идеальной женской внешности. Светлые волосы и голубые глаза были эталоном женской красоты для византийцев¹¹. Возникновению этой традиции, надо думать, способствовали такие активные в истории Византийской империи народы, как славяне, германцы, аланы (груз. *овси*). Указанная традиция через византийцев, этих законодателей не только религиозно-политических догматов, но и эстетики феодального быта, передалась и грузинам, о чем может свидетельствовать древнегрузинское ж. и. *Борена* (под таким именем известна одна из средневековых грузинских поэтесс, аланка по происхождению¹²), также попавшее в грузинскую антропонимию книжным путем в форме *Шорена*¹³.

Не исключено, что ж. и. Нател — калька греческого слова (греч. φωτῶ, лат. illuminatio) «освещать», «просвещать» в значении «крещать» — груз. *натлава*, *натли-ис-цема*. О вероятности такого происхождения антропонима Нател должен говорить тот факт, что впервые он появился в юго-западной Грузии, где в грузинской культуре, и в частности в церковной терминологии, грекофильская тенденция была особенно сильна¹⁴.

Лаша, м. и. История возникновения документируется письменным источником. Лаша — имя не просто прозвищного характера, оно также несет в себе определенную информацию. Безымянный автор «Истории и восхваления венценосцев» (первая часть XIII в.) сообщает, что сын и преемник царицы Тамар (1184—1207) Георгий IV (1207—1223) был наречен вторым именем Лаша, «которое с языка апсаров переводится, (как) Просветитель мира»¹⁵. Под двумя именами — Георгий IV Лаша — и фигурирует этот правитель в истории Грузии. Принадлежность апсаров к древнеабхазским племенам ныне уже в доказательствах не нуждается¹⁶. Имя Лаша представляет собой модифицированную по законам древнегрузинского произношения форму бытующего в современном абхазском языке слова *а-лаша-ра* — «светоч», «просветитель». Таким образом, имя Лаша возникло по той же модели, что и ж. и. Этер-и, — корень негрузинского слова лег в основу грузинского имени. Кроме того, открывается довольно выразительная историческая панорама. Во-первых, древнегрузинский историк, современник описываемых событий¹⁷, отличает апсаров от абхазов, этноним которых еще за несколько столетий до начала XIII в. стал обозначать население западной части Грузинского царства, а затем и Грузию в целом¹⁸. Во-вторых, налицо важное значение собственно древнеабхазского племени апсаров в пределах Грузинского царства, в частности на его северо-западных рубежах. Иначе бы правительница Грузии периода ее расцвета не снизошла до такого внимания к языку апсаров. Наконец, само значение имени должно указывать на какие-то усилия миссионеров на территории расселения апсаров. О миссионерской деятельности грузин на Кавказе, в том числе и в Абхазии в описываемую в «Истории и восхвалении венценосцев» эпоху и раньше, говорят различные источники, в том числе и этнографические. Еще сравнительно недавно абхазцы приписывали именно царице Тамар строительство сохранившихся в руинах на территории Абхазии христианских храмов¹⁹.

В свое время В. А. Никонов писал, что исследование имен прозвищного происхождения «нечасто поднимается выше уровня примитивной классификации по лексическим группам... Неизвестны вес их в современной антропонимической системе, соотношение их функций с другими видами антропонимов у различных групп населения, темпы и формы вытеснения их или ограничения их функций»²⁰. Со времени написания этих слов мало что изменилось.

Значение и функции прозвищ (cognomen) в антропонимической системе прослеживаются во все времена и, очевидно, у всех народов и различных социально-культурных слоев и групп населения. Бесконечен сам процесс образования прозвищ при всем том, что индивидуальные прозвища практически не повторяются, в особенности уничтожительные: в истории известен лишь один

византийский император-иконоборец Константин V с пейоративным прозвищем *Копроним* — «Навозник», отличившийся жестокостью в борьбе со своими политическими противниками, которые и дали ему столь унижительное второе имя. В России известен только один царь по прозвищу Грозный, данному ему, правда, не из презрения, как в первом случае, а из панического страха, который он нагнал на своих современников. В истории грузин также одно лицо с легитимистскими претензиями носило негативное прозвище *Чала*, что по-мегрельски и по-абхазски значит «слабосильный», «маломощный». Такое прозвище в его историческом контексте по своей информативности может быть равным порой странице повествовательного текста. Оно свидетельствует о политической ситуации, когда одна из противоборствующих группировок феодалов из эгоистических соображений выдвигала на престол Абхазского царства слабосильного и послушного представителя правящей фамилии. Кроме того, данное прозвище свидетельствует, что та среда, которую представлял «царь Чала», в практическом общении пользовалась мегрельским и абхазским языками, и, таким образом, выясняется, что кроме грузинского языка — языка письменности и культуры — на территории Абхазского царства функционировали и местные языки-патуа в качестве средства общения между отдельными местными этническими общностями²¹.

В отличие от негативных прозвища престижного характера могли переходить из рода в род и из поколения в поколение, становясь, таким образом, стойким элементом народного именника. Одним из таких имен прозвищного происхождения в грузинском антропонимическом репертуаре мы считаем м. и. *Шалва*.

Оно широко распространено среди современных грузин, особенно среди людей старшего и среднего поколения. О популярности его в прошлом свидетельствуют не только производные от него полуимена — *Шалико, Шалика, Шалута*, но и связанные с ним фамилии: *Шалвашвили, Шаликашвили, Шалуташвили*. Несмотря на это, номогенез его считается невыясненным. Знаток грузинской антропониимии З. Чумбуридзе признается, что «Шалва — имя грузинское, но значение его не установлено»²².

Однако материалы грузинского языка свидетельствуют, что в основе имени Шалва лежит корень *шал*, от которого развился глагол *шла* — «смешивать», «смущать»²³. Еще в раннесредневековый период от корня *шал* образовалось существительное *шалва* со значением «смятение»: *шеги-шал-ос гоцебай гулиса шалви-та* — «Да смутятся разум твой смятением (*шалви-та*) сердца твоего»²⁴. Отметим также, что еще в средние века слово *шалва* вошло в грузинскую медицинскую терминологию, в которой оно значило «сердечную аритмию»²⁵. В этом смысле имя Шалва типологически перекликается с русским *Вадим* — от «вадить», «спорить» и т. п.²⁶ и широко распространенным среди христианских народов греческим *Тарас* — «Непоседливый».

Самое раннее упоминание человека по имени Шалва встречается в эпиграфических источниках XI в. В с. Баджити (Сачхерский р-н) сохранилась церковь с ктиторской надписью: «Святая Троица, помилуй Шалва (...) Основы этой церкви впервые заложил я, Шалва. Христе, помилуй»²⁷. Другой эпиграфический источник из с. Симонети (Терджольский р-н) также сообщает о некоем Шалва: «Святый Георгий, помилуй раба твоего Шалва»²⁸. Одним словом, уже с XI в. популярность этого имени вполне очевидна. Эта была эпоха расцвета Грузинского феодального царства, время деятельных и предприимчивых личностей, что народная антропониимия не преминула зафиксировать.

Впоследствии имя Шалва на некоторое время исчезает из грузинской антропониимии. Во всяком случае, лишь с начала XIII в., в критический период истории Грузии, оно вновь появляется на страницах грузинских анналов. Наиболее раннее упоминание относится к видному полководцу и государственному деятелю Шалва Ахалцихскому (*Ахалцихели*), прославленному военачальнику еще времен царицы Тамар²⁹. В 1225 г. он активно действовал в борьбе

против возглавляемых Джалад-ад-Дином хорезмийцев, незадолго до нашествия монголов, разоривших Закавказье³⁰. В этой борьбе Шалва Ахалцихский был схвачен неприятелем и принял мученическую смерть.

Отныне имя Шалва распространялось в Грузии из ее южных областей, чему, очевидно, способствовала историческая ситуация: то была наиболее уязвимая для многочисленных иноземных вторжений территория. И это имя, пока еще, вероятно, носившее прозвищный характер, стало здесь одним из наиболее популярных, особенно в среде феодальной элиты.

В генеалогии некоторых носителей данного антропонима нашел отражение (и она в свою очередь отразила) смешанный характер населения на пограничной грузинско-армянской территории. В этой контактной зоне даже образовалась своеобразная этнографическая группа, известная по грузинским источникам под названием *сомхитари*³¹, что приблизительно значит «арменоиды», подразумевается при этом отнюдь не антропологический тип, а исключительно культурно-бытовой и, кроме того, судя по данным антропонимии, языковой. В источнике также зафиксировано широкое распространение в этой области имени *Боцо*, в основе которого лежит арм. *боц* — «пламя». Между прочим, упомянутый выше Шалва Ахалцихский был сыном известного в Южной Грузии феодала Боцо. Смысловая близость имен отца и сына вполне очевидна. Вероятно, грузинское имя с армянским корнем бытовало в развитом грузинском языке в звательном падеже (окончание *-о* — это одна из бытовых особенностей грузинской антропонимии), что должно указывать на языковую ситуацию в контактной грузинско-армянской зоне.

Имя Боцо не закрепилось в грузинской антропонимии, в то время как Шалва получило распространение и даже стало родовым именем известного в свое время Грузии азнаурского (дворянского) клана Шаликаиани³².

Имя Шалва известно также той части абхазского этноса, которая проживает смежно с грузинскими этнографическими группами. Но любопытно, что оно получило широкое распространение (пожалуй, большее, чем другие грузинские антропонимы) среди грузинских евреев. В данном случае, можно думать, имела место (естественно, с учетом разницы соответствующих традиций) та же закономерность, которая еще в прошлом веке была отмечена у евреев южных губерний России. «Чужие, широко введенные в обиход повседневной жизни имена, — писал С. Вайсенберг о южно-русских евреях, — редко были переводами старых еврейских имен на новый язык, а составляли лишь созвучную переделку старого имени на новый лад»³³. Имя Шалва у грузинских евреев представляло собой «лишь созвучную переделку» собственного еврейского *Шолом*, в свою очередь широко распространенного через ветхозаветную традицию среди грузин в форме *Соломон-и* и даже принявшего фамильный статус — *Соломониа*.

Для того чтобы прозвище трансформировалось в имя (в узком значении этого термина), как известно, недостаточно наличия одной лишь соответствующей политической ситуации. Фактом антропонимии как одним из элементов культуры народа прозвище может стать лишь в том случае, когда начальный его носитель исторически «вписался» в общекультурный фон народа. Сама личность, давшая начало прозвищу, играет в таком случае достаточно существенную роль. Нет оснований сомневаться в том, что прозвище — социально-культурный знак и поэтому может иметь определенное источниковое значение.

Обращенные в имена прозвища как бы заново совершают однажды пройденный круг, но уже в ином качестве и значении. К таковому, в частности, можно отнести нарицательные имена-прозвища, восходящие к именам либо известных исторических личностей, либо литературных персонажей. Грузинская антропонимия (как, естественно, антропонимия и других народов) достаточно богата материалами такого рода и весьма к ним чутка. Приведем один характерный пример.

В средневековый период в грузинской антропонимии, очевидно, могло превратиться в прозвище имя *Садун*, означавшее также «знатока многих языков». Грузинский писатель и лексикограф С.-С. Орбелиани (1658—1725) в своем «Словаре грузинского языка» пишет: «Садун — человек, владеющий различными языками»³⁴, т. е. «полиглот», для которого он приводит, между прочим, и чисто грузинский эквивалент — *мо-эне*³⁵ («владелец языков»). Это определение ориентировано на имя известного политического деятеля Грузии и Армении периода монгольского владычества в Закавказье Садуна Манкабердского (груз. Манкабердели, арм. Манкабердци).

Садун Манкабердский, обармянившийся курд, — личность противоречивая³⁶, что было обусловлено сложной эпохой, в которую он жил, теми жизненными задачами, которые он ставил перед собой, и методами, которыми их решал. Во время его деятельности Грузия была раздроблена на отдельные вотчины, которыми завоеватели распоряжались сообразно со своими нуждами и намерениями. Торговля территориями, принадлежавшими целым этнографическим группам, стала в Грузии обычным ремеслом для ряда местных феодалов и подвизавшихся при них разного рода временщиков и искателей наживы. В таких условиях Садун проявил себя изворотливым дипломатом, честолюбивым и энергичным предпринимателем. Он не пошел на службу к монголам, хотя мог у них преуспеть, но и в Грузии он не стал поборником интересов одних лишь местных династов и тем более трудовых слоев населения. Владея действительно многими совершенно не похожими друг на друга языками — курдским, армянским, грузинским, монгольским, персидским — он, кроме того, обладал исключительной способностью адаптироваться в среде носителей каждого из этих языков. Садун был признанным драгоманом во время визитов грузинских царей к их монгольским господам. Автор грузинского «Хронографа» XIV в. специально подчеркивает, что в ходе этих переговоров Садун искусно «смягчал» резкости, которых не избежала грузинская сторона и которые могли иметь для нее роковые последствия. К концу жизни Садун (около 1281—1285) объединил под своей властью значительную часть территорий Грузии и Армении — от Телави до Карса (последний он сделал своей резиденцией).

Говоря о средствах, которыми пользовался Садун в своей стяжательской деятельности, исследователи обычно акцентируют внимание на сообщении анонимного автора «Хронографа» XIV в., в котором эти средства определяются глаголом *моиверага* — «приобрел вероломным способом». Однако корень данного глагола — *верэг-и* — «вероломный» в XIV в. должен был иметь иной смысл. С.-С. Орбелиани толковал его просторечным синонимом *херхи*³⁷, которому Н. Д. Чубинашвили подобрал русский эквивалент «хитрость»³⁸. Не случайно грузинские и армянские источники, создавая едва ли не авантюристический образ Садуна, тем не менее оценивают его в целом положительно, называя человеком мудрым и разумным.

Однако культурный термин «садун» оказался ограничен кругом, в котором непосредственно вращался князь Манкабердский; термин не оставил никакого следа в народной памяти. Но результаты деятельности Садуна выходили далеко за пределы его непосредственного окружения и затрагивали интересы различных слоев населения, в том числе и трудящихся. В таком случае мы могли бы ожидать отражения по крайней мере в языке хотя бы отголосков о жизни этого человека. Но таковых не оказалось. В грузинском антропонимическом репертуаре, обычно легко и органически включающем в свой фонд имена выдающихся личностей разных времен и народов, полностью отсутствуют какие-либо следы имени Садун, а произведенный от него культурный термин вряд ли имел широкое хождение в народной грузинской речи. Все это может свидетельствовать о том, сколь безразличны могли быть народные массы к иноземным временщикам, как бы значительны они ни были и как личности, и как политические деятели.

- ¹ Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании. М., 1954. С. 10.
- ² Суперанская А. В. Языковые и внеязыковые ассоциации собственных имен // Антропонимика. М., 1970. С. 8.
- ³ Образцом использования метода исторической этимологии в антропонимике с целью выявления в них этнических элементов является работа: Абаев В. И. К этимологии древнеперсидских имен Kugus, Kambujia, Cispis // Этимология. 1965. М., 1967. С. 286—295.
- ⁴ В грузинском это слово впервые встречается в письменных памятниках XI в. — см. Абуладзе И. В. Словарь древнегрузинского языка (Материалы). Тбилиси, 1973. С. 146 (на груз. яз.).
- ⁵ Умикашвили П. Народная словесность. Ч. 1. Тбилиси, 1937. С. 157—159 (на груз. яз.). Хотя Н. Я. Марр допускал наличие у грузин в XII—XIII вв. «какого-то романа» (письменного? фольклорного?) с главной героиней Этери (Марр Н. Я. Древнегрузинские описки // Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии. Т. IV. СПб., 1902. Указатель), но это предположение пока не подтверждается.
- ⁶ Чумбуридзе З. Как тебя зовут? Тбилиси, 1966. С. 68 (на груз. яз.).
- ⁷ Очерки истории Грузии. В 8 т. Т. III. Тбилиси, 1979. С. 604—609 (на груз. яз.).
- ⁸ Картлис Цховреба (История Грузии) / Подготовил к изданию по всем основным рукописям Каучишвили С. Г. Т. II. Тбилиси, 1959. С. 286 и др. (на древнегруз. яз.).
- ⁹ Джавахишвили И. А. История грузинского народа // Джавахишвили И. А. Соч. Т. III. Тбилиси, 1982. С. 161—179 (на груз. яз.).
- ¹⁰ Ср. Марр Н. Я. «Мудрость Балавара», грузинская версия «душеполезной истории о Варлааме и Иоасафе» // Зап. Вост. отд. Русск. археол. о-ва. Т. 3. Вып. 4. СПб., 1989. С. 224.
- ¹¹ Ср. Любарский Я. Н. Предисловие // Комнина А. Алексиада. М., 1965. С. 17—18.
- ¹² Ингоркова П. И. Эпilog Руствелианы // Ингоркова П. И. Соч. Т. 1. Тбилиси, 1964. С. 683 и сл. (на груз. яз.).
- ¹³ Цулая Г. В. Отрок Шарукан — Атрака Шараганис-дзе (К вопросу об антропонимическом источниковедении истории народов Кавказа) // Кавказский этнографический сборник. Т. VIII. М., 1984. С. 198.
- ¹⁴ Подробно см.: Марр Н. Я. Крещение армян, грузин, абхазов и аланов святым Григорием // Зап. Вост. отд. Русск. археол. о-ва. Т. XVI. Вып. 2—3. СПб., 1905. С. 151—152.
- ¹⁵ Картлис Цховреба (История Грузии). Т. II. С. 58.
- ¹⁶ Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии, Сухуми, 1959. С. 190 (там же библиография).
- ¹⁷ Кекелидзе К. С. История и восхваление венценосцев / Пер. с древнегруз., введение и примеч. Тбилиси, 1954.
- ¹⁸ Анчабадзе З. В. Указ. раб. С. 117—121.
- ¹⁹ Басария С. П. Избр. соч. Сухуми, 1967. С. 54, 64.
- ²⁰ Никонов В. А. Имя и общество. М., 1974. С. 248 (см. также: его же. Системы личных имен // Системы личных имен у народов мира. М., 1989. С. 7—8).
- ²¹ Цулая Г. В. Указ. раб. С. 195—196.
- ²² Чумбуридзе З. Указ. раб. С. 168.
- ²³ Орбелиани С.-С. Словарь грузинского языка // Орбелиани С.-С. Соч. Т. 4. Ч. 1. Тбилиси, 1966. С. 86 (на груз. яз.); Ч. 2. С. 277, 304 (на груз. яз.); Чубинашвили Н. Д. Словарь грузинского языка с русским переводом. Тбилиси, 1961. С. 145.
- ²⁴ Абуладзе И. В. Указ. раб. С. 470.
- ²⁵ Панаскертели-Цицишвили З. Лечебная Книга — Карабадини. Тбилиси, 1978. С. 842 и др. (на древнегруз. яз.).
- ²⁶ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964. С. 265.
- ²⁷ Силогава В. И. Надписи Западной Грузии (IX—XIII вв.). Тбилиси, 1980. С. 70 (на груз. яз.).
- ²⁸ Там же. С. 112—113.
- ²⁹ Картлис Цховреба (История Грузии). Т. II. С. 74.
- ³⁰ Там же. С. 171; Цулая Г. В. Джалал ад-Дин в оценке грузинской летописной традиции // Летописи и хроники. 1980. М., 1981.
- ³¹ Меликсет-Бек Л. М. Армяне в Грузии // Кавказ и Византия. Вып. 1. Ереван, 1979. С. 168 (на арм. яз.).
- ³² Картлис Цховреба (История Грузии). Т. II. С. 519.
- ³³ Вайсенберг С. Имена южно-русских евреев (Этнографический очерк) // Этнографическое обозрение. № 1—2. М., 1913. С. 89 и др. Это явление было характерно для антропонимии евреев диаспоры и неоднократно отмечалось в литературе. Так, например, К. Каутский, говоря о перемене древнееврейских имен Савл и Манасия соответственно на латинское Павел и древнегреческое Менелай, писал: «Такая перемена имени охотно практиковалась иудеями, которые желали добиться известного значения в иудейских кругах» (Каутский К. Происхождение христианства. М., 1990. С. 356). Аналогичное явление наблюдается и среди других народов, например, перемена грузинами имени Бондо на Борис, армянами Мкртыч на Никита; по словам моего друга, осетинского археолога и знатока этнографии осетин Р. Г. Дзаттиати — осетинами Сослан на Руслан и т. д., что является результатом процесса адаптации их носителей в иноэтнической среде, обусловленного культурно-историческими и социальными факторами.
- ³⁴ Орбелиани С.-С. Указ. раб. Соч. Т. 4. Ч. 2. С. 28.
- ³⁵ Там же. С. 28.

³⁶ О нем см.: Очерки по истории Грузии. Т. III. С. 604—606, 793—797 и др.; Манандян Я. А. Критический обзор истории армянского народа // Манандян Я. А. Труды. Т. 3. Ереван, 1977. С. 309 и др. (на арм. яз.); Мурадян П. М. Грузинская Хронография (1207—1318). Ереван, 1971. С. 201 (на арм. яз.); Грузинский анонимный историк XIV в. Столетняя история / Изд. Кикнадзе Р. К. Тбилиси, 1987. С. 232—233 (на груз. яз.).

³⁷ Орбелиани С.-С. Указ. раб. Т. 4. Ч. 1. С. 265.

³⁸ Чубинашвили Н. Д. Указ. раб. С. 467. Между прочим, груз. *вѣрагоба* в русском переводе Нового Завета также соответствует «хитрости» (II Кор., 4, 2).

© 1991 г., СЭ, № 3

Ю. Ю. Карпов

«КАМЕННЫЕ ГОЛОВЫ» ИЗ ДАГЕСТАНСКОГО СЕЛЕНИЯ САГАДА

На территории цезского сел. Сагада¹ в начале 1970-х годов во время строительства здания школы и проведения хозяйственных работ на соседних участках местными жителями было обнаружено четыре скульптурных изображения человеческих голов, выполненных из камня твердой породы. В настоящее время эти головы наряду с другими предметами, найденными там же, в том числе тремя бронзовыми антропоморфными фигурками (одной — поясной, двумя — в полный рост, причем одна из них — фаллическая), хранятся в местной школе².

Голова № 1 (см. рисунок). Размеры: высота — 14,5 см, ширина — 6 см. Верхняя и нижняя стороны закруглены, нижняя часть усечена. Нос V-образной формы, с боковыми стенками, переходящими в приподнятые линии бровей, шаровидные глаза, рот в виде широкой дуги глубоко рельефны.

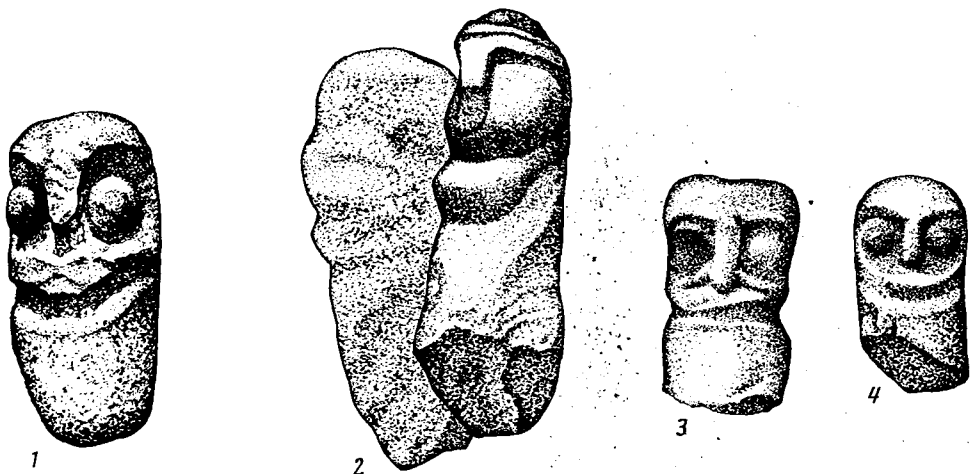
Голова № 2. Продольно расколота. Размеры: высота — 16,5 см, ширина — 5,5 см. Поверхность ее нижней части носит следы сколов. Черты лица переданы так же, как на голове № 1. Глаза шаровидной формы, непропорционально большие, занимают половину лица и поэтому в определенном ракурсе могут «читаться» как щеки. Подбородок (?) скошенный, резко выступающий, очертание рта нечеткое. Нижняя часть носа отбита. Выше линии бровей выпуклое изображение ленты или, возможно, нижнего края головного убора.

Голова № 3. Размеры: высота — 8,5 см, ширина лицевой стороны — 4 см, боковой — 4,5 см. Верхняя часть головы имеет округлую форму. Нижняя поверхность не обработана. Черты лица напоминают черты головы № 1, но менее рельефны.

Голова № 4. Размеры: высота — 9,5 см, ширина — 5,5 см. Верхняя поверхность головы уплощенная, нижняя не обработана. Правый глаз отбит, левый выпуклой формы. Нос прямой. Ниже носа, на расстоянии 1 см, на лицевой и боковой поверхностях скульптурного изображения расположено поперечное ленточное углубление шириной около 1 см. В отличие от подобных углублений на других головах на данном скульптурном изображении оно воспринимается как шея.

Вариативность передачи черт лица каждого скульптурного изображения незначительна. Общее для всех голов — акцентирование внимания на одних и тех же деталях: глазах (шаровидной формы, «лупоглазых»), носе, отчасти надбровном валике и углублении рта (в трех случаях с приподнятыми углами, благодаря чему, возможно, передавался эффект смеха) либо подбородке. Интересно отсутствие специальной обработки нижней части изображений, на ос-

Каменные головы, обнаруженные в сел. Сагада. Прорисовка художника Е. Н. Лашиной

новании чего можно сделать вывод, что головы, вероятно, укрепляли в каком-либо углублении.

Насколько мне известно, на Кавказе скульптурные изображения человеческих голов обнаружены: в Тлийском могильнике XII—X вв. до н. э. (Южная Осетия) — миниатюрная подвеска-амулет в виде мужской головы из детского погребения³; близ осетинского сел. Нар — бронзовая голова (высота 19,5 см), датируемая VIII—VII вв. до н. э.⁴; на территории сельбища Маллаисакли в Азербайджане — мужская голова из обожженной глины (высота 6 см), относящаяся к концу I тыс. до н. э.⁵; на территории Армении (Двин, Агджакала, Нор Ареш, Ошакан, Цовагюх) — серия каменных голов первой половины I тыс. до н. э.⁶

Сравнение названных скульптурных изваяний с сагадинскими находками не дает оснований для проведения прямых аналогий, хотя можно отметить некоторое сходство между каменными головами, обнаруженными в Армении и Сагаде, по таким параметрам, как материал, техника обработки, отдельные внешние характеристики. Заслуживает внимания то обстоятельство, что бытование подобных изваяний в Закавказье и Осетии хронологически, очевидно, совпадало и было связано с распространением мелкой бронзовой (в отдельных местах глиняной) антропоморфной пластики⁷. Территория, на которой расположено сел. Сагада — Цунта, или Дидо и соседние земли Западного Дагестана, также были центрами изготовления мелкой дагестанской бронзовой скульптуры, датируемой первой половиной I тыс. до н. э.⁸

Вместе с тем в период средневековья в центральных районах Дагестана было распространено изготовление каменных личин, обычно закреплявшихся в кладке стен жилых и общественных зданий. Подобные каменные маски известны в селениях Ицари, Амузги, Кубачи⁹. Отличие сагадинских находок от последних заключается в том, что они решены в виде скульптур, а не рельефных изображений. Кроме того, каменные головы из Сагады весьма малы по размерам, что ставит под сомнение возможность их вмонтирования в кладку стен.

Вероятную интерпретацию каменных изваяний из Сагады можно наметить, опираясь на сведения арабского историка X в. Ибн Русте о Сарире (Аварии). Он писал, что за пределами резиденции местного царя, жители которой исповедовали христианство, остальное население страны сохраняло языческую веру и поклонялось высохшей голове¹⁰. Здесь же упомяну о захоронениях отдельных человеческих голов или черепов в могильниках предгорных и горных районов Дагестана, датируемых рубежом I тыс. до н. э. — I тыс. н. э.¹¹

Разрешение возникающих вопросов возможно лишь при проведении археологических изысканий как в самой Сагаде, так и на территории Цунты и соседних с ней районов.

Примечания

¹ Селение Сагада расположено на территории Цунтинского р-на Дагестанской АССР. Местное население — цезы (дидойцы), в античных и средневековых источниках упоминаемые под названием дидоев, диуров, дидойцев.

² Во избежание ошибки укажу, что в этой же школьной коллекции хранится еще одно каменное скульптурное изображение головы, выполненное в 1970-х годах учащимися местной школы как подражание вышеописанным находкам.

³ Техов Б. В. Центральный Кавказ в XVI—X вв. до н. э. М., 1977. С. 176. Рис. 116—4.

⁴ Семенов Л. П. Памятник древнего культа Осетии (бронзовая голова идола из окрестностей селения Нар) // Материалы и исследования по археологии СССР. № 23. М., 1951. С. 140—141.

⁵ Османов Ф. Л. Новые археологические находки античного времени из Моллаисаклов // Материальная культура Азербайджана. Т. 9. Баку, 1980. С. 83, 87. Табл. 1—3.

⁶ Есаян С. А. Скульптура древней Армении. Ереван, 1980. С. 32. Табл. 41, 2, 5; 42, 2; 43, 4, 5.

⁷ Марковин В. И. Культурная пластика Кавказа // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986. С. 74—124.

⁸ Атаев Д. М. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1969. С. 225; Давудов О. М. Культура Дагестана скифского времени (VII—VI вв. до н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1969. С. 10.

⁹ Башкиров А. С. Искусство Дагестана. Резные камни. М., 1931. Табл. 99, 106; Гольдштейн А. Башни в горах. М., 1977. С. 33. Правда, одно из скульптурных изображений, интерпретируемое А. С. Башкировым как голова человека с рогами (Указ. раб. С. 115), скорее походит на изображения голов животных, в частности льва, которые имели в здешних местах гораздо более широкое распространение.

¹⁰ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда. М., 1963. С. 219, 220.

¹¹ Гаджиев М. С. К социальной интерпретации некоторых погребений Дагестана албанского времени // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1985. С. 44—49; Давудов О. М. Погребальный обряд населения Южного Дагестана в албанское время (III в. до н. э.—III в. н. э.) // Обряды и культуры древнего и средневекового населения Дагестана. Махачкала, 1986. С. 64—65.

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

© 1991 г., СЭ, № 3

И. М. Шкляж, А. В. Поздняков

ЗУЛУССКИЙ ВОЖДЬ СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ...

События, о которых пойдет речь в данной публикации, произошли более ста лет тому назад в Южной Африке. Тем не менее интерес к истории, этнографии зулусов — одного из самых крупных южноафриканских народов — отнюдь не уменьшился. Авторы этих строк не погрешат против истины, отметив, что зулусам в свое время были посвящены десятки статей и монографий. Однако их создатели пользовались источниками неафриканского происхождения, например записками путешественников и миссионеров, донесениями колониальных чиновников и т. п.

В этом нет ничего предосудительного, так как европейцы, наблюдавшие этот народ, были искренними противниками угнетения аборигенов Южной Африки. Кроме того, зулусы, не имевшие письменности, не могли создать свидетельства своей истории.

Но вот советским специалистам по истории Южной Африки попали в руки документы, позволившие в какой-то степени дополнить представление о быте, семейно-брачных отношениях, особенностях политической структуры зулусов.

Однако попробуем объяснить все по порядку. В январе 1879 г. вспыхнула англо-зулусская война, в которой зулусы потерпели поражение. Верховный правитель страны Кетчвайо (1828—1884) был взят в плен и отправлен в Капскую колонию. Казалось, его судьба была решена, его ждало полное забвение. Однако история распорядилась иначе.

Мужество, проявленное зулусскими воинами в ходе кровавых батальи 1879 г., огромный авторитет самого Кетчвайо, ставшего знаменитым во многих странах мира, вынудили английские власти использовать пленного «короля» в своих интересах. Да и сам вождь как бы решил реабилитировать себя перед историей, не удовлетворившись тем, что в ее анналах его имя — имя племянника великого Чаки — упоминалось бы лишь в связи с поражением в войне¹.

6 июля 1881 г. в жизни ссыльного вождя произошло важное событие. В этот день он начал давать показания специально созданной комиссии «по законам и обычаям туземцев»².

При дознании Кетчвайо было предложено ответить на 301 вопрос, которые можно условно разделить на шесть тем: семья и брак; исполнительная, законодательная и судебная власть; отношения собственности и наследования; традиции и верования; внешние связи; военная система. Главное место среди них занимала проблема семьи и брака.

На первый взгляд может показаться странным тот факт, что высокопостав-

ленные чиновники оставили на время свои должности для того, чтобы выяснить у Кетчвайо подробности семейно-брачных отношений, существовавших у его соплеменников. Подобное внимание поддерживалось не только профессиональными интересами председателя комиссии Дж. Бэрри, серьезно занимавшегося различными аспектами «туземной» проблемы в Южной Африке, но и вопросами военно-политической подготовки зулусской армии.

Однако, не успев добраться до фермы Ауди Молен, где содержался Кетчвайо, члены комиссии узнают, что один из слуг вождя покончил жизнь самоубийством. Такое событие было редкостью в среде африканцев. Вполне естественно, что оно заинтересовало членов комиссии. Ее председатель не преминул воспользоваться случаем и спросить вождя о причине, побудившей его слугу свести счеты с жизнью. Неожиданно для чиновников выяснились любопытные обстоятельства, связанные с кодексом чести у зулусов.

К этому событию мы еще вернемся. Вначале важно выяснить и другие обстоятельства, заставившие Кетчвайо ответить на все вопросы (их было около ста) по проблемам семейно-брачных отношений.

Известно, что английская колониальная администрация стремилась к широкой экспансии в Южной Африке.

Английские колониальные власти уже давно проявляли интерес к тому, что происходило в стране зулусов. Однако сведения, поступавшие из Зулуленда, касались главным образом «туземной» армии, а также характеристики инкоси³ и его ближайшего окружения.

Война 1879 г. донёзья осложнила англо-зулусские отношения, но в Лондоне надеялись, что положение можно будет исправить. Направив комиссию к зулусскому вождю, власти рассчитывали, с одной стороны, «прощупать» настроение Кетчвайо, а с другой — вооружиться необходимыми сведениями из «первых рук» относительно различных сторон жизни его племени. Нельзя также не учитывать того обстоятельства, что в долгосрочной перспективе английское правительство надеялось захватить Зулуленд целиком. Таким образом, свидетелю Кетчвайо, по мнению стратегов из колониального ведомства, были способны помочь чиновникам осуществить управление свободолюбивым народом.

Авторы этих строк уже сообщали, что члены комиссии были удивлены самоубийством человека из ближайшего окружения «короля», находившегося под пристальным надзором колониальных властей. В этой связи Дж. Бэрри спросил вождя: «Мы полагаем, что он пытался изнасиловать женщину, и страх перед последствиями этого заставил его покончить с собой. Какое наказание он понес бы, если бы совершил такое преступление в своей собственной стране?»⁴. Кетчвайо отвечал, что такой человек был бы незамедлительно казнен. Вождь также отметил, что зулусские законы стоят на страже чести и достоинства женщины. Ответ Кетчвайо вызвал недоумение у членов комиссии, которые резонно заметили: «Если достоинство женщины пользуется таким уважением, то почему, как утверждают, с ними обращаются таким образом: покупают и продают в жены, не спрашивая их согласия?»⁵.

Кетчвайо пояснил: зулусских девушек принуждали выходить замуж потому, что они вступали в связь с мужчинами, не имевшими права носить головные кольца⁶. Эти молодые люди являлись воинами и были обязаны находиться в специальном краале⁷. Такие порядки существовали задолго до правления Кетчвайо. Основатель зулусской военной системы — вождь Чака ввел закон, согласно которому все мужчины определенного возраста подлежали «призыву» в армию и только специальное разрешение правителя предоставляло им возможность вступать в брак, а значит, покидать военный крааль. Правда, в случае войны они обязаны были возвращаться туда⁸.

Зулусы, по-видимому, отличались от других африканских народов еще и тем, что семейные отношения в этом племени строго регламентировались и являлись объектом пристального внимания верховной власти. Отчасти это обстоятель-

ство можно объяснить жесткой милитаризацией всех сторон жизни зулусского общества.

Кетчвайо особо отметил, что главой зулусской семьи является отец, пользующийся большой властью⁹. Это же подтверждает и английский миссионер А. Брайант, писавший: «Основу социальной организации зулусов представлял глава семьи, который пользовался всеми правами... Зулусская семья имела под собой твердую почву, опираясь на сильные плечи отца семейства»¹⁰. Судьба дочерей фактически полностью зависела от воли главы семьи. В частности, отец решал, за кого должна выйти замуж его дочь и сколько скота следует потребовать от претендента на ее руку. Кетчвайо об этом говорит: «...девушка отдается тому, кого выбирает ее отец»¹¹.

Выбор отца во многом зависел от имущественного положения жениха. Как правило, «выкуп» был не очень обременителен для мужчины. Брайант в этой связи приводит такие данные: «В то время за невесту давали от трех до десяти голов скота в зависимости от общественного положения отца»¹².

Члены комиссии, явно не удовлетворенные ответом вождя, спросили: «Разве это правильно, что отец продает свою дочь человеку, которого она не любит, лишь ради скота, полученного за нее?»¹³ Кетчвайо, прекрасно знавший обычаи и законы своего племени, подробно объяснил англичанам суть удивившей их традиции. Оказалось, что отец, отдавая дочь замуж, не считаясь с мнением последней, «заботится о ее благосостоянии в будущем»¹⁴. Вождь не соглашался с комиссией, подозревавшей зулусских отцов в корысти. Он утверждал, что на самом деле количество скота, получаемого главой семейства в качестве выкупа, не имеет решающего значения. Если на одну девушку претендуют несколько женихов, то отец смотрит не на количество скота, а считается с мнением дочери, и ее слово в этом случае является последним в выборе спутника жизни. Наконец, Кетчвайо утверждал, что девушка, бежавшая от своего жениха и нарушившая этим желание отца, не подлежит наказанию¹⁵.

Ответы зулусского вождя должны были, как кажется, пристыдить представителей цивилизованной нации.

Мужчины у зулу находились в более привилегированном положении, чем женщины. Кетчвайо отмечает, что любой мужчина, получивший разрешение на женитьбу, может взять несколько жен в зависимости от того, каким количеством скота он владеет. При этом вождь ссылается на экономический фактор. Жены обязаны были возделывать сады и огороды, заниматься детьми и выполнять другие многочисленные обязанности. Кроме того, от нескольких жен можно было иметь много детей. А это, по мнению Кетчвайо, значило следующее: «...когда дети вырастут, до своей женитьбы будут много работать на него (отца.— Авт.)»¹⁶.

Не следует, однако, думать, будто зулусы стремились иметь большую семью лишь ради эксплуатации своих детей или получения «выкупа» за дочерей. Вождь, понимая смысл задаваемых ему вопросов, подчеркивал, что мужчины радовались рождению сына больше, чем дочери, несмотря на то что после женитьбы часть его имущества переходила в дом тестя. Сыновья для зулусских родителей были опорой в старости. Вот как об этом можно прочесть в документе: «...сыновья остаются ухаживать за отцом, тогда как дочери выходят замуж и покидают его»¹⁷.

И еще одна любопытная деталь: случалось, что муж уличал жену в неверности. Во многих странах в те времена ей грозила бы смерть, а у зулусов, согласно Кетчвайо, супруг «отсылал ее прочь»¹⁸. Значит, у зулусов существовал развод — в то время, когда даже во многих европейских государствах о таком способе решения семейных проблем даже не помышляли.

Как в этом случае решались имущественные дела? Кетчвайо дает на этот вопрос пространный ответ. Он отмечает, что если жена «вела себя дурно», она отправляется восвояси, а скот возвращается мужу. Правда, инкosi не уточняет, что следует понимать под «дурным поведением». По зулусским зако-

нам правомерность поступка супругов решает суд вождей. И если они находят, что действия главы семьи были неверными, то «ее возвращают к мужу, а скот остается во владении отца»¹⁹.

Конечно, и у зулусов были случаи, когда муж или жена по какой-либо причине покидали друг друга, но сыновья и дочери всегда оказывали почтение родителям, неукоснительно о них заботясь. Кетчвайо говорил англичанам, что слышал о многих случаях, когда «женщины отказывались идти к своим мужьям, пока те не отдавали скот отцу или матери»²⁰.

Приниженное положение женщины в зулусском обществе во многом было связано с отношениями собственности. Как правило, сами женщины были собственностью вначале отца, затем мужа или наследника. Нередко случалось, что девушка, еще пребывая в родительской хижине, могла иметь свое небольшое имущество: козу, корову и т. п. Однако выйдя замуж, дочь оставляла все это отцу. Другое дело — дочери вождя. Им было позволено забирать свою собственность, и порой довольно значительную, в крааль мужа²¹.

В заключение отметим, что если зулусы сравнительно легко справлялись со своими семейными заботами, то это лишний раз свидетельствует о мудрости народных обычаев.

Следует напомнить нашему читателю, что накануне войны 1879 г. Великобритания в лице ее полномочных представителей предъявила правителю сравнительно небольшого зулусского племени грозный ультиматум. В нем среди прочего порицалось беззаконие, якобы царившее в Зулуленде, а поэтому туда для установления «законности и порядка» были направлены английские войска.

Неужели в стране Кетчвайо не существовало закона, а властвовала лишь воля «деспотичного короля»? Бывший инкоси по этому поводу высказался следующим образом: «...король проводит совещания с вождями... Они издают закон. Он (правитель. — Авт.) не может принять закон без согласия вождей...»²². И далее Кетчвайо не без гордости добавляет: «Нет в Зулуленде человека, который бы не знал закона»²³.

Именно благодаря тому, что в Зулуленде существовали законы, зулусская армия смогла оказать, хотя и кратковременное, сопротивление англичанам. Допрашивая бывшего инкоси, члены специальной комиссии интересовались также знаменитой военной системой своих недавних врагов.

Зулусы были известны как наиболее мужественные, стойкие и искусные воины среди всех племен юга Африки. Что же представляла собой их военная организация? До преобразований в армии, проведенных в свое время Чакой, военное дело у зулусов оставалось на довольно примитивном уровне. Но следует отметить: как бы ни был талантлив этот полководец и сколь бы ни были велики его организаторские и военные способности, без достаточных предпосылок, заложенных в традициях и быте зулусов, он вряд ли смог бы добиться таких блестящих результатов.

Весь уклад жизни этого племени способствовал воспитанию бескорыстных, неприхотливых и до фанатизма преданных своему делу воинов. Их обучение начиналось с 17-летнего возраста, когда юношей на два-три года отдавали на воспитание в один из военных краалей, где они обучались военному мастерству. По достижении молодыми людьми 20-летнего возраста из них формировали новый боевой полк (и-буто)²⁴.

Рассмотрим теперь организацию зулусского войска. Оставалась ли она неизменной со времен Чаки? Казалось бы, годы должны были внести свои коррективы, тем более если учесть, что за почти тридцатилетний период правления отца Кетчвайо Мпанде (? — 1872) дисциплина в армии значительно ухудшилась. Суровая регламентация всех сторон жизни зулусского воина уступила место более либеральному отношению к вопросам брака, а следовательно, осложнила комплектование войска²⁵.

Однако при Кетчвайо наметилось возвращение к прежним строгим порядкам, установленным Чакой. В ответах на вопросы членов комиссии вождь под-

тверждает, что давал разрешение на женитьбу сразу всему полку, воины которого достигли «брачного» возраста (около 40 лет.— Авт.) Объясняя причину отказа в разрешении на «досрочную» свадьбу, инкоси говорит: «Король не может позволить определенным полкам жениться потому, что они слишком молоды и работают в военных краалях»²⁶.

Какую работу выполняли воины? По данным Кетчвайо, кроме военной подготовки, они занимались: «строительством военных краалей, посевом, жатвой, возделыванием садов для короля»²⁷. Но что по этому поводу сообщают другие источники, в частности миссионеры? Обратимся к А. Брайанту: «Юноши собирались в военные краали по воле короля. Хотя их не подвергали муштровке, они действовали и как армия, и как полиция, и как рабочие команды. Они сражались в боях с врагами и делали набеги на чужие стада, если государственных фондов было недостаточно (государственным запасом считался королевский скот). Именем короля разрушали чужие краали и уничтожали осужденные семьи, творили правосудие над упорными преступниками, строили и ремонтировали королевский крааль, обрабатывали его поля, изготавливали для него военные щиты. И за все это получали лишь скудное пропитание, никакой платы, ни слова благодарности. Ведь это являлось обязанностью каждого перед государством, и ее должны были выполнять беспрекословно, ни на что не жалуясь»²⁸.

Как видим, Кетчвайо в ответе упоминает лишь часть функций своих «импи»²⁹. Вполне понятно стремление вождя скрыть некоторые «одиозные» в его положении стороны зулусской военной организации. Правда, есть все основания полагать, что армия инкоси выполняла все указанные выше обязанности. Например, описание карательной акции можно прочитать в любопытном документе «Жизнь и путешествия одной дамы в Зулуленд и Трансвааль в царствование Кетчвайо»: «Капитан импи производит расчет своих людей, и каждый становится с копьем в руке у входа в хижину. Как только обитатели выходят наружу, их пронзает копьем подобно тому, как охотник, стоя у прогубей Северных морей, вонзает свое копьё в тюленя, высунувшегося подышать»³⁰.

Важной чертой, характеризующей перемены в военной структуре во времена Чаки, был отказ от своеобразного поощрения молодых воинов, проявивших доблесть в бою. Существовала традиция, введенная этим правителем, согласно которой воины, отличившиеся в сражении, получали право на женитьбу. Разумеется, такая награда поощряла молодых воинов к поиску новых источников кровопролития, дававших им возможность продемонстрировать свою храбрость.

Однако во времена Кетчвайо положение коренным образом изменилось. Он уже не мог проводить ту же захватническую политику по отношению к соседним племенам, что и его дядя. Прежде чем приступить к широким завоеваниям, Чака укрепил свою власть внутри собственного племени. Между тем Кетчвайо был вынужден решительно подавлять сепаратистские тенденции внутри своего племенного союза. Нельзя не учитывать и того обстоятельства, что во второй половине XIX в. рядом со страной зулусов появились куда более активные в осуществлении своих экспансионистских планов соседи. На юге осели англичане, на западе — буры. Вступать в конфликт с европейцами было бы не только неразумно, но и губительно для зулусского вождя.

Единственной сферой воинственного пыла были племена свази, жившие на севере. Одно время инкоси даже планировал войну со своими соседями, однако был вынужден отказаться от этих планов из-за вмешательства администрации британской колонии Наталь. А ведь зулусского вождя можно было понять: не так легко было умиротворить «беспокойных и задиристых» юношей, полных боевого запала и решимости «омыть свои копья».

Зулусские воины хорошо знали правило: героизм, проявленный в бою, дает право иметь семью задолго до истечения срока службы в армии. Наслышаны

были об этой традиции и члены комиссии. Однако в ходе допроса они убедились в том, что новые условия заставили Кетчвайю отвергнуть этот старый обычай.

Положение воинов, «ушедших в запас» по выслуге лет, по сравнению с прошлым практически не изменилось. Кетчвайю отмечает: «Да, женатые люди все равно — солдаты, но не такие, как молодые. Последние выполняют работу в различных частях страны, а женатые работают вблизи своих краалей»³¹. По мнению вождя, «солдаты, которые носят головное кольцо, не работают на короля»³². В сущности это означало, что мужчины, получившие право носить головное кольцо, пользовались куда большей свободой, чем неженатые.

Интересно, что в ответ на вопрос о плате солдатам Кетчвайю выражает искреннее недоумение, спрашивая, «почему король должен был платить им?»³³. Система снабжения армии со времен Чаки осталась неизменной. Кетчвайю, как и его предшественники, предоставлял определенное количество скота на полк, и «они должны были брать его в различные части страны для разведения»³⁴.

Наконец, вернемся к тому, с чего мы начали рассказ об армии: к вопросу о высоких моральных качествах зулусов, их патриотизме. Согласно данным Кетчвайю, в его стране не существовало принудительной воинской повинности, несмотря на то, что «каждый мужчина в Зулуленде начинал свою жизнь солдатом»³⁵. О причинах такого положения вождь дает простой и логичный с точки зрения зулусов ответ: «Каждый хочет быть солдатом. Если кто-то остается дома, то другие смеются над ним и говорят, что он унгого»³⁶.

По всей вероятности, члены специальной комиссии еще до приезда на ферму Ауди Молен были осведомлены об особенностях зулусской армии. Беседа с Кетчвайю еще более расширила их знания о военной организации этого племени.

Не вина Кетчвайю в том, что он жил в такое время, когда и прославленная военная система уже не могла спасти зулусский народ от поражения.

Даже традиционные верования в период правления этого «короля» стали подвергаться определенным изменениям. Эти проблемы интересовали не только европейцев — служителей культа. Английские чиновники, вникая в особенности военной системы, не могли не обратить внимание на своеобразное идеологическое обоснование верховной власти у зулусов. Здесь имеется в виду институт так называемых искателей колдунов, которые обладали немалой властью над соплеменниками. Их услугами нередко пользовались инкosi. Э. Риттер, хорошо знавший обычаи зулусов, так описывает явления, которые часто вынуждали суеверных африканцев обращаться к «искателям колдунов»: «В Булавайо (столица „королевства“ Чаки. — Авт.) Чаку ждали дурные вести. Началось с того, что над краалем пролетела молотоголовая цапля. Потом забрел дикобраз. Вслед за этим на ограду краалья уселась ворона и заговорила человеческим голосом. И наконец, у самых ворот краалья молнией убило двух коров. Совершенно очевидно, что тут не обошлось без колдовства. Надо было „вынюхать“ злодея или злодеев»³⁷.

Возникает вопрос: почему верховному вождю приходилось прибегать к услугам исангомас?³⁸ Во-первых, для того, чтобы держать в суеверном страхе десятки тысяч своих подданных. Правители даже первобытных племен понимали, что людьми, находящимися в постоянном страхе, легче управлять. Во-вторых, нередко случалось, что инкosi и их приближенные обогащались за счет своих подданных, ставших жертвами «вынюхивания». Исангомас, зная об имущественном положении подозреваемых, предпочитали указывать на весьма состоятельных (по зулусским меркам) людей, скот которых после их мучительной казни конфисковался в пользу вождя. Позднее верховный правитель одаривал своих приближенных, не забывая при этом наградить палачей и «вынюхивателей». В-третьих, в повседневной жизни зулусов порой происходили непонятные им явления, которые можно было объяснить только «колдовством». После наказания виновных возникала иллюзия предотвращения будущих неприятностей. Кроме того, общественное мнение было вполне удовлетворено.

«Вынюхивание» представляло собой особый обряд, избежать которого не мог никто, кроме верховного вождя. Эта страшная процедура происходила следующим образом: все взрослое население района, в котором, по предположению исангомас, проживал «виновник» случившихся несчастий, выстраивалось в специально отведенном месте. Затем появлялись «искатели колдунов» в сопровождении палачей, и кровавый спектакль начинался. Принюхиваясь, испуская дикие вопли и выкрикивая заклинания, исангомас шествовал между рядами людей. Короткий удар кнутом, сделанным из хвоста антилопы-гну, перед кем-либо означал смертный приговор для подозреваемого. Обычай предусматривал наиболее жестокий и мучительный способ казни. Осужденному вгоняли кол в задний проход. Спастись от смерти можно было только у инкоси.

Однако как бы вожди ни нуждались в услугах исангомас, наступало время, когда «вынюхиватели» становились опасными даже для верховной власти. Количество «искателей колдунов» быстро росло, ибо для многих это оказывалось не только безопасным, но и весьма прибыльным занятием. А если учесть и тот факт, что исангомас освобождались от обязанностей служить в армии инкоси, то становится понятным, что статус «вынюхивателей» означал для них не только почет и уважение со стороны суеверных зулусов, но и сулил вполне реальные выгоды.

Относительная независимость от верховной власти, устойчивое материальное положение при праздном образе жизни, возможность оказывать реальное влияние на важнейшие процессы внутри страны — все это вело к тому, что исангомас переставали считаться с мнением и интересами вождя. Более того, нередко они, желая ослабить власть инкоси, указывали палачам на его ближайших советников, верных и надежных военачальников. Самого правителя нельзя было обвинить «в колдовстве», однако лишившись наиболее преданных приближенных, вождь легко мог стать добычей обычной борьбы за власть.

Инкоси должен был не без оснований опасаться подкупа «искателей колдунов» теми, кто замышлял его свержение. Это понимали все правители. Они в меру своих возможностей старались ослабить могущество исангомас, подчинить их своей власти. Наибольших успехов в этом удалось добиться Чаке и отчасти — Кетчвайю. В тот промежуток, что отделяет правление Чаки от правления его племянника, равный почти полувеку, произошли значительные изменения в методах их борьбы. Чтобы получить представление о том, как это проделал Чака, следует обратиться к опубликованному в феврале 1880 г. в английском журнале «Макмилланз мэгэзин» «Рассказу Кетчвайю о нации зулусов и войне»³⁹.

Чака считая, что в борьбе за сохранение и укрепление своей власти все средства хороши, решил попросту уничтожить большую часть враждебных ему знахарей. С этой целью он разработал специальный план, заключавшийся в том, чтобы спровоцировать проведение грандиозного «вынюхивания». Его задачей было собрать на это мероприятие всех исангомас страны, а затем при помощи заранее подготовленной хитрости разоблачить прибывших «вынюхивателей», доказав всем, что их сверхъестественные способности — не что иное, как мошенничество.

Вот как об этом сообщает Кетчвайю: «Он (Чака. — Авт.) и два человека, бывшие в курсе дела, добыли бычьей крови и однажды ночью разбрызгали ее над несколькими хижинами. Затем он собрал вместе всех „вынюхивателей“ земли и устроил великое „вынюхивание“. Их всех призвали назвать человека или тех, что это сделал. Все „вынюхиватели“ обвинили множество разных людей, кроме двух, имевших смелость или сообразительность обвинить в этом самого Чаку! Инкоси тогда приказал убить всех „вынюхивателей“, за исключением двух знахарей, заподозривших его самого. Таким образом, только двое их и осталось в стране»⁴⁰. Каким же образом развивались события после этой расправы? Документ из «Макмилланз мэгэзин» сообщает: «Их число

(«вынюхивателей». — *Авт.*) выросло в правление Дингаана и Мпанде ⁴¹, а также значительно увеличилось в правление Кетчвайо, который имел серьезные намерения избавиться от этих паразитов. Он сказал, что из-за их многочисленности страдают его полки (вынюхиватели были освобождены от военной службы (прим. *Кетчвайо*). Король хотел бы собрать их, чтобы приказать построить крааль в какой-нибудь непроходимой части страны и затем заставить их жить там, вдали от всех остальных. Однако это никогда не было выполнено» ⁴².

И вот здесь мы встречаемся с явным противоречием. Кетчвайо, как и все его соплеменники, был достаточно суеверен. Его тюремный опекун капитан Раскомб Пул так писал о нем: «Находясь в заключении в Кейптауне, король однажды утром оказался в подавленном состоянии, так как увидел во сне, будто „дома происходит что-то неладное“» ⁴³. Далее Пул приводит замечание переводчика У. Лонгкаста относительно этого случая: «Если бы он (*Кетчвайо*. — *Авт.*) был сейчас королем, то какой-нибудь бедолага был бы „вынюхан“ и убит, и тогда бы его душа успокоилась» ⁴⁴. Сам Кетчвайо признает, что порой был вынужден соглашаться с выводами «вынюхивателей» относительно наказания обвиненных ими людей. Но тут же добавляет, что делал это прежде всего в соответствии с обычаем. Это подтверждает и его индунa ⁴⁵ — мелкий вождь Умкосана: «Да, колдунов в правление Кетчвайо убивали, но это не его вина... Черные с незапамятных времен верили в колдунов, поэтому и он не мог действовать иначе...» ⁴⁶.

И все же, считаясь с традициями племени, Кетчвайо сохранял способность трезво анализировать деятельность исангомас. «Кетчвайо признает, что сам он мало верит в колдунов. Он знает, что во многом продолжается взяточничество» ⁴⁷. Но стремление свое освободить страну от «вынюхивателей» он пытается реализовать законным путем. Именно в этом заключается отличие его действий от деятельности Чаки. Если в первоначальном варианте мы видим прямое насилие, то через пятьдесят лет перед нами уже более тонкая политика — стремление путем изменений в судебном законодательстве ограничить права враждебной ему прослойки знахарей. Конечно, не только ход времени модифицировал политику верховного вождя. Среди причин этого следует назвать и расселение на зулусских землях европейцев, прежде всего англичан, оказывавших сильное влияние на быт и нравы местных жителей, политику их вождей.

За два дня своей работы комиссия узнала от Кетчвайо немало интересных подробностей о жизни и обычаях его племени. Порой британских чиновников интересовали, казалось бы, самые неожиданные проблемы. Такие, как, например, распространение пьянства. Беседовавшие с вождем европейцы знали, что многие религиозные обряды у зулусов так или иначе связаны с употреблением алкоголя. Тем более эта тема была актуальна и для жителей Британских островов. В Англии священнослужители нередко, обращаясь к своей пастве, призывали к трезвости, и такое обращение было вполне оправданным. Например, в беднейших районах британской столицы алкоголизм и проституция превратились в постоянных спутников их обитателей. Об этом хорошо знали английские юристы, ставшие на определенное время членами специальной комиссии «по законам и обычаям туземцев». То, что они интересовались вопросами пьянства среди зулусов, не должно вызывать у нас удивление. Во всяком случае, Кетчвайо сумел убедить своих собеседников в том, что члены его племени традиционно пьют пиво, которое изготовлялось в любой семье. При этом его можно было употреблять в любом количестве. Однако это вовсе не означало, будто пьянство в Зулуленде поощрялось. Содержание алкоголя в продукции местных пивоваров было незначительным, и потому пиво, по выражению Кетчвайо, было таким же обыденным напитком для зулусов, каким кофе являлось для англичан ⁴⁸. Вместе с тем Кетчвайо отметил, что более крепкие напитки типа бренди зулусам известны только благодаря английским торговцам.

Итак, мы попытались рассказать об уникальном источнике, автором кото-

рого был вождь Кетчвайо. Документ, получивший название «Свидетельства Кетчвайо Капской правительственной комиссии по законам и обычаям туземцев», представляет большой интерес для исследователя.

Ответы Кетчвайо позволили лучше представить себе этого незаурядного человека, глубже понять его взгляды на различные проблемы общественно-политической и бытовой стороны жизни зулусского племени.

Примечания

- ¹ Чака (1787—1828) — верховный правитель зулусских племен; основатель впоследствии знаменитой зулусской военной системы.
- ² «Свидетельства Кетчвайо Капской правительственной комиссии по законам и обычаям туземцев» были опубликованы в Синей Книге Капской колонии: *Cape of Good Hope // Blue Book Cape Town*. 1883. 4. Pt 1. P. 517—534.
- ³ Инкоси (яз. зулу) — верховный вождь.
- ⁴ *A Zulu King Speaks: Statements Made by Cetshwayo KaMpondi on the History and Customs of His People / Ed. by Webb C. de B. and Wright J. B. Durban, 1978.*
- ⁵ Ibid. P. 66.
- ⁶ По зулусской традиции каждый мужчина, достигавший определенного возраста, получал разрешение носить на голове специально изготовленное кольцо, что означало его право жениться.
- ⁷ Крааль (у зулусов) — несколько хижин, составляющих поселение для одного семейного клана.
- ⁸ *Риттер Э. А. Чака Зулу. М., 1968. С. 377.*
- ⁹ *A Zulu King Speaks... P. 66.*
- ¹⁰ *Брайант А. Т. Зулусский народ до прихода европейцев. М., 1953. С. 255.*
- ¹¹ *A Zulu King Speaks... P. 66.*
- ¹² *Брайант А. Т. Указ. раб. С. 326.*
- ¹³ *A Zulu King Speaks... P. 66.*
- ¹⁴ Ibid. P. 68.
- ¹⁵ Ibid. P. 69.
- ¹⁶ Ibid. P. 73.
- ¹⁷ Ibid. P. 69.
- ¹⁸ Ibid. P. 66.
- ¹⁹ Ibid. P. 89.
- ²⁰ Ibid. P. 72.
- ²¹ Ibid. P. 88.
- ²² Ibid. P. 82.
- ²³ Ibid. P. 83.
- ²⁴ *Брайант А. Т. Указ. раб. С. 128.*
- ²⁵ Там же. С. 323.
- ²⁶ *A Zulu King Speaks... P. 70.*
- ²⁷ Ibid.
- ²⁸ *Брайант А. Т. Указ. раб. С. 128, 129.*
- ²⁹ Импи (яз. зулу) — отряд вооруженных воинов инкоси.
- ³⁰ *A Lady's Life and Travels in Zululand and the Transvaal During Cetewayo's Reign. L. 1882. P. 78.*
- ³¹ *A Zulu King Speaks... P. 70.*
- ³² Ibid. P. 73.
- ³³ Ibid. P. 90.
- ³⁴ Ibid.
- ³⁵ Ibid. P. 83.
- ³⁶ Ibid. Унгого (яз. зулу) — молодая перепелка.
- ³⁷ *Риттер Э. А. Указ. раб. С. 115.*
- ³⁸ Исангомас (яз. зулу) — «искатели колдунов», «вынюхиватели колдунов».
- ³⁹ *The Macmillan's Magazine. Febr., 1880. P. 273—295.*
- ⁴⁰ *A Zulu King Speaks... P. 20.*
- ⁴¹ Дингаан (? — 1843) — брат Чаки, был верховным вождем с 1828 по 1840 (38); Мпанде (? — 1872) — брат Дингаана и отец Кетчвайо, правил зулусами с 1840 (38) по 1872.
- ⁴² *A Zulu King Speaks... P. 20.*
- ⁴³ Ibid.
- ⁴⁴ Ibid.
- ⁴⁵ Индуна (яз. зулу) — титул военачальника, который являлся также ближайшим советником инкоси.
- ⁴⁶ *A Zulu King Speaks... P. 19.*
- ⁴⁷ Ibid.
- ⁴⁸ Ibid. P. 91.

- Изменение в культуре и быте населения крайнего севера Якутии под влиянием культуры русского народа // Ведущая роль русского народа в развитии народов Якутии. Якутск, 1955. С. 160—171.
- Этнографические материалы в Якутском краеведческом музее // СЭ. 1955. № 2. С. 133—136.
- К вопросу о переходе к земледелию тунгусов (эвенков) Якутского округа // Уч. зап. ИЯЛИ ЯФАН СССР. Вып. 2. 1955. С. 3—7.
- Обсуждение якутских исторических преданий и легенд // Там же.
- К вопросу об общественном строе якутов в XVII—XIX вв. // Там же. Вып. 3. 1955. С. 3—17.
- Якуты // Народы Сибири. М.; Л., 1956. С. 267—328. (в соавт. с Токаревым С. А.).
- Юагиры // Там же. С. 885—895. (в соавт. со Степановой, М. В.).
- Эвены-тюгясирь // КСИЭ. Вып. XXV. 1956. С. 42—55.
- Юагир чуванского рода в середине XVIII века // Сибирский этнографический сборник. Тр. Ин-та этнографии (далее — ТИЭ). Т. 35. М.; Л., 1957. С. 246—262.
- Древние поселения в дельте Индигирки // КСИЭ. Вып. XXVII. 1957. № 6. С. 42—51 (в соавт. с Окладниковым А. П.).
- Этнографическая поездка в Корякский национальный округ // СЭ. 1957. № 6. С. 43—58 (то же на китайск. яз.).
- Ред. кн.: *История Якутской АССР*. Т. II. М., 1957. (в соавт. с Токаревым С. А., Гоголевым З. В.). Авторство: Ясачные реформы и земельные отношения в Якутии во второй половине XVIII в.; Якутия в начале XIX в.; 2-я ясачная комиссия и земельные отношения в Якутии в 30—50-е годы XIX в.; Малые народы Якутии со второй половины XVIII в. до 60-х годов XIX в.; Скотоводство и земельные отношения в якутских улусах в 60—80-е годы XIX в.; Экономическое положение Якутии в 1890—1900 гг.
- Э. К. Пекарский. (К 100-летию со дня рождения) // СЭ. 1958. № 6. С. 54—60. (в соавт. с Пуховым И. В.).
- Краеведческие сборники Якутского и Магаданского музеев. Обзор. // СЭ. 1959. № 1. С. 187—192.
- Быстринские эвены Камчатской области. (Этнографические очерки) // КСИЭ. Вып. 32. 1959. С. 101—110.
- Эвены Камчатской области // Современное хозяйство, культура и быт малых народов Севера. ТИЭ. Т. 56. 1960. С. 63—91.
- Рец. на кн.: *Очерки общей этнографии. Азиатская часть СССР* // СЭ. 1960. № 6. С. 159—163. (в соавт. с Л. Моногаровой и Я. Смирновой).
- Современные этнические процессы, протекающие на севере Якутии // СЭ. 1960. № 5. С. 3—11.
- Корякский национальный округ. М., 1960. 303 с. (в соавт. с Кузаковым К. Г.).
- Рец. на кн.: *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. ТИЭ. 1960. Т. 55. // СЭ. 1961. № 1. С. 180—185.
- О путях дальнейшего переустройства экономики и культуры народов Севера // СЭ. 1961. № 4. С. 45—57.
- К вопросу об этнической принадлежности коренного населения Булунского района Якутской АССР // КСИЭ. Вып. 36. 1962. С. 55—59.
- Рец. на кн.: *Исторические предания и рассказы якутов* / Подг. Г. У. Эргис. Под ред. А. А. Попова. Ч. 1, 2. М.; Л., 1960 // СЭ. 1962. № 6. С. 167—169.
- Рец. на кн.: *Сибирский этнографический сборник. III*. М.; Л.: ТИЭ, Т. LXIV. 1961 // СЭ. 1962. № 2. С. 149—152.
- Корякские промысловые праздники // Сибирский этнографический сборник. IV. ТИЭ, 1962. Т. 78. С. 238—257.
- Летний чум аллайховских эвенов и нарта-волокуша // КСИЭ. 1963. Вып. XXXVIII. С. 90—93.
- Русские старожилы долины р. Камчатки // СЭ. 1963. № 3. С. 31—41.
- Полевые дневники В. И. Иохельсона и Д. Л. Иохельсон-Бродской // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. ТИЭ. 1963. Т. 85. Вып. III. С. 248—258.
- Русские на Северо-Востоке Сибири в XVII в. // Сибирский этнографический сборник. V. ТИЭ. Т. 84. 1963. С. 71—91.
- Рец. на кн.: *Пухов И. В.* Якутский героический эпос олонхо. Основные образы. М., 1962 // СЭ. 1963. № 5. С. 167—170.
- Рец. на кн.: *Историко-этнографический атлас Сибири*. М.; Л., 1961 // СЭ. 1963. № 5. С. 152—157. (в соавт. с Вайнштейном С. И. и Соколовой З. П.).
- Этнические изменения на Северо-Востоке Сибири за последние три столетия // VII Междунар. конгр. антропологических и этнографических наук. М., 1964. 11 с.; карт.

- Еще раз к вопросу о переходе малых народов Севера и Дальнего Востока к социализму // *Вопр. истории КПСС*. 1964. № 9. С. 100—106.
- О работе секций VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук // *СЭ*. 1964. № 6. С. 153—168.
- Рец. на кн.: *Александров В. А.* Русское население Сибири XVII — нач. XVIII в. (Енисейский край). ТИЭ. Т. 87. 1964 // *СЭ*. 1965. № 1. С. 168—175. (в соавт. с Павловым П.).
- Чукчи к приходу русских // *История Сибири*. Т. 1: Препринт. Новосибирск, 1965.
- Этническая история Северо-Востока Сибири. ТИЭ. Т. 89. М., 1966. 269 с.
- Отмирание религиозных верований у народностей северо-востока Сибири // *Вопросы преодоления религиозных пережитков в СССР*. М.; Л., 1966. С. 79—96.
- К 70-летию со дня рождения А. В. Ефимова // *СЭ*. 1966. № 3. С. 145—146.
- Отв. ред. кн.: *Жорницкая М. Я.* Танцы народов Якутии. М., 1966. 168 с.
- Некоторые проблемы этнического развития народов СССР // *СЭ*. 1967. № 5. С. 63—77.
- Этнография и изучение истории культурной революции в СССР // *Культурная революция в СССР*. 1917—1965. М., 1967. С. 251—260.
- Культ священных камней в тундровой зоне Евразии // *Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии*. М., 1968. С. 230—339.
- Отв. ред. кн.: *Проблемы антропологии и исторической этнографии*. М., 1968. 271 с. (в соавт. с В. П. Алексеевым).
- Отв. ред. кн.: *Новая жизнь народов Севера*. М., 1967. 118 с. (в соавт. с В. И. Васильевым, Ю. Б. Симченко). Авторство: Введение. С. 3—12; Заключение. С. 113—118.
- Этнографическая деятельность М. Г. Левина на Охотском побережье в 1930—1932 гг. // *Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии*. ТИЭ. Т. 94. М., 1968. С. 110—121.
- Была ли известна юкагирам экзогамия? (К характеристике семейно-брачных отношений) // *СЭ*. 1969. № 2. С. 87—92.
- Отв. ред. кн.: *Проблемы возникновения феодализма*. М., 1969. Авторство: Вступление.
- Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера СССР // *СЭ*. 1970. № 1. С. 15—34.
- Отв. ред. кн.: *Общественной строй у народов Северной Сибири*. М., 1970. 454 с. (в соавт. с Б. О. Долгих). Авторство: Социальная организация юкагиров; Соседская община и производственные объединения малых народов Севера; Заключение.
- Этнические процессы на крайнем северо-востоке Сибири // *Преобразование в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера*. М., 1970. С. 195—225.
- Алеуты Командорских островов. (Историко-этнографический очерк) // *СЭ*. 1970. № 5. С. 112—123.
- Симпозиум по циркулярным проблемам // *СЭ*. 1970. № 5. С. 148—150. (в соавт. с Л. В. Хомич).
- Отв. ред. кн.: *Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера*. М., 1971. Авторство: Предисловие; Принципы ленинской национальной политики и применение их на Крайнем Севере.
- Ясак в Якутии в XVII в. // *Материалы по истории Якутии XVII в.* М., 1970. С. XXIV—XLVIII.
- Ачайваямская группа коряков-оленьеводов // *Краеведческие записки Камчатского областного музея*. Вып. 3. Петропавловск-Камчатский, 1971. С. 32—50 (в соавт. с А. И. Яйлеткан).
- Рец. на кн.: *Василевич Г. М.* Эвенки. Л., 1969 // *СЭ*. 1971. № 1. С. 163—168 (в соавт. с Б. О. Долгих, В. А. Туголуковым, А. В. Смоляк, З. П. Соколовой).
- Рец. на кн.: *Худяков И. А.* Краткое описание Верхоянского округа. Л., 1969 // *СЭ*. 1971. № 1. С. 157—160.
- Отв. ред. кн.: *Антропова В. В.* Культура и быт коряков. Л., 1971.
- Отв. ред. кн.: *Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера*. М., 1970. 280 с.
- Этнографические исследования на Камчатке и Чукотке в 1971 // *Итоги полевых работ Института этнографии в 1971 году*. М., 1972. С. 139—148.
- Современные направления этнических процессов в СССР // *СЭ*. 1972. № 4. С. 16—33.
- Современные этнические процессы у народов Сибири. // IX Междунар. конгр. антропологических и этнографических наук. Чикаго, сентябрь 1973. М., 1973. 16 с.
- Этнокультурное развитие береговых чукчей и азиатских эскимосов // *СЭ*. 1973. № 5. С. 3—16.
- Отв. ред. кн.: *Социальная организация и культура народов Севера*. М., 1974. 292 с.
- Якутско-юкагирские предания об оспе. (К вопросу о путях формирования демонологических

- образов) // Социальная организация и культура народов Севера. М., 1974. С. 249—269.
- Этнографические исследования на крайнем северо-востоке Сибири // Новое в этнографических и антропологических исследованиях. Итоги полевых работ Ин-та этнографии в 1972 г. Ч. 2. М., 1974. С. 3—12.
- Проблемы сравнительного изучения эпических произведений народов Крайнего Севера СССР // Folk Narrative Congress. Helsinki, 1974. Р. 1—16. (на англ. яз.).
- Рец. на кн.: *Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней*. Новосибирск, 1974. 455 с. // СЭ. 1975. № 6. С. 177—179.
- Таинственный чучуна. (История одного этнографического поиска). М., 1975. 96 с.; илл.
- Юкагирская проблема в свете этнографических данных // Юкагиры. Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975. С. 12—83.
- Юкагиры в советское время // Там же. С. 135—153.
- Отв. ред. кн.: *Алексеев Н. А.* Традиционные религиозные верования якутов в XIX — начале XX в. М., 1975. 199 с.; илл.
- Общее и особенное в этнических процессах у различных народов СССР // Современные этнические процессы в СССР. М., 1975. С. 496—529.
- Изучение этногенеза народов Севера в советский период. (Состояние, проблемы, задачи и перспективы) // Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975. С. 5—42.
- К вопросу о влиянии Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. на ход этнических процессов в СССР // СЭ. 1976. № 1. С. 39—48.
- Чукотские рисунки на яранге. (К вопросу о семантике наскальных изображений) // Изв. СО АН СССР. Вып. 1. 1977. № 1. С. 83—86.
- Этнокультурное сближение народов СССР // СЭ. 1977. № 5. С. 23—35.
- Культура северных якутов-оленьеводов. К вопросу о поздних этапах формирования якутского народа. М., 1977. 247 с.
- Этнокультурные процессы у народов Севера и Дальнего Востока СССР // Расы и народы. 1977. № 7. С. 143—166.
- Героические сказания северных якутов-оленьеводов и вопросы этнической принадлежности древнего населения между Енисеем и Леной // Этническая история и фольклор. М., 1977. С. 86—112.
- Особенности преемственности культуры у народов Крайнего Севера СССР // Социологические проблемы образования, культуры и науки. М., 1978. С. 84—93.
- Ред. кн.: *Народы и языки Сибири: ареальные исследования*. М., 1978. 108 с.
- Советско-американское сотрудничество в области изучения взаимодействия аборигенных народов и культур Северной Сибири и Северной Америки // СЭ. 1978. № 6. С. 157—160.
- Отв. ред. кн.: *Томилов Н. А.* Современные этнические процессы среди сибирских татар. Томск, 1978. 208 с.
- Этнографическая поездка к чаунским чукчам // Полевые исследования Ин-та этнографии (далее — ПИИЭ), 1977. М., 1979. С. 63—70.
- К вопросу о картографировании элементов духовной культуры народов Сибири // Народы и языки Сибири. Ареальные исследования. М., 1978. С. 15—22.
- Новые материалы о традиционной культуре чукчей // СЭ. 1979. № 2. С. 95—105.
- Некоторые вопросы историографии национального развития народов Крайнего Севера в советский период // Основные направления изучения национальных отношений в СССР. М., 1979. С. 277—302.
- Отв. ред. кн.: *Васильев В. И.* Проблемы формирования северосамодийских народностей. М., 1979. 243 с.
- Полвека автономии народностей Севера СССР // СЭ. 1980. № 6. С. 3—17.
- Отв. ред. кн.: *Этногенез народов Севера*. М., 1980. 277 с. Авторство: Заключение. С. 249—274.
- Проблемы происхождения чукчей, коряков и ительменов // Этногенез народов Севера. М., 1980. С. 211—226.
- Этногенез юкагиров // Там же. С. 141—151 (в соавт. с Ю. Б. Симченко).
- Коряки Северо-восточного района Магаданской области // ПИИЭ. 1978. М., 1980. С. 111—120.
- Отв. ред. кн.: *Семейная обрядность народов Сибири: опыт сравнительного изучения*. М., 1980. 240 с. Авторство: Введение. С. 3—5; Заключение (по свадебной обрядности). С. 86—90; Заключение (по похоронной обрядности). С. 222—231; Якуты (свадебная обрядность). С. 15—19; Якуты (похоронная обрядность). С. 97—100.

- Современные этнические процессы у финноугорских народов СССР // Congressus intern, fenno-ugristarum, 4-us (Asta) P. 2. Bud., 1980. С. 41—44.
- Отв. ред. кн.: *Алексеев Н. А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири.* Новосибирск, 1980. 317 с.
- Коллекции музеев США по народам Северо-Западной Америки и Сибири // СЭ. 1980. № 5. С. 121—128. (в соавт. с Ляпуновой Р. Г.)
- Отв. ред. кн.: *Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки* // Тр. советско-американской группы по сотрудничеству в области изучения взаимодействия аборигенных народов и культур Северной Сибири и Северной Америки. М., 1981. 281 с.; илл. Авторство: К вопросу о параллелях в традиционной культуре аборигенных народов Северной Азии и Северной Америки. (Историко-этнографический очерк). М. 119—128.
- Особенности современного этапа этнокультурного развития народов Советского Союза // СЭ. 1982. № 6. С. 15—27.
- Поездка в США советских этнографов // СЭ. 1982. № 3. С. 113—119. (в соавт. с Ляпуновой Р. Г.)
- Отв. ред. кн.: *Этническая история народов Севера.* М., 1982. 269 с. Авторство: Юкагиры. С. 168—180; Северные якуты и долганы. С. 180—197; Северо-восточные палеоазиаты и эскимосы. С. 197—222; Заключение. С. 258—265.
- Этнографическая экспедиция 1917—1919 гг. на Чукотку и Камчатку: Материалы С. Пяльси // ТИЭ. 1982. Т. 110. С. 114—127.
- Рец. на кн.: *Иванов В. Н. Русские ученые о народах северо-востока Азии (XVII — начало XX в.).* Якутск, 1978. 320 с. // Изв. СО АН СССР. Сер. Обществ. наук. Вып. 2. 1982. № 6. С. 143—145. (в соавт. с Новгородовым А. И.)
- Проблема этногенеза оленных групп чукчей и коряков в свете этнографических данных // На стыке Чукотки и Аляски. М., 1983. С. 96—119.
- Ареальное изучение эпических произведений народов Севера Сибири и Дальнего Востока СССР // Фольклор и историческая этнография. М., 1983. С. 152—169.
- Основные направления этнографических исследований Сибири // Гуманитарные исследования в Сибири: итоги и перспективы. Новосибирск, 1984. С. 130—138.
- Отв. ред. кн.: *Алексеев Н. А. Шаманизм тюркоязычных народов Сибири.* (Опыт ареального сравнительного исследования). Новосибирск, 1984. 233 с.
- Отв. ред. кн.: *Этнокультурные процессы у народов Сибири и Севера.* М., 1985. 204 с.
- Некоторые черты современного этнического развития чукчей и коряков. (Изменения в этнической и социально-профессиональной структуре) // Этнокультурные процессы у народов Сибири и Севера. М., 1985. С. 144—158.
- Отв. ред. кн.: *Народы Дальнего Востока СССР в XVII—XX вв. Историко-этнографические очерки.* М., 1985. 239 с.
- Социальные функции языков народностей Севера и Дальнего Востока СССР в советский период // СЭ. 1985. № 2. С. 54—63 (в соавт. с Таксами Ч. М.).
- Сохранение этничности у народностей Севера СССР // Этнические процессы в СССР и США. М., 1986. С. 151—162.
- Некоторые аспекты этнического развития коренного населения Корякского автономного округа // ПИИЭ. 1982. М., 1986. С. 127—136.
- Древние этнокультурные контакты на Северо-Востоке Сибири по этнографическим данным // Этнические культуры Сибири: Проблемы эволюции и контактов. Новосибирск, 1986. С. 60—69.
- On correspondences in the traditional spiritual cultures of the samoied peoples and the Lapps // Suomen museo. 1986.
- Основные направления этнического развития народностей Севера // Этническое развитие народностей Севера и советский период. М., 1987. С. 189—213.
- Вклад советских этнографов в осуществление ленинской национальной политики на Севере // Ленинизм и проблемы этнографии. Л., 1987. С. 181—197. (в соавт. с Таксами Ч. М.).
- Новые данные по традиционной обрядности коряков // Традиционные верования и быт народов Сибири XIX—начала XX в. Новосибирск, 1987. С. 75—84.
- Современные этнокультурные процессы у народностей Крайнего Севера // Проблемы современного социального развития народностей Севера. Новосибирск, 1987. С. 159—168 (в соавт. с Ю. В. Бромлеем).
- Отв. ред. кн.: *Этническое развитие народностей Севера в советский период.* М., 1987. 223 с. Авторство: К социализму, минуя капитализм. С. 11—31; Этноязыковые процессы. С. 136.

- Этнические процессы в СССР // Этнические процессы в современном мире. М., 1987. С. 97—163. (в соавт. с Ю. В. Бромлеем, В. И. Козловым).
- Этнокультурное развитие народностей Севера в условиях научно-технического прогресса на перспективу до 2005 года. (Концепция развития). М., 1989. (участие).
- Отв. ред. кн.: *Этнокультурные процессы в национально-смешанной среде*. М., 1989. 220 с. Авторство: Предисловие. С. 1—7.
- Отв. ред. кн.: *Традиционная обрядность и мировоззрение народов Севера*. М., 1990. 221 с. Авторство: О некоторых традиционных промысловых праздниках у чукчей-оленьеводов. С. 59—73.

© 1991 г., СЭ, № 3

СПИСОК ОСНОВНЫХ ТРУДОВ доктора исторических наук МИХАИЛА ГРИГОРЬЕВИЧА РАБИНОВИЧА (к 75-летию со дня рождения)*

- Ремесленники // Свод этнографических понятий и терминов. Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1986. С. 170—178. (в соавт. с Вайнхольд Р.).
- On the Problem Defining the Concept «City» // *Ethnologia Slavica* B. VI. Bratislava, 1986. P. 111—119.
- Eating Habits in Russian Towns in the XVII to XIX cent. The Main Phases of Development // *Food in Change*. Edinburgh, 1986. P. 104—110.
- Рец. на кн.: *Георгиев Г.* София и софиянци 1878—1944 // СЭ. 1986. № 5. С. 168—172.
- Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. М., 1987. 557 с. Член ред.; автор разделов: Древнерусская народность и ее роль в формировании восточнославянских народов (с. 19—33); Исторические судьбы народов Восточной Европы в связи с этнической историей восточных славян (с. 34—45); Поселения (с. 204—223); Политические, экономические и социально-культурные изменения в эпоху капитализма (с. 499—505); Коренные преобразования (с. 505—510).
- Домик в Коломне. Картины жизни старого русского города (поэма А. С. Пушкина как исторический источник) // Сов. этнография (далее — СЭ). 1987. № 1. С. 123—132, илл.
- Mestansky dům v rusku od 16 do 19 století a jeho soudvístosti s rolnickým domem (pokus o tupologii) / Venkovské mesto, 2 Uherské hradské 1987 stor 57—64.
- Очерки материальной культуры русского феодального города. М.: Наука, 1988, 311 с., илл.
- Проблемы этнографического изучения восточнославянских городов (в соавт. с Шмелевой М. Н.) // История, культура, этнография и фольклор славянских народов / X Междунар. съезд славистов. София, сентябрь 1988. Докл. сов. делегации. М., 1988. С. 209—224.
- Russian Cities and National Culture. 12th International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences. Zagreb. Jugoslavia, juli 24—31, 1988. Nauka Central Depart of oriental Literature M., 1988. P. 1—12.
- Рец. на кн.: *Гранин Д. А.* Ленинградский каталог // СЭ. 1989. № 2. С. 158—159.
- К структуре большой семьи у русских горожан в начале XVIII века // Русские: семейный и общественный быт. М.: Наука, 1989. С. 84—91.
- Рец. на кн.: *Даркевич В. П.* Народная культура средневековья. Светская праздничная жизнь в искусстве IX—XVI вв. М.: Наука, 1988 // СЭ. 1989. № 6. С. 153—158.
- Древний центр Москвы // Вопр. истории. 1990. № 3. С. 107—114.
- Города. Городской образ жизни // Очерки русской культуры XVIII века. Ч. 4. М., 1990. С. 252—298, илл.
- Отв. ред. кн.: *Будина О. Р., Шмелева М. Н.* Город и народные традиции русских. По материалам Центрального района РСФСР. М., 1989. 255 с.

* Работы 1986—1990 гг. Более ранние работы см.: Список основных работ доктора исторических наук Михаила Григорьевича Рабиновича (к 70-летию со дня рождения) // СЭ. 1986. № 2. С. 121—125.

© 1991 г., СЭ, № 3

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «„ДЖАНГАР“ И ПРОБЛЕМЫ ЭПИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА» (22—24 августа 1990 г.)

Научная конференция «„Джангар“ и проблемы эпического творчества» проходила с 22 по 24 августа 1990 г. в столице Калмыцкой ССР г. Элисте и была посвящена 550-летию Джангариады. Намечавшаяся первоначально как всесоюзная, конференция в силу позитивных перемен, происходящих в СССР, облегчающих контакты советских ученых с зарубежными коллегами, стала международной.

В ней приняли участие ученые из восьми стран — СССР, Монголии, Китая, Японии, Германии, США, Венгрии, Болгарии. Всего на пленарных и четырех секционных заседаниях было прочитано 57 докладов, 46 сообщений, более 20 человек выступили в дискуссиях. Участники конференции познакомились с творчеством народных сказителей, обменивались мнениями.

В центре внимания конференции стояли вопросы поэтики и типологии эпоса, его лингвистических особенностей и сказительства на широком историческом и культурном фоне. В докладах и сообщениях, прочитанных на конференции, по-новому предстали версии «Джангара» (включая синьцзянские записи и монгольские версии, опыт перевода «Джангара» на языки народов СССР и зарубежных стран), освещались вопросы историко-типологического отношения «Джангара» с устно-повествовательными традициями монголоязычного, тюркского, тунгусо-маньчжурского и других регионов. Был предложен опыт разработки сравнительной поэтики и стилистики, системного подхода к поэтике, эстетике эпоса в целом, комплексного подхода при текстологическом его изучении с эпическими памятниками других народов и необходимость компьютерного изучения «Джангара».

Открыл конференцию директор Института языкознания АН СССР, член-корреспондент АН СССР В. М. Солнцев. В кратком обзоре главное внимание он уделил бытованию и изучению эпоса «Джангар», его особенностям как культурного достояния мировой культуры.

Председатель юбилейной комиссии по празднованию 550-летия эпоса «Джангар», Председатель Совета Министров Калмыцкой ССР Б. Ч. Михайлов говорил о развитии калмыцкого эпосоведения, о большом значении эпоса в патриотическом, идейно-эстетическом и нравственном воспитании людей; он выразил благодарность зарубежным и советским ученым за участие в работе конференции. Затем выступили калмыцкие народные исполнители эпоса — джангарчи Ц. Б. Адучиев, В. О. Каруев, исполнившие отрывки из поэм эпоса, а сказитель Н. О. Оргаев (все — СССР) выступил с благопожеланиями участникам конференции.

Народный поэт Калмыкии Д. Н. Кугультинов говорил о «Джангаре» как о своеобразной энциклопедии человеческой жизни, о том, что во все времена он был как бы животворным родником для людей в их творческой жизни, всегда оставался образцом для подражания, святыней. Поэтому он обратился ко всем: кто причастен к изучению эпоса, с призывом относиться бережно, не искажать его, а для «калмыцкой литературы», — сказал Д. Н. Кугультинов, — «Джангар» был той великой опорой, могучим кормом, который питает и будет питать еще века ..., что для калмыцких писателей всегда будут примером золотые строки «Джангара», великой правды народной.

В докладе «„Джангар“ — памятник духовной культуры» директора Калмыцкого института общественных наук АН СССР П. Ц. Биткеева была дана характеристика эпосу «Джангар» как величайшему памятнику духовной культуры, сделан экскурс в область истории записи, изучения и принципов классификации эпических поэм. Речь шла о новых задачах в связи с открытием новых версий эпоса в Монголии и у синьцзянских калмыков в последние десятилетия. О некоторых особенностях песен «Джангара» монголоязычной традиции говорил А. Ш. Кичиков (СССР). С большим интересом был воспринят доклад «О влиянии произведений тибетского и индийского фольклора на „Джангар“» профессора Чингэлтэй (КНР). Д. С. Крюгер (США) выступил с докладом «Стилистика и вопрос об авторстве „Джангара“». Он указал на разнообразие формы изучения эпического текста с помощью компьютера. При этом была подчеркнута необходимость разработки методики такой работы. Кстати, использованию компьютера при составлении словаря

«Джангара» посвятил свое выступление Ч о й ж и н ж а в (КНР). Об изучении «Джангара» в Китае говорил директор Института литературы АН КНР профессор И. Р и н ч и н д о р ж; председатель научного совета по фольклору АН СССР В. М. Гацц а к, сопоставив текстовый материал эпоса, прослеживает «время действия» в «Джангаре» как особое эпическое измерение, характеризующее не только основы, но и даже этнические особенности эпических традиций и сказительских школ.

По вопросам языка и некоторых других аспектов эпоса «Джангар» выступили А. М. Ш е р б а к (СССР), А. Л у в с а н д э н д э в (МНР), Д. Ш о р к о в и ц (ФРГ), «Эпос и общество» — тема выступления Л. С. Б у р ч и н о в о й (СССР). Раскрывая социально-исторический аспект проблемы, оратор особо выделяет многоаспектность соотношения эпоса и действительности.

Пленарное заседание конференции завершилось выступлением сказителя — исполнителя алтайской версии «Джангара» Н. К. Я л а т о в а (СССР).

В последующие дни конференции работала по четырем секциям.

В первой секции «„Джангар“ и проблемы поэтики эпоса» было прочитано 24 доклада. С большим интересом было прослушано выступление по синцзянским версиям «Джангара» профессора Т. Дж а м ц о (КНР) и о переводах «Джангара» на японский язык Х. Ку р и б а я с и (Япония). Рассматривались также вопросы жанровой специфики, эволюции эпического текста, художественного строя эпоса в докладах М. И. Ту ло х о н о в а (СССР), С. Ба х а д ы р о в о й (СССР), А. И. Ч у д о я к о в а (СССР). О взаимодействии эпоса с другими жанрами фольклора выступила группа ученых из Элисты Н. Б. С а н г а д ж и е в а, Т. Г. Б о р д ж а н о в а, Е. Э. Х а б у н о в а, а также А. А. Бурыкин и Е. А. Хамаганова. О проблемах комплексного изучения тюрко-монгольского эпоса говорил И. Б. Молдобаев (СССР). В докладе Р. Нима-Дугарова (СССР) «О храмах Гэсэра и Джангара» говорилось об основных моментах эпоса, которые складывались по законам фольклорного искусства. А. И. Г у р о в а и А. Г. М и т и р о в (СССР) свое выступление посвятили связям «эпической страны» Бумбы с мифами буддийского Востока. С поэтикой эпоса увязана тема доклада С. Г. Б а т ы р е в о й (СССР) «Эпическое мировоззрение в иконографии ламаизма (на примере образа Белого Старца Вселенной) в старокалмыцкой живописи». Это и понятно. Ведь эпос в своем развитии вбирает в себя все богатство национальных традиций, в частности и ламаистский пантеон. К данному типу докладов можно отнести и выступление А. Ф е д о т о в а (Болгария) о мифологических элементах в «Джангаре». О «Джангаре» как об эстетико-художественном феномене говорил В. Э. Р а д н а е в, о циклизации эпических поэм В. Д. П ю р в е е в (оба — СССР). В дискуссиях по данной теме было отмечено, что «эпос „Джангар“ далеко определил всю современную литературу и потому он остается непостижимым для науки». Проблем в области изучения народного эпоса, как известно, много. И в этой связи о каракалпакском эпосе сказал Х. М а л к о н д у е в (СССР).

На секции «Типология эпоса и сказительства» эпос «Джангар» рассматривался не только в записях в монголоязычном регионе (Х. С а м п и л д э н д э в и Р. Н а р а н т у я, оба — МНР) и тюркоязычной традиции (И. Б. Ш и н ж и н и Д. С. К у у л а р, оба — СССР), но и в сравнении с эпосами северокавказских народов — чеченцев (И. М у н а е в), адыгов (А. Гадагатль), дагестанцев (И. Х а л и п а е в а) и сибирских (С. С. Б а р д а х а н о в а; все — СССР) народов.

Учет текстологических факторов, анализ стилистики эпических произведений в записях от певцов и сказителей в иноэтнических регионах в монголоязычной и тюркоязычной традициях — это иной уровень изучения «Джангара». В данном направлении свой доклад построил Н. Ц. Б и т к е е в (СССР), об изучении «Джангара» в США говорил А. Б о р м а н ж н о в (США); группа докладов таких монголоведов, как А. Б и р т а л а н (СССР), К. З а г а с т е р и Э. Т а у б е (ФРГ), была посвящена также религиозным представлениям в эпосе «Джангар», что прежде обходили специалисты, то есть проблема эта не была среди значимых в эпосоведении. В программе конференции уместным было включение доклада по типологии сказочного эпоса монгольских народов Е. В. Б а р а н н и к о в о й (СССР), где на анализе обширного материала были сформулированы сходства, общность и национальное своеобразие сказочной традиции этих народов.

Свидетельством плодотворного освоения фольклорного богатства являются доклады А. А л ы м о в а, Б. И. Н а р м а е в а и В. К. Ш и в л я н о в о й (все — СССР).

На секции по типологии эпоса и сказительства выступали и литературоведы — Э. А. У л а н о в, С. И. Г а р м а е в а, Ю. М. О с и п о в, Р. А. Д ж а м б и н о в а (все — СССР). Они говорили о непреходящей ценности эпических произведений в творчестве писателей.

В третьей секции «„Джангар“: проблемы истории и культуры» участвовали историки, философы, социологи, педагоги, работники культуры и писатели. Их выступления были связаны с различными аспектами эпоса «Джангар» как историко-культурного памятника страны, где слились воедино общечеловеческие ценности. Разговор об этом очень важен именно сейчас, когда люди стали думать о возрождении культуры.

А. И. Н а б е р у х и н и М. Л. К и ч и к о в (оба — СССР) говорили об одном из первых представителей калмыцкой интеллигенции — крупном собирателе и публикаторе «Джангара» Н о м т о О ч и р о в е, который был незаконно репрессирован, а реабилитирован только недавно.

«Джангар» как источник изучения архитектуры и градостроительства охарактеризовал У. Э. Э р д н и е в (СССР), эпической картографии — И. В. Б о р и с е н к о (СССР). Весьма интересными были доклады молодых исследователей. М. П. Б и т к е е в (СССР) говорил о методологических аспектах философского изучения «Джангара», О. Б. Б е м б е е в (СССР) — о философских категориях в концепции совершенствования человека в эпосе «Джангар». На данной секции прозвучали выступления советских этнографов на самые разные темы: об общемонгольских культурных традициях Н. Л. Ж у к о в с к о й, о материальной культуре А. Е. П а х у т о в а, о ранних формах религии В. П. Д а р б а к о в о й, о буддизме и эпосе Э. П. Б а к а е в о й, о соотношении

эпоса и обряда В. М. В и к т о р и н а, о «зверином стиле» в «Джангаре» М. А. О ч и р - Г о р я е в о й и т. д.

Вопросы этнопедагогики в «Джангаре» были прослежены О. Д. Мукаевой и Н. Н. Убушаевым (СССР). Историки пытались охарактеризовать эпоху оформления эпоса «Джангар» (В. П. Санчиров, К. О. Эрдниева, СССР).

С большим интересом был воспринят доклад Д. Б. Пюрвеева (СССР) о космологическом аспекте в изучении «Джангара».

На четвертой секции рассматривались лингвистические проблемы изучения эпоса «Джангар».

В докладах ряда ученых были подняты актуальные вопросы текстологии эпоса «Джангар», его фонетико-морфологического, синтаксического и просадического строя (Д. А. Павлов, Р. О. Орлова, Д. А. Сусеева, Т. С. Есенова; Г. Ц. Пюрвеева, Н. С. Яхонтова, Е. А. Кузьменков, С. Л. Чареков, Г. С. Дугарова (все — СССР) и др. Об ономастике эпоса говорили Л. В. Шулунов и В. Э. Очир-Гаряев (оба — СССР). Лексика «Джангара» была темой выступления Ц. Б. Будаева (СССР) и Манджиковой Б. Б. (оба докл. — СССР).

В работе секции приняли участие и переводчики эпоса «Джангар». Это украинский поэт В. П. Чудный (СССР), который прочитал отрывки новых переводов калмыцкого эпоса, а монгольский ученый Т. Дугэрсурэн поделился опытом перевода на свой язык 26 калмыцких поэм «Джангара».

Некоторые доклады вызвали оживленные дискуссии. Работа секций была плодотворной.

На заключительном пленарном заседании конференции были заслушаны отчеты руководителей секций В. М. Гацака, Е. В. Баранниково, Г. Ц. Пюрвеева, О. Д. Мукаевой, а затем выступили ученые из ряда зарубежных стран и Советского Союза.

От имени президента Академии наук МНР академика Соднома, вице-президента АН МНР профессора Норовсамбу, а также от имени Международной ассоциации монголоведов академик Ш. Бира (председатель ассоциации) поздравил организаторов конференции с успешным ее завершением и пожелал всем участникам дальнейших творческих успехов. Он указал на важный факт зарождения в Калмыкии международного джангароведения. Вхождение же Калмыцкого института общественных наук в состав АН СССР откроет прямые творческие связи между двумя научными учреждениями. Академик Ш. Бира отметил, что празднование 550-летнего юбилея «Джангара» — это символ единения сил в возрождении культурных ценностей прошлого.

Участники конференции отметили еще высокий научно-теоретический уровень, плодотворное сотрудничество ученых разных специальностей и разных стран, деятелей культуры и писателей, выразили глубокую признательность научно-исследовательским учреждениям Академий наук СССР и МНР, ассоциациям монголоведов за хорошую организацию юбилейных мероприятий, всестороннее изучение «Джангара», издание текстов оригинала и переводы на разные языки, а также разнообразные формы пропаганды.

Международная научная конференция «„Джангар“ и проблемы эпического творчества» приняла рекомендации, в числе которых одним из важных надо считать международное сотрудничество в записи песен «Джангара» во всех регионах его бытования, изучение законов эпического искусства певцов и сказителей на основе сравнительного текстологического анализа песен. При этом особое внимание было уделено подготовке и публикации монголоязычных изданий фольклора, в том числе эпической поэзии.

Затем делегатам конференции показали свое эпическое искусство певцы «Джангара» джангарчи Ц. Б. Адучиев, М. Пюрвеев, Э. Дурдусов, В. О. Каруев, М. Бадмаев и др.

Председательствующий П. Ц. Биткеев (СССР) на заключительном пленарном заседании, обобщая работу конференции, сказал, что эпос «Джангар» как памятник древней культуры выражает лучшие национальные традиции.

Биткеев Н. Ц.

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

© 1991 г., СЭ, № 3

П. Скальник

ПОНЯТИЕ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА» В ЗАПАДНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Концепция политической системы (ПС) была введена в антропологию и этнологию британскими социальными антропологами. Начиная с выхода в свет книги «Африканские политические системы»¹, политические антропологи, работающие в русле британской структурно-функциональной школы² и находящиеся под влиянием политической антропологии Макса Вебера, описывали и анализировали политическую деятельность и власть в «примитивных», «архаических», «традиционных» или «племенных» обществах с точки зрения особых функций, структур, процессов и способов их внешнего выражения в обществе в целом. Саму концепцию системы они заимствовали из физиологии³, где организм как биологическая система рассматривался в качестве гомеостатического целого, потребляющего и отдающего энергию.

Прежде предполагали, что системы имеют четкие границы и характеризуются в большей степени своей структурой, нежели поведением или происходящими в них процессами. Иначе говоря, в рамках единой социальной системы, ПС представлялась относительно автономной подсистемой наряду с такими, как экономическая, религиозная или система родства. Такое понимание ПС получило распространение также в социологии⁴ и политических науках⁵. Тем самым поначалу главной целью исследователей был сравнительный анализ политических систем во всемирном масштабе для выявления каких-либо общих законов их развития⁶.

ПС рассматривали как ту часть социальной системы, которая позволяет обществу функционировать нормально и в определенном балансе со средой, т. е. речь шла как о внутренней безопасности людей, вещей и духовных ценностей того или иного общества, так и о внешней. Этот акцент на безопасность, предполагающий как защиту общества, так и наличие какой-либо угрозы для него, означал, что важнейшими компонентами ПС должны были быть физическая сила и другие формы принуждения. По мнению некоторых авторов, ПС — это набор институтов, обслуживающего персонала и законов, наделяющих ее способностью к выработке потребностей, постановке задач, их обеспечению и механизмов реализации этих задач⁷.

Условно ПС разбивали на две идеальные группы: «безгосударственные» (ацефальные) и «государственные» (т. е. с центральной вождеской или царской властью). Первые основывались по большей части на родстве или «сегментарной» инфраструктуре и в очень малой степени на принуждении. А во-вторых, родственные связи существовали наряду с территориальными и протоклассовыми структурами. Но такое государство следовало определять как «примитивное», «традиционное» или «племенное», так как очевидно, что оно значительно отличалось от современного европейского. И именно колониальная экспансия последнего создала ситуацию, которая фактически позволила антропологам изучать такие неевропейские «государства». Если современные государства, безусловно, основаны на монополии применения (или угрозе применения) физической силы, то для архаических был характерен консенсус, обусловленный идеологическим фактором⁸.

Наиболее известные исследования сегментарных ПС были связаны с нуэрами Судана и талленси Северной Ганы. У нуэров ПС состояла из 11 «племен», включавших целую иерархию всевозможных сегментов в соответствии с принадлежностью к кланам или возрастным классам. По разным причинам, но главным образом в силу враждебности сегменты либо дробились, либо, напротив, объединялись. Мирное или военное решение конфликтов зависело от характера членства в том или ином сегменте, причем ритуальное посредничество в их решении брал на себя «вождь леопардовой шкуры», который мог действовать лишь уговором, но не силой⁹. Такое понимание ПС у нуэров уже вызвало критику за свою статичность и за смещение идеологической модели с реальным поведением. По мнению Л. Хоули, «если рассматривать политику у нуэров с точки зрения человеческой деятельности, то более плодотворно видеть в ней систему сменяющих друг друга вражды и дружбы между индивидами, пытающимися удовлетворить свои экономические

ческие интересы и политические амбиции ... Как система действий их политическая система не является сегментарной линиджной системой»¹⁰.

Хотя ПС у талленси и рассматривали как негосударственную, на самом деле она является окраинной частью крупного централизованного государства Мампругу. Намоос, которые структурно противостояли местным талис, происходили из среды завоевателей, пришедших из центральной части Мампругу. И политические взаимоотношения между этими двумя подразделениями ПС талленси были основаны на связях родства (линидж, клан, семья), а также на ритуальной практике, связанной с культом предков, тотемизмом и ежегодными празднествами¹¹.

Такую классификацию, основанную на выделении двух идеальных типов ПС, позднее критиковали за механицизм, схематизм и антиисторизм. Так, на примере Бирмы Э. Лич показал, что один тип ПС может без труда превращаться в другой и наоборот¹². Э. Саутолл предложил концепцию «сегментарного государства», основанного одновременно на государственных и ацефальных принципах¹³. Кроме того, было установлено, что сегментарные ПС гораздо более многообразны, чем первоначально считалось, так как некоторые общества организованы на основе кварталов внутри поселков или же возрастных классов¹⁴. М. Смит предложил перенести акцент с ПС на характер управления обществом как на процесс, который регулирует общественные интересы народа или группы¹⁵. А. Шапера выдвинул концепцию «политической общины» как основной ячейки ПС, объединяющей как родичей, так и неродичей¹⁶. Л. Мзар отметила, что связи между членами возрастных групп «прорежают» границы родственных сегментов и как бы цементируют политическую общность¹⁷. По единодушному мнению многих авторов, небольшие архаические политические структуры строились на основе родства и ритуала, но некоторые специалисты полагают, что роль ритуала в этом до сих пор переоценивалась.

В отличие от того, что происходит в современных государствах, члены архаических ПС не воспринимали политику как нечто обособленное от других социальных субсистем. Парадоксально, что акцент на холический характер ПС сделал эту концепцию мишенью для критики как одновременно и редукционистскую, и эволюционистскую.

Подойдя по-своему к этой проблеме, Ф. Бейли отметил, что в ПС необходимо видеть процесс адаптации политической структуры к окружающей среде, причем ПС состоит из обоих этих компонентов. По его мнению, индивиду следует отводить роль политического посредника¹⁸. Со своей стороны, норвежский антрополог Ф. Барт представлял себе политику почти исключительно в свете взаимоотношений между индивидами и группами. Его хорошо известные работы по патанам Свата в Северо-Западном Пакистане показали, что политические альянсы возникают в ходе разного рода обменов, контактов, в результате сознательного выбора и в условиях применения силы¹⁹. При этом такая ПС сохраняла свое динамическое равновесие, и ей даже удавалось стать основой определенного рода племенных государств.

Проблему жесткости понятия ПС невозможно решить путем выработки каких-либо новых концепций типа «раннего государства», включающего три эволюционных подтипа: первоначальное, типичное и переходное²⁰. На самом деле создавать какие-либо типологии ПС чрезвычайно трудно и даже бесполезно. Гораздо интереснее изучать суть политических процессов в архаических обществах. Последние работы, посвященные царской власти, показывают, что сакральность последней напрямую связана с применением силы²¹. Можно считать, что государство возникает в результате насилия (особенно войны), но длительное существование иерархической ПС во времени невозможно понять, не изучая идеологию, которая узаконивает социальное устройство, основанное на неравенстве. В этом отношении первостепенное значение имеют ритуалы, символы власти, государственные религии. Выработка в людях примирения с системой господства и подчинения является, по-видимому, более важным моментом, чем экономическое или политическое насилие²². Сакрализация правителя, власть которого обязана своим происхождением завоеванию, значительно облегчает процесс объединения разных социальных сегментов в единую систему с центральной администрацией. Царь — символ такого единства.

В дальнейшем реальное многообразие и контекст ПС нашли свое отражение в работах этнографов, изучавших Меланезию и выдвинувших концепцию «большого человека», который в тех условиях, исполняя роль посредника, представлял собой единственный политический институт. Обычно это был физически и интеллектуально выдающийся человек, который привлекал сторонников путем успешной манипуляции с материальными богатствами или престижными символами. Статус большого человека был связан с его собственными достижениями в отличие от вождества или «классических» сегментарных обществ, где статус, как правило, давался по рождению²³. Вокруг «великих людей» типа воинов, шаманов, охотников или производителей соли возникал особый тип ПС²⁴. Другой полюс представлял собой общины охотников и собирателей с их особыми ПС с неформальным лидером и отсутствием стабильных иерархий²⁵.

В современной антропологии и этнологии концепция ПС исчерпала себя, так как она предполагала жесткость и наличие строгих границ для явлений, которые на самом деле отличались подвижностью и изменениями. На смену этой концепции сейчас приходят иные темы, например политическая культура, под которой понимается взаимодействие внутри социального поля, не имеющего четких границ. В отличие от «традиционной» ПС здесь речь идет о совершенно иной концептуализации и практическом применении власти²⁶. Трибализм, национализм, этничность и религиозные движения приобретают иное звучание, если их анализировать в русле концепции, предполагающей такое «открытое» поле для исследований методами политической антропологии. Хотя многие антропологи и этнологи и в дальнейшем будут использовать концепцию ПС, настоящее сравнительное исследование политической культуры и значения политического фактора в еще большей мере свидетельствует о том, что данная концепция устарела.

- ¹ African Political Systems / Ed. Fortes M., Evans-Pritchard E. E., L. 1940.
- ² Kuper A. Anthropology and Anthropologist. The Modern British School. L., 1983.
- ³ Cannon W. B. The Wisdom of the Body. N. Y., 1963.
- ⁴ Parsons T. The Social System. Glencoe, 1951.
- ⁵ Easton D. The Political System: An Inquiry into the State of Political Science. N. Y., 1953.
- ⁶ Eisenstadt S. N. Primitive Political Systems // Amer. Anthropol. 1959. V. 61. P. 200—220.; *idem*. The Political Systems of Empires. N. Y., 1963; Almond G. A., Bingham Powell G. Comparative Politics: A Developmental Approach. Boston. 1966.
- ⁷ Potholm C. P. Four African Political Systems. Englewood Cliffs, 1970.
- ⁸ Skalnik P. On the Inadequacy of the Concept of Traditional State (Illustrated by Ethnographic Material on Nanun, Ghana) // J. Legal Pluralism and Unofficial Law. 1987. V. 25—26. P. 313—338.
- ⁹ Evans-Pritchard E. E. The Nuer. L., 1940.
- ¹⁰ Holy L. Nuer Politics // Segmentary Lineage Systems Reconsidered / Ed. Holy L. Belfast, 1979. P. 23—48.
- ¹¹ Fortes M. The Dynamics of Clanship Among the Tallensi. L., 1945; *idem*. The Web of the Kinship Among the Tallensi. L., 1949.
- ¹² Leach E. The Political Systems of Highland Burma. A Study of Kachin Social Structure. L., 1954.
- ¹³ Southall A. Alur Society. A Study in Processes and Types of Domination. Cambridge, 1956.
- ¹⁴ Tribes Without Rulers / Ed. by Middleton. J., Tait D. L., 1958.
- ¹⁵ Smith M. G. On Segmentary Lineage Systems // J. Royal Anthropol. Inst. 1956. V. 86. P. 39—80.
- ¹⁶ Schapera I. Government and Politics in Tribal Societies. L., 1956.
- ¹⁷ Mair L. Primitive Government. Harmondsworth, 1962.
- ¹⁸ Bailey F. G. Stratagems and Spoils. Oxford, 1969.
- ¹⁹ Barth F. Political Leadership Among Swat Pathans. L., 1959.
- ²⁰ The Early State / Ed. Claessen H. J. M., Skalnik P. The Hague, 1978.
- ²¹ Adler A. La mort est le masque du roi. La Royauté sacrée des Moundang du Tchad. P., 1982; de Heusch L. The Drunken King or the Origin of the State. Bloomington, 1982; Izard M. Gens du pouvoir, gens de la terre. Les Institutions politiques de l'ancien royaume du Yatenga (Bassin de la Volta Blanche). Cambridge, 1985; Muller J.-C. Le roi bouc émissaire. Pouvoir et rituel chez les Rukuba du Nigeria Central. Quebec, 1980; Guerres de lignage et guerres d'Etats en Afrique / Ed. Bazin J., Terray E. P., 1982.
- ²² Clasters P. The Society against the State. N. Y., 1977; Godelier M. The Mental and the Material. Thought, Economy and Society. L., 1986.
- ²³ Private Politics. A Multi-Disciplinary Approach to «Big-Man» Systems / Ed. van Bakel M., Hagesteijn R., van de Velde P. Leiden, 1986.
- ²⁴ Godelier M. The Making of Great Man. Cambridge, 1986.
- ²⁵ Politics and History in Band Societies / Ed. Leacock E., Lee R. Cambridge, 1982.
- ²⁶ The Anthropology of Power / Ed. Adams R. N., Fogelson R., L., 1977.

© 1991 г., СЭ, № 3

М. В. Золотухина

СОВРЕМЕННАЯ СЕМЬЯ В США В ИССЛЕДОВАНИЯХ АМЕРИКАНСКИХ УЧЕНЫХ*

1970—1980-е годы в США отмечены небывалым ростом интереса к изучению институтов семьи и брака. Вопросы воспроизводства населения и его социализации, экономического положения американских семей, изменения в статусе женщин и связанное с этим новое распределение ролей в семье и обществе стали предметом острых политических и общественных дебатов. Ученые США уделили большое внимание проблеме взаимодействия государства и семьи, поиску альтернативных программ, отличных от тех, которыми занимается американское правительство.

На наш взгляд, советскому читателю было бы интересно ознакомиться с несколькими последними работами американских специалистов. Первые две из них отражают обобщенный опыт иссле-

* В данной статье основной акцент сделан на семье белого населения США. В одном из следующих номеров журнала выйдет статья Э. Л. Нитобурга «Негритянская семья в США глазами американских этносоциологов».

дований США в разработку указанной проблематики. Книга «Американские семьи в их разнообразии»¹ — учебное пособие, написанное М. В. Зинн и Д. Айценом (университеты штатов Мичиган и Колорадо). Основная его цель, как отмечают авторы в предисловии, — «демифологизация семьи и изучение разнообразия ее форм» с позиции структуралистского подхода, критический анализ обстоятельств и детерминант, формирующих семью в США². Этот труд отражает наиболее современные концепции и идеи американских социологов, демографов, историков³, его отличает основательная источниковая база, подробное и логически выдержанное изложение материала.

Следующая работа — сборник статей, объединенных под названием «Изменение семьи»⁴, выдержавший, начиная с 1971 г., пять изданий. В предисловии к последнему (1986 г.) изданию, его редакторы и составители А. и Д. Скольник (известные специалисты по проблемам американской семьи из университета Беркли, штат Калифорния), обращают внимание на тот факт, что за истекшие 15 лет изменились не только сами американские семьи, но и взгляд на них. Более половины статей в пятом издании сборника новые по сравнению с предыдущим, главный акцент в них сделан на ранее практически не разрабатывавшейся проблематике (отношения между различными поколениями в семье, братьями и сестрами, кровосмешительство как одна из форм насилия в семье и т. д.).

Две другие книги носят несколько иной характер. «Слабая поддержка: бедность в американских семьях» Д. Элвуда, ученого из Гарвардского университета⁵, считается лучшей современной работой по вопросу о роли американского государства в обеспечении бедных семей США, наиболее авторитетным исследованием в данной области, сочетающим блестяще подобранные факты, их тщательный анализ с продуманными политическими рекомендациями на 1990-е годы. Работа А. Карлсона, написанная представителем консервативных кругов, называется «Вопросы семьи: размышления об американском социальном кризисе»⁶. Оба исследования, помимо предложенных в них концепций социальной деятельности администрации США, содержат свою интерпретацию наиболее существенных тенденций в развитии института семьи в Америке на сегодняшний день.

Мы постараемся ознакомить читателя с основными положениями упомянутых работ, которые являются наиболее репрезентативными исследованиями и адекватно отражают современные тенденции в данной области американской науки.

Тип семьи в США, получивший распространение в колониальный период, как пишут Зинн и Айцен, основывался на так называемой «семейной экономике», имел нуклеарную структуру, т. е. состоял из двух поколений — супругов и их детей. Семья, помимо экономической функции и функции воспроизводства, выполняла роль социального регулятора. Последняя была обусловлена частым присутствием в домохозяйстве людей, не связанных кровными узами с членами самой семьи, — учеников, детей соседей, новых поселенцев, переехавших в Америку⁷. Поскольку с раннего возраста детский труд использовался в домашнем хозяйстве, воспитание детей отличалось строгостью и аскетизмом.

К 1830-м годам развитие «рыночной экономики», капиталистических отношений, усиление классовых различий привело к дальнейшей дифференциации семей по экономическому признаку. В семьях среднего и высшего классов сфера деятельности женщин сводилась к ведению домашнего хозяйства при помощи прислуги и воспитанию детей⁸. В менее обеспеченных семьях все тяготы быта ложились на плечи хозяйки дома. Во второй половине XIX в. на первый план во взаимодействии института семьи и общества выдвигаются такие факторы, как индустриализация, колонизация западных земель и продолжающийся поток иммиграции. Функционирование семей иммигрантов в новых условиях, адаптация к ним происходили под значительным влиянием культурного наследия и традиций родной страны.

Что касается типично американских черт семейной жизни, которые можно проследить с конца XVII в., то, по мнению известной исследовательницы Т. Харевен, к ним можно отнести постоянную (за исключением взрыва рождаемости, так называемого «бэби-бума» — конец 1940-х — 1950-е годы) тенденцию к снижению рождаемости, более раннее, чем в Европе, вступление в брак, постепенное, практически полное исключение женщин и детей из сферы общественного труда в семьях среднего и высшего классов вплоть до второй мировой войны⁹, после чего занятость женщин начала расти, и это явилось наиболее существенным изменением в социальной жизни США XX в. Большинство авторов (среди них и Д. Элвуд) полагают, что эту тенденцию следует рассматривать как необратимую. А. Карлсон утверждает, что главное призвание женщины — это дом и дети (ссылаясь на знаменитого социолога Т. Парсонса, указывающего на то, что инструментальная роль изначально присуща мужчинам, а экспрессивная, воспитательная — женщинам)¹⁰. Он пишет, что адрогенность (стирание принципиальных различий между мужчинами и женщинами в социальной жизни) «не должна становиться нормальным психологическим атрибутом жизни американцев»¹¹. Карлсон считает, что в основном экономические факторы (инфляция, удорожание жилья) привели к распространению семей с работающими мужем и женой (при этом самую серьезную проблему для семьи и общества представляют работающие матери), хотя автор не исключает сознательного поощрения и подталкивания этого процесса еще при администрации Эйзенхауэра. «Длительное развитие капитализма дезинтегрирует традиционную нуклеарную семью, так как превращает женщин в рабочую силу, освобождая их от необходимости выполнения ряда домашних обязанностей»¹². Другие авторы придерживаются другой точки зрения: по словам Дж. и Л. Хантов, женщина просто поменяла «место работы», так как она и раньше имела четкую сферу деятельности — принимала непосредственное участие в карьере мужа, вела хозяйство. Поэтому семью с двумя работающими супругами можно назвать модифицированной, но в основе своей традиционной моделью семейной жизни, и ее следует отличать от тех супружеских пар, в которых жена не только работает, но и стремится сделать карьеру¹³. Самая острая

проблема сейчас заключается в том, как совместить роль матери и занятость в общественном производстве. Карлсон уверен, что «социальное родительство», т. е. использование детских учреждений (при том, что еще не изучены последствия развития ребенка без матери) приносит только зло, поскольку лишь мать может и должна заниматься воспитанием детей. Большинство авторов выступает за совмещение женщинами и той и другой роли, хотя пока не ясно, как этого достичь. Тем более, что несмотря на очевидные достижения в материально-техническом обеспечении семей в США ведение домашнего хозяйства поглощает лишь незначительно меньше времени и сил, чем раньше, потому что мужчины и дети, как правило, не принимают в этом участия, а рост продуктивности труда самой домохозяйки нейтрализуется отсутствием прислуги¹⁴.

Помимо изменения статуса женщин большое значение имеют такие тенденции, как рост числа неполных семей и одиноких людей, высокий уровень разводов и повторных браков. Демографическую динамику институтов брака и семьи во второй половине 1980-х годов, по мнению М. Зинн и Д. Айцена, определяли несколько факторов: во-первых, поколение детей, родившихся в период «бэби-бума», — из-за их численности, во-вторых, растущее число пожилых и престарелых американцев, в-третьих, рост этнических меньшинств (главным образом из-за продолжающегося притока иммигрантов; по приблизительным подсчетам сейчас в США только нелегально проживает от 3,5 до 6 млн. иностранцев)¹⁵. Углубляется социальная и экономическая дифференциация семей под влиянием инфляции, удорожания жилья, возрастания стоимости воспитания и обучения детей. Ухудшилось по сравнению с предыдущим периодом положение семей с двумя работающими родителями, поскольку жизненный уровень этих семей не только не возрос, но и понизился. Бедность «работающих людей в полных семьях», как пишет Д. Элвуд, представляет особую опасность в случае ее продолжительности, когда не удается устранить ее основные причины — низкую оплату труда или сложность с поисками новой работы.

Бедные неполные семьи пользуются различными программами социальной помощи и социального обеспечения (в первую очередь «Помощь семьям с детьми-иждивенцами»), в то же время они бывают в известном смысле изолированы от общества, так как ряд матерей-одиночек предпочитает не работать.

Особое внимание, по мнению Элвуда, заслуживают жители черных гетто, страдающие от тесных квартир, разного вида сложностей с получением образования и безработицы. К сожалению, замечает Элвуд, в представлении многих американцев, люди, населяющие гетто, — неудачники, которые не в состоянии нести какую-либо ответственность за свои поступки.

Прогнозы на будущее некоторых американских авторов в отношении экономической ситуации достаточно пессимистичны, в связи с этим предвидится дальнейшая эволюция ценностных ориентаций, зависящих от материального положения индивидов; М. Зинн и Д. Айцен утверждают, что, как показала история, сексуальная свобода, нетрадиционные формы отношений процветают во время экономического роста¹⁶. Другие исследователи, однако, не согласны с подобной точкой зрения.

Разнообразие форм семейной жизни расценивается большинством специалистов как источник силы и преемственности института семьи и как закономерное развитие исторической тенденции к появлению и распространению различных моделей брачно-семейных отношений. «Мы являемся свидетелями не фрагментации традиционных семейных схем, а проявления плюрализма»¹⁷. Признание сложности и многообразия типов семьи и брака в США сравнивается с «открытием», подобным «открытию» бедности в 60-е годы администрацией президента Л. Джонсона. Раньше концепция плюрализма никогда не применялась по отношению к семье»¹⁸, — пишут Арлин и Джером Скольник. По всей видимости, существующая тенденция к разнообразию форм семьи получит еще большее распространение. А. Черлин и Ф. Ферстенберг предсказывают, что к 2000 г., как и сейчас, в США будут преобладать: 1) семьи, созданные в результате первого брака, в основном с одним или двумя детьми; 1/4 из этих семей останутся бездетными; 2) одинокие люди и семьи, образованные в результате повторного брака¹⁹.

Увеличение продолжительности жизни привело к изменению конфигурации родственной структуры — возросло число поколений в семье, обменивающихся жизненным опытом, впечатлениями, установками. При этом благодаря значительному улучшению организации быта, развитию сферы обслуживания, средств массовой информации, особенно телевидения, иным условиям работы, большей рассредоточенности людей при проживании, географической мобильности семья как социальный институт лишается ряда функций, присущих ей раньше, члены семьи меньше зависят друг от друга. Наряду со стремлением к более консервативному образу жизни в некоторых слоях американцев, в первую очередь «новых правых», семья занимает не столь важное, как прежде, место в жизни американцев.

Национальный опрос общественного мнения 1975 г. показал, что большинство американцев считали необходимым или желательным вступление в брак и создание семьи, хотели иметь детей и стремились нести за них ответственность при любых обстоятельствах. Однако в реальной жизни лишь небольшой процент населения следовал подобным установкам. Ранее считалось, что отношение к браку как к чему-то фатальному, смирение с трудностями и проблемами, возникающими в семье, было присуще представителям низших слоев населения, в первую очередь, черным американцам. Теперь распространена точка зрения, что далеко не все ценностные ориентации находятся в непосредственной зависимости от социальных и расово-этнических характеристик. При этом М. Зинн и Д. Айцен утверждают, что поведение индивидов может сильно различаться в зависимости от их классовой принадлежности. Так, среди более обеспеченных слоев населения вероятность сексуальных контактов сильно ограничена самим социальным кругом, выше средний возраст заключения брака, меньше сексуальная активность²⁰. Что касается выбора парт-

нера, то в целом американцы предпочитают создавать семью с человеком сходного социального происхождения.

Еще до недавнего времени идеалом мужчины и семьянина считался «хороший кормилец», полностью бравший на себя ответственность за обеспечение семьи, принятие основных решений, но не участвующий в выполнении домашних обязанностей. За последние десятилетия появились иные требования к «хорошему кормильцу», это — эмоциональный вклад и помощь в организации быта. Однако новый стереотип «идеального мужа» пока не появился²¹.

Понятие любви, по мнению А. Смидлер, всегда было феминизировано в американской культуре, теперь представления мужчин и женщин о любви постепенно сближаются. Зрелость индивида понималась как одномоментное вступление в новую фазу жизни, означающую завершение романтической любви, окончательный выбор спутника жизни, верность ему, соблюдение взаимных обязательств, самопожертвование, сдерживание сексуальных стремлений в браке и вне его. Сейчас традиционный американский индивидуализм, который и раньше накладывал определенный отпечаток на представления о любви и на их воплощение в жизнь, трансформировался в «новый индивидуализм». Взрослый этап жизни воспринимается как период постоянного кризиса, перемен, выбора. В любви наиболее существенными элементами считаются общение, взаимопонимание, самораскрытие индивида, осуждается ревность, признается необходимость «работать» над отношениями, постоянно их совершенствовать. Тем самым, по словам Смидлер, в американской культуре предпринимается попытка дать символическое и моральное обоснование «я» в обществе, как можно больше приблизить ценностные ориентации, взаимные требования индивидов к реальному опыту человеческих взаимоотношений²².

Общая тенденция к демократизации брачно-семейных отношений нашла свое выражение в большей эгалитарности, по сравнению с прошлым, сексуальных отношений в браке (под влиянием распространения психотерапевтической помощи семьям, контрацептивов, движения за освобождение женщин), а также в увеличении частоты половых контактов среди супругов всех возрастов²³. При этом женщины из семей рабочего класса испытывают несколько больший эмоциональный дискомфорт в интимных отношениях со своими супругами, чем их соотечественницы из более обеспеченных слоев населения. Это объясняется тем, что в рабочих семьях женщины, как правило, не ориентированы на откровенные разговоры с мужем, касающиеся вопросов секса²⁴.

Для большинства американцев доброе гетеросексуальное сожительство станет, по-видимому, одним из обычных и признанных обществом периодов жизненного цикла. С 60-х годов отношения, альтернативные браку, расцениваются как приемлемые в обществе, если они характеризуются устойчивостью и сильной привязанностью партнеров друг к другу. Значительно изменились взгляды на неполные семьи, т. е. одиноких матерей. Теперь это не считается позором и не свидетельствует о неполноценности такой семьи. Это произошло, по мнению Элвуда, отчасти потому, что теперь мужчины меньше, чем раньше, стремятся нести долговременную ответственность за женщин и детей. Поскольку сейчас многие отцы отказываются помогать матерям в воспитании детей, в США развернулась кампания с целью изменить сложившуюся ситуацию и заставить именно отцов нести финансовое бремя в воспитании ребенка, выплачивая алименты.

Эволюция ценностных ориентаций немало повлияла на снижение рождаемости в США после ее взлета в конце 40-х — 50-х годов. Как замечает известный демограф М. Дж. Бейн, особого внимания заслуживает малодетность американцев, а не сознательная бездетность. Она же утверждает, что основы взаимоотношений между родителями и детьми остались прежними²⁵. Анализируя установки родителей в отношении психологического и эмоционального воспитания ребенка, психолог-педиатр Дж. Каган упрекает американское общество в преувеличенном значении, придаваемом индивидуализму, автономии, независимости. Он полагает, что окружающий ребенка мир должен быть более разнообразным в плане общения, впечатлений, обучения, а его будущее социально защищено²⁶.

По мнению А. Карлсона, США вступают в новый, до сих пор неизвестный демографический период, что обусловлено внедрением контрацептивов, легализацией аборт, все углубляющимися расхождением между институтом брака и функцией воспроизводства, наличием экономических стимулов к отказу от рождения ребенка. Учитывая то, что проблема аборта является предметом острых политических дебатов, по словам К. Люкер, отношение к аборту среди американок можно считать символическим водоразделом в восприятии материнства вообще. Решение о рождении ребенка зависит преимущественно от конкретных обстоятельств в жизни женщины. Пока-зателем, оказывающим самое негативное влияние на принятие этого решения, является получение высшего образования²⁷.

За 60—80-е годы возрос процент детей, рожденных вне брака, в первую очередь среди подростков. Это представляет собой одну из серьезнейших проблем в американском обществе. А. Карлсон предполагает, что главную причину следует искать в парадоксальном взаимодействии двух факторов: с одной стороны, среди части населения продолжает бывать резко отрицательное отношение к добрым связям, что подчас вызывает эффект противодействия со стороны подростков; с другой стороны, в результате развернувшейся деятельности национальных программ контроля за рождаемостью, окончательно сформировавшихся к началу 80-х годов, активно пропагандируется использование контрацептивов и тем самым поощряются добрые сексуальные контакты. Карлсон призывает решать эти вопросы в семье, ориентируя подростков на большую ответственность за свои действия и не вызывая при этом их негативной реакции²⁸.

Карлсон утверждает, что немалую роль в «падении нравов» сыграло исчезновение «крестьянской» Америки, которая отвечала за сохранение культурных и нравственных норм, предусматри-

рывающих традиционную семью. Американский феномен урбанизированных пригородов был порожден «бэби-бумом» и в значительной степени породил его: в конце 40—50-х годов многие молодые семьи среднего и высшего классов получили возможность за сравнительно доступную цену приобрести свой дом в пригородах, где в то время велось активное жилищное строительство. В результате создавались семьи, в которых женщины не работали, а занимались домашним хозяйством, воспитанием нескольких детей (4—5). В то же время, как пишет Карлсон, менее обеспеченные американцы не могли себе позволить купить дом в пригороде. И поэтому сложившийся в этот период стереотип большой и крепкой семьи («идеал простой порядочности») не был распространен на все общество, а впоследствии постепенно разрушился.

В последнее время все большее внимание общественности и специалистов привлекает проблема изолированности стариков, их одиночества, возникновение неприятия другими возрастными группами общества пожилых и престарелых людей, сложность их интегрирования в семью. А ведь именно они, как отмечает Карлсон, являются защитниками социального порядка, культурного наследия.

В итоге Карлсон рисует мрачную картину «радикально настроенного индивида, освобожденного от семьи, общины и религии, одинокого и незащищенного, неуверенного в будущем»²⁹, не имеющего ничего, кроме непрочных связей с подобными ему «„свободными“ личностями и брошенного в объятия „терапевтического“ государства»³⁰.

Д. Элвуд гораздо оптимистичнее смотрит на моральный климат в современной Америке. Он утверждает, что американцам и сегодня присуще стремление к всеобщей справедливости, чувство товарищества, понятие первостепенной важности семьи, связь с общиной, трудолюбие, уверенность в себе. Наиболее типичными ценностями американцев он считает понятие автономии индивида, ориентацию на исполнение «американской мечты» («от тряпья к богатству»), отношение к работе как к добродетели, а к лени и безделью как к свидетельству слабого характера, ответственность за детей и желание иметь полную семью. Особое значение сейчас приобретают стимулы к работе, стабильности в семье и стремление к независимости среди бедных категорий населения³¹.

Сама по себе идея кризисного состояния семьи и ее возможного распада не нова — время от времени она появлялась во все исторические периоды. Важно рассматривать брачно-семейные отношения в конкретно-историческом контексте, «здесь и сейчас», — говорит С. Келлер, предупреждая против чрезмерной генерализации, сведения всех тенденций и процессов к исходной точке зрения: семья — ячейка общества³².

Начиная с 80-х годов можно говорить о решительной политизации проблем брака и семьи в США. Именно в это время впервые официально заговорили о необходимости «защиты семьи». Просемейная направленность движения «новых правых» расценивается американскими исследователями Дж. Панкрастен и Ш. Хаускнехт как обобщение «нормативной реакции на отсутствие норм»³³.

А. Карлсон сам не причисляет себя к «единомышленникам» «новых правых», однако его основная идея о возвращении к традиционной семье и те аргументы, которые он выдвигает в защиту ее, позволяют отнести его к числу консерваторов. Он пишет, что суть глобального этического конфликта между институтом семьи и государством заключается, во-первых, в ломке исторически сложившегося разделения труда между мужчиной и женщиной и, во-вторых, в абсолютной несостоятельности попыток правительства сохранить и укрепить семью. Таким образом, защита семьи приравнивается автором к полному невмешательству в ее сферу, к политике «laissez faire».

Называя свою концепцию «семейной политикой для свободных людей», Карлсон призывает обратиться к немногим удачным примерам просемейной федеральной социальной деятельности, основанной на идее косвенного снижения налогов: реконструировать жизнеспособную программу для населения пригородов с предоставлением реальных возможностей жилищного строительства (т. е. использовать опыт 40—50-х годов); проводить политику налоговых кредитов и вычетов в зависимости от числа детей в семье и их возраста; децентрализовать систему планирования семьи, предоставив индивидам право решать вопрос о наличии детей, не будучи под влиянием каких-либо программ, за исключением вышеуказанной.

Воздержание от сексуальных контактов вне брака должно вновь стать социальной нормой, незапланированная беременность будет вести к созданию полной семьи, предполагается, что общество будет осуждать рождение ребенка вне брака, и отец ребенка окажется вынужденным принять новые этические нормы. Автор настаивает на том, чтобы семья вновь стала «частным предприятием для удовлетворения нужд и устремлений индивида»³⁴, освобожденным от ненужной опеки со стороны бюрократических служб и агентов. Литература, искусство, создание нормативных общественных актов, и в первую очередь религия, должны послужить делу восстановления культуры семьи.

Большая роль отводится реконструкции до возможного предела национальной экономики, ориентированной на семью. Стабильный, прочный институт семьи укрепляет экономическое положение страны, утверждает Карлсон.

Центральная мысль книги Д. Элвуда состоит в том, чтобы увеличить возможность «ответственности и безопасности» бедных семей. Деятельность американского правительства должна быть направлена на три категории бедных американцев: полные или неполные семьи с детьми, которые нужно стимулировать к работе и поощрять путем так называемой дополнительной поддержки (через налоговую политику, денежные пособия, сочетание полной и неполной занятости); людей, сталкивающихся с временными трудностями из-за потери работы или других об-

стоятельств, которым следует предоставить временную поддержку (путем выплат и обеспечения участия в профессиональном обучении); и наконец, категорию трудоспособных американцев, которые в течение длительного времени не в состоянии найти работу и нуждаются в обеспечении занятостью, а также в долгосрочной денежной помощи.

Таким образом, в идеале семейная политика призвана развивать американскую мечту о равных возможностях, ведущих к процветанию и независимости, а не «собирать осколки, когда мечта разбита»³⁵.

Элвуд отмечает, что и сегодня до конца не выяснено, виновна ли существующая система социального обеспечения в «феномене долгосрочной бедности» среди части американцев. Но так или иначе эта система подвергается критике со стороны либералов и консерваторов (социальное обеспечение, по мнению последних, — «наркотик, разрушающий и так недостаточную энергию и целеустремленность») ³⁶. Элвуд согласен с точкой зрения Ч. Мюррей, автора нашумевшей книги «Теряя почву под ногами»³⁷, который замечал, что существующая программа социального обеспечения не отражает и тем более не укрепляет основные ценности американского общества: значительно снижает стимул к работе, изолирует получателей государственной помощи от общества, негативно влияет на структуру родственных связей и взаимопомощи в семьях. Проблема бедности, по мнению Элвуда, и вытекающие из нее кризисные явления в институте семьи в целом неразрывно связаны с представлениями и ожиданиями людей.

Необходимо направить все силы на стимулирование экономического роста, укрепить экономическое положение полных семей. Применительно к ним было бы целесообразно расширить круг американцев, охваченных медицинской помощью (Medic aid), повысить заработную плату, обеспечить либо прямую финансовую поддержку, либо определенное число рабочих мест. Следует меньше помогать одиноким матерям и ждать от них большей отдачи — «снять их с системы социального обеспечения», «вовлечь отсутствующих родителей в воспитание детей»³⁸. Программа «Помощь семьям с детьми-иждивенцами» должна быть заменена выплатой алиментов (child support), составляющих около 25—30% от заработка отца в зависимости от инфляции; налоговым кредитом, предоставляемым для использования детских учреждений (day-care).

В заключение хотелось бы отметить, что большинство американских авторов признает многообразие форм семейной жизни как самую важную тенденцию в эволюции этого института на сегодняшний день. Но они не считают возможным оправдывать появлением новых нетрадиционных типов семьи те сложные социальные, экономические и психологические проблемы и даже кризисные явления, с которыми сталкивается американское общество. Ряд ценностных установок, ориентаций, как специфически американских, так и общечеловеческих, продолжают составлять ту основу, на которой американцы хотели бы строить свою жизнь. В представлении многих рядовых американцев только полная семья является полноценной.

Но, если авторы более консервативного толка предлагают предпринять попытку возродить преобладание традиционных (и, следовательно, полных) семей, то их либерально настроенные коллеги считают, что в разработке социальной деятельности государству следует исходить из сложившейся картины разнообразия брачно-семейных отношений, делая в первую очередь акцент на решении проблем экономического плана.

Примечания

¹ Zinn M. B., Eitzen D. S. Diversity in American Families. N. Y., 1987.

² Ibid. P. 5.

³ Среди них — Дж. Блейк, Дж. Демос, У. Гуд, Р. Истерлин, Дж. Скэнцони и др.

⁴ Family in Transition / Ed. by Skolnick A. S., Skolnick J. H. Boston; Toronto, 1986.

⁵ Elwood D. T. Poor Support: Poverty in the American Family. N. Y., 1988.

⁶ Carlson A. C. Family Questions: Reflections on the American Social Crisis. N. Y., 1988.

⁷ Zinn M. B., Eitzen D. S. Op. cit. P. 157.

⁸ Ibid. P. 171.

⁹ Hareven T. E. American Families in Transition // Family in Transition. P. 55.

¹⁰ Carlson A. Op. cit. P. 5.

¹¹ Ibid. P. 30.

¹² Ibid. P. 49.

¹³ Hunt J., Hunt L. The Dualities of Careers and Families // Family in Transition. P. 55.

¹⁴ Cowan R. S. XX Century Changes in Household Technology // Family in Transition. P. 69.

¹⁵ Zinn M. B., Eitzen D. S. Op. cit. P. 194.

¹⁶ Ibid. P. 435.

¹⁷ Hareven T. Op. cit. P. 44.

¹⁸ Family in Transition, P. 7.

¹⁹ Cherlin A., Furstenberg F. American Family in the Year 2000 // The Futurist 17, June 1983;

Zinn M. B., Eitzen D. S. Op. cit. P. 424.

²⁰ Zinn M. B., Eitzen D. S. Op. cit. P. 215.

²¹ Bernard J. The Good Provider Role: Rise and Fall // Family in Transition. P. 137.

²² Smidler A. Love and Adulthood in American Culture // Ibid. P. 248.

²³ Hunt M. Marital Sex // Ibid. P. 172.

²⁴ Rubin L. B. Blue-Collar Marriage and the Sexual Revolution // Ibid. P. 191.

- ²⁵ Jo Bane M. Here to Stay: Parents and Children // Ibid. p. 556.
- ²⁶ Kagan J. The Psychological Requirements for Human Development // Ibid. P. 382.
- ²⁷ Luker K. Motherhood and Morality in America // Ibid. P. 375.
- ²⁸ Carlson A. Op. cit. P. 103.
- ²⁹ Ibid. P. 177.
- ³⁰ Ibid. P. 125.
- ³¹ Elwood D. T. Op. cit. P. 44.
- ³² Keller S. Does the Family Have the Future? // Family in Transition. P. 522.
- ³³ Pankrasten J. G., Housknecht Sh. The Family, Politics, and Religion in the 80's // Ibid. P. 576.
- ³⁴ Carlson A. Op. cit. P. 253.
- ³⁵ Elwood D. T. Op. cit. P. 45.
- ³⁶ Ibid. P. 4.
- ³⁷ Murray Ch. Losing Ground: American Social Policy, 1950—1980. N. Y., 1984.
- ³⁸ Elwood D. T. Op. cit. P. 151.

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

ОБСУЖДЕНИЕ КНИГИ С. А. АРУТЮНОВА «НАРОДЫ И КУЛЬТУРЫ. РАЗВИТИЕ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ.» (М., 1989. 246 с.)

© 1991 г. СЭ, № 3

В. П. Алексеев

Жанр этой книги не совсем обычен. В принципе автор попробовал построить свое изложение так, чтобы оно производило монографическое впечатление. Книга делится на главы, каждая из глав содержит законченное обсуждение той или иной проблемы. Главы располагаются в определенной последовательности. Однако выбор проблем в общем более условен и они далеко не исчерпывают содержания, обозначенного в заглавии. В то же время сборником статей книгу назвать тоже нельзя: отдельные очерки ранее были опубликованы, но текст их подвергся значительной переработке и во многом они представляют собой самостоятельное сочинение. Я, пожалуй, не побоялся бы назвать книгу развернутым эссе на заданную тему, в котором авторские вкусы нашли отражение как в характере выбора самих вопросов для дискуссии, так и в большей или меньшей углубленности их трактовки. Это все более и более распространяющийся сейчас в научной литературе жанр, развитие которого целиком обусловлено усложнением содержания науки, увеличением числа маргинальных проблем, в какой-то мере современными тенденциями в развитии научного языка, явно обнаруживающего тяготение к образности, вненаучной лексике и т. д. Последние два-три десятилетия советская этнографическая литература была полна споров о содержании этнографической науки и характере ее функциональных связей с другими дисциплинами, споров в большей своей части терминологических, но затрагивавших в какой-то степени и узловые проблемы науки. Сергей Александрович Арутюнов, один из ведущих современных этнографов, работающий над разнообразными материалами разных культур и народов, продемонстрировал (не знаю, сознательно или стихийно) исключительное значение сравнительно-культуроведческой тематики в контексте того, что сейчас называется этнографией, этнологией, социальной антропологией и этносоциологией. Много сил было потрачено на поиск специфического содержания, которое можно было бы соотнести с каждым из этих терминов, и на выяснение того, где проходит демаркационная линия между ними. Все споры об этом, в сущности говоря, не привели к удовлетворительным результатам, возможно потому, что сами термины возникли исторически в разных странах для обозначения более или менее сходного круга вопросов и при любом понимании содержание этих терминов остается очевидным и незбылемым — культурные характеристики любого народа ничуть не в меньшей степени, чем язык, составляли его неотъемлемую специфику и позволяют оперировать информацией о нем как историческим целым. Трудно согласиться поэтому с формулировкой, что цель и содержание науки о народах состоит в изучении самих народов, изучать их можно, только изучая их культуру.

Автор снова в этой книге возвращается к дальнейшему обоснованию предложенной им вместе с Н. Н. Чебоксаровым гипотезе об этносах как сгустках информации. Сама по себе попытка привлечения информационных характеристик к пониманию этнической специфики, наверное, плодотворна и может привести при переводе их на количественный уровень к определенным

достижениям. Но в столь общей формулировке эти достижения не предугадываются: в конце концов, любое сообщество, будь оно социальным или биологическим, представляет собой совокупность коммуникативных связей и отношений. Констатация специфики возможна только после обозначения характера самих информативных связей. Каких в данном случае? Этнических? Тогда получается бессодержательная тавтология: этнос представляет собою сгусток этнических информативных связей. Отсюда вытекает, что понятие характера информативных связей является в данном контексте ключевым и без него сама гипотеза остается в высокой степени умозрительной.

Изложение сопровождают два графика: первый из них не очень понятен, второй достаточно тривиален. В книге, посвященной теоретическим проблемам сравнительного культуроведения, они кажутся (не могу отделаться от этого ощущения) лишними.

© 1991 г. СЭ, № 3

М. В. Крюков

ОТ КАКОГО НАСЛЕДСТВА НАМ ДАВНО УЖЕ ПОРА ОТКАЗАТЬСЯ?

(Заметки читателя о книге С. А. Арутюнова)

Этнос и культура — эти две фундаментальные научные категории так или иначе всегда составляли главный объект этнографического исследования. Однако историческая судьба соответствующих им областей знания складывалась у нас далеко не однозначно. Начало 1920-х годов было отмечено интенсивными изысканиями, знаменовавшими становление самостоятельного раздела советской этнографической науки — теории этноса. Затем произошел резкий поворот — после этнографических совещаний 1929 и 1932 гг. само понятие «этнос» было надолго дискредитировано как явление буржуазной лженауки. Это нанесло тяжелый удар по теоретическим исследованиям в этнографии, которая на протяжении многих десятилетий после этого оставалась по преимуществу описательной дисциплиной. В послевоенные годы появилось определение этнографии, согласно которому предметом ее являлась культура, хотя и в этой сфере для его теоретического осмысления было сделано немного. Середина 60-х годов — начало нового этапа в истории советской этнографической науки, связанного с реабилитацией и значительным дальнейшим развитием теории этноса. Одновременно произошли существенные сдвиги в чисто культурологических аспектах изучения народов мира. Поэтому появление книги С. А. Арутюнова «Народы и культуры» — факт сам по себе весьма значительный и символический, он отражает нынешнее состояние советской этнографии в ее настойчивом стремлении к сбалансированности важнейших объектов научного исследования.

Автор книги — известный специалист по проблемам этнографического изучения культуры, и читатель, без сомнения, по достоинству оценит то новое, что внесено С. А. Арутюновым в наши представления о формировании и функционировании этнической культуры. К сожалению, несколько иное впечатление оставляет та часть книги, которая посвящена теоретическим проблемам этноса. Именно она и натолкнула меня на размышления, которыми мне хотелось бы поделиться с коллегами по ремеслу.

Достоинства и недостатки этого труда во многом предопределены самим его жанром. Перед нами не монография, написанная по единому плану и состоящая из сопоставимых по своему содержанию глав. Это и не сборник статей, опубликованных на протяжении последних 10—15 лет. По словам автора, в книге использованы материалы его прежних работ, «однако текст их существенно переработан, а отчасти и переосмыслен» (с. 14). Это обстоятельство дает исследователю определенные преимущества, позволяя ему еще раз вернуться к обоснованию важнейших положений, высказанных им ранее по разным поводам и в ином контексте. И если бы книга увидела свет лет пять тому назад, она, по-видимому, не дала бы повода для сколько-нибудь серьезных претензий к автору. Но она появилась в период, когда неторопливое развитие советской этнографической науки прервано происходящими в стране переменами, потребовавшими придирчивого критического пересмотра всего накопленного нами теоретического багажа.

Разумеется, мы не опротестуем утверждать, что давно назревавший перелом уже произошел. Мы еще опутаны тенетами псевдонаучных аксиом, десятилетиями насаждавшихся в нашем сознании той административно-командной системой, которая до сих пор не уступила еще своих позиций ни в экономике, ни в науке. Трудно даже приблизительно оценить моральный и материальный ущерб, причиненный обществоведению прочно вошедшей в практику подменой анализа объективной реальности комментарием руководящих теоретических указаний. И уж кто-кто, а этнографы знают, сколь устойчивыми бывают исторические традиции.

Советская этнография не меньше других общественных наук пострадала от пристрастия наших политических лидеров к высказыванию категорических суждений о вещах, известных им лишь понаслышке. Достаточно вспомнить брежневскую реплику о вреде «этнографизмов», способствовавшую резкому падению авторитета этой области науки. Но, пожалуй, ни формула развитого

социализма, ни тезис о специфике советского образа жизни не принесли этнографии столько вреда, сколько высказанное мимоходом рассуждение Сталина об основных исторических типах этнических общностей («исторических общностей людей»), немедленно возведенное в ранг директивно-аксиоматической концепции.

Может показаться парадоксальным, что первые попытки хоть как-то обосновать пресловутую триаду «племя — народность — нация», появившуюся в своей первопророческой теоретической наготе в начале 50-х годов, были предприняты лишь четверть века спустя. В действительности же в этом нет ничего странного: такова внутренняя логика возвращения к прежним идеологическим догмам после десятилетия оттепели. К сожалению, одна из наиболее последовательных попыток задним числом вдохнуть жизнь в формулу «племя — народность — нация» была предпринята в 70-х годах автором рецензируемой книги.

С тех пор прошло еще 20 лет. С. А. Арутюнову пришлось возвращаться к защите сформулированной им (первоначально в соавторстве с Н. Н. Чебоксаровым) концепции во время дискуссии об исторических типах этнических общностей, проходившей на страницах «Советской этнографии» в 1986 г. И вот сейчас значительное место в его новой книге вновь в той или иной мере посвящено аргументации в пользу стадиальной триады этносов. Что же изменилось за это время и в чем проявилось переосмысление автором материалов его прежних публикаций? Для ответа на этот вопрос вернемся к основным положениям концепции С. А. Арутюнова.

Напомним, что исходные посылки С. А. Арутюнова сформулированы им в виде пяти основных гипотез. Согласно п е р в о й из них, существование этнических общностей обусловлено механизмами передачи информации, в результате чего «все категории этнических общностей являются общностями, основанными на информационной связи» (с. 21). В т о р а я гипотеза допускает возможность подхода к классификации этносов с точки зрения плотности инфосвязей: «...ведь совершенно ясно, что эта плотность различна в первобытном племени, которое знает только лишь непосредственное устное общение людей, и в современном обществе, каждый член которого ежедневно получает огромное количество информации не только от непосредственно общающихся с ним людей, но и через книги, почтовую корреспонденцию, средства массовой информации и т. д.» (с. 25). Гипотеза т р е т ь я: плотность информационных связей «возрастает в ходе прогрессивно-поступательного исторического развития не плавно, а ступенчато, с наличием по меньшей мере двух „порогов“, или резких скачков, в темпах прироста этой плотности. Первый скачок связан с созданием письменности, что не жестко, но достаточно достоверно коррелирует с классовым расслоением и формированием государственной власти; второй скачок — с развитием более или менее массового начального образования и средств массовой коммуникации, прежде всего периодической печати и литературы для массового чтения, что в свою очередь коррелирует с развитием капиталистического способа производства» (с. 32). Именно на этом основании С. А. Арутюнов и приходит к выводу о том, что «три разных типа состояния информационной плотности, по-видимому, есть объективная реальность и они соответствуют трем основным эволюционным типам этнических общностей» (там же). Ч е т в е р т а я гипотеза основывается на противопоставлении двух видов инфосвязей — синхронных (горизонтальных) и диахронных (вертикальных). Соответственно третий из выделенных типов этнических общностей — нацию оказывается возможным подразделить на два подтипа, причем сделать это «не по формальному признаку, а исходя только из двух указанных переменных»: для буржуазной нации характерно преобладание синхронных коммуникативных связей, для социалистической — диахронных (с. 33). Наконец, п я т а я гипотеза допускает, что у пережиточно сохраняющихся более ранних типов этноса внутренние инфосвязи могут быть выражены менее интенсивно, чем коммуникации, в силу которых такой этнос оказывается ассоциированным со стадиально более передовым этносом (с. 36). Такова суть отстаиваемой автором концепции. Попробуем еще раз рассмотреть ее с точки зрения лежащих в ее основе гипотез.

Поистине поразительна та настойчивость, с которой мы пытаемся классифицировать изучаемые объекты на основании признаков, не отражающих сущности данной категории явлений. Нельзя представить себе, чтобы лингвист стал бы делить слова русского языка по числу знаков, используемых для их записи в немецкой транскрипции, а химик предложил бы типологию металлов по принципу их оптовой цены на сырьевом рынке. В этнографии же мы почему-то считаем такого рода классификации допустимыми. Согласно одной авторитетной типологической схеме, «нации», «народности» и «национальные группы» в СССР противопоставляются на том основании, что первые образуют союзные и автономные республики, вторые имеют лишь автономные образования или вообще их не имеют, но расселены преимущественно на территории СССР, тогда как третьи представлены в нашей стране лишь своими небольшими частями, причем «более важное значение для типологизации небольших этносов нашей страны имеет учет их социальной структуры и степени самостоятельности языково-культурных (информационных) связей»¹. Мне подобная классификационная схема всегда напоминала заведомо неверное суждение какого-нибудь искусствоведа, который предложил бы различать поющих в Большом театре теноров и дискантов по цвету их любимых галстуков. Мы привыкли к тому, что должны сообщать о своем социальном происхождении, даже заполняя анкету для зачисления в группу по плаванию. Но ведь все попытки продемонстрировать, каким образом социальный состав может быть критерием противопоставления якобы существующих в советском обществе «наций» и «народностей», увя, не дали желаемого результата.

То же самое справедливо и в отношении инфосвязей. Сказать об этнических общностях, что они основаны на информационных связях, означает ничего не сказать о сущности этничности. Вообще ни один тип социальной общности, будь то конфессия, политическая партия или

группа сотрудников Института этнографии, дважды в неделю встречающихся по вечерам в бассейне «Москва», не может возникнуть и существовать без объединяющих его членов коммуникативных связей.

Возражая В. И. Козлову, автор книги «Народы и культуры» указывает на неправомерность формационного подхода к классификации этносов: «...по формациям делятся не этносы, а общества, которые могут быть и моноэтничны, но весьма часто бывают полиэтничны» (с. 32). Справедливое замечание! Но ведь то же самое должно быть отнесено и к информационным связям, функционирующим, конечно же, в рамках общества, а не этноса. А это означает, что сама исходная идея С. А. Арутюнова оригинальна, нова, но не конструктивна.

Допустим все же, что в дальнейшем автору удастся привести дополнительные доводы в пользу первой гипотезы. Однако предложение классифицировать этносы по плотности скрепляющих их информационных связей сразу же наталкивается на непреодолимое препятствие. Ибо, говоря словами С. А. Арутюнова, «мы не располагаем и скорее всего никогда не будем располагать аппаратом, фиксирующим интенсивность потоков синхронной информации, не говоря уже о диахронных потоках» (с. 21). Правда, автор спешит успокоить своих коллег, недоумевающих, каким же образом в таком случае мы вообще можем более или менее конкретно оперировать вышеуказанным критерием. «Конечно,— разъясняет С. А. Арутюнов,— определить не только абсолютную, но даже и относительную плотность инфосвязей довольно сложно, так как это можно пытаться сделать лишь на основании косвенных показателей. Тем не менее показатели эти есть, в особенности для современных обществ, в которых статистико-социологическому исследованию подвергаются и частота поездок, и личная переписка, и популярность книг, газет, радио- и телепередач на языке своей и другой национальности, и многие другие явления, выражающие в конечном счете разные виды коммуникаций, т. е. все тех же инфосвязей» (с. 33). Но может быть, в книге содержится хотя бы выборочные результаты тех статистико-социологических исследований, которые, согласно заверениям автора, хоть в какой-то мере могут пролить свет на количественную сторону проблемы плотности инфосвязей в современном обществе? Нет, такие примеры в тексте отсутствуют. Читатель должен верить С. А. Арутюнову на слово, самостоятельно решая предложенную ему загадку. Занятие тем более неблагодарное, что, как следует как раз из некоторых частных исследований синхронных инфопотоков в современном нам советском обществе, их интенсивность имеет порой тенденцию не к росту, а к уменьшению. Так, инициатор проведения операции «Меченые атомы» А. Рубинов сообщил недавно, что 100 писем «самому себе» (из Москвы в Москву), опущенных по одному в 100 почтовых ящиков, пришли:

	в 1971 г.	в 1987 г.	в 1990 г.
в тот же день	2	0	0
утром 2-го дня	39	0	0
днем и вечером 2-го дня	36	17	5
на 3-й день	23	46	39
на 4-й день	0	34	39
на 5-й день	0	2	6
на 6-й день	0	1	9

Автор того же исследования сообщает, что в 1900 г. Л. Н. Толстой отправил из Москвы в Петербург письмо, полученное на следующий день. Через 70 лет письмо по тому же адресу пришло на пятый, а еще через 20 — на седьмой день². Какие поправочные коэффициенты должны внести этнографы в свои статистические выкладки о прогрессивно-поступательном увеличении плотности инфосвязей, выражающихся в получении почтовой корреспонденции, чтобы не прийти к выводу, что сформировавшиеся в России нации имеют тенденцию к постепенному превращению в народности?

Сделаем еще одно допущение и предположим, что со временем мы все же научимся давать количественную оценку совокупным синхронным и диахронным потокам инфосвязей. Ведь наши коллеги-физики вполне могут преподнести нам совершенно неожиданный подарок. Но подтвердит ли будущее фундаментальную гипотезу С. А. Арутюнова о том, что в истории человечества имели место два «порога», или резких скачка в темпах прироста плотности инфосвязей?

Несколько лет назад я имел случай высказать сомнение по этому поводу в связи с тем, что начиная с середины XX в. человеческое общество переживает все ускоряющийся процесс научно-технической революции. Если отвлечься от уровня функциональной состоятельности советской почты, разве не являемся мы свидетелями того, как в передовых странах мира происходит лавинообразное увеличение общего объема информации, обусловленное применением все более совершенных компьютеров, видеотехники, ксероксов и фотонабора, спутниковых средств связи? Вряд ли можно вслед за С. А. Арутюновым утверждать, что, скажем, в Японии интенсивность инфосвязей не претерпела за последние два-три столетия сколько-нибудь существенных изменений. В споре с ним я напоминал о том очевидном факте, что во времена Хиросигэ путешественник преодолевал расстояние от Эдо до Киото за 15 дней, будучи вынужденным останавливаться на каждой из 53 станций вдоль тракта Токайдо, а сегодня уже считающийся по японским меркам устаревшим экспресс «Хикири» доставит вас из Токио в Киото за два с половиной часа. Можно ли на этом основании утверждать, что в современной Японии вследствие резкого повышения уровня плотности инфосвязей складывается качественно новый тип этнической общности, стадияльно превосходящий старую добрую нацию?³ Вновь иллюстрируя свой тезис о трех состояниях

инфосвязей на примере Японии (с. 32), известный специалист по японской этнографии оставляет мой вопрос без ответа.

Но проблема не ограничивается лишь современной научно-технической революцией. До начала 50-х годов ученые были уверены, что в XI—XIV вв. подавляющее большинство населения Новгорода не умело ни писать, ни читать. Находки новгородских берестяных грамот заставили историков отказаться от этого представления. Сейчас вполне очевидно, что берестяные грамоты «писались людьми разных социальных уровней и занятий, разных наклонностей, захваченными разными заботами и разным настроением. Одни письма написаны в горе, другие в порыве хозяйственного рвения. Порой рукой писавшего водил гнев, а порой — страх. Авторы грамот делали записи для личного употребления и для других людей, своих адресатов. Одни документы предназначались для хранения, другие целиком посвящались заботам быстротекущего дня. Жизнь постоянно выставляла поводы для того, чтобы то один, то другой новгородец, отягав от пояса отполированное частым употреблением „писало“ и расправив белый берестяной лист, садился царапать на берестяной коре записку, письмо, распоряжение или донесение. Береста сохраняет все — от первых робких шагов в овладении грамотой до духовного завещания и извещения о смерти»⁴. Жители средневекового Новгорода слыхом не слыхивали о капиталистическом способе производства, но уровень распространения грамотности, связанный с «развитием более или менее массового начального образования» и необходимым, по С. А. Арутюнову, для скачкообразного перехода от народности к нации был у них налицо. Говоря о времени появления периодической печати и литературы для массового чтения, можно, конечно, ориентироваться на западноевропейские мерки. Но можно при желании вспомнить, что первый правительственный вестник начал издаваться в Китае в I в. до н. э.⁵, а в столице примерно в это же время существовал целый квартал, где шла бойкая торговля книгами. Да ведь и сам С. А. Арутюнов признает, что «порогов» в темпах роста плотности инфосвязей в истории человечества было «по меньшей мере» два (с. 32). А раз это так, то и исторических типов этнических общностей должно быть не менее трех, но отнюдь не обязательно именно три. Как видим, неосторожно употребленные слова «по меньшей мере» сводят на нет всю логику внешне стройной конструкции.

Еще менее доказательной представляется следующая по счету гипотеза, обосновывающая противопоставление буржуазных и социалистических наций с точки зрения преобладания синхронных или диахронных инфопотоков. Хорошо известно, что само это противопоставление было впервые введено Сталиным в его статье 1929 г. Позднее делались малоубедительные попытки приписать эту идею Ленину; вопреки фактам некоторые наши теоретики продолжают настаивать на этом и сегодня⁶. Что до позиции в этом вопросе, занимаемой С. А. Арутюновым, то она весьма противоречива. С одной стороны, два подтипа наций выделяются им «не по формационному признаку», с другой — якобы свойственное социалистическим нациям быстрое нарастание плотности внутризидических связей объясняется освобождением «от преград антагонистического классового общества» (с. 39), а это явно должно быть отнесено к числу формационных критериев. Главное же состоит в том, что автор вообще не считает необходимым пояснить, на каких фактических основаниях он пришел к выводу о преобладании синхронных связей в буржуазных нациях и диахронных — в социалистических. С. А. Арутюнов ссылается на «пропаганду революционных традиций, постоянно культивируемую и в общественной жизни, и в художественных образах память об обстоятельствах перехода к социализму и социалистическом строительстве, об их героях, о событиях гражданских, национально-освободительных, отечественных войн» (с. 33), свойственную социалистическим нациям. Еще десятилетие назад это соображение могло показаться заслуживающим внимания. Сегодня оно выглядит анахронизмом, оставленным нам в наследство от иных времен. Сейчас мы уже достаточно отчетливо представляем себе, что культивировавшаяся в нашей стране память о обстоятельствах перехода к социализму была искаженной, ущербной, карикатурной, в полной мере определяющейся опрокинутой в прошлое политической конъюнктурой. Нигде в мире не было примеров такого оскотления исторической памяти, как в социалистических странах. Наша история была переписана заново, искромсана, искажена порой до неузнаваемости, и только сейчас мы понемногу возвращаемся к ее адекватному изображению. Становится грустно, когда узнаешь, что отличие «социалистических наций» от «буржуазных» сводится к такого рода вертикальным коммуникациям.

Впрочем, выясняется, что это вроде бы и не совсем так. На с. 93 читатель с удивлением узнает, что социалистические нации отличаются от буржуазных «более высоким уровнем этнической консолидации». А поскольку процесс консолидации выражается прежде всего в повышении плотности все тех же инфосвязей (с. 110), то становится как-то не совсем ясным, почему (если оставаться на позициях информационного подхода) социалистические и буржуазные нации с их различным уровнем плотности означенных связей все-таки являются нациями, а социалистические народности с тем же уровнем плотности и «общим качеством жизни» (с. 37) до стандартов нации не дотягивают.

Концепция буржуазных и социалистических наций успешно украшала страницы исследований советских этнографов в годы, когда административно-казарменный социализм рассматривался как наивысшая из всех вершин социального прогресса, достигнутых человечеством. В полном соответствии с этой догмой мы еще два года назад утверждали, что «в силу исторических условий в ГДР развивается социалистическая немецкая нация, в ФРГ — буржуазная»⁷. Но после этого прошло лишь несколько месяцев, и социалистические немцы ГДР с их приверженностью к вертикальным инфосвязям «на всю глубину существования данного строя в стране» (с. 33) и буржуазные немцы ФРГ, чья историческая память «оттеснена далеко на задний план явно избыточным потоком информации сиюминутного, часто эфемерного характера» (там же), вдруг

пришли к совершенно неожиданному для этнографов-теоретиков выводу о том, что «мы — один народ!». Любопытно, удается ли жителям Магдебурга или Лейпцига в ближайшей исторической перспективе воспрепятствовать угрозе со стороны эфемерных сиюминутных инфосвязей, которые должны нахлынуть на них после объединения Германии? Или, может быть, уроженцы Нюрнберга отдадут предпочтение дефицитным для них сегодня вертикальным коммуникациям? И что, кстати, ожидает наши нации, если радикальная перестройка социалистического общества устранил глубинные причины того хронического отставания в сфере синхронных достижений научно-технического прогресса, компенсировать которое мы на протяжении десятилетий без видимого успеха пытались пропагандой вертикальных революционных традиций?

Наконец, трудно согласиться и с заключительной гипотезой С. А. Арутюнова, связанной с понятием «ассоциированности». Представляется, что ситуация, при которой совокупность необходимых для функционирования этноса внутренних связей уступает по своей интенсивности аналогичным связям, существующим между ним и соседней этнической общностью, может быть однозначно определена как процесс утраты этносом своей первоначальной специфики, его ассимиляции. Автор декларирует свое несогласие с подобной точкой зрения (с. 29), но не приводит доказательств ее ошибочности. Те же примеры, которые привлечены им для характеристики «социалистических народностей», ассоциированных в условиях СССР с «социалистическими нациями», выглядят в свете нынешней этнической ситуации в стране неубедительными. Утверждение о том, что «небольшие социалистические народности в РСФСР — чукчи, коряки, нивхи, эвенки, ненцы и др. — ассоциированы с русской социалистической нацией» (там же), вольно или невольно скрывает за наукообразными терминами то критическое положение, в котором оказались сегодня перечисленные народы, в значительной мере утратившие свой родной язык, свою традиционную культуру и лишённые привычной среды обитания. Хотел ли того С. А. Арутюнов или нет, термин «ассоциированность» выглядит в наши дни не более чем ласкающим слух эвфемизмом, вполне уместным в годы, когда национальный вопрос в СССР был окончательно решен, но неприемлемым в условиях возвращения к правде, какой бы тяжелой она ни была. К сожалению, в подобной тональности выдержан вообще весь раздел главы пятой, озаглавленный «Этнокультурные процессы в эпоху социализма» (с. 109—113). Читая его, невольно ловишь себя на мысли, что надо бы еще раз взглянуть на титульный лист книги и убедиться, что она действительно вышла в 1989 г. Как бы то ни было, думаю, читатель не согласится с утверждением автора о том, что предпринимая переиздание своих прежних работ, он переосмыслил их «в соответствии с новыми достижениями исторической науки и переменами, происходящими сегодня в общественной жизни как нашей страны, так и всего мира» (с. 14—15).

Примечания

¹ Бромлей Ю. В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М., 1987. С. 48.

² Рубинов А. Операция «Меченые атомы—6» // Литературная газета. 1990. 11 апреля.

³ Крюков М. В. Главной задачей по-прежнему остается проникновение в сущность этнических связей // Сов. этнография (далее — СЭ). 1986. № 5. С. 68.

⁴ Янин В. Л. Я послал тебе бересту... М., 1965. С. 156.

⁵ Гэ Гунчжэнь. История прессы в Китае. Пекин, 1955. С. 24—25 (на кит. яз.).

⁶ Бромлей Ю. В. К разработке понятийно-терминологических аспектов национальной проблематики // СЭ. 1989. № 6. С. 6.

⁷ Филимонова Т. Д. Немцы // Народы мира. Историко-этнографический справочник. М., 1988. С. 325. Впрочем, не могу утверждать, что приведенная формулировка принадлежит автору данной статьи — Т. Д. Филимоновой. В моей статье «Китайцы» в том же издании фраза: «После образования в 1949 Китайской Народной Республики сложилась китайская социалистическая нация» (там же, с. 220) — была вписана без моего ведома. В этом еще одно проявление командно-административной системы в науке: *volentem ducunt fata, nolentem trahunt*. Другими словами, как некогда заметили древние, «желающего судьба ведет, нежелающего — тащит».

© 1991 г., СЭ, № 3

А. С. МЫЛЬНИКОВ

Рассмотреть культуру этноса как основной предмет изучения этнографической науки — такую задачу поставил перед собой С. А. Арутюнов в недавно вышедшей в свет монографии. Поясняя общий замысел, он пишет: «В последующих главах книги делается попытка показать наиболее существенные взаимосвязи, которые существуют в разные эпохи и на разных этапах развития между процессами, происходящими в культурном достоянии этноса или группы взаимодействующих этносов, т. е. в их языке, материальной и духовной культуре, с одной стороны, и собственно этническими процессами и состояниями, находящими выражение в этническом самосознании, в оценке и определении людьми своего этнического бытия. Связи эти двусторонни, т. е. не только культура воздействует на этничность, но и этничность воздействует на культуру. В этом взаимо-

действии и состоит основная сущность этнокультурной динамики» (с. 14). Анализ очерченного круга проблематики подчинена композиции монографии, состоящей из 11 глав.

Не считая необходимым заниматься их реферированием, ограничимся лишь напоминанием названий этих глав. Первая, имеющая подзаголовок «Вместо введения», названа «Генезис этнической культуры и этногенез». Далее следуют темы: «Сеть коммуникаций как основа этнического бытия», «Археологические культуры и этносы», «Этнокультурная динамика в доклассовых, раннеклассовых и рабовладельческих обществах», «Этнокультурные процессы с начала новой эры до наших дней», «Структурный параллелизм двухкультурности и двуязычия», «Этническое и межэтническое в культуре», «Традиции и инновации. Взаимодополнительность инноваций и традиций», «Ротационный механизм усвоения престижных инноваций», «Культура жизнеобеспечения и ее место в культурной динамике этноса», и, наконец, «Вместо заключения» — глава «Экологические аспекты этнокультурологических проблем».

Как видно из приведенного перечня, монография С. А. Арутюнова охватывает широкий круг сложной, весьма актуальной, но вместе с тем и во многом дискуссионной проблематики. Она выросла из статей, публиковавшихся ранее автором, который одновременно учитывал результаты исследований ученых, точку зрения которых в той или иной степени разделяет. Тем не менее С. А. Арутюнов счел необходимым подчеркнуть, что всецело принимает на себя «ответственность за высказанные в книге идеи и их аргументацию» (с. 15).

Столь широко задуманный многоплановый труд не позволяет в рамках одной рецензии остановиться на всех поднятых автором вопросах. Впрочем, едва ли это и необходимо. Думается, важнее понять и дать оценку ключевых методологических посылок, на которых монография построена. В этом смысле, как нам кажется, определяющими для авторской позиции являются две первые главы. Уже в первой из них С. А. Арутюнов исходит, постоянно возвращаясь к подтверждению этого, из данного Э. С. Маркаряном определения культуры как внебиологически выработанного и передаваемого способа человеческой деятельности. Заслуживает внимания конкретизация этого весьма общего определения. «Если,— пишет автор,— попытаться более детально и глубоко раскрыть такое понимание культуры, то содержание ее предстает как совокупность способов, которыми институционализируются различные виды человеческой деятельности» (с. 5—6). Аспект институционализации, вводимый С. А. Арутюновым, представляется с методологической точки зрения весьма важным и плодотворным.

Рассмотрение вопросов этнокультурной динамики автор считает целесообразным начать с этногенеза, отмечая возникающие при этом трудности. «Здесь,— поясняет он,— разумеется, встает проблема „яйца и курицы“, так как в этногенезе любого известного нам этноса принимали участие различные более или менее известные или неизвестные нам, но вполне уже оформленные этносы или же отдельные их части, которые в своем прошлом прошли собственный долгий путь независимого этнокультурного развития» (с. 7—8). Что же касается возникновения древнейших этносов из доэтнического состояния (так называемый первичный этногенез), то в этом случае, полагает С. А. Арутюнов, возможны лишь гипотетические суждения с использованием в некоторых случаях метода ретроспективного моделирования. Поэтому во избежание постоянно встречающейся нечеткости в употреблении терминов «этногенез» и «этническая история» автор указывает на свою солидарность с теми учеными, которые под этногенезом понимают лишь процессы, в результате которых «из ряда существовавших до этого этносов, этнических общностей или их частей складывается новый этнос, осознающий себя как нечто отличное от любых ранее существовавших групп и выражающий это самосознание через новое самоназвание» (с. 8). В связи со сказанным возникает вопрос о выборе подхода к наиболее универсальному постижению внутренних закономерностей самого механизма этнических процессов. Ответ на поставленный вопрос и составляет, в сущности, квинтэссенцию авторской позиции: допуская вариативность исследовательских приемов, С. А. Арутюнов стремится «рассмотреть эти процессы с одной из многих возможных точек зрения, а именно в аспекте потоков информации» (с. 17).

Реализуя в последующих главах сформированный принцип, автор, в частности, в качестве критерия типологизации этнических общностей избрал степень плотности инфосвязей у разных этносов в различные исторические эпохи. Он различает синхронные и диахронные инфосвязи.

К первым (прямые разговоры, переписка, информация в прессе и т. д.) С. А. Арутюнов относит те, которые происходят на определенной территории и в определенное время. Их картографирование, по мнению автора, позволило бы получить наглядное представление о переплетах плотности, причем зоны пониженной плотности соответствовали бы границам между разными этническими общностями. Что касается диахронных инфосвязей, то они трактуются как включающие всю этнокультурную традицию данного народа, преемственно передающуюся от поколения к поколению в словесной и материально-изобразительной формах. Этот вид инфосвязей стабилизирует этнос во времени (с. 20—21). Правда, С. А. Арутюнов делает существенную оговорку насчет того, что «мы не располагаем и скорее всего никогда не будем располагать аппаратом, фиксирующим интенсивность потоков синхронной информации, не говоря уже о диахронных потоках». Выход заключается в комплексном применении суммы косвенных или подвергающихся обобщению отдельных элементов тех и других связей. Это иллюстрируется таблицей классификации пространств этнических общностей разных типов (с. 35). Приходится сожалеть, что автор не привлек до сих пор должным образом оцененных методических соображений Б. Ф. Поршнева о синхронистических и диахронистических срезах, изложенных им в монографии «Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в.» (М., 1970).

При топологизации этнических общностей С. А. Арутюнов, как уже сказано, опирается на перемены в плотности потоков информации, в основном базирясь на принятой в нашей науке «триаде» с внесением отдельных уточнений. Так, вместо «племени» он предлагает термин

«сплеменность», которая как тип отвечает доклассовому этапу общества. Говоря, что «народность» в целом соответствует рабовладельческой и феодальной формациям, С. А. Арутюнов справедливо обращает внимание на то, что в ряде случаев народности, сложившиеся при феодализме (в качестве примеров приведены бретонцы и серболужичане), продолжают существовать в качестве народностей и в последующих формациях. Не останавливаясь на более подробном изложении всей аргументации автора, отметим, что она, несомненно, заслуживает внимания. Во всяком случае, подход С. А. Арутюнова по замыслу более перспективен, чем предложения типологизировать этнические общности по формальному признаку, поскольку, как подчеркивается в монографии, «по формациям делятся не этносы, а общества, которые могут быть моноэтничны, но весьма часто бывают полиэтничны» (с. 32). Соглашаясь с этим, добавим, что имеются и дополнительные возражения против формационной типологизации. Во-первых, исторический и этнический процессы протекают неравномерно, поэтому разные этносы выходят на путь классового развития асинхронно, причем асинхронность эта колеблется от нескольких столетий до нескольких тысячелетий. Вспомним хорошо известный факт, что к концу XIX — началу XX в. на значительной части земного шара господствовали не только феодальные, но и дофеодальные отношения. Естественно, что в рамках одной формации, в глобальном смысле являющейся в ту или иную эпоху ведущей, перспективной, существуют типологически разные этнические общности. Поэтому ограничиваться только формационной привязкой — значит не сказать ровным счетом ничего или, во всяком случае, очень мало. Во-вторых, один и тот же тип этнической общности даже в рамках одной формации, не остается неизменным, а иногда претерпевает качественные изменения, меняющие его этнический облик. Можно ли, например, этносы Франкской империи, Велikomоравской державы или Древнерусского государства считать однопорядковыми с выросшими из них, опять-таки в рамках феодализма, народностями — французской, немецкой, чешской, словацкой, русской, украинской, белорусской и т. д.? Не случайно в поисках терминологического различия историки-слависты в настоящее время используют для обозначения подобных общностей термины не только «феодальная народность», но и «раннефеодальная народность» (хотя, на наш взгляд, последние точнее было бы именовать раннеклассовыми).

Знакомясь с мотивировкой исходных принципов, сформулированных в монографии, хотелось бы поделиться соображениями, которые, разумеется, могут быть не менее дискуссионными, чем положения, по поводу которых они высказываются. Прежде всего это касается типологизации этнических общностей, а также сопряженной с этим терминологии. В одних случаях С. А. Арутюнов именует компоненты «триады» формами существования этносов, а в других — основными типами. Очевидно, что здесь необходима унификация, тем более что форма и тип любого процесса не одно и то же. Очевидно, сплеменность, народность и нацию во всех отношениях следует называть типом социальной организации этноса, подразумевая, что формы его конкретного проявления в разные исторические эпохи могут быть различными. Но дело, конечно, не в этом.

Вслед за Ю. В. Бромлеем автор монографии оперирует термином «этнокос», поясняя, однако, что понимает под ним «этнос», «народ» (с. 22). Мне вообще введение термина «этнокос» не представляется насущно необходимым, поскольку различие между «этносом» и «этносоциальным организмом» (или типом социальной организации этноса) достаточно ощутимо. А приведенное выше уточнение С. А. Арутюнова снимает, по сути дела, вопрос о целесообразности терминологического усложнения. Отчасти с этим связан важный вопрос о так называемой этнической ассоциированности. Вопрос этот, ставившийся в свое время Ю. В. Бромлеем, детально рассматривается и С. А. Арутюновым. «Ассоциированность», — поясняет он, — «в любом случае предполагает наличие некоторой (хотя далеко не всеобщей) двуязычности и двухкультурности» (с. 36). Нам представляется, однако, что вопрос не сводится, как это вытекает из рассуждений автора, к ассоциированности, не подынявшись до уровня народностей племен или сплеменностей с теми или иными античными и феодальными народностями, либо к ассоциированности последних с нациями. Более того, этническая ассоциированность вообще не должна рассматриваться на уровнях социальных типов организации этносов, хотя бы потому, что у многих народов она удерживалась и удерживается до сих пор веками, тогда как социальные типы этнического бытия претерпевали изменения. Кстати, это подтверждается и примерами, приведенными в монографии (с. 36).

Иными словами, концепция этнической ассоциированности отвечает реальности и методологически плодотворна. Но она должна трактоваться на уровне этнического, а не социального развития: не племя или народность А ассоциированы с народностью или нацией В, а этнос А с этносом В. Такой подход, между прочим, снимает и возможные упреки в теоретическом обособлении насильственной ассимиляции малочисленной народности более сильной и продвинутой нацией. Что же касается социальной ассоциированности, то она тоже существует (например, Лихтенштейн со Швейцарией, Андорра с Испанией и Францией и т. п.), но лежит в иной плоскости.

При оценке книги С. А. Арутюнова нельзя не учитывать важного обстоятельства: написанная несколько лет назад, она была сдана в набор в марте, а подписана к печати в июле 1989. Вспомним, что в эти месяцы в стране происходили сдвиги в общественном сознании, для которого переломным стали дни работы I Съезда народных депутатов СССР. А вскоре, осенью того же года, в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, составлявших социалистическое содружество, цепной реакцией прокатились волны демократических революций. Возникла новая реальность, возможность которой еще недавно трудно было предположить. Но именно поэтому оценивать многие положения книги С. А. Арутюнова с позиций дня сегодняшнего, зная то, о чем автор не знал и знать не мог, было бы не только не корректным, но и в высшей степени безнравственным делом. И не об этом речь, ибо именно эти непредвиденные изменения открывают уни-

кальную возможность для объективной проверки на практике теории этноса, разрабатывавшейся в советском и зарубежном марксистском обществоведении, включая и этнографическую науку, многие тезисы которой нашли отражение и в монографии С. А. Арутюнова.

Вот, например, привычное деление наций на буржуазные и социалистические. Это деление, бегло упомянутое В. И. Лениным, нашло, как известно, детальное обоснование у И. В. Сталина и на многие десятилетия стало догмой, которой, впрочем, придерживались далеко не все специалисты, обращавшиеся к этой теме. Но господство этой догмы — несомненный факт. Не удивительно, что и С. А. Арутюнов исходил из того, что нации распадаются на два подтипа: буржуазные и социалистические. Он связал это с различием инфосвязей, полагая, что «интенсивность диахронических инфосвязей в социалистической нации существенно выше, чем в буржуазной» (с. 33). Судя по всему, это утверждение нуждается в корректировке: различие следует усматривать не в преобладании в том или другом случае синхронных или диахронических инфосвязей, а в специфике их функционирования. Саму же специфику необходимо изучать, выработав для этого методику, которая в настоящее время отсутствует. Другое дело, справедливо ли само деление наций на буржуазные и социалистические. Вопрос достаточно сложен, чтобы от него отмахиваться или превращать в предмет иронии: ведь факт существования стран социалистического содружества в Центральной и Юго-Восточной Европе остается бесспорным достоянием истории, как бы к нему ни относиться. Было ли, например, правомерным утверждение о существовании двух немецких наций — социалистической в ГДР и буржуазной в ФРГ? Но можно задать контрвопрос: существует ли австрийская нация? Ведь на основе немецкого этноса возникли не только немецкая и австрийская, но отчасти и швейцарская нация. Следовательно, сохранись на будущее политическое разделение Германии, с абстрактно-теоретической точки зрения складывание еще одной — «восточногерманской» нации не было бы утопическим прогнозом. Здесь, однако, вступает в силу фактор времени. И основная теоретическая ошибка нашего обществоведения проявилась на этом примере в полную силу: желаемое принимается за сущее, процессы, исторически не завершённые, считают состоявшимися. Эта ошибка присуща и многим работам по так называемой этнографии современности, когда отрыв от исторической ретроспективы неминуемо приводит к недостаточности прогнозирования перспектив.

Этот недостаток, выходящий далеко за рамки рассматриваемого исследования, проявляется и в дискуссиях по поводу дефиниции термина «нация». Участники споров обычно исходят от наиболее близкого им как специалистам материала, хотя очевидно, что нации Центральной и Юго-Восточной Европы или Советского Союза далеко не то же самое, что нации Западной Европы, а тем более Американского континента или освободившихся стран Африки и Азии. Давно назрела потребность, прекратив схоластические споры о количестве признаков нации и попытки каким-то образом заново перечитать классиков, обсудить на серьезном научном уровне проблему типологии наций как социального типа (одного из социальных типов!) организации этносов. И тогда, наверно, выяснится, что нация может иметь несколько структурных подтипов — и преимущественно моноэтнический, и преимущественно полиэтнический, а равно этнополитический, этногосударственный и т. п. Но во всех случаях этническое и социальное будут составлять обязательные параметры нации, только содержание социального нужно понимать многопланово, вариативно, одновременно рассматривая его, а равно и этнические процессы, не в статике, а в их постоянном развитии. Если подходить к этому с подобных позиций, то нельзя не признать этот аспект теории этноса, разделяемый С. А. Арутюновым, с принципиальной точки зрения верным и прошедшим испытание на прочность. Однако от привычных «подтипов» наций придется — и это представляется тоже проверенным — отказаться.

Продуктивен ли сам по себе информационный подход, положенный автором в основу исследования? Обратим внимание на интересное наблюдение С. А. Арутюнова, согласно которому плотность инфосвязей «возрастает в ходе прогрессивно-поступательного исторического развития не плавно, а ступенчато, с наличием по меньшей мере двух „порогов“ или резких скачков в темпах прироста этой плотности» (с. 32). Первый он связывает с возникновением на пороге классового общества письменности, второй — с развитием средств массовой коммуникации (в частности, книгопечатания) на заре капитализма. В итоге три разных типа состояния информационной плотности, согласно С. А. Арутюнову, «по-видимому, есть объективная реальность, и они соответствуют трем основным эволюционным типам этнических общностей, как бы их ни называть» (с. 32). Уместно заметить, что, наоборот, ослабление информационной плотности или ее замедленная эволюция сопряжены с динамикой этнических процессов. В качестве одного из возможных примеров сошлемся на историю России. До середины XVI в. и здесь, и в странах зарубежной Европы основным и единственным способом книгопроизводства было рукописание. Оно сохраняло это значение в России и тогда, когда за рубежом, во всех западноевропейских странах постепенно утверждается книгопечатание, пока в середине XVI в. в Москве не возникла типография, деятельность которой связана с именем Ивана Федорова. Но, во-первых, она была государственной, а во-вторых, тематика печатаемых там произведений имела религиозный характер. Тем временем в зарубежной Европе, в том числе и в соседних с Россией странах (Польша, Чехия и др.) появились частные типографии, а издававшаяся ими продукция носила разнообразный тематический и жанровый характер, включая не только книги, но также периодические издания. Так, с каждым новым продвижением вперед на Западе Россия с точки зрения инфосвязей отставала на один порядок, хотя в последующие столетия и предпринимались попытки, порой удачные, это отставание преодолеть: применительно, что к 1917 г. книжный рынок России по своему объему занял первое место в мире. Если вдуматься в сказанное, то нельзя не признать существование корреляции между этническим развитием, консолидацией русской народности, ее перерастанием в нацию

и эволюцией, далеко не плавной, плотности информационных связей. Что касается прогностического аспекта суждений С. А. Арутюнова, то он, правда осторожно, считает: «Иными словами, не исключено, что мы стоим на пороге нового, третьего в истории человечества скачка в процессах роста интенсивности коммуникаций, и этнические общности, которые сложатся в результате этого скачка, будут обладать рядом новых, еще не присущих ни одной из современных наций качеств» (с. 38). Развитие компьютеризации, ставшее реальностью в большинстве стран Западной Европы и США, но еще остающееся задачей будущего для нашей страны, дает все основания согласиться с этим прогнозом автора монографии.

Итак, книга С. А. Арутюнова, как можно заключить из сказанного, представляет интерес как в известном смысле итоговый, обобщающий труд, подводящий черту под целой полосой теоретических поисков, со всеми их просчетами и достижениями. С. А. Арутюнов сформулировал ряд основополагающих принципов и идей, которые заслуживают внимательного отношения к себе и требуют дальнейшей разработки с учетом того нового, что приносит жизнь.

© 1991 г., СЭ, № 3

Ответ М. В. Крюкову

Я глубоко благодарен М. В. Крюкову за его критические замечания по моей книге «Народы и культуры» (далее НИК). Книга,данная в издательство «Наука» в 1988 г., была подписана к печати 18 июля 1989 г., т. е. тогда, когда мировая социалистическая система еще реально существовала практически в полном объеме и ни один футуролог не взялся бы предсказать, что менее чем через полгода она станет достоянием истории. Сегодня же многие положения моей книги требуют пояснений и дополнений и выступление М. В. Крюкова очень помогает мне их сформулировать и высказать.

Я не могу согласиться с мнением М. В. Крюкова, что информационные связи столь же мало пригодны для классификации этносов, как цвет любимого галстука для классификации оперных певцов. Цвет галстука — не параметр певца, хотя о личности человека вообще он может порой сказать немало. Плотность же инфосвязей, конечно, один из параметров этносоциального организма, но, разумеется, не единственный и не исключает возможности построения иных классификаций, может быть, более удачных, по иным параметрам. Он присущ и всем другим объединениям людей (М. В. Крюков называет конфессию, партию, группу пловцов-любителей; в НИК, с. 21, названы конфессии, филателисты, радиолюбители, так что в этом пункте разногласий между нами нет). Однако в НИК оговорено, что «во всех этих случаях речь идет об общности какого-то определенного, довольно узкого тематического сектора информации. Когда же мы говорим об этнической общности, то здесь определяющей выступает вся совокупность информационных связей». Она же определяет и бытие любого многонационального общества (города, государства), которое состоит не просто из этнофоров разных этникосов, но из разных национальных групп (общин), о чем и сказано на той же с. 21 на примере китайцев и малайцев Малайзии.

Характер инфопотоков меняется с течением времени, но вряд ли стоит бояться, что русская нация «деградирует» до уровня народности из-за несомненного ухудшения нынешней почтовой службы в России по сравнению с временем Л. Н. Толстого. Письма потому и идут медленнее, что несравнимо возрос с тех времен общий объем почтовой переписки, все шире дополняемый к тому же телефоном, телеграфом, телефаксом и прочими видами телекоммуникации. Но вот наше отставание в развитии их новейших форм действительно внушает опасение. М. В. Крюков считает, что я оставил без ответа его вопрос о том, не складывается ли в Японии на основе разного повышения уровня плотности таких инфосвязей новый тип этнической общности, стадияльно превосходящий «добрую старую нацию». Но в НИК (с. 38) я пишу именно о том, что в результате намечающегося нового скачка в технике телекоммуникаций этнические общности недалекого будущего будут, возможно, обладать рядом новых, еще не присущих ни одной из современных наций качеств. И если наше отставание в коммуникационно-технической оснащенности от Японии, США и других наиболее развитых стран мира не сократится, то мы действительно можем оказаться в стадияльно отличной от них категории этнических общностей — с отличием отнюдь не в нашу пользу. Так что с тем тезисом, что «исторических типов этнических общностей должно быть не менее трех, но отнюдь не обязательно именно три», я всегда был согласен. Что же касается времён давно прошедших, раннего оформления книжности и периодики в Китае, изобилия письменных документов в древнем Новгороде, а также, добавлю от себя, высокого уровня грамотности и книжности в средневековой Армении и Грузии, как и у ряда других народов, то я не сомневаюсь, что М. В. Крюкову лучше, чем мне, известно, как рафинированная книжность в Китае до недавнего времени сочеталась с неграмотностью подавляющего большинства населения. Какой процент грамотных был в Новгороде, сказать все же трудно. Но уж то, что издавать массовую литературу, учебники и периодику на бересте нельзя, это, наверное, неоспоримо. Не одно лишь фабричное производство бумаги создает нацию, но нация не может нормально существовать

без бумаги фабричного производства (а народность, между прочим, может — на доиндустриальном уровне, разумеется, что мой оппонент, наверное, так же, как и я, мог наблюдать, например, в районах, населенных горными народами Вьетнама).

Перейдем теперь к вопросу о различии (в коммуникационном аспекте) между буржуазными и социалистическими нациями. Оно сегодня, действительно, невелико и, кажется, с каждым днем становится все меньше. Может быть, в этом факте действительно находит свое отражение некоторое конвергентное движение как буржуазных, так и социалистических обществ в каком-то новому будущему синтетическому типу общества. «Преграды» antagonистического классового общества» (изолированность и эндогамность имущественно-социальных слоев и групп) тоже как будто начинают терять свою актуальность и в несоциалистических обществах. Отчасти и это я имел в виду, говоря, что «современную ситуацию можно охарактеризовать как вновь обретающую тенденцию к возрастанию диффузности, к уменьшению контрастности высокоплотной инфосети» (НИК, с. 39). Напомню, что изначальная диффузность, но при малой плотности инфосети постулируется нами как состояние ранней первобытности, отсутствие социальных различий, и отсутствие социальных групповых различий мыслится нам как тот идеал будущего, ростки которого мы пытаемся увидеть и сегодня.

Социальные группы и их специфические социальные интересы существуют и в социалистическом (в частности, и в советском) обществе. Помимо давно известных рабочих, крестьян (колхозников) и интеллигенции, я бы выделил в особые группы работников административного аппарата (партийного и государственного) и офицерство (армейское, флотское, МВД, КГБ) объединять которые в одну группу с интеллигенцией было бы неверно ввиду явно вырсысывающегося различия их социальных интересов. Начинает формироваться и новая прослойка предпринимателей (кооператоров, фермеров и т. д.). Однако границы всех этих групп очень размыты, личностные связи (в том числе дружеские, брачные) в основном осуществляются через эти границы. В буржуазном обществе между слоями, например предпринимателей и рабочих, таких личностных связей довольно мало. Но там, особенно в наиболее развитых странах, гомогенизация общества идет, путем разрастания «среднего класса», который имеет тенденцию ко все большему поглощению остальных социальных прослоек. Рисунок массовых коммуникаций, особенно средств массовой информации (пресса, телевидение и т. д.) также сегодня во всем мире все более теряет присущие ему ранее существенные локальные различия, имеет тенденцию (хотя еще далекую от полной реализации) к превращению во всемирную информационную сеть. Но если мы будем рассматривать ситуацию хотя бы 20-летней, а тем более 40—50-летней давности, различие не только по наличию или отсутствию сословно-классовых перегородок, но и по особой интенсивности именно диахронной информации в социалистическом обществе окажется очень значительным. Я никоим образом не оспариваю, что культивировавшаяся (и кое-где, особенно в так называемой военно-патриотической области, все еще культивируемая) у нас память о социальной революции и индустриальной реконструкции действительно была в целом ушербоной и односторонней, хотя во многом (вспомним хотя бы кинофильм «Броненосец Потемкин» или прозу: М. Шолохова) и достигавшей огромной силы идейного воздействия. Но называть ее карикатурной было бы несправедливо по крайней мере по отношению к целому поколению наших отцов и дедов, искренне веривших в утопические идеалы начала 20-х годов — и жестоко за это поплатившихся в конце 30-х. Уже скорее карикатурной можно назвать немалую долю нынешних попыток апологетики и романтизации белого движения, романовской династии и черной сотни, которыми так изобилует наше сверхплюралистическое сегодня. Но какой бы ушербоной ни была наша старая диахронная память, нельзя отрицать, что она все-таки была и в значительной мере определяла специфику нашего общественного сознания на протяжении ряда десятилетий, вплоть до самого недавнего времени. Да и сегодня воспоминания о революции, коллективизации, Великой Отечественной войне, послевоенной поре сталинизма занимают огромную долю новейшей публицистики, хотя ныне они и преподносятся с совсем иных, чем ранее, позиций. Так что характерный для социалистического бытия перевес в диахронике продолжает сохраняться.

Что же касается адекватного отображения истории, то оно возможно лишь в виде совокупности исторических трудов историков разных школ и партий, в полемике которых читатель должен разбираться сам, исходя из собственных гражданских позиций. При всем нашем пиетете к Н. М. Карамзину и его «Истории государства Российского» можно ли сказать, что они менее тенденциозны, более свободны от социального заказа своей эпохи, чем наши современники — советские историки и их недавние и более давние труды?

Насколько легко и безболезненно произойдет вытеснение социалистических национальных структур буржуазными при интеграции ГДР в ФРГ, покажет будущее. Думаю, что жителям Магдебурга и Лейпцига гораздо труднее будет справиться с грядущими изменениями в сфере занятости и социальной обеспеченности, нежели с «нахлынувшей волной эфемерных инфосвязей», к которым они уже более или менее привычны, так как давно имели возможность принимать западногерманское телевидение. А вот жителям российских городов уже сегодня, до «устранения глубинных причин хронического отставания в сфере синхронных достижений научно-технического прогресса», становится трудновато справляться с бурлящим парадом тех рок-звезд, секс-бомб, астрологов, парапсихологов, чернокнижников, инопланетян и разных прочих супермонстров, которые с недавних пор взывают к ним с телеэкранов и страниц полиграфической продукции и которые в американской, например, массовой культуре сейчас уже явно выходят из моды, уступая место довольно целомудренным и рационалистическим сюжетам. Но, может быть, это все тот же диалектический процесс постепенного снятия казавшихся непримиримыми противоположностей между буржуазным и социалистическим образом жизни? Он если и наметился отчетливо, то только в самые

последние годы и еще не мог найти отражения в той книге, о которой идет речь. Наше общество сейчас переживает революционные преобразования практически во всех аспектах своего бытия, и сегодня еще трудно сказать, какие преобразования и новшества окажутся перспективными, а какие преходящими. Французская революция ввела в жизнь девиз «свобода, равенство, братство» и гильотину, метрическую систему и новый календарь, гражданский брак и «культ верховного существа». Известно, как неодинакова оказалась реальная судьба этих нововведений.

Сформулировав, пожалуй, даже более четко, чем это смог бы сделать я сам, пять гипотез, составляющих мою концепцию этнических общностей, М. В. Крюков последовательно приводит доводы против доказательности каждой из них по порядку. О большинстве их уже было сказано. Что касается пятой гипотезы, об «ассоциированности» народностей с нациями, племен с народностями, а также, добавим, не исключающей в принципе и ассоциированности одних народностей с другими, более многочисленными и социально и культурно продвинутыми, то мой оппонент считает неубедительным голословно, на его взгляд, декларируемый мною тезис о различии ситуации ассоциированности и ситуации ассимиляции. По мнению М. В. Крюкова, под ассоциированностью всегда скрывается ассимиляция и сам этот термин — не более чем «ласкающий слух эвфемизм».

Мне кажется, что можно привести ряд довольно ярких примеров ассоциированности без ассимиляции. Так, например, абхазская народность (или соплеменность) в течение всей известной нам ее истории была тесно ассоциирована с грузинской народностью (затем нацией). В последние десятилетия именно в силу своего стремления к конституированию себя как нации, наталкиваясь на искусственные политические препятствия к реализации этого стремления, абхазский этнос в разных формах действий, более эмоциональных, чем рациональных, по существу разорвал эти отношения ассоциированности, однако полной самореализации как нации пока еще так и не обрел, реально скорее замещая потерянные связи ассоциированности с грузинами тенденцией к фактической или потенциальной ассоциированности с русской нацией. Однако был ли когда-либо в истории момент, когда можно было говорить об ассимиляции абхазов кем бы то ни было? Конечно, на личном или локальном уровне отдельные факты ассимиляции имели место, однако, как ясно видно хотя бы из анализа фамильного состава современных абхазов, гораздо чаще происходила ассимиляция представителей соседних народов, более всего грузин (и в частности, мегрелов), но далеко не только их одних в абхазской этнической среде. Или возьмем курдов-езидов Армении. Их теснейшая ассоциированность с армянами по крайней мере на протяжении всего времени существования Армянской ССР не может оспариваться, однако можно ли привести хотя бы один конкретный случай ассимиляции армянами курдов-езидов? С другой стороны, в соседнем Азербайджане национальная группа курдов-мусульман, действительно, довольно интенсивно ассимилируется азербайджанцами, чему есть свои объяснения и конфессионального, и политического характера. В целом же, следует признать правоту М. В. Крюкова в том, что ситуация ассоциированности почти всегда содержит в себе потенциальную возможность перехода к ассимиляционным процессам и это касается как разных групп карел, мордвы, коми, селькупов, манси, хантов и других народов СССР, так и уэльсцев в Англии, бретонцев во Франции, басков в Испании и многих других народностей во многих других странах. Ассоциированная народность либо может выйти из состояния ассоциированности и реализоваться как нация (исландцы), либо вступить на путь окончательной ассимиляции (рюкюсцы), либо, наконец, оставаться неопределенно долго в состоянии ассоциированности (как это пока что, несмотря на все трудности, удавалось сербам-лужичанам в Германии и многим другим народностям в других странах).

В заключение своего отклика М. В. Крюков выражает мнение, что вся тональность раздела «Этнокультурные процессы в эпоху социализма» такова, что не верится, что книга вышла в 1989 г. Напомним, что раздел этот занимает неполных пять страниц, менее 2% общего объема книги, и там говорится и об искажениях принципов ленинской национальной политики, и об упадке издания литературы на разных языках, и о потере их знания у части младшего поколения, и о настроениях в пользу ассимиляции или вытеснения «нежелательных» меньшинств. Конечно, на эти пять страниц не попало многое, о чем, как я полностью признаю, не следовало бы умалчивать: многократная перестройка границ автономий на Северном Кавказе, закончившаяся депортацией нескольких народов — карачаевцев, балкарцев, ингушей и других, равноценного их широкому и планомерному геноциду, с последствиями которого мы не в состоянии справиться и по сей день; преследование турецкого меньшинства в Болгарии; разгром венгерской автономии в Румынии; подавление тибетского национального сопротивления в КНР и многое другое. Но эксцессы такого рода неспецифичны для стран социализма: можно вспомнить депортацию и сгон в концлагеря ни в чем не повинных граждан японского происхождения в годы второй мировой войны в США, террор в Ольстере, бедствия аборигенов в Австралии, трагедии уроженцев многих островов Океании в связи с испытаниями ядерного оружия и многие другие пятна на репутации даже самых благополучных буржуазных демократий. С другой стороны, каковы бы ни были преступления сталинизма против народов СССР в 1937—1953 гг., нельзя отрицать, что в 20-е и 30-е годы, а во многом и позднее в СССР проходило национальное строительство беспрецедентных масштабов — создание десятков письменностей и литератур, национальных школ профессиональной музыки, живописи, театра, формирование кадров национальной творческой интеллигенции и т. д. Спрашивается, было ли что-либо хоть отдаленно сопоставимое с этим в Турции или в Мексике, при всей радикальной прогрессивности правительств, пришедших к власти в этих странах практически одновременно с Октябрьской революцией в России, и при более или менее сопоставимых масштабах жертв, понесенных народами этих стран в ходе соответствующих национальных революций?

XIX век занял в истории более столетия — он начался в 1789 году и закончился в 1917-м. Не исключено, что история округлит счет столетий, и в будущем историческом конце ХХ века будет считаться 1989 год, год антиавторитарных революций в Восточной Европе. Но революция, которую мы переживаем сейчас, не означает конца социализма — она означает лишь, что изжили себя его административно-централизованные формы, как тоталитарные, сталинского типа, так и относительно либеральные, наподобие югославских. Некоторые самые общие попытки прогноза будущего этнокультурного развития народов мира предприняты в последней, заключительной главе моей книги, но в целом она посвящена тем реальностям, которые имели место в этнокультурной истории человечества до 1989 г. Я лишь пытался осветить их по возможности сбалансированно и объективно, без нарочитой конъюнктурно-модной политизации.

С. А. Арутюнов

© 1991 г., СЭ, № 3

Славяне: этногенез и этническая история. Межвузовский сборник. Л., 1989. 176 с. с картами и схемами.

Проблемы этнической истории стали в наше время едва ли не самыми актуальными в исторических исследованиях. «Происхождение славян» всегда было завораживающей темой для исследователей, но наиболее активно вопросы славянского этногенеза стали изучаться с середины 1970-х годов. Исследование велось по двум главным направлениям: археология (работы И. П. Русановой, В. В. Седова, посмертно изданный труд П. Н. Третьякова и др.) и лингвистика (в первую очередь заслуживает упоминания ежегодник «Балто-славянские исследования»). При том, что представители разных направлений стремились корректировать свои выводы, учитывая достижения дисциплин, возможности ограничения для взаимонесключающих, в том числе спекулятивных, построений оставались все же неопределенными. Так, по гипотезе О. Н. Трубачева, не существует особых препятствий для реконструкции праславянского языкового единства уже в период индоевропейской общности (на стадии распада, т. е. после IV тыс. до н. э.) на Дунае¹. С другой стороны, давняя «автохтонная» традиция, локализуящая праславян в Среднем Поднепровье, продолжает существовать в археологических штудиях Б. А. Рыбакова, отождествляющего славян-земледельцев со скифами-пахарями середины I тыс. до н. э.: эта гипотеза изложена даже на страницах школьного учебника и, таким образом, может влиять на формирование современного этнического самосознания. Для того, чтобы взаимная корректировка этногенетических исследований была эффективной, необходимо учитывать не просто выводы, но и методику разных дисциплин (во всяком случае настолько, чтобы не приписывать самоназвание ираноязычных скифов — *сколоты* славянам, как это делает Рыбаков).

Задачи междисциплинарного синтеза все более отчетливо ставятся в исследованиях по этнической истории; междисциплинарным исследованиям посвящен и рецензируемый сборник, составленный из работ участников семинара по этногенезу и этнической истории при кафедре археологии ЛГУ. Как введение к сборнику можно рассматривать статью одного из редакторов — А. С. Герда «О некоторых вопросах теории этногенеза». Автор подчеркивает необходимость междисциплинарных исследований определенного ареала во всей совокупности связанных с ним этносов — «демогенезиса» (с. 6). При этом представляется принципиально важным положение статьи о том, что показательны не только «совпадения» результатов археологических и лингвистических исследований, но и несовпадения (с. 10). Действительно, полного совпадения ареалов археологических культур, языка и «демоса» (популяции в антропологическом смысле) практически не бывает: см. варианты сочетания «этнических признаков» в статье Н. Н. Цветковой «Антропологический материал как исторический источник» (с. 22—23). Причем даже случаи их «совпадения» (как после завоевания Дунайской Болгарии праболгарами) относятся лишь ко времени завершения этногенеза, но не к этногенетическому процессу в целом.

Так или иначе, исследователям приходится иметь дело с несовпадающими границами нескольких накладывающихся один на другой ареалов, и наиболее перспективными представляются, как правило, поиски некоего ядра, «прародины» и т. п. Методике таких поисков посвящена статья В. А. Булкина и А. С. Герда «К этнографической географии Белоруссии», а для ранней прандо-европейской эпохи — статья А. И. Зайцева «Реки индоевропейской прародины» (в последней работе проблематичной остается правомерность прямого соотнесения мифологических описаний с географическими реалиями). Методика такого рода предлагается и в интересной, но весьма спорной статье Ю. М. Лесмана «К постановке методических вопросов реконструкции этногенетических процессов». Признаком этнической консолидации автор предлагает считать проницаемость этнической территории для «импортов» (привозных изделий), которые обнаруживают устойчивость внутритнических связей. Однако, во-первых, при этом нельзя не учитывать интенсивность внешних влияний: римские «импорты» охватывают чуть ли не весь Старый Свет, что свидетельствует прежде всего об уровне экономических связей империи, а не об этногенетических процессах; во-вторых, само представление об «импортах» нуждается в уточнении, так как для времени сложения древнерусского этноса (ср. с. 17) характерны такие скандинавские «импорты», которые могли проникнуть в Восточную Европу только вместе с «носителями». «Импорты», таким образом, могут обнаруживать процессы миграции, а не собственно этногенетические процессы. В целом для ре-

шения проблем этногенеза верны выводы, сделанные И. И. Земцовским в отношении этномусыковедения (с. 30—31): монодисциплинарный подход не может претендовать на этногенетические заключения; главное — поиски методики междисциплинарных сопоставлений.

Серия статей сборника посвящена балто-славянской проблематике. Главной проблемой, без понимания которой практически невозможно верно поставить и задачи археологических этногенетических изысканий, остается проблема балто-славянской общности: существовала ли она «исходно» или сформировалась на основе самостоятельных балтских и славянских диалектов в железном веке (как считают О. Н. Трубачев и др.)? Лингвистические аспекты этой проблемы обсуждаются в статьях Ю.-С. А. Лауцште, В. В. Мартынова, Ю. В. Откупщикова; последняя имеет особое значение для археологии, так как посвящена балто-славянской ремесленной лексике и дает основание для поисков соответствий данным языка. Как явствует из археологических статей сборника, эти поиски особенно актуальны для исследования культур железного века, прежде всего первой половины I тыс. н. э. (ср. с. 50—51 и др.). К этому периоду относятся первые письменные известия о «славянах», но до сих пор практически безуспешными были попытки выделить собственно славянскую культуру среди культур римского времени (пшеворская, зарубинецкая, черняховская и др.). Это заставляет предполагать существование балто-славянской общности вплоть до середины I тыс. н. э. М. Б. Шукин, предлагая в своей статье широкую панораму «семи миров древней Европы» как арены для славянского этногенеза, считает киевскую культуру (V в. н. э.) «балто-славянским эмбрионом будущего славянства». Этническая дифференциация произошла после походов славян на Дунай (VI в.) с выделением достоверно славянских культур (пражская — корчак, пеньковская); «глубинные» культуры Верхнего Поднепровья сохраняли «балто-славянское состояние» и были поглощены лишь в ходе последующей (VIII—X вв.) славянской колонизации.

Давно осознанная археологами проблематичность прямого соотнесения этнических общностей и археологических культур продемонстрирована в статьях сборника (В. А. Ушинкас «Роль культуры штрихованной керамики в этногенезе балтов», В. Е. Еременко «Археологическая карта милоградской культуры» и др.). Г. С. Лебедев (второй редактор рецензируемого сборника) в предлагаемой им археолого-лингвистической гипотезе славянского этногенеза отмечает относительное единство «массива археологических культур раннего железного века» (штрихованной керамики, милоградской и др.) с земледельческо-скотоводческим укладом, сходными поселениями, жилищами и т. д. (с. 107—108) — в этнографии такое единство принято называть хозяйственно-культурным типом (ХКТ); существенно, что единый ХКТ может быть присущ разным этносам. Г. С. Лебедев соотносит упомянутые культуры с «прото-балто-славянами», следующие за распадом зарубинецкой культуры постзарубинецкие памятники, прежде всего, киевскую культуру — с праславянами «венетами» I—V вв.; славянская общность, по его мнению, формируется с «общеславянской консолидацией» на Дунае. V—VI вв. и последующим включением в нее периферийных «прото-славянских» группировок — кривичей и др. Как и всякая гипотеза, построение Г. С. Лебедева, в целом логично, встречает определенные сложности, в том числе в наиболее «проверяемых» последних звеньях: в частности, этноним «кривичи» известен на Балканах² — стало быть, можно предполагать их участие в дунайских походах.

Грандиозную картину славянского этногенеза и в хронологическом (весь железный век) и в географическом (Евразия) смыслах стремится дать в своей статье Д. А. Мачинский: в соответствии с «границами» исследования возрастает и его гипотетичность. Вызывает сомнения не только возведение именно к VIII—V вв. до н. э. всех «великих духовных открытий», особенно «ведийского брахманизма», и «зороастризма», но и датировка «исторической целостности» «скандинавского Средиземноморья» эпохой викингов — формирование этой целостности (в старой литературе — «культуры нордического круга») относится, по крайней мере, к эпохе бронзы. Схематичным, учитывая и статьи рецензируемого сборника, выглядит соотнесение этносов и археологических культур (невры — милоградско-подгорцевская, бастраны — зарубинецкая, венеты — культура штрихованной керамики). Вместе с тем представляется продуктивной мысль Д. А. Мачинского об особом значении контактов славян «с более оформленными этносоциумами, что способствовало выработке славянского самосознания... и отделению южных групп праславян от лесного балто-славянского массива» (с. 121). В общих чертах эта идея присуща и другим статьям по славянскому этногенезу (прежде всего Ю. М. Лесмана, М. Б. Шукина и Г. С. Лебедева; специально проблеме контактов славян с германцами в Среднем Подунавье посвящена статья П. В. Шувалова). Этим значением для славян межэтнических связей обусловлен выход за границы балто-славянского мира при исследовании проблем этногенеза и особенно этнической истории: характерно, что общее самоназвание славян было особенно устойчивым на границах славянского мира, от словенцев на Дунае до ильменских словен. Традиционное для любой формирующейся общности противопоставление «своих» чужим было отражено в источниках по истории славянства противопоставлениями типа словене — русь или словене — болгары (на Балканах), но в процессе этногенеза при восприятии чужого этнонима побеждал славянский этнос.

Эпохе раннего средневековья посвящены последние статьи сборника. Все они относятся по преимуществу к Северной Руси и затрагивают проблемы славяно-скандинавских контактов, отраженных в скандинавской географической традиции (Т. Н. Джаксон), в художественном ремесле (Т. Капелле, Гёттингенский ун-т), в эпиграфике, в том числе рунической (Т. В. Рождественская). Все они указывают на то, что интенсивные межэтнические контакты были характерны для формирующейся культуры городов как Руси, так и Скандинавии. Особое значение для проблем этнической истории восточного славянства имеет статья В. Я. Конечного о новгородских сопках: происхождение этих памятников, традиционно приписываемых словенам новгородским, неясно: у других славянских племен подобные памятники неизвестны. Автор возвращается к «скандинавской гипотезе», высказанной еще

А. А. Спициным. Действительно, скандинавы практиковали обряд погребения под довольно высокими («сопковидными») насыпями, но для скандинавского некрополя в Старой Ладоге (урочище Плакун) характерны как раз низкие насыпи; единственное скандинавское (по заключению норвежской исследовательницы А. Стальсберг) погребение в сопковидной насыпи под Ладогой произведено в соответствии с характерным для сопок обрядом — в верхнем ярусе насыпи. Но дело в том, что подобных «ярусных» погребений в самой Скандинавии нет. В Ладоге мы скорее имеем пример ассимилирующего воздействия культуры сопок на обряд скандинавских мигрантов, но не наоборот. Видимо, при постановке проблем происхождения сопок, длинных курганов и других традиций, считающихся «племенными», следует учитывать, что процесс этнической консолидации подразумевал не только усиление внутренних и внешних связей (ср. упомянутую гипотезу Ю. М. Лесмана), но и сегрегацию — демонстрацию отличий от соседей, обособленности, наиболее ярко выражавшейся в костюме и погребальных памятниках.

В целом к достоинствам рецензируемого сборника следует отнести то, что авторы не стремятся найти некое «единственно верное» решение проблем славянского этногенеза, но предлагают возможные варианты решений и, что не менее важно, методические разработки подходов к изучению этнической истории.

Каковы, на взгляд рецензента, перспективы этих разработок? Как явствует из статей сборника (прежде всего — М. Б. Шукина, Г. С. Лебедева, Д. А. Мачинского), особое значение для этнической истории славянства имело столкновение славянских (или балто-славянских) племен первой половины — середины I тыс. н. э. с иными этническими общностями — германцами, иранцами, греками; именно на балто-славянской периферии, прежде всего на юге, активно шла этническая дифференциация, и, по выдвинутой еще на рубеже 1950—1960-х годов Вяч. Вс. Ивановым и В. Н. Топоровым гипотезе, из периферийных балтийских диалектов сформировался праславянский язык³. Эта гипотеза обсуждалась в лингвистических статьях сборника (ср. критические замечания в статье Ю.-С. А. Лаучуте и др.); археологические статьи, в принципе, подтверждают ее обоснованность. На балто-славянском пограничье славяне получили в иноязычных (греческой и латинской) традициях свои наименования: причем имя непосредственных соседей греков на Дунае — склавены — отражало общее самоназвание (см. выше об актуальности этнонима *словене* и т. п. именно на периферии славянского мира), более удаленные группы обозначались иноязычными этниконами — венеты, анты⁴.

Эти обстоятельства существенны и для изучения последующих отношений балтов и славян: славяне получили общее самоназвание, оставшиеся «в глубине» балты его не имели (*балты* — кабинетный термин). Кроме того, архаичное балтское название славян — лит. *Gudai* «белорусы», — восходит к наименованию *готы*⁵ и, вероятно, ко времени включения части славянских племен в Готскую державу, что послужило «дифференцирующим признаком» для балтских (балто-славянских) соседей и родственников.

Весьма насущным для методических поисков семинара представляется исследование исторической этнонимии, прежде всего, в контексте тех традиций, которые используют те или иные этники. Так, ставшее традиционным для археологов, включая и авторов сборника, восприятие этникона *венеды* / *венеты* как обозначения славян (праславян, балто-славян — ср. С. 56, 61, 109, 114) заставляет искать место венетов на карте; при этом не учитывается, что наименование *венеды*, данное извне, имеет индоевропейскую ретроспективу и принадлежит авторам, использовавшим традиционную этнонимическую номенклатуру для обозначения разных народов: ср. наименование «венедими-сарматами» дунайских готов на Певтингеровой таблице⁶ и двойственную локализацию их на этой древнейшей карте. К археологии и лингвистике необходимо подключить собственно и с т о р и ю (чем интенсивно занимаются в последние годы в Институте славяноведения и балканистики⁷). Это даст новый импульс для перспективных поисков ленинградского семинара по этнической истории.

В. Я. Петрухин

Примечания

¹ Ср.: Трубачев О. Н. Языковедение и этногенез славян. Древние славяне по данным этимологии и ономастики // Вопр. языкознания. 1982. № 4. С. 10—26; Там же. № 5. С. 3—17; Бирнбаум Х. Праславянский язык: достижения и проблемы в его реконструкции. М., 1987. С. 335—336.

² Трубачев О. Н. Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян // Вопр. языкознания. 1974. № 6. С. 62—66.

³ Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков // Исследования по славянскому языкознанию. М., 1961. С. 303.

⁴ Трубачев О. Н. Языкознание и этногенез славян // Вопр. языкознания. 1982. № 5. С. 7.

⁵ Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. О древних славянских этнонимах // Славянские древности. Киев, 1980. С. 18—20.

⁶ Из последних работ о венетах см.: Витчак К. Т. О первоначальных венетах // Этимология. 1986—1987. М., 1989. С. 107—114; Шелов-Коведяев Ф. В. Взгляд на проблемы славянского лингво-этногенеза в связи с оценкой возможностей использования античных письменных источников в этих целях // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Тезисы докладов Ч. 3. М., 1989. С. 125—127.

⁷ См., помимо упомянутых «Балто-славянских исследований»: Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976; Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего феодализма. М., 1982 и др.

© 1991 г., СЭ, № 3

Абазины. Историко-этнографический очерк / Ред. А. И. Першиц. Руководитель коллектива авторов Л.З. Кунижева. Черкесск, 1989, 234 с.

Вышло первое монографическое описание одного из народов Кавказа — «Абазины». Это издание примечательно уже в свете широкого общественного интереса к народам Кавказа в нашей стране, да и во всем мире. И нет никаких сомнений, что для исследователей, занимающихся любыми проблемами Кавказа, монография «Абазины», посвященная народу, все еще мало изученному, должна стать настольной книгой. Но можно себе только представить, каким событием появление этой книги стало для самих абазин, какое почетное место она заняла среди книг, хранящихся в абазинском доме. Что касается отношения автора этих строк к рецензируемой книге, то оно особое. Проведя с десяток экспедиций в Абхазию, я, наконец, в сентябре 1987 г. стал собирать нужный сравнительный материал среди абазин, ближайших родственников абхазов. В ушах зазвучала привычная речь, а в потоке жизни среди незнакомых «струй» нет-нет да чувствовалась какая-то новая, незнакомая.

Я заранее хотел бы извиниться перед читателями и перед авторами книги, что данный отклик будет слишком наполнен личными этнографическими впечатлениями. Последнее объясняется тем, что полноценное описание фактов, иногда даже скрупулезное, которое дано в книге, совпадает с «личными фактами-переживаниями», а иногда (жизнь всегда полнокровнее письменного текста) таких «личных» фактов слишком много, и поэтому автор рецензии может невольно преувеличить значимость своего материала.

В поисках необходимой меры, которая устроила бы и авторов рецензируемого труда, я думаю, необходимо подробнее остановиться на самом факте издания книги. Иначе говоря, коснуться этнознаковой функции издания историко-этнографического описания народа. В связи с этим будет затронута только малая часть обильного материала, собранного и изданного авторским коллективом. У истоков изучения абазин еще в 1920—1930-е годы стояли А. Н. Генко и Л. И. Лавров¹.

Появление большой монографии «Абазины» — факт самосознания этого народа, хотя она написана не только учеными-абазинами. Отмечу сразу, что авторская и организационная работа, выполненная Л. З. Кунижевой, огромна и бесценна: ею написаны разделы «Историкографический очерк», «Хозяйство», «Утварь», «Одежда», «Семья и семейный быт», «Семейная обрядность», «Искусство», «Религиозные верования», «Заключение». Помимо нее в работе приняли участие другие абазинские специалисты: Ш. Ш. Хуранов (раздел в «Историческом очерке»), А. Х. Татаршао (ряд разделов, посвященных искусству, просвещению, культурному строительству, национальным играм в главе «Духовная культура») и В. П. Тугов, написавший разделы «Устное народное творчество» и «Литература» в главе «Духовная культура».

Заметный вклад в создание книги внесли другие ученые: «Исторический очерк» написан с активным участием Е. П. Алексеевой, Л. И. Лаврова и Е. Н. Даниловой, «Материальная культура» — Ю. И. Зверевой («Поселения», «Усадьба», «Жилище») и Г. Г. Копешавидзе («Пища»). Е. Н. Данилова глубоко разработала проблемы общественного строя в XIX — начале XX в., семейной общины и патронимии. Участие в авторском коллективе этих ученых отражает не только научную значимость проблем абазинской этнографии, но одновременно является данью любви и уважения к этому народу. Двоим из авторского коллектива — Л. И. Лаврову и Ш. Ш. Хуранову — не довелось увидеть книгу «Абазины» изданной.

Авторы тщательно изучили материальный быт, если отнестись сюда и тему «Хозяйство», а также общественные отношения, включая семейно-брачные. Особенно полно характеризуются общественный строй, проблемы семейной общины и патронимии, культура жилища. Удачен очерк о пище. Несколько слабее глава о духовной культуре. Религиозные верования описаны бегло, но раздел по фольклору информативен и отличается хорошим теоретическим осмыслением материала.

Профессиональное этнографическое описание народа как компонент его самосознания — еще на разработанная тема. Но важность ее ощущается всегда, когда видишь, с какой гордостью воспринимают книгу «Абхазы» Ш. Д. Инад-Ипа у абхазов или недавно изданную монографию «Ногайцы» у ногайцев. У некоторых народов Кавказа есть представления о «спрятанной книге», где изложена вся правда о народе. Подобная книжно-этнографическая легенда особенно живуча у народов Северного Кавказа, подвергшихся сталинским репрессиям. По черкесским представлениям, эта книга хранится то ли в Лондоне, то ли в Стамбуле, то ли в Москве.

У абазин мне не удалось записать представления о «спрятанной книге», но какой-то вакуум, впечатление незанятого места было вполне ощутимым до выхода монографии «Абазины». Если представление о «спрятанной книге» актуализировалось в связи с официальной, извращенной историей народа, то соответствующим катализатором этнической реакции у абазин стал иной способ поправки памяти. Речь идет о массовом уничтожении абазинских поминальных камней, ставившихся на развалинах дорог. Их воздвигали в память конкретного погибшего человека. Абазины старшего поколения воспринимают эти камни как знаки истории народа. И такой камень сейчас, и легенда о «спрятанной книге», и появление историко-этнографического описания народа стоят в одном семантическом ряду, если их рассматривать в функции знаков этнической памяти и самосознания народа. Поэтому само по себе создание таких историко-этнографических моногра-

фий, как «Абазини», по народам, у которых их еще нет, остается актуальной задачей нашей науки. Для народов, ранее бесписьменных, подобное этнографическое издание превращается в Книгу с большой буквы. Эта Книга становится нравственным явлением, воздействуя на поведенческие стереотипы. Разумеется, для авторов монографического описания народов издание подобной книги становится вопросом их профессиональной этики.

Теперь о некоторых сторонах абазинского этногенеза в аспекте истории нравственных идеалов. За 2—3 года до выхода книги в ходе бесед с абазинскими крестьянами, учителями, писателями можно было удостовериться в том, что из-за отсутствия у людей монографического описания своего народа многие реалии отнюдь не легкой жизни предков получали повышенную оценку, так как им приписывалась роль нравственных императивов жизни. Учителя физики в ауле Эльбурган Мухаммад Туков считает, что этнографическая коллекция вещей, которую он собирает, имеет прежде всего воспитательное значение, т. е. в отношении к этнографии абазин, к земледельческому, мукомольному и прочим орудиям предков ему видятся те нравственные идеалы, которые он хотел бы пробудить в школьниках. Для него лично эти вещи — свидетельства жизни предков и память его детства. Абазинский крестьянин, народный лекарь и философ по складу ума, Муса Шаев четко осознает эти народные этические идеалы через соотнесение их со всем своим этносом — поднимает их уже до общечеловеческого уровня. Человек, склонный к экспериментам и рационализму, Муса Шаев ассоциирует нравственные идеалы абазин с трудом, честным заработком, мирным благополучием жизни. «Наш народ верит в правду. В ерунду не верит», — так Шаев выразил свое отношение к суевериям. Решительно отрицает он демонстрацию агрессии, молодчества, воинского этикета: «С кинжалом ходить — проявлять презрение к человечеству». Другие абазин-крестьяне всегда выше всех этнических норм ставят труд. Фраза «Теплый навоз за забор выбрасываем» — означает спокойную жизнь в достатке. В. В. Тугов в своем очерке фольклорного творчества в рассматриваемом издании также отметил «рационализм в малых (философских) жанрах» (с. 191).

Рационализм абазин был удивителен в сравнении с метафизическим и даже мистическим мировоззрением абхазов. Если у последних к гаданию обращаются в настоящее время многие, то у абазин гадание — редкий случай, к которому прибегают при пропаже скота. Восприятие мира абазин сродни мировоззрению других северокавказских народов. Несколько столетий жизни с новыми соседями не прошли для них даром.

Конечно, здесь термин «рационализм» применяется условно, в противовес абхазской мистике. Речь идет о том, что у абхазов жизнь каждого человека прямо соотнесена с силами, определяющими или предрекающими судьбу. Отсюда вытекает ответственность человека перед этими силами, стремление предугадать их волю. Чаше всего существуют институты для этого, скрытые в семейных верованиях. В этом плане в общинных молениях и культах, известных также абхазской традиции, эти общинные по сфере распространения институты, удовлетворяя религиозные потребности, оставляют свободным поле для хозяйственной, предпринимательской и общественно-политической «рациональной» деятельности индивида. Абхазская традиция с ее культом *аных*, личных божеств и личной судьбы, представляется более «мистичной». Абазинскую же традицию можно характеризовать как «рационалистичный» полюс. Очевидно, в каждом из этих этносов преобладало то одно, то другое восприятие, и здесь мы вынуждены заниматься реконструкциями.

«Интимные» структуры мышления, родственные абхазским, у абазин не были смыты напрочь. В 1980-е гг. среди них стал нарастать интерес к магии, который покойный Ш. Ш. Хуранов назвал «всплеском колдовства». Заинтересовавшись этим явлением, я обнаружил, что помимо магии (врачебной и любовной) у абазин начали встречаться видения, обычно летом у молодых людей, — нечто вроде общения с духом облака. Аналогичные эпизоды у абхазов ведут к установлению семейных «запретных дней». Может быть, абазинская культура, во многом ставшая северокавказской, начинает актуализировать затененные структуры, генетически исходные?

Вчитаемся внимательно в «Исторический очерк» (гл. 1), где рассмотрены вопросы этногенеза и заселения абазинами Северного Кавказа. В своих работах, как и в соответствующей части «Очерка», Е. П. Алексеева приводит большой и убедительный материал о принадлежности погребений с кремацией предкам абхазов и абазин. Обряд на территории Абхазии известен уже с X в. до н. э. (с. 13). На побережье Черного моря от Туапсе до Анапы кремационный обряд датируется V—XV вв. В Закубанье это период VII—XII вв., и, судя по деталям, обряд не был адыгским, тюркским или славянским. Е. П. Алексеева доказывает абазинскую принадлежность захоронений с кремацией (с. 14).

Эти археологические показания можно дополнить этнографическим контекстом. В культурах абхазов и абазин старческий возраст метафорически ассоциирован с сухим деревом, предназначенным для очага, костра. «Сухое дерево» — этимология одного из названий старика. Дерево (как и камень) может быть метафорой смерти. Так, фраза «Между нами камень и дерево» означает, что у человека кто-то из близких умер. Примечательно, что у абазин танатологические атрибуты дерева (древесины) перенесены и на плотников, профессия которых не считается в отличие от профессии кузнеца богоугодной (сообщено Ш. Ш. Хурановым). В культурах абхазов и абазин скотание — это вектор нравственной человеческой жизни. Вполне вероятно, что в древности он был прямо выражен в кремационном обряде захоронения.

Как бы то ни было, переселение абазин на Северный Кавказ несомненно было длительным. Его поздние этапы удается проследить по письменным источникам (раздел «Абазини в эпоху феодализма»). Очевидно, таким переселениям способствовало важное явление, отмеченное в трудах Ш. Д. Инал-Ипа: непрерывность этнических переходов на западе Кавказского побережья². Для этой этнически динамической массы, как установил Ю. Д. Анчабадзе, был характерен «скользящий» этноним *абаза*, который в разные эпохи и в разных ситуациях относился к разному неоднород-

ному населению³. Именно в такой среде «довольно значительной была миграционная подвижность»⁴.

Высказанная гипотеза об особенностях культов в абхазо-абазинской традиции дает возможность объяснить отмеченную подвижность этногенетических и переселенческих процессов. Поскольку средоточием культа в этой традиции была (а зачастую и остается) семья, то она и предопределяет динамику культа, включая установление новых святынь и забрасывание старых. Такие факты в Абхазии мне приходилось наблюдать неоднократно: глава семьи может забросить культ одного святилища (*аныхи*) ради другого или отказаться от обрядов в ритуальной кузнице ради других обрядов. Примечательно, что кузница, характерная для абхазского семейного культа, у абазин была местом общинных собраний и молений — там проходили сборы старейших жителей села⁵.

Многие из современных абхазских семейных преданий о происхождении (генеагоний) местом обитания первопредка называют Псху (иногда Ахчипсху) в районе расселения воинственной в период Кавказской войны группы медовеевцев (очевидно, абхазо-садзско-убыхской по составу). Как правило, эти генеагонии указывают и на находящуюся там святыню (аныху), «доля» которой была перенесена отсюда на новое место. Псхуские генеагонии отражают скорее сакральную, чем реальную этническую, ситуацию. Их выдвижение на первый план среди семейных преданий, несомненно, связано с тем, что горный район расселения медовеевцев долгие годы Кавказской войны был цитаделью сопротивления, павшей самой последней. Аналогичное явление, когда военно-сакральный центр страны перемещался ближе к району боевых действий, характерно и для всей истории Чечни (наблюдения И. М. Сандова и С.-М. А. Хасиева). Что касается абазин, то генеагоническая роль Псху характерна и для них (с. 12). В новых условиях на роль нового генеагонического центра у абазин стал претендовать аул Эльбурган. Аул Бибердов (Эльбурган), место просветительской деятельности У. Микерова и Т. Табулова, был во второй половине XIX — начале XX в. центром общественно-политической и исламско-религиозной жизни. Сейчас этот аул, в представлениях многих абазин, считается местом, откуда происходят абазины. Примечательно, что основой той консолидирующей силы, которая проявилась в Эльбургане, была именно книжная культура и связанное с ней образование (с. 210—211). Приведенный факт еще раз подчеркивает, что знание, изложенное в сконцентрированном виде в Книге, может обладать консолидирующей для этноса функцией. Надо надеяться, что издание «Абазин» будет иметь для этого народа большое значение.

Я. В. Чеснов

Примечания

¹ К сожалению, лишь в 1950-е гг. их работы увидели свет. См.: Генко А. Н. Абазинский язык. М., 1955; Лавров Л. И. Абазины // Кавказский этнографический сборник. I. М., 1955.

² Инал-Ипа Ш. Д. Страницы исторической этнографии абхазов. Сухуми, 1971. С. 261.

³ Анчабадзе Ю. Д. Абаза (К этнокультурной истории народов Северо-Западного Кавказа) // Кавказский этнографический сборник. VIII. М., 1984.

⁴ Там же. С. 148.

⁵ Кунижева Л. З. Из истории обработки металла у абазин (XIX в.) // Из истории Карачаево-Черкесии (серия историческая). Черкесск, 1974. Вып. VII. С. 247.

© 1991 г., СЭ, № 3

Г. Д. Джавадов. Народная земледельческая техника Азербайджана. Баку, 1989. 306 с.

Проблемы исследования истории хозяйства несомненно относятся к числу важнейших задач этнологической науки. Однако со времени ее становления в XIX в. и в последующее столетие основное внимание исследователей привлекали главным образом вопросы возникновения религии, истории семьи, родовых отношений, терминологии родства и в значительно меньшей мере — хозяйства. Можно назвать лишь немногих крупных ученых, специально занимавшихся в прошлом изучением и теоретическим осмыслением хозяйственной деятельности первобытных народов и создателей первых цивилизаций: Эд. Хана, Г. Кунова, Г. Шурца. Начиная с 20-х годов XX в. история хозяйственной деятельности стала разрабатываться в трудах отечественных археологов, этнологов, биологов, в первую очередь Н. И. Вавилова, С. Н. Боголюбского, а также А. Н. Мясникова, выдающееся значение научного наследия которого до сих пор еще в полной мере не оценено. Эти и ряд других исследователей выдвинули интереснейшие гипотезы относительно причин и путей культивации растений и domestikации животных. Но ни в 1920-е годы, ни в последующие десятилетия (до конца 1950-х годов) изучению истории хозяйства народов СССР не уделялось должного внимания, хотя и происходило интенсивное накопление этнографических эмпирических данных. И только с начала 1960-х годов все большее число ученых стало обращаться к детальному исследованию конкретных и общетеоретических проблем истории хозяйства народов нашей страны начиная с глубокой древности.

Что касается Закавказья, то еще русские дореволюционные авторы оставили довольно значительные и весьма ценные письменные свидетельства о хозяйственной деятельности населения этого региона. Однако в советской научной литературе отдельные аспекты земледельческой техники стали получать отражение в немногочисленных публикациях лишь с середины 1950-х годов. И только начиная со следующего десятилетия количество исследований по хозяйству народов Кавказа стало довольно быстро возрастать. Значительное внимание было уделено проблемам земледелия и скотоводства. Истории последнего в Грузии посвящены труды В. М. Шамиладзе, в Армении — Ю. И. Мкртумяна, в Азербайджане — Г. А. Гавилова и ряда других. Что касается земледельческой тематики, то в Азербайджане в публикациях Т. А. Бунятова, Ш. А. Гулиева, Г. А. Гулиева¹ и других авторов рассматривались главным образом частные вопросы. За исключением неопубликованной рукописи диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук Г. А. Гулиева², обобщающих исследований по данной проблеме создано не было.

В связи с этим особое значение приобретает выход в свет капитального труда Г. Д. Джавадова, исследовавшего народную земледельческую технику Азербайджана и тем самым внесшего крупный вклад в изучение традиционного хозяйства азербайджанцев. Попутно нельзя не отметить, что содержание рецензируемой книги значительно шире ее названия и наряду с основной проблемой в ней рассматриваются и многие другие проблемы народной культуры.

Помимо широкого охвата тематики внимание привлекает полнота привлеченных автором источников, как письменных, так и, что особенно важно, полевых этнографических, которые он собирал в течение двух десятилетий. Что касается библиографии, то она в целом полна, хотя можно отметить некоторые второстепенные пробы. Так, например, обойдены вниманием интересные, хотя и во многом спорные работы Д. Исмаиладзе, не учтены в качестве сравнительного материала некоторые публикации, посвященные соседним народам.

Г. Д. Джавадов в своем труде исследует несколько крупных блоков проблем, сведенных в семь глав. Это условия развития народной земледельческой техники в Азербайджане; системы земледелия; пахотные орудия и ареал их распространения; орудия боронования почвы; орудия уборки и молотбы зерновых культур; социально-экономические институты, связанные с техникой земледелия; народный земледельческий календарь и характер метеорологических наблюдений.

Автор четко определяет задачи своего исследования, подчеркивая важнейшую роль изучения как социально-экономических, так и природно-географических факторов. К числу крупных проблем, обсуждаемых и в значительной мере решаемых в книге, относится исследование земледельческих систем, сложившихся на основе традиций высокоразвитой земледельческой культуры. Г. Д. Джавадов ставит задачи выяснения связей системы земледельческой культуры с хозяйственным бытом крестьянства, эволюции и развития народной земледельческой техники. Кроме того, автор задается целью создания научной классификации орудий пахоты и боронования почвы, определения ареалов распространения их типов в историко-этнографических зонах Азербайджана, описания способов и орудий уборки и молотбы зерновых культур, выявления этнографической и этнической специфики и территориальных особенностей отдельных элементов традиционной земледельческой культуры азербайджанцев. И все эти проблемы автору удается по большей части удачно решить, так же как и осуществить анализ некоторых социально-экономических институтов, связанных с сельскохозяйственным производством.

Следует обратить внимание на систематичность исследования Г. Д. Джавадова, стремление вести его в широком историческом плане, сопоставляя свои материалы с данными по другим народам. В результате автору удалось во многом по-новому подойти к исследуемым проблемам. По ряду вопросов он вступает в спор с положениями и выводами, высказанными его предшественниками, и, как думается, в большинстве случаев его мнения оказываются справедливыми. Польза книги нельзя не оценить как большое ее достоинство.

Восполняя существующий в науке существенный пробел, Г. Д. Джавадов не просто описывает и констатирует состояние традиционной земледельческой техники, а проводит в полном смысле слова историческое исследование, рассматривая каждое явление в его динамике и при возможности выявляя его генезис и позднее развитие.

Исследуемые в труде Г. Д. Джавадова проблемы настолько обширны и многообразны, что рассмотреть их детально в краткой рецензии невозможно. Поэтому остановлюсь только на наиболее, на мой взгляд, существенных вопросах.

Всего хочется поддержать мнение Г. Д. Джавадова относительно большой важности экологических факторов, преодолевая, таким образом, десятилетия дивившийся в нашей литературе нигилизм по отношению к значению природно-географической среды. И действительно, особенно на предшествующих этапах исторического развития именно природный, а не абстрактный социально-экономический фактор в сочетании с другими явлениями был определяющим при разработке форм орудий труда, их применении, сложении всего комплекса сельскохозяйственного производства. Особенно наглядным примером может служить современная Япония с ее ручным земледелием при высочайшем уровне развития техники и технологии.

Рассматривая влияние почв, климата, всей совокупности природно-географических условий на характер орудий труда, сельскохозяйственную технику, автор показывает локальные особенности сельскохозяйственного комплекса в разных природных условиях. Это позволяет ему достаточно убедительно наметить экономико-географическое районирование Азербайджана, по поводу чего автор вступает в полемику с некоторыми исследователями. Г. Д. Джавадов подвергает, на мой взгляд, справедливой критике взгляды А. Г. Трофимовой и Г. А. Гулиева³, но при этом отмечает, что предлагаемая им схема районирования еще нуждается в дальнейшем обсуждении и уточнении.

К сожалению, автор не всегда последователен в своих выводах. В связи с этим в одном

вопросе позволим себе не согласиться с Г. Д. Джавадовым, а именно с его мнением, согласно которому этнос играл важную роль в характере развития сельскохозяйственных культур и орудий труда (с. 19). Полемизируя в свое время с некоторыми теоретическими положениями Ю. В. Бромлея⁴, неоднократно приходилось отмечать, что хозяйство, как и ряд других, особенно базисных, элементов культуры не связано непосредственно с тем или иным этносом, а зависит прежде всего от других факторов — природно-географических, уровня развития производительных сил, местных традиций, внешних влияний. Этнос же придает, в лучшем случае, лишь некоторую окраску культурным явлениям такого рода. Кстати, и цитируемые в книге Г. Д. Джавадова на с. 13 слова Н. И. Вавилова относятся не к этносу, а к уровню развития культуры.

К сожалению, не избежал автор и некоторых идеологических штампов прошлых лет. В связи с этим хочется решительно возразить его критическим замечаниям о «буржуазных ненаучных» теориях, идеалистических теориях об эволюции и развитии орудий труда и т. п. (с. 19, 20 и др.). Неудачно утверждение о том, что «идеалистические теории об эволюции и развитии орудий труда, выдвинутые и разрабатываемые на современном этапе буржуазными историками и этнографами, глубоко чужды марксистско-ленинской идеологии» (с. 20). Обвинения «буржуазных» ученых в географическом детерминизме, бывшие в прошлые десятилетия общим местом в нашей литературе, в значительной мере основаны либо на неверном понимании мыслей иностранных авторов, либо на искаженном переводе. Вызывает возражение и следующее утверждение. На с. 20 автор пишет, что «ненаучные идеи и представления о развитии орудий производства в отрыве от общественно-экономических причин ... не могут быть приняты советской этнографической школой». Не говоря уже о сомнительности наличия такого рода «школы», не следует забывать, что еще К. Маркс отмечал важнейшее значение природно-географических условий в формировании хозяйства и культуры. Да и сам Г. Д. Джавадов в противовес такого рода общим утверждениям весьма убедительно показывает соотношение сельскохозяйственной техники и всего сельскохозяйственного производства с природными условиями. Впрочем, отмеченные выше замечания не имеют принципиального значения при высокой оценке работы и свидетельствуют лишь о том, что нам еще долго предстоит избавляться от давно ставшего привычным догматизма.

Одна из интереснейших глав книги посвящена исследованию систем земледелия. Использование богатого этнографического и фольклорного материала не только оживляет работу, но и служит первоклассным источником по изучаемым вопросам, а также позволяет более глубоко почувствовать характер и облик народной культуры. Удачно показана историческая динамика систем земледелия, его видов, внедрение, начиная со второй половины XIX в., технических культур, в частности хлопка. Пожалуй, автору следовало бы только более определенно указать, что далеко не все области Азербайджана были сельскохозяйственными, во многих, особенно горных, местностях преобладало скотоводство. Впрочем, совершенно справедливо отмечается, что оно не было кочевым и скотоводы занимались и земледелием (с. 28). Не совсем удачна, пожалуй, ссылка автора книги на с. 33 на взгляды ученого середины XIX в. А. В. Советова, полагавшего, что «земледельческие системы определяют также конкретными условиями и социальной системой эпохи». Что касается «конкретных условий», то это совершенно справедливо. Но проводить прямую связь с «социальной системой» едва ли правомерно. Самый простой пример — эпоха феодализма, когда существовали самые различные системы земледелия в Западной Европе и, скажем, в Средней Азии.

Всего же хочется одобрить стремление Г. Д. Джавадова использовать для обозначения тех или иных явлений местные, азербайджанские термины, что дает возможность более точно установить их содержание в отличие от обычно употребляемых русских, имеющих зачастую излишне общее содержание и обозначающих различные явления.

В целом же автор дает очень глубокое и обоснованное описание и определение систем земледелия, детально их анализирует, что позволяет ему прийти к ряду весьма достоверных выводов.

Для специалиста, несомненно, весьма интересны будут главы книги, посвященные скрупулезному описанию и анализу сельскохозяйственных орудий, исследованию ареала их распространения, чему способствуют многочисленные иллюстрации, объединенные в таблицы. К несомненным удачам Г. Д. Джавадова следует отнести разработку классификации орудий, выводы об их генезисе и эволюции. Эти проблемы вызывают во всем мире широкий интерес специалистов и составляют постоянный предмет обсуждений и дискуссий. Поэтому данные по сельскохозяйственным орудиям Азербайджана будут очень ценными при дальнейших обобщающих исследованиях не только в нашей стране, но и за рубежом. Рассматривая различные сельскохозяйственные орудия и их элементы, автор во многих случаях выступает в дискуссию с другими учеными, причем доводы Г. Д. Джавадова представляются вполне убедительными (см. с. 12, 48 и др.).

Несомненно, важнейший раздел книги — шестая глава, где содержится анализ «социально-экономических институтов, связанных с техникой земледелия». Правда, название главы не совсем удачно и не полностью соответствует ее содержанию, посвященному главным образом исследованию такого важного общественного института, как взаимопомощь. Хотя по ходу дела автор вкратце останавливается и на некоторых других элементах социальной структуры, однако полностью и систематически проблему социально-экономических институтов он не раскрывает, что, впрочем, и не входило в его задачу. Г. Д. Джавадов практически исчерпывающе излагает данные об институтах взаимопомощи, прослеживает их генезис. Показывается, как древний традиционный институт взаимопомощи стал в новое и новейшее время трансформироваться в своеобразные формы экономической и социальной эксплуатации, сохраняя, однако, в некоторых случаях характер бескорыстной взаимопомощи. Кстати, этот процесс был в свое время детально исследован на тувинском материале С. И. Вайнштейном, на туркменском — Г. Е. Марковым, а также А. О. Оразовым и Ч. Я. Язлыевым. Чрезвычайно интересны данные, детально рассматриваемые Г. Д. Джавадовым,

о формах трудовой кооперации *эврез*, *имеджлики* и др. Кроме того, освещены такие кардинальные проблемы, как развитие арендных отношений, процессы распространения долговой кабалы. Некоторое сомнение может только вызвать попытка связать институт *ортанлыг* с патронимией вследствие высказанных в последнее время и, на наш взгляд, обоснованных сомнений ряда исследователей в реальности существования института патронимии.

Богатейший этнографический материал содержит последняя глава, посвященная народному календарю и метеорологическим наблюдениям.

В заключение следует остановиться еще на одной важнейшей проблеме, исследование которой привело автора рецензируемого труда к важному выводу. Г. Д. Джавадову удалось самым убедительным образом опровергнуть встречающееся в этнографической литературе мнение об отсталости традиционной сельскохозяйственной техники у азербайджанцев, а также о неизменности на протяжении столетий используемых в сельскохозяйственном производстве орудий труда (см. выводы на с. 218) и показать богатые культурные традиции азербайджанского народа.

Говоря о значении фундаментального труда Г. Д. Джавадова, следует подчеркнуть, что наряду с большим историко-этнографическим значением, наличием глубоко обоснованных исторических выводов он имеет несомненное практическое значение, так как многие отброшенные и забытые за последние десятилетия традиции и навыки, народные знания в области техники и организации кооперированного труда могут быть при их правильной оценке применены в современной хозяйственной деятельности.

Книга Г. Д. Джавадова может быть рекомендована читателям как глубокое научное исследование, знакомящее нас с мало известными проблемами, обогащающее наши знания по этнографии Азербайджана и имеющее также несомненно общетеоретическое значение.

К. П. Калиновская, Г. Е. Марков

Примечания

¹ Бунятов Т. А. К истории развития земледелия в Азербайджане. Баку, 1964 (на азерб. яз.); Гулиев Ш. А. Рисоводство в Азербайджане. Баку, 1977 (на азерб. яз.); Гулиев Г. А. О пахотных орудиях и системах земледелия в Азербайджане // Археолого-этнографический сборник. Вып. 2. Баку, 1965.

² Гулиев Г. А. Земледельческая культура в Азербайджане. (историко-этнографическое исследование). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Баку, 1968.

³ См.: Трофимова А. Г. К вопросу об этнографических зонах Азербайджанской ССР // Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР. Т. 32. М., 1959; Гулиев Г. А. О пахотных орудиях и системах земледелия в Азербайджане // Археолого-этнографический сборник. Вып. 2. Баку, 1965.

⁴ См., например: Марков Г. Е. Этнос, этнические процессы и проблема образа жизни // Расы и народы. 1977. № 7; Марков Г. Е., Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии // Сов. этнография. 1984. № 4.

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

© 1991 г., СЭ, № 3

Národopisná literatúra na Slovensku za roky 1901—1959/Zostavili P. Stano a R. Žatko. Martin, 1989. 795 s.

В 1946 г. в Братиславе был создан Этнографический институт Словацкой Академии наук. Одна из важнейших задач, которую институт поставил перед собой — создание библиографических указателей по фольклору и этнографии. С самого начала работа шла по двум направлениям: 1) регистрация текущей литературы и 2) построение ретроспективной библиографии. Результатом работы над современной словацкой литературой по народной культуре стали четыре отдельных тома¹, последний из которых вышел в 1986 г. и охватил материал за 1981—1985 гг.² Как видим, Этнографический институт Словацкой Академии наук сумел наладить действительно оперативный выпуск библиографических пособий, столь нужных для нормального развития любой из наук.

Рецензируемая книга «Этнографическая литература в Словакии 1901—1959 гг.» представляет собой первый ретроспективный том словацкой библиографии по проблемам народной культуры.

Составители Рудольф Жатко и Павел Стано обещали и второй ретроспективный том, который будет включать в себя материал с древнейших времен до 1900 г. Составители «Этнографической литературы в Словакии» не новички в библиографии. Р. Жатко был зачинателем библиографического дела в области фольклора и этнографии в своей стране. С конца 1950-х годов он предпринял публикацию библиографических подборок в журнале «Slovenský národopis»³. Р. Жатко — автор таких библиографических пособий, как «Избранная библиография по народной культуре Закарпатья в Словакии»⁴, указателей к периодическим изданиям «Národopisný sborník» и «Slovenský národopis»⁵ и др. Павел Стано также уже испробовал свои силы в составлении фольклорно-этнографических библиографий⁶.

В библиографическом указателе учтен 10 261 различных труд: сборники текстов, монографии, статьи, обзоры, рецензии, отчеты о научных конференциях. Библиография включает в себя отечественные работы, опубликованные на словацком (отчасти — чешском, немецком) языке по фольклору и этнографии словаков, а также труды словацких ученых о других народах мира (особенно много работ о цыганах, мадьярах, немцах, украинцах, живущих в Словакии). В указателе учтена также литература, посвященная словацкой народной культуре, изданная за пределами Чехословакии. В книгу включены исследования о словаках, проживающих за границей (Венгрия, Югославия, США). Таким образом, проблемы словацкой этнографии и фольклористики в рецензируемом издании охвачены со всех возможных точек зрения. Надо признать, что советская фольклористическая наука во многом отстает от словацкого народознания. Так, задача учета иностранной этнографической и фольклористической литературы, посвященной русской народной культуре, по настоящему еще и не ставилась советскими исследователями. Вне поля их зрения находится народная культура наших соотечественников, волею судеб оказавшихся за пределами СССР. Нам еще только предстоит учесть этот обширный пласт литературы.

Библиографический указатель Р. Жатко и П. Стано включает «Введение» и «Методические указания» (с. 5—13); «Обзор систематической классификации», раздел, отражающий рубрикацию учебного материала: систематическая классификация (с. 14—70) напечатана на словацком, немецком и русском языках, что значительно облегчает пользование библиографией советскими учеными; «Список просмотренной периодики» (с. 71—78); «Список сокращений названий периодических изданий» (с. 79—89); библиографическую часть (собственно библиография — с. 93—686); «Резюме» (на русском и немецком языках, с. 687—691); «Авторский именной указатель» (с. 694—741); «Предметный указатель», состоящий из «Указателя имен лиц, о которых есть сведения в библиографии» (с. 742—746) и собственно «Предметно-тематического указателя» (с. 747—762); «Топографический (географический) указатель» (с. 763—794).

Все библиографические материалы систематизированы по 20 основным рубрикам. Этнографическая проблематика отражена в следующих рубриках: Всеобщности (общие вопросы); Этнические общности; Поселение. Внутренняя колонизация. Миграция. Переселение; Приобретение пищи. Сельское хозяйство; Народная пища; Народные занятия. Кустарное производство. Народное художественное производство; Ремесла. Цехи. Художественные ремесла. Мануфактуры; Транспорт. Торговля. Разносная торговля; Народное зодчество. Интерьер. Жилище; Народная одежда; Народное изобразительное искусство; Общественные отношения. Жизнь в семье и в селе; Прикладная этнография. Фольклор представлен в рубриках: Обычаи (включает материал по календарным и семейным обрядам); Знания народа (суеверия, мифология, народная медицина); Фольклор. Устное народное творчество (сказки, пословицы, загадки); Народная поэзия. Народная песня (без напева); Народный театр. Кукольный театр; Детский фольклор; Народная музыка. Народная песня (с напевами); Народный танец. Каждая из названных крупных рубрик делится на более мелкие специальные разделы. Укажем, кстати, что рубрикация материала в рецензируемом издании, на наш взгляд, гораздо удачнее, чем в указателях М. Кубовой, посвященных литературе 1960—1985 гг. Наличие же «Предметного указателя», которого нет в пособиях М. Кубовой, является для читателей дополнительным ключом в поиске интересующей литературы.

Словом, вся структура рецензируемого издания направлена на то, чтобы максимально облегчить работу исследователей.

Книга Р. Жатко и П. Стано поможет всем, кто занимается славянским фольклором и этнографией, быстро найти труды таких видных словацких ученых, как Павел Добшинский (поэт и собиратель устного народного творчества, один из зачинателей словацкой науки о фольклоре)⁷, А. Мелихерчик (автор ряда исследований о легендарном «збойнике» — благородном разбойнике — герое словацкой народной поэзии Яношике), Ю. Хорак (специалист по балладе), В. Гашпарикова (представительница современного послевоенного поколения словацкой фольклористики, чьи труды хорошо известны в Советском Союзе)⁸ и др.

Естественно, у советских этнографов и фольклористов возникает специальный интерес к тому, как изучалась в Словакии народная культура восточных славян. В поиске информации по этому вопросу поможет «Предметный указатель», который отражает большой интерес словацких ученых к этнографии украинцев, проживающих как на территории Словакии, так и в СССР и в других странах (Югославия, США). Есть в «Предметном указателе» и рубрики «Белорусы», «Русские».

Библиографический указатель позволяет сделать вывод о том, что словацкие исследователи внимательно следили в 1950-е годы за развитием советской этнографии и фольклористики. В послевоенный период они перечитали обзоры журнала «Советская этнография» (см. обзоры номеров журнала за 1946, 1947 и 1953 гг. — № 401, 404, 405). Словацкие коллеги откликались рецензиями на труды таких советских ученых, как А. М. Астахова («Русский былинный эпос на Севере» — № 8597 — рецензия Я. Патковой), М. К. Азадовский («История русской фольклористики» — № 7160 — рецензия М. Дзубаковой) и др. Судя по разделу «Osobné mená» «Предметного указателя», среди словацких этнографов и фольклористов особо уважаемым было имя В. И. Чичерова,

посетившего Чехословакию в 1955 г. (№ 539, 542). Словацкие фольклористы изучали его научные взгляды (№ 7075, 7162), откликнулись некрологами на смерть этого видного советского ученого (№ 224, 225).

Некоторые советские исследователи публиковали свои труды на страницах словацких изданий. В указателе приводится статья В. И. Чичерова «Против антимарксистской концепции Н. Марра в вопросах народной культуры» (№ 7064); работы С. А. Токарева «Главные этапы русской предреволюционной и советской этнографии» и «Вклад русских ученых в мировую этнографическую науку» (№ 53, 54).

Но особо чтимым в Словакии было имя П. Г. Богатырева, почетного доктора Братиславского университета им. А. Коменского. И это понятно. Ведь П. Г. Богатырев долгие годы жил в Чехословакии. Здесь им были написаны десятки трудов, опубликованных на чешском, словацком, немецком, французском языках. Работы русского ученого, такие как «Народный театр чехов и словаков» (№ 8600), «Функции национального костюма в Моравской Словакии» (№ 4229 в), «Функционально-структуральный метод и иные методы этнографии и фольклористики» (№ 2) и др., оказали заметное влияние на развитие словацкой этнографии и фольклористики. Рецензируемое библиографическое пособие вносит дополнительные материалы в наше знание о научном пути П. Г. Богатырева. Как известно, в сборнике трудов ученого «Вопросы теории народного искусства» (М., 1971) представлена библиография его работ. Указатель «Этнографическая литература в Словакии» несколько дополняет этот список: здесь учтены три интервью П. Г. Богатырева, не отраженные в «Вопросах теории народного искусства» (№ 421, 434, 497), а также рецензии на известные его труды «Функции национального костюма в Моравской Словакии» (№ 4229 в.), «„Полазник“ у южных славян, мадьяр, поляков, словаков и украинцев» (№ 5914).

Мы уже говорили, что составители библиографии постарались учесть заграничные публикации по словацкому фольклору, в том числе и вышедшие в Советском Союзе. Конечно, наивно было бы полагать, что литература такого рода абсолютно полно зафиксирована Р. Жатко и П. Стано. Работа наших словацких коллег в этом направлении была затруднена еще и тем, что советские библиографические пособия практически ничем не могли помочь им. К разделу библиографии, озаглавленному «Словацкие сказки на других языках (переводы)» (с. 546—548) мы могли бы добавить такие советские издания на русском языке, как «Славянские народные сказки. Сост. Л. Ларич» (Ужгород, 1959; с. 24—32 и 51—58 — две словацкие сказки) и «Славянские сказки» (Саратов, 1958; с. 77—126 — семь сказок). В рецензируемом библиографическом указателе не учтены советские нотные издания словацких песен: «Пожелание. Словацкая народная песня. Обраб. А. Лобковского; Рус. текст С. Гинзберг» (Л., 1948); «Катаринка. Словацкая народная песня. Обраб. А. Лобковского; Рус. текст Б. Тимофеева» (Л., 1948); «Чешские и словацкие народные песни. Русский текст С. Болотина и Т. Сикорской; Сост. Г. М. Шнеерсон» (М.; Л., 1947) и др. Не попала в указатель и работа П. Г. Богатырева «Фольклор чешских и словацких рабочих» (Тр. Воронеж. ун-та. 1955. Т. 42. Вып. 3. С. 77—79). Не найдем мы и опубликованную в «Советской этнографии» (1959. № 5. С. 188—189) рецензию Н. Велецкой на книгу Яна Коморовского «Король Матвей Корвин в народной поэзии».

Можно сделать ряд замечаний по авторскому именному указателю. Здесь дважды с разными инициалами дано имя В. И. Чичерова — Čičerov V. I. (№ 7064) и Čičerov J. V. (№ 7162). Имя же А. М. Астаховой вовсе не попало в именной указатель, хотя рецензия на ее книгу о былинах в библиографии зарегистрирована (№ 8597). К сожалению, подобного рода просчетов трудно избежать в библиографиях столь большого объема.

Все названные выше недочеты нимало не умаляют достоинств рецензируемого издания. Указатель «Этнографическая литература в Словакии за 1901—1959 гг.», без сомнения, займет заметное место в ряду библиографических пособий по проблемам славянской народной культуры и станет важным информационным источником для всех славистов.

Примечания

Т. Г. Иванова

¹ Kubová M. Bibliografia slovenskej etnografie a folkloristiky za roky 1960—1969. Bratislava, 1971 (1849 NN 182 NN предварительню); *idem*. Bibliografia slovenskej etnografie a folkloristiky za roky 1970—1975. Bratislava, 1979 (2699 NN); *idem*. Bibliografie slovenskej etnografie a folkloristiky za roky 1976—1980. Bratislava, 1984 (3134 NN).

² Kubová M. Bibliografia slovenskej etnografie a folkloristiky za roky 1981—1985. Bratislava, 1986 (2850 NN).

³ Žatko R. Bibliografia slovenskej etnografie a folkloristiky za roky 1954 a 1955 // Slovenský národopis. 1957. N 1. S. 119—124; N 2. S. 238—244; N 3-4. S. 435—452; N 6. S. 656—664; 1958. № 4. S. 433—448; 1959. N. 3. S. 499—512.

⁴ Žatko R. Výberová bibliografia ľudovej kultúry karpatskej na Slovensku. Bratislava, 1962. 59 s.

⁵ Žatko R. Register Národopisného zborníka. I—XI (1939—1952) // Slovenský národopis. 1954. N. 2. S. 410—420; Žatko R., Kubová M. Vecný a menný register Slovenského národopisu. I—X (1953—1962). Bratislava, 1963. 21 s.

⁶ Stano P. Výberová bibliografia národopisnej literatúry. Bratislava, 1968. 78 s.; Stano P. Bibliografia slovenského ľudového výtvarného umenia. So zreteľom na hmotnú kultúru od vzniku záujmu o ľudove výtvarné umenie do konca roku 1957. Martin, 1959. 326 s.

⁷ См.: Добшинский П. // Энциклопедический словарь. СПб.: Изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, 1893. Т. 10-а. Кн. 20. С. 835.

SUMMARIES

Ethnicity and Power in the U. S. S. R. (An Ethno-Political

- Analysis of the Republican Power Structures)

The present article follows the one devoted to the central legislative bodies — the U. S. S. R. Congress of People's Deputies and the Supreme Soviet (see: «Sovetskaya etnografiya», 1990, № 3). Now the author concentrates upon the ethnic backgrounds of the new power structures formed in the constituent and autonomous republics after the elections of 1990 — republican Supreme Soviets, local Soviets and executive bodies.

The data used were received from the central and republican election commissions as well as from other sources.

V. A. Tishkov

Ethnic Community and Economic Self-Support (On Nationalism in the U. S. S. R.)

The article contributes to the discussion initiated by «Republican Economic Sovereignty and Ways of National Evolution» by L. S. Perepiolkin and O. I. Shkaratan («Sovetskaya etnografiya», 1989, № 4). The author supports the right of nations (and segments of big nations) for self-determination including political secession. However, he deems it necessary to achieve real equality (irrespective of ethnic origin) within every republic as well as in the U. S. S. R. as a whole. From this standpoint the author rejects economic division along ethnic lines and economic privileges of dominant nations in their «own» republics at the expense of other ethnic groups. As the author points out, such views encourage nationalism, which in turn hinders democratic reform in the Soviet Union. Even among relatively small republican nations, nationalism in its extreme forms might lead to fascism.

V. I. Kozlov

Towards a Conceptual Model of an Urban Deme

Demes, or circles of marriage isolation, are classic objects of population genetics, physical anthropology and microdemography. In rural monoethnic and culturally homogeneous territories deme boundaries are defined mainly by the so-called isolation by distance, and demes are constituted here in the «geographical» space. In urban situation different factors of interdeme isolation arise — culture, language, social status etc., and demes are shaped here in social space, that is due to the processes of social homogamy. Urban cultural and linguistic mosaic may be viewed as the product of existing marital structure, and urban demes — as main structural units of demographic, cultural and linguistic reproduction.

S. V. Sokolovsky

The Don Armenians: An Ethno-Cultural Characteristic

The paper, based mostly upon the field data of 1990, provides an ethno-cultural overview of the Don Armenians. This group has preserved some traits common to all Armenians. Still, its culture has some unique features which may be observed in the local dialect, folklore, some rites and customs. The ethno-cultural evolution of the Don Armenians has also been influenced by the new (predominantly Russian) environment.

A. E. Ter-Sarkisants

The First Russian Campaign to the Pacific (1639—1641) within Ethnographic Context

The author draws data of historical ethnography to specify the history of I. Yu. Moskvitin's campaign to the Pacific. The campaign was the first Russian appearance on the Pacific coast. From that time on the Russians got in touch with the native peoples of the Far East. It was also the starting point of Russian navigation on the Pacific.

The author refutes some false versions of the history of the campaign, still recurrent in Soviet press. He emphasizes that historians of geographic discoveries should make full use of ethnographic data.

B. P. Polevoy

Gafol Complex in Oceania

Fragmentary information from European voyagers of XVIII—XIX centuries as well as results of research allow to suggest that gafol complex, characteristic of early feudal societies in various regions, also existed in pre-colonial societies of Polynesia and Micronesia. The most archaic pattern of gafol was found on the Marquis Islands, a more advanced one — on the Easter Island, still more developed patterns — on Taiti, Tonga, Hawaii, Marshall Islands, Ponape. Disintegration of the gafol complex was brought about by the rise of centralized feudal states, largely controlled by missionaries.

Yu. M. Kobishchanov

CONTENTS

National Processes Today

V. A. Tishkov (Moscow). Ethnicity and Power in the U. S. S. R. (An Ethno-Political Analysis of the Republican Power Structures). V. I. Kozlov (Moscow). Ethnic Community and Economic Self-Support (On Nationalism in the U. S. S. R.).

Articles

S. V. Sokolovsky (Novokuznetsk). Towards a Conceptual Model of an Urban Deme. A. E. Ter-Sarkisants (Moscow). The Don Armenians: An Ethno-Cultural Characteristic. B. P. Polevoy (Leningrad). The First Russian Campaign to the Pacific (1639—1641) within Ethnographic Context. Yu. M. Kobishchanov (Moscow). Gafol Complex in Oceania.

From the History of Ethnography

A. A. Sirina (Irkutsk). B. E. Petri as Ethnographer.

Communications

S. V. Kusnetzov (Moscow). Stability and Dynamics in Agricultural Traditions. M. I. Ishchenko (Yuzhno-Sakhalinsk). The Formation of Permanent Russian Population on the Island of Sakhalin (Late XIX — Early XX Centuries). A. R. Artemiev (Vladivostok). On «Ushkuinichestvo» in the Pskov Land in XIV—XV Centuries. G. V. Tsulaia (Moscow). From the History of Georgian Anthroponymy. Yu. Yu. Karpov (Leningrad). «Stone Heads» from the Daghestan Settlement of Sagada.

Quest, Facts, Hypotheses

I. M. Shkliash, A. V. Pozdniakov (Lugansk). A Zulu Chief Gives Evidence.

Our Anniversaries

List of Major Works by I. S. Gurvich, Doctor of Historical Sciences (To His 70th Birthday). List of Major Works by M. G. Rabinovich, Doctor of Historical Sciences (To His 75th Birthday).

Academic Life

N. Ts. Bitkeev (Elista). An International Academic Conference «„Dzhangar“ and Problems of Epic Genres».

Critical Articles and Reviews

Critical Articles. P. Skalnik (Cape Town). Political System. M. V. Zolotukhina (Moscow). Modern American Family as Viewed by American Researchers. Reviews. General Ethnography. Discussing S. A. Arutiunov's «Peoples and Cultures: Evolution and Interaction». V. P. Alexeev (Moscow), M. V. Kriukov (Moscow), A. S. Mylnikov (Leningrad). S. A. Arutiunov (Moscow). Reply to M. V. Kriukov. V. Ya. Petrukhin (Moscow). The Slavs: Ethnogenesis and Ethnic History. A Collection of Papers from Soviet Universities. Peoples of the U. S. S. R. Ya. V. Chesnov (Moscow). The Abazins. A Historical-Ethnographic Characteristic. K. P. Kalinovskaya, G. Ye. Markov (Moscow). G. D. Dzhavadov. Folk Agricultural Technology in Azerbaijan. Peoples of Non-Soviet Europe. T. G. Ivanova (Leningrad). Narodopisna literatura na Slovensku za roky 1901—1959 (in Slovak).

Letters to the Editorial Board

A. V. Kozenko (Moscow). The Letter to the Editorial Board. Ethnologist's Comment.

Технический редактор Гришина Е. И.

Сдано в набор 11.04.91 Подписано к печати 14.05.91 Формат бумаги 70×100¹/₁₆ Офсет-
ная печать Усл. печ. л. 14,3 Усл. кр.-отт. 40,9 тыс. Уч.-изд. л. 19,7 Бум. л. 5,5
Тираж 2810 экз. Зак. 1190 Цена 2 р. 20 к.

Адрес редакции: 117334, Москва, Ленинский пр., д. 32-а, тел. 938-67-42, 938-18-67

2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Вологодская областная универсальная научная библиотека

www.booksite.ru

© 1991 г., СЭ, № 3

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

По приглашению общества книголюбых с 5 по 12 февраля 1990 г. я выступал с популярными лекциями в Мурманской области. Маршрут мой пролегал через Кандалакшу, Ковдор, Мончегорск, Оленегорск, Кировск, Мурманск и Североморск. После одного из моих выступлений вечером (в районе Кировска) я объявил, что этой ночью будет лунное затмение (полное лунное затмение началось в 21 час 49 минут 9 февраля 1990 г.) и предупредил, что Луна окрасится в кроваво-красный цвет. Так оно и произошло. На другое утро организатор моего выступления передал мне просьбу местной шаманки навестить ее. Чтобы сделать поездку более привлекательной, меня обещали отвезти к ней на санях с оленьей упряжкой. Поездка длилась не менее двух часов в восточном направлении по лесотундровой зоне к поселку саамов, состоящему из современных домов. Неподалеку стоял и чум шаманки (в нем она не живет постоянно). Меня встретила пожилая женщина, которая довольно хорошо говорит по-русски, одетая в пестрое платье неопределенного покроя. После непродолжительной беседы («Понравилось ли у нас?», «Как доехали?») она выразила желание продемонстрировать мне свое искусство. Стала что-то бормотать по-саамски, ритмично хлопать в ладоши, двигаясь в центре чума, а затем закатила глаза и стала водить руками над моей головой. Внезапно, как мне показалось, остановилась и разочарованно спросила меня: «У тебя еще третий глаз не открылся, откуда знал, что будет затмение луны?» Я объяснил ей способ получения астрономических знаний и рассказал о предстоящих затмениях, которые астрономы рассчитали на длительное время вперед. Провожая меня, она сказала каюру обо мне: «Очень хитрый колдун!».

А. В. Козенко (научный сотрудник Ин-та физики Земли АН СССР)

© 1991 г., СЭ, № 3

КОММЕНТАРИЙ ЭТНОГРАФА

С переменами в жизни нашей страны ушли в прошлое и идеологические предрассудки, связанные с шаманством. Гласность вернула шаманов современному обществу. Те немногие шаманы, которые сумели в течение трудных десятилетий сохранить опыт ритуальной практики предков, перестают избегать незнакомых людей и даже журналистов. Газета «Комсомольская правда» 13 июля 1989 г. поместила заметку о встрече журналистов с нганасанским шаманом Костеркиным. Можем добавить, что это Тубяку Костеркин, сын знаменитого Дюхаде (сведения Ю. Б. Симченко). 25 октября 1989 г. в газете «Правда» опубликован снимок якутского шамана, который бьет в бубен, стоя у пылающего камина; а 25 марта 1990 г. — фотоснимок Тубяку Костеркина. Сопроводительный текст подтверждает, что наступили новые времена. В нем сообщалось: «Недавно ему (шаману — В. Б.) показали по телевизору столичных экстрасенсов и старик Костеркин прощамкал, что шаманское дело, видать не кончится никогда. Что лежит в основе шаманства? Наверное, в первую очередь, искреннее желание помочь людям». Все это совсем непохоже на жесткие фразы прежних лет о классовых врагах и идеологическом вреде.

Встреча А. В. Козенко с шаманкой — также признак перемен. Не уверен, что шаманка зазвала бы его к себе несколько лет назад. В письме А. В. Козенко интересны, по меньшей мере, две детали, благодаря которым оно заслуживает внимания специалистов. Первое — «третий глаз». Я не помню сведений об этом в этнографической литературе. Очевидно, для саамской шаманки, с которой беседовал А. В. Козенко, шаманские свойства предстают в образе «третьего глаза», который она каким-то путем видит или ощущает. Второе — безошибочное определение шаманки, что явившийся к ней гость — не шаман («третий глаз не открылся»). Эта деталь вновь указывает на обостренную чувствительность шаманов в состоянии экстаза, когда они сосредоточены на своем внутреннем мире и настроены на свое особое восприятие окружающей действительности. Письмо А. В. Козенко указывает дорогу к саамской шаманке. Хочется верить, что вскоре с ней будет беседовать этнограф.

В. Н. Басилов (зав. отделом этнографии народов Средней Азии и Казахстана Ин-та этнографии АН СССР)

2 р. 20 к.
Индекс 70845

ISSN 0038-5050 Советская этнография, 1991, № 3

Вологодская областная универсальная научная библиотека
www.booksite.ru